

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

На правах рукописи
УДК 2-754+254.4

Гиндренас
Андрюс Валдасович

ВИЛЕНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В 1919–1939 гг.: СПЕЦИФИКА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАДРОВЫЙ СОСТАВ И
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия

по специальности Б 03 06 «История Русской Православной Церкви»

Научный руководитель
кандидат богословия, доцент
Слесарев А. В.

Минск, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	5
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	8
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВА- НИЯ.....	14
1.1 Историография	14
1.2 Источники	19
1.3 Методы исследования.....	26
Выводы.....	27
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.....	29
2.1 Литовская духовная семинария со времени основания до Первой мировой войны (1828–1914 гг.).....	29
2.2 Эвакуация Литовской духовной семинарии (июль 1915–1918 гг.)	37
2.3 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором Вячеславом Васильевичем Богдановичем (октябрь 1919 – октябрь 1922 гг.).	45
2.4 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором архимандритом Филиппом (Морозовым) (ноябрь 1922 – август 1924 гг.).....	57
2.5 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором епископом Антонием (Марценко) (сентябрь 1924 – декабрь 1925 гг.).....	75
2.6 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором протоиереем Николаем Тучемским (январь 1926 – декабрь 1939 гг.)	93
Выводы.....	116
ГЛАВА 3. УЧЕБНАЯ, АДМИНИСТРАТИВНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.....	125
3.1 Учебный план	125
3.2 Система аттестации	134
3.2.1 Отметки.....	135
3.2.2 Экзамены.....	137
3.2.3 Государственный экзамен зрелости.....	141

3.2.4	Сочинения.....	146
3.2.5	Проповеди.....	148
3.2.6	Неуспеваемость учащихся	149
3.3	Время образовательного процесса	156
3.3.1	Циклы учебного года.....	156
3.3.2	Каникулы	157
3.3.3	Распорядок учебного дня	159
3.4	Учебно-административные правила	160
3.4.1	Классификация учащихся	160
3.4.2	Правила и особенности зачисления	166
3.4.3	Пропуск и опаздывание к занятиям, отношение к воинской службе.	169
3.5	Библиотека	171
3.6	Учебники, дополнительная литература, особенности преподавания учебных дисциплин	177
3.7	Хозяйственная деятельность.....	187
3.7.1	Комплекс зданий Виленского Свято-Троицкого монастыря	187
3.7.2	Епархиальная и государственная финансовая помощь	196
3.7.3	Плата за обучение, стипендии	204
	Выводы.....	212
ГЛАВА 4. УЧАЩИЕСЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ: КОНТИНГЕНТ, ВНУТРЕННЯЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ, МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.....		217
4.1	Социально-сословный, национальный, территориальный, возрастной и количественный состав учащихся.....	217
4.2	Материальные условия, внутренняя жизнь и общественная активность	227
4.3	Здоровье и гигиена.....	241
4.4	Литургическая жизнь и духовное окормление учащихся	243
4.5	Организация воспитательной работы	248
4.6	Выпускники семинарии.....	258
	Выводы.....	264
ГЛАВА 5. ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.....		269

5.1 Преподавательская корпорация в 1919–1923 гг.	269
5.2 Преподавательская корпорация под контролем куратора Виленского учебного округа (1924–1939 гг.).....	274
Выводы.....	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	285
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	291
Список использованной литературы	291
Список использованных архивных источников	299
Личные дела персонала	303
Журналы и дневники	307
Список использованных статей периодической печати	312
Список публикаций соискателя.....	326
ПРИЛОЖЕНИЕ А	329
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	332
ПРИЛОЖЕНИЕ В	334
ПРИЛОЖЕНИЕ Г	335
ПРИЛОЖЕНИЕ Д	336
ПРИЛОЖЕНИЕ Е.....	338
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж	344
ПРИЛОЖЕНИЕ З	368
ПРИЛОЖЕНИЕ И	370
ПРИЛОЖЕНИЕ К	371
ПРИЛОЖЕНИЕ Л	372

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВДС	Виленская духовная семинария
ВДУ	Виленское духовное училище
г.	город
Куратор ВУО	куратор (кураториум) Виленского учебного округа (kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego)
ЛЕВ	Литовские епархиальные ведомости
ЛГИА	Литовский государственный исторический архив (Lietuvos valstybinis istorijos archyvas)
ЛДС	Литовская духовная семинария
ЛЦГА	Литовский центральный государственный архив (Lietuvos centrinis valstybinis archyvas)
м.	местечко
ПБОВУ	Православный богословский отдел Варшавского университета
Министерство РИиНП	Министерство религиозных исповеданий и народного просвещения (Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego)
ст.	столетие
уч. г.	учебный год

ВВЕДЕНИЕ

Уровень образования является одним из главных критериев квалификации будущих священнослужителей. Качество духовного образования православного священника не только играет важную роль в его личном духовном становлении, но и во многом определяет продуктивность его служения. По этой причине вопрос организации образовательных учреждений для подготовки будущих клириков представляется в качестве одной из приоритетных задач развития церковной жизни. В настоящее время в исторической науке наблюдается оживление интереса к проблематике становления и развития православного духовного образования. Внимание исследователей привлекают такие вопросы, как анализ этапов развития духовных школ, формирование аппарата управления, образовательный и воспитательный процессы, финансовое обеспечение, социально-сословный состав, быт учащихся и характеристика профессорско-преподавательской корпорации духовных школ. Анализ данных аспектов и профессиональный подход к документальным источникам позволяют выявить и рассмотреть характерные особенности развития духовного образования в четко выделенных территориальных и хронологических рамках, тем самым обогащается региональная история Православной Церкви. Особенное внимание исследователей привлекает история развития духовного образования в синодальный период, когда в Русской Православной Церкви появилась разветвленная система духовного образования. Данному периоду уже посвящено немало научных трудов и исследований. Не меньшее исследовательское внимание обращено к истории духовных школ, организованных российскими эмигрантами за пределами России в XX в. Изучение этого направления позволило сделать вывод о том, что именно церковные деятели русского зарубежья предприняли попытку сохранить лучшие стороны дореволюционной духовной школы, упразднив ее очевидные недостатки. Анализ этого процесса позволяет выявить особенности дальнейшего развития духовного образования и показать, как русская эмиграция воплощала в жизнь те проекты и предложения, которые возникали в период подготовки к Всероссийскому Поместному Собору 1917–1918 гг. и касались вопросов организации идеальной духовной школы для подготовки клириков.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена необходимостью восполнения пробела знаний об истории православного духовного образования и организации подготовки кадров православного духовенства на территории Польской Республики в межвоенный период (1919–1939). Изучение означенной проблематики позволяет сформировать

представление об уровне образования и особенностях духовного воспитания нескольких поколений православных священнослужителей, осуществлявших свою деятельность преимущественно в пределах современных Беларуси, Литвы и Польши. В свою очередь, данная информация является важной составляющей при определении и характеристике специфики церковной жизни означенных регионов в XX ст. Формирование объективных представлений о состоянии и деятельности Виленской духовной семинарии позволит также приумножить знания о развитии традиции православного духовного образования в новейший период церковной истории, что представляется необходимым и востребованным в контексте происходящего в настоящее время процесса возрождения традиции духовного образования. Творческое усвоение опыта духовных учебных заведений предшествующих эпох может позволить обогатить современное духовное образование и способствовать развитию традиций исторического преемства. Восстановление сведений о преподавательской корпорации Виленской духовной семинарии межвоенного периода является востребованным не только в рамках расширения церковно-исторических знаний, но и в контексте возрождения памяти церковных традиций. Будучи одним из немногих центров православного богословского образования в Польской Республике, Виленская духовная семинария выпустила значительное количество будущих священнослужителей, педагогов и деятелей культуры. В силу означенного обстоятельства актуализируется вопрос степени влияния семинарии на процессы церковной, общественно-политической и культурной жизни белорусско-литовского региона.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами (проектами) и темами

Диссертация подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной академии на 2015–2020 гг. по теме «История Православной Церкви на белорусских землях в XVI–XX ст.» (утверждена решением Ученого совета Минской духовной академии от 30 января 2015 г.).

Цель и задачи исследования

Цель исследования заключается в определении специфики образовательной деятельности, кадрового состава и основных направлений развития Виленской духовной семинарии в 1919–1939 гг.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1. Выявить и сравнить этапы деятельности Виленской духовной семинарии в рассматриваемый период;
2. Раскрыть изменение форм и методов в организации учебной, воспитательной, административной и хозяйственной деятельности Виленской духовной семинарии в процессе интеграции в систему среднего образования Польской Республики;
3. Изучить статистические сведения, позволяющие структурировать наиболее важные данные об учащих семинарии в означенный период: социально-сословный, национальный, языковой, территориальный и возрастной контингент учащих, выявить особенности внутренней и общественной жизни воспитанников, их материальные условия и дисциплинарные правила семинарии.
4. Охарактеризовать педагогическую деятельность и условия работы членов преподавательской корпорации Виленской духовной семинарии в рассматриваемый период.

Объектом исследования является система духовного образования на территории Польской Республики в межвоенный период (1919–1939).

Предметом исследования является специфика образовательной деятельности, кадровый состав и основные направления развития Виленской духовной семинарии в 1919–1939 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1919 по 1939 гг. Выбор верхней хронологической границы обусловлен состоявшимся в

ноябре 1919 г. возобновлением деятельности Виленской духовной семинарии в пределах возрожденного польского государства. Нижняя хронологическая граница связана с окончательным закрытием Виленской духовной семинарии, прекратившей свою деятельность по приказу Министерства образования Литовской Республики.

Географические рамки исследования ограничиваются городом Вильно, в котором осуществлялась деятельность Виленской духовной семинарии в рассматриваемый период времени. Именно в Вильно на протяжении учебного года проживали преподаватели и воспитанники семинарии, а также располагались основные институты местного епархиального управления.

Научная новизна работы

В современной историографии отсутствуют научные труды, посвященные рассмотрению деятельности Виленской духовной семинарии межвоенного периода. Данная диссертация представляет собой самостоятельное исследование, подготовленное на основании изучения широкого круга документальных источников, не введенных в научный оборот, и является первым исследованием в означенном направлении. В настоящем исследовании восстанавливается ход событий возрождения и деятельности Виленской духовной семинарии в новых государственно-политических обстоятельствах (1919–1939), раскрываются условия работы членов педагогической корпорации, прослеживаются изменения форм и методов организации учебной, административной и воспитательной частей, процесс полонизации учреждения, выявляются статистические данные об учащих, особенности внутренней и общественной жизни воспитанников семинарии.

Положения, выносимые на защиту

1. Возрождение деятельности Виленской духовной семинарии после вынужденной эвакуации периода Первой мировой войны произошло 19 ноября 1919 г. На протяжении 1919–1921 уч. гг. в учебном заведении действовали два старших богословских класса, выполнявших функции пастырских курсов. В 1921 г. произошла реорганизация структуры семинарии, которая расширилась посредством организации шести классов начального и четырех классов среднего духовного образования. Названные образовательные уровни включали общеобразовательные и богословские классы соответственно. Означенная структура принципиально не изменялась вплоть до закрытия семинарии в 1939 г. Осуществляя свою деятельность в пределах возрожденной Польской Республики, Виленская духовная семинария оказала сопротивление

инициированному светской властью процессу подготовки провозглашения автокефалии Православной Церкви в Польше. Данное обстоятельство повлекло за собой отстранение и. о. ректора В. В. Богдановича, увольнение подавляющего большинства сотрудников, изъятие учебного заведения из-под контроля управляющего Виленско-Лидской епархией и переподчинение ее Варшавскому митрополиту. В свою очередь, это привело к потере автономии семинарии и ее дальнейшей интеграции в систему государственного образования. В 1924 г. семинария получила государственную аккредитацию, что повлекло за собой ее преобразование в аналог светской школы (гимназии), усиление влияния государственных школьных органов и существенное ограничение полномочий церковного руководства в сфере руководства учебным заведением. Данное обстоятельство предопределило последующую включенность Виленской духовной семинарии в реализацию программы по ассимиляции национальных меньшинств и направило учебное заведение по пути полонизации. Реформирование духовной школы в соответствии со светскими стандартами регулярно порождало конфликтное напряжение между церковным руководством и государственными ведомствами, а также провоцировало критику со стороны православного духовенства, преподавательской корпорации и учащихся. В конечном итоге у представителей светской власти сформировалось представление о безуспешности проведенных преобразований, породившее представление о Виленской духовной семинарии как центре «русификации белорусской молодежи». Прямым следствием этого стало решение, принятое в 1932 г. Министерством религиозных исповеданий и народного просвещения, относительно необходимости поэтапного закрытия семинарии и организации вместо нее польскоязычного лицея на базе Православного богословского отдела Варшавского университета.

2. Образовательная, административная и хозяйственная деятельность Виленской духовной семинарии в первые годы после возрождения во многом воспроизводила традиции дореволюционных духовных семинарий. В процессе получения государственной аккредитации учебное заведение полностью перешло на современные государственные образовательные стандарты, что повлекло за собой существенные преобразования. Для данного периода характерны перевод преподавания на польский язык (за исключением богословских дисциплин) и постепенное сокращение объема изучения богословских предметов в пользу общеобразовательных дисциплин. Однако в межвоенный период Православная Церковь в Польше не смогла обеспечить образовательный процесс семинарии необходимым количеством польскоязычных учебных пособий. Строгие нормативные требования по аттестации позволяли поддерживать высокий образовательный уровень

учащихся в области изучаемых дисциплин. Вместе с тем, уровень подготовки выпускников семинарии несколько уступал уровню выпускников государственных гимназий. В отличие от других сфер деятельности, в области воспитательной работы семинария на протяжении всего рассматриваемого периода придерживалась традиционных подходов, что позволило ей сохранить характер духовной школы. В 1919–1924 гг. материальные условия проживания и обучения воспитанников семинарии являлись крайне скудными, однако существенные улучшения произошли после получения государственной аккредитации и перехода на государственное иждивение. Наблюдавшийся в 1920-е гг. процесс массового оттока учащихся, неспособных оплачивать собственное образование, почти прекратился после начала государственного финансирования семинарии.

3. В рассматриваемый период обучение в Виленской духовной семинарии проходило 955 человек, из которых только 255 стали выпускниками. Главными причинами отчисления значились: неявка на учебу после каникул, неуплата долгов за учебу и наличие неисправленных неудовлетворительных оценок. В 1920-е гг. большинство учащихся определяло свою национальность как белорусскую, но указывали русский язык как родной. В 1930-е гг. это соотношение постепенно уменьшилось в пользу белорусского и польского языков, что явилось следствием влияния школьного образования на развитие самоидентификации белорусской молодежи. В исследуемый период количество воспитанников из духовного сословия составляло около половины от всех учащихся. Возрастной контингент колебался от 8 до 25 лет, или до 45 лет включая вольнослушателей. Число учащихся варьировалось от около 300–350 в 1922–1923 гг. до 7 в 1939 г. Для воспитанников семинарии являлось характерным активное участие не только во внутренней жизни учебного заведения, но и в общественных процессах. Интеграция духовного учебного заведения в государственную систему образования имело следствием развитие у значительного числа обучающихся польского патриотизма и глубокое приобщение их к польской культуре. В итоге выпускники семинарии 1930-х гг. существенно отличались по своему мировоззрению от выпускников предшествовавших периодов.

4. На раннем этапе деятельности возрожденной семинарии церковное руководство предъявляло к кандидатам на преподавательские должности требования, традиционные для дореволюционного периода. После интеграции учебного заведения в систему польского государственного образования ситуация существенно изменилась. В исследуемый период выпускники духовных школ составляли лишь 30% от всех преподавателей семинарии, когда в дореволюционное время этот показатель достигал почти 100%. Личный состав сотрудников за двадцать один год деятельности семинарии обновился

более чем четыре раза. Только 40% учителей работали в духовной школе более двух лет. Данная динамика сменяемости кадров была обусловлена высокими государственными требованиями к работникам образования и несогласием ряда преподавателей с фактическим преобразованием семинарии в аналог польской гимназии. С другой стороны, строгие нормативы, необходимость регулярно повышать классификацию, конкуренция и отбор специалистов узкой области научного знания привели к формированию в семинарии более профессионального подхода в деле преподавания общеобразовательных дисциплин.

Личный вклад соискателя

Представленная диссертация является самостоятельным исследованием, основание которого составляют документальные материалы трех архивов и двух библиотек, находящихся на территории Литвы, Беларуси и Польши. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. На основании комплексного изучения архивных источников и литературы выявлены основные этапы деятельности Виленской духовной семинарии в межвоенный период, проанализированы изменения форм и методов в организации ее деятельности во время интеграции в систему среднего образования Польской Республики, представлены значимые статистические сведения, отражающие наиболее важные данные об учащих семинарии в означенный период, охарактеризована педагогическая деятельность и условия работы членов преподавательской корпорации.

Апробация результатов диссертации

Основные положения диссертации отражены в выступлениях автора, озвученных во время работы 6 международных и республиканских научных конференций: научно-практической конференции «I Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога» (Минск: Минская духовная академия, 17 мая 2017 г.); научно-практической конференции «II Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога» (Минск: Минская духовная академия, 10 мая 2018 г.); научно-практической конференции «III Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога» (Минск: Минская духовная академия, 13 июня 2019 г.); международной научно-практической конференции «Духовное и светское образование: история взаимоотношений, современность, перспективы» (Киев: Киевская духовная академия, 23 октября 2018 г.); международной научной конференции

«Православие в Беларуси XIX–XX вв.» (Минск: Институт истории НАН Беларуси, Минская духовная академия, 1 ноября 2019 г.); международной научной конференции «Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития» (Минск: Минская духовная академия, 26 ноября 2019 г.).

Опубликованность результатов диссертации

Результаты диссертационного исследования содержатся в 10 научных публикациях, из них 5 – в научных журналах, включенных в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней (общий объем – 5.06 авт. лист.). В сборниках материалов научных конференций опубликовано 5 статей (2.11 авт. лист.). Общий объем опубликованных материалов – 7.17 авт. лист.

Структура и объем диссертации

Поставленные задачи определили структуру исследования. Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, основной части, состоящей из пяти глав, заключения, библиографического списка и 11 приложений. В первой главе дается историография и характеристика источников по теме диссертационного исследования. Вторая глава раскрывает поэтапное развитие деятельности Виленской духовной семинарии с момента ее открытия в 1828 г. вплоть до закрытия в 1939 г. Другие главы исследования более подробно характеризует отдельные аспекты деятельности Виленской духовной семинарии. Третья глава рассматривает учебную, административную и хозяйственную части Виленской духовной семинарии. Четвертая глава анализирует состав учащихся духовной школы: социально-сословный, национальный и территориальный контингент, количество, внутреннюю и общественную жизнь в новых государственно-политических условиях, материальные и медицинские условия, воспитание в семинарии, деятельность после выпуска. Пятая глава характеризует специфику работы профессорско-преподавательской корпорации. Основной текст диссертации дополняется 11 приложениями, включающими шесть таблиц и три графика, носящих статистико-информационный характер.

Полный объем диссертации составляет 372 страниц. Библиографический список занимает 37 страниц и насчитывает 732 наименования. Исследование дополняется 11 приложениями, которые занимают 42 страницы. Основное содержание диссертации изложено в 290 страниц.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография

Виленская духовная семинария занимает важное место в истории духовного образования на территории современных Литвы, Беларуси и Польши. К сожалению, историография почти не знает трудов, посвященных рассмотрению деятельности названного учебного заведения. Такая ситуация вызвана тем, что для глубокого исследования вопроса необходимо обратиться к архивам и библиотекам, расположенным в трех государствах: Литве, Польше и Беларуси. Это влечет за собой определенные трудности для исследователей, поэтому чаще всего заинтересованные читатели ограничиваются общей обзорной информацией про Виленскую духовную семинарию.

Для представления максимально полной картины истории Виленской духовной семинарии как духовно-учебного заведения, осуществлявшего свою деятельность с первой половины XIX в., следует отметить труды, которые касаются не только ее «Виленского» межвоенного периода. Существует лишь одна объемная монография, посвященная детальному изложению истории семинарии. Ее автором является протоиерей Николай Дмитриевич Извеков (1858–1917), преподаватель Литовской духовной семинарии дореволюционного периода¹. Труд остается уникальным и не теряет своей ценности и на сегодняшний день. Протоиерей Николай излагает историю духовной школы с самого начала ее основания, подробно рассматривает причины основания такой школы в Литовской епархии, анализирует место духовной школы в процессе деполонизации униатской молодежи и заканчивает описание последним десятилетием XIX в. Исследование разделено на четыре периода: 1828–1845 гг., 1845–1867 гг., 1867–1884 гг., 1884–1891 гг. Каждый из них представлен следующими темами: высшее управление семинарии, должностные лица, обучение, ученики, их количество и состав, воспитательная часть, экономическая часть, ревизии и посещения, отношение к духовным училищам. В результате монография подробно описывает разные аспекты бытия учебного заведения, дает много статистики и справочной информации, что позволяет сравнить семинарию разных периодов: Российской империи и Польской Республики. При написании работы священник Николай Извеков исследовал более чем 1500 дел семинарского архива, также архивные документы из Литовской духовной консистории. Следует сказать, что в данный момент в

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии / священник Николай Извеков. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1892. – 566 с.

собрании Литовского государственного исторического архива хранятся около 1300 дел, относящихся к истории Литовской духовной семинарии до XX в., это показывает, что семинарский архив до сегодняшнего дня в большей части сохранился.

Следующие труды дореволюционных исследователей имеют более скромный характер и могут лишь в небольшой степени пополнить труд протоиерея Николая.

В память 50-летия с момента основания Литовской духовной семинарии (1828–1878) главный редактор «Литовских епархиальных ведомостей» и историк И. А. Котович написал труд под названием «Историческая записка о Литовской духовной семинарии»¹. Автор описывает историю семинарии в общем историческом ключе ее существования, не выделяя отдельно административной, учебной и хозяйственной частей. В его работе отмечаются трудности, которые выпали на долю семинарии, такие как перевоспитание в духе православия местного духовенства, рожденного и воспитанного в унии, а также проблемы руководства семинарии, связанные с нехваткой учебного материала и финансовых средств, подбором преподавателей. Акцентируется внимание на том, что со временем стараниями ректоров и опекуном митрополита Иосифа (Семашко) семинария достигла высокого образовательного уровня.

Список дореволюционных исследователей завершает преподаватель Литовской духовной семинарии Николай Предтечевский, который оставил на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» публикацию с названием «Литовская духовная семинария по учебной части за последние 25 лет»², опубликованную в 1903 г. в честь 75-летия учебного заведения. Статья предлагает обзорную информацию об образовательном процессе и биографический очерк преподавателей и сотрудников, служивших в Литовской духовной семинарии в период 1878–1903 гг.

Деятельность Литовской духовной семинарии, располагавшейся в стенах Жировичского монастыря в 1828–1845 гг., затрагивается также в магистерской диссертации архимандрита Антония (Мельникова), посвященной истории названного монастыря³. Автор писал работу в период возглавления Минской духовной семинарии на посту ректора (1956–1963), поэтому имел возможность пользоваться документами из Жировичского монастырского архива.

¹ Котович, И., протоиерей. Историческая записка о Литовской Духовной Семинарии / протоиерей Иоанн Котович. – Вильна, 1878. – 83 с.

² Предтечевский, Н. А. Литовская духовная семинария по учебной части за последние 25 лет / Н. А. Предтечевский // ЛЕВ. – 1903. – № 42. – С. 327–328; № 43. – С. 335–336; № 44. – С. 342–345; № 45. – С. 353–354; № 48. – С. 382–385.

³ Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь в истории западных русских епархий: дисс. ... магистра богословия / архимандрит Антоний (Мельников). – Загорск : Московская духовная академия, 1964. – 476 с.

Что касается проблемы освещения истории Виленской духовной семинарии в межвоенный период (1918–1939), то историография не знает ни одного комплексного исследования, главным предметом которого стала бы деятельность Виленской духовной семинарии в Польской Республике. Существует небольшой ряд публикаций, которые лишь косвенно затрагивают историю семинарии. Поскольку в большинстве своем они написаны в постсоветскую эпоху, автор не разделяет историографию на периоды.

В русскоязычной историографии самым информативным трудом по этому вопросу является книга А. К. Свитича (1890–1963) «Православная Церковь в Польше и ее автокефалия»¹. После Октябрьской революции автор оказался в Польше, экстерном закончил Виленскую духовную семинарию и православный богословский факультет Варшавского университета. В 1922–1927 гг. преподавал и исполнял обязанности секретаря в Виленской семинарии, поэтому был непосредственным участником деятельности учебного заведения. В своем труде А. К. Свитич приводит историю Православной Церкви в Польше межвоенного периода и основное внимание уделяет проблеме ее автокефалии. Между тем затрагивается и деятельность Виленской духовной семинарии. Предоставленная информация очень важна ввиду своей уникальности, но ее объем составляет всего несколько абзацев, что не может служить опорной точкой для масштабного исследования. Следует отметить, что после увольнения из семинарской корпорации автор начал комментировать деятельность Виленской семинарии на страницах периодической печати, освещая ее преимущественно в негативном ключе в связи с реформами, направленными на ее полонизацию. Данная критическая позиция впоследствии отразилась и в его книге. Это обстоятельство в определенной мере помешало автору остаться полностью объективным, так как его резкие суждения не всегда соответствовали действительности.

В литовской историографии история Виленской духовной семинарии к настоящему времени еще не нашла своего отражения. Маленькой православной общине Литвы не хватает возможностей для подготовки академических трудов. Со стороны светских литовских историков был проявлен интерес к малочисленной православной общине, что нашло отражение в объемных трудах Лаукайтисе Р. и Марцинкевичюс А., посвященных истории Православной Церкви на территории Литвы в XX в.² Означенные работы характеризует объективное изложение материала и отсутствие идеологизированных

¹ Свитич, А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия / А. К. Свитич // Православная церковь на Украине и в Польше : материалы по истории Церкви. Книга 14 / под ред. протоиерея Валентина Чаплина [и др.]. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – 295 с.

² Laukaitytė, R. Stačiatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje / Regina Laukaitytė. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2003. – 316 p; Marcinkevičius, A. Lietuvos stačiatikių bažnyčia 1918–1939 m. / Andrius Marcinkevičius, Saulius Kaubrys. – Vilnius : Vaga, 2003. – 278 p.

русофобских оценочных суждений. В данных трудах основное внимание обращено на историю Православия в Литовской Республике в территориальных рамках межвоенного периода, т. е. без Виленского края. Тем не менее, названные исследования отражают общие тенденции государственной, общественной и религиозной жизни, содержа отдельные сведения о деятельности преподавателей и выпускников Виленской духовной семинарии в советское время.

Польская историография также не знает трудов, напрямую посвященных Виленской духовной семинарии. Однако существует ряд публикаций, описывающих процессы православного духовного образования во второй Речи Посполитой, где в нескольких страницах изложена история Виленской духовной семинарии. К данным трудам относятся статьи современных исследователей А. У. Павлючук «Монастырская жизнь во второй Речи Посполитой»¹, «Духовные семинарии в Кременце и в Вильно»², М. Папезынска-Турек «Между традицией и действительностью. Государство против Православия»³, объемный труд профессора А. В. Мироновича «Православная Церковь в Польше»⁴, а также статья Ежы (Георгия) Тофилюка «Православное образование в межвоенный период»⁵. Информация в перечисленных трудах дает более широкое представление о деятельности и постепенном изменении структуры Виленской духовной семинарии в исследуемый период. Для польских историков характерно обращение к материалам Варшавских архивов и, в частности, к документам Министерства религиозных исповеданий и народного просвещения и канцелярии Священного Синода Православной Церкви в Польше. Названные институты во многих аспектах регулировали деятельность Виленской духовной семинарии, вели переписку с администрацией семинарии и передавали указы для дальнейшего распоряжения местными школьными властями в Виленском регионе. В результате в польскоязычных работах основное внимание уделяется правовым аспектам деятельности учебного заведения, урегулирование этого вопроса с властями, что хорошо отражается в документах вышеупомянутого министерства. При почти полном отсутствии работ в русской историографии перечисленные труды являются очень полезными для лучшего понимания

¹ Pawluczuk, U. A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej* / U. A. Pawluczuk. – Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2007. – 356 s.

² Pawluczuk, U. A. *Seminaria duchowne w Krzemieńcu i w Wilnie* / U. A. Pawluczuk // *Szkolnictwo prawosławne w Rzeczypospolitej* / Zakład Historii Kultur Pogranicza Instytutu Socjologii Uniwersytetu w Białymstoku ; pod redakcją naukową Antoniego Mironowicza [i inne]. – Białystok, 2007. – 256 s.

³ Papierzyńska-Turek, M. *Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939* / Mirosława Papierzyńska-Turek. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – 481 s.

⁴ Mironowicz, A. *Kościół prawosławny w Polsce* / Antoni Mironowicz. – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2006. – 917 s.

⁵ Tofiluk, J. *Prawosławne szkolnictwo w okresie międzywojenny* / Jerzy Tofiluk // *Elpis*. – 2006. – № 8/13/14. – S. 75–85.

происходивших реформ православного духовного образования в межвоенной Польской Республике. Тем не менее, по отношению к Виленской духовной семинарии они носят лишь обзорный характер и не позволяют проникнуть глубже во многие подробные аспекты деятельности учреждения.

В современной белорусской историографии освещение истории Виленской духовной семинарии также нашло определенное отражение. Первый шаг в этом направлении предприняла минская исследовательница Л. Е. Кулаженко в статьях «З вопыту асветніцкага служэння Праваслаўнай Царквы»¹ (1999 г.) и «Праваслаўная багаслоўская адукацыя ў міжваеннай Польшчы»² (2003 г.). Публикации представляют скорее лишь первые попытки изучить деятельность Виленской семинарии, так как раскрывают тему лишь поверхностно, при этом присутствуют фактологические ошибки³.

В 2009 г. в белорусской историографии появилась еще одна статья автора Г. А. Острога «Віленская духоўная семінарыя ў пачатку 20-х гг. ХХ ст.: новы этап у дзейнасці»⁴. Однако работа состоит лишь из двух страниц и во многом повторяет текст вышеозначенной польской исследовательницы А. У. Павлючук.

В 2016 г. Н. В. Самосюк защитила кандидатскую диссертацию «Деятельность Православной Церкви как фактор развития культурной идентичности на территории Западной Беларуси (1921–1939)»⁵. В названном исследовании также уделяется внимание деятельности Виленской духовной семинарии как одному из факторов развития культурной идентичности белорусов. Работа по своей направленности не претендует на раскрытие новых аспектов деятельности духовной школы, поэтому в основном лишь ретранслирует тезисы вышеуказанных белорусских и польских исследователей. В частности, утверждается, что Виленская духовная семинария в межвоенный период стала центром белорусизации Православной Церкви, что белорусская общественность отстаивала существование семинарии и сопротивлялась ликвидации, неоднократно подчеркивается наличие белорусского языка в учебном плане семинарии и участие воспитанников в культурной жизни, носящей пробелорусский характер⁶.

¹ Кулажанка, Л. З вопыту асветніцкага служэння Праваслаўнай Царквы / Л. Кулажанка // Праваслаўе. – 1999. – № 8. – С. 24–28.

² Кулажанка, Л. Праваслаўная багаслоўская адукацыя ў міжваеннай Польшчы / Л. Кулажанка / *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2003. – № 20. – С. 203–208.

³ Например, запрещение белорусского языка в 1927 г., чему противоречат архивные документы.

⁴ Острога, Г. А. Віленская духоўная семінарыя ў пачатку 20-х гг. ХХ ст.: новы этап у дзейнасці / Г. А. Острога // Миссия Церкви: история и современность : Материалы международной научно-практической конференции посвященной 1020-летию крещения Руси, Минск, 15–16 декабря 2008 г. / редкол.: В. Г. Башкиров [и др.] ; под общ. ред. епископа Бобруйского и Быховского Серафима. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2009. – С. 153–155.

⁵ Самосюк, Н. В. Деятельность Православной Церкви как фактор развития культурной идентичности на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.): дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Н. В. Самосюк. – Мн., 2016. – 198 с.

⁶ Там же. С. 60–61.

Особое место в белорусской историографии занимает статья доцента Гродненского государственного университета им. Я. Купалы А. С. Горного «Белорусское национальное движение в православных учебных заведениях Польши в 1920-х годах»¹. Данная работа, в отличие от предыдущих, основана на более широком круге источников и глубже рассматривает внутреннюю и общественную жизнь воспитанников семинарии, направленную на популяризацию родной белорусской культуры. Это позволяет лучше понять настроения студенческого общества в 1920-х гг. Статья снабжена ссылками на разнообразные источники, что послужило в качестве проводника, указывающего, к каким документам и изданиям периодической печати следует обращаться для более подробной информации.

В целом, белорусская историография при описании деятельности Виленской духовной семинарии преследует узкую цель – показать роль учебного заведения в развитии национальной белорусской культуры в межвоенной Польше, а также место в процессе белорусизации Православной Церкви. Белорусские исследователи пока не ставили задач комплексного исследования истории данного учебного заведения в частности, и развития православного духовного образования в межвоенный период в целом.

Таким образом, по причине отсутствия специальных монографий, раскрывающих историю Виленской духовной семинарии в межвоенный период, для восстановления наиболее полной картины исторического прошлого учреждения и анализа полученного результата, требуется максимальное погружение в сохранившиеся письменные документы эпохи. О необходимости исследовать архивные документы свидетельствует замеченный автором факт, что вышеуказанные труды не ссылаются на материалы фонда Виленской духовной семинарии, находящийся в собрании Вильнюсского центрального исторического архива. Данный фонд, как видится, должен стать главной источниковой базой для такой темы. При непосредственном знакомстве с документами этого фонда можно отметить, что в архиве чаще всего «лист использования документов» пустует, лишь иногда содержит одну-две фамилии. Очевидно, что эти документы за многие годы редко кто заказывал для пересмотра и тем более для публикации.

1.2 Источники

Источниковая база исследования представлена широким кругом опубликованных и неопубликованных источников, которые можно разделить на документальные (законодательные, актовые, делопроизводственные) и

¹ Горный, А. С. Белорусское национальное движение в православных учебных заведениях Польши в 1920-х годах / А. С. Горный // *Studia Białorutenistyczne*. – Vol. 10. – 2016. – С. 39–53.

повествовательные (церковная и светская периодическая печать, эпистолярные документы, мемуарная литература).

К законодательным и актовым источникам относятся:

1. «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше»¹. Данный государственный устав был издан Министерством религиозных исповеданий и народного просвещения в январе 1922 г. и действовал до 1938 г., поэтому «временные правила» стали постоянными, определившими развитие жизни Православной Церкви в Польше. Кроме многих общих вопросов церковной жизни, правила прописывали условия деятельности и существования в Польской Республике православных духовных школ, устанавливали требования к педагогам и сотрудникам, намечали права выпускников.

2. Декрет 1938 г. президента Польской Республики «Об отношении государства к Польской Автокефальной Православной Церкви»². Данный законодательный акт заменил собою бывшие «временные правила», однако почти не успел воплотиться на практике ввиду начавшейся Второй мировой войны.

3. Официальные договоры между Министерством религиозных исповеданий и народного просвещения и Священным Синодом Православной Церкви в Польше, носившие законодательный характер. В настоящем исследовании рассматриваются акты, которые определили условия существования православных духовных семинарий в Польской Республике. Данные документы составлялись, как правило, перед очередной реформой духовных школ, инициируемой польскими школьными властями.

4. Правовые акты, принятые Советом министров Польской Республики и публикуемые в газетах «Monitor Polski» и «Dziennik Ustaw». В данную категорию входило в том числе законодательство, относящееся к школьному образованию: устав государственных гимназий; условия и специфика работы преподавателей как государственных служащих в правительственных школах.

Делопроизводственные документы составляют основную часть источниковой базы данного исследования, так как из них сформирован весь фонд семинарского архива.

1. В первую очередь сюда следует отнести журналы заседаний педагогических советов Виленской духовной семинарии. В них отражены все основные факты жизни учебного заведения, поэтому при реконструировании истории ее деятельности данные журналы сыграли ключевую роль. Кроме того,

¹ Tymczasowe przepisy o stosunku Rządu do Kościoła Prawosławnego w Polsce // Monitor Polski. – 1922. – 16 Lutego. – № 38. – S. 1–2.

² Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 18 listopada 1938 r. o stosunku Państwa do Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego // Dziennik Ustaw. – 1938. – № 88. – Poz. 597. – S. 1317–1326.

в протоколе педагогического совета можно узнать об основных событиях школы, в них также содержатся много информации, проливающей свет на финансовую часть, изменения учебного, воспитательного плана и учебно-административных правил, списки и прошения учащихся, по которым удалось выявить фамилии всех учившихся в духовной школе.

2. В дополнение к журналам педагогического совета можно указать и другую учебную документацию: журналы остальных коллегиальных органов правления (распорядительный и воспитательный совет), журналы сотрудников инспекции, дневники с отметками за успехи в учебе, которые позволили провести анализ среднего балла учащихся и составить несколько статистических таблиц в приложениях.

3. В делопроизводственной документации присутствуют сотни различных циркуляров, присланных в правление семинарии от высших органов: варшавского церковного руководства, местных виленских школьных властей или напрямую из Министерства религиозных исповеданий и народного просвещения. Данные указы особо помогли при анализе происходивших реформ.

4. Важную роль сыграли личные дела персонала семинарии, на основании которых были выявлены условия и специфика работы преподавательской корпорации и составлены статистические данные. Следует отметить существенный недостаток большинства личных дел. Документы носят непоследовательный и фрагментарный характер, часто откровенно опустошены неведомой рукой. Все это значительно затруднило задачу охарактеризовать преподавательскую корпорацию.

5. В среде делопроизводственных документов необходимо отметить и протоколы экзаменов Виленской духовной семинарии. Они помогли прийти к важным выводам об уровне и особенностях образования в учебном заведении.

Основная масса архивных документов находится в собрании Литовского центрального государственного архива, а именно в фонде 220 «Государственная православная духовная семинария в Вильнюсе» (1041 единиц хранения). Также привлекались документы из фондов 51 «управление Виленского воеводства» и 172 «управление учебными заведениями Средней Литвы и Восточной Польши».

В Литовском государственном историческом архиве содержится несколько фондов, которые относятся к бывшим православным административным учреждениям Российской империи, а также к Виленской духовной консистории, возрожденной указом митрополита Георгия (Ярошевского) и действовавшей на протяжении всего межвоенного периода. К ним относится фонд 572 «Литовская духовная православная семинария». Единиц хранения – 1777. Хронологические рамки документов 1815–1927 гг.

Данный фонд содержит документы, в большинстве относящиеся к дореволюционному периоду семинарии, но, кроме этого, хранит десяток документов, описывающих период эвакуации, возрождение и первые годы деятельности в Польском государстве. Особо полезными оказались журналы педагогических советов, которые широко освещают все насущные вопросы учебного заведения.

Фонд 605 – «Виленская духовная консистория». В процессе исследования в фонде был обнаружен журнал педагогического совета (1922–1924), который должен находиться в «семинарском» 572-м фонде, однако по неизвестным причинам перемещен оттуда. Данный журнал оказался чрезвычайно важным для раскрытия истории Виленской духовной семинарии в период 1921–1924 гг.

Можно также упомянуть фонд 607 «Канцелярия архиепископа Литовского и Виленского». Данная канцелярия была основана архиепископом Тихоном (Белавиным) в г. Дисне в связи с оккупацией Вильно немецкими войсками, что позволило из этого города управлять Литовской епархией. Несколько лет канцелярия исполняла роль духовной консистории, вела переписку с Виленской духовной семинарией в период ее эвакуации. Фонд 1004 – «Литовский епархиальный училищный совет», в польской администрации переименован в «Литовский епархиальный Виленский совет». В дореволюционное время учреждение отвечало за организацию приходских школ, что осуществлялось с помощью Литовской духовной семинарии.

В исследуемый период происходил переход от юлианской календарной системы к григорианской. В связи с этим часто в делопроизводственных документах происходила путаница в отечении дат: в одних случаях использовался старый стиль, в других новый, иногда новый стиль указывался в скобках¹. Использование в документах старого юлианского календаря встречается вплоть до 1925 г.² В работе приведены те даты, которые указаны в источниках.

Группа повествовательных источников также имеет чрезвычайно важное значение для настоящего исследования. Без преувеличения можно утверждать, что при использовании лишь делопроизводственных документов семинарского архива, несмотря на их многочисленность, тема не получила бы всестороннего и комплексного освещения. Повествовательные источники помогли не только при воссоздании истории поэтапной реорганизации семинарии, они также позволили увидеть семинарию глазами современников, которые по-разному оценивали ее стремительное меняющееся лицо.

В данной группе документов в первую очередь следует выделить периодическую печать, которую можно разделить на церковную и светскую. В

¹ Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 11–13.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 196–199.

исследуемый период, несмотря на государственную политику польских властей, направленную на ассимиляцию национальных меньшинств на «Восточных крессах», разрешалась относительно широкая свобода слова в печати. Об этом свидетельствует большое количество издававшихся газет, их разнообразие, которое относится не только к количеству разных изданий, но также к пестроте разных направлений, каждая из которых представляла свои идеологические и мировоззренческие посылы.

К основным периодическим изданиям следует отнести:

1. «Литовские (Виленские) епархиальные ведомости». Знаменитая газета Литовской епархии, основана еще в 1863 г., славившаяся высоким интеллектуальным уровнем ее авторов и публикаций. Во время Первой мировой войны издание прервало свою работу. Вместе с восстановлением семинарии В. В. Богданович в 1921 г. также возобновил издание и работал в качестве главного редактора. После увольнения его с должности ректора семинарии в 1922 г. пришлось также оставить работу в периодической печати. Новым начальством газета была переименована в «Виленские епархиальные ведомости», однако вышло лишь несколько ее номеров, и в декабре 1922 г. редакция была закрыта. Значение газеты как источника по истории Православия в Виленско-Литовской епархии трудно переоценить. В частности, в ней присутствует информация, затрагивающая деятельность Виленской духовной семинарии (например, объявления о принятии учащихся, список преподавателей и др.).

2. «Вестник православной митрополии в Польше» – газета, издававшаяся в Варшаве в период 1923–1928 гг. В 1926 г. перешла на польскоязычный формат с обновленным названием «Wiadomości św. Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego». Издание представляло собой официальный орган печати Священного Синода Православной Церкви в Польше, поэтому в ней печатались указы митрополита, тексты разных соглашений с государством, епархиальные распоряжения и ведомости, протоколы епархиальных собраний, списки выпускников духовных семинарий.

3. Газета «Воскресное чтение» – издавалась в Варшаве с 1924 г. по август 1939 г. Газета также считалась официальным изданием высшего церковного руководства, однако на своих страницах печатала самую разнообразную информацию: от официальных документов до богословских очерков и религиозных стихотворений. Следует отметить, что данная газета пользовалась широкой известностью и была самой популярной среди верующих Православной Церкви в Польше. Вместе с этим сегодня «Воскресное чтение» ценится как важный источник по истории Православной Церкви в

Польше¹. Газета обращала внимание на многие актуальные вопросы, возникающие в православном обществе, и широко их освещала на своих страницах. Такое положение не обошло стороной и организацию православного духовного образования, чему регулярно посвящались статьи. В данном издании неоднократно публиковали свои статьи и преподаватели Виленской духовной семинарии.

4. «Слово» – еженедельная церковно-народная иллюстрированная газета. Издавалась с 1931 по 1939 гг. Редакция находилась в Варшаве. Ее первым редактором состоял Георгий Павлишин, который в 1934 г. был рукоположен архиепископом Виленским и Лидским Феодосием (Феодосиевым) и назначен на должность настоятеля прихода села Черное Горлицкого уезда, помощником благочинного Галицкого уезда и заведующим православной духовной миссии на Лемковщине. Вторым редактором, по назначению митрополита Дионисия (Валединского), с 1 сентября 1934 г. стал магистр богословия Дмитрий Иулианов-Мельников². «Слово» было еще одной газетой, издававшейся под эгидой высшей церковной власти, однако, как и «Воскресное Чтение», менее официозной, чем «Вестник Православной Митрополии в Польше». Газета содержала информацию о разных церковных событиях, в том числе неоднократно освещала культурные мероприятия, связанные с Виленской духовной семинарией.

5. К светским периодическим изданиям, которые писали о церковной жизни в Виленском крае и косвенно касались вопроса участия семинарии в общественной жизни, в первую очередь следует отнести ежедневную демократическую газету «Виленское Утро». Печатное издание выходило с 1921 по 1927 гг. под редакцией А. Н. Гаврилова и А. С. Ромашева. Газета сообщала о разных политических и общественных событиях Польской Республики и всего мира. В разделе «Местная хроника» помещалось много информации о Виленском крае, в том числе освещалась жизнь русских эмигрантов и события местной православной общины. Иногда представители православного духовенства и интеллигенции печатались в рубрике «Письмо в редакцию». Очень часто в газете публиковался знаменитый общественный литератор из среды русской эмиграции и преподаватель Виленской духовной семинарии Д. Д. Бохан. Немало статей в издание отправил и первый ректор семинарии В. В. Богданович. Особый интерес представляет его заочная полемика с редакцией вышеуказанной газеты «Воскресное чтение» по вопросам об

¹ Священник Феодор Кривонос обратил внимание на необходимость осветить данный вопрос, под руководством которого в 2004 г. в Минской духовной академии была защищена кандидатская диссертация А. Юзвы «Воскресное чтение как источник по истории Православной Церкви во Второй Речи Посполитой в 20–30-е годы XX столетия».

² Слово. – 1934. – № 57. – С. 1.

автокефалии Православной Церкви в Польше и анафеме Вячеслава Васильевича.

б. «За Свободу!» – политическая, литературная и общественная газета, редакция которой была расположена в г. Варшаве. Редактор – Е. С. Шенченко. Издание представляло собой орган печати общества русских эмигрантов. Среди статей общественно-политического характера часто встречаются и сообщения о церковных событиях, газета проявила особый интерес к реформам духовного образования.

В работе также были использованы выдержки из польскоязычных и белорусскоязычных газет: «Dziennik Wileński», «Праваслаўная Беларусь», «Змаганьне» и др.

Необходимо подчеркнуть, что каждое периодическое издание преследовало свои идеологические цели, что с одной стороны ярко представляет разнообразие мнений по проблемам духовного образования на территории Польской Республики, с другой стороны – иногда порождает противоречие и неясность. Ярчайший пример столкновения разных позиций представляет газета «За Свободу!», которая порой выступала с абсолютно противоположными мнениями и лавиной критики в адрес вышеуказанных официальных изданий Священного Синода. Последние характеризовали проводимые реформы в основном положительно или ограничиваясь лишь перечислением фактов, умалчивая очевидные недостатки или протест со стороны православного общества. «За Свободу!», как газета русских эмигрантов, открыто симпатизировала государственному строю дореволюционной Российской империи, поэтому на все изменения, которые происходили в реалиях Польской Республики, смотрела лишь в негативном ключе. Это касалось в том числе и реформ духовного образования, которые оценивались порой чересчур критически, что тоже мешало объективному взгляду.

В целом, периодика в межвоенной Польше была представлена весьма разнообразно. Например, только белорусскоязычных газет насчитывалось около 17 наименований, русскоязычных – более 20. Без сомнения, в совокупности все они сохранили много важной информации по истории Православной Церкви. Однако до сих пор поиск информации по данной группе источников слишком трудоемкий: отдельные номера газет разбросаны по разным странам и библиотекам, не разработаны указатели статей¹. Особый дефицит наблюдается в собраниях Республики Беларусь в силу того, что главным местопребыванием издательств в межвоенный период были г. Варшава и современная столица Литвы – г. Вильнюс.

¹ Исключение составляют труды А. С. Горного, которые направлены, в том числе, и на разработку аннотированных указателей статей белорусскоязычной печати.

В подгруппе повествовательных источников, а именно в среде мемуарной литературы, находится одна уникальная книга, описывающая внутреннюю жизнь Виленской духовной семинарии. В данном случае речь идет о «Записках священника Евстафия», опубликованных под редакцией священника Федора Кривоноса¹. Автору воспоминаний священнику Евстафию Баслыку выпало учиться в семинарии в 1921–1927 гг., когда шли интенсивные реформы учебного заведения. Будучи воспитанником духовной школы, он на своем опыте испытал неоднократную смену ректоров и руководства семинарии, первые реформы учреждения, что позволило сделать любопытные сравнения двух разных периодов деятельности духовной школы. После многих лет с удивительной ясностью священник Евстафий Баслык вспоминает множество деталей из семинарской жизни, которые нельзя найти в других документах, носящих делопроизводственный характер. Воспоминания передают настроения воспитанников и живые картины внутренней жизни школы и в результате существенно помогают при воссоздании истории Виленской духовной семинарии.

Таким образом, источниковая база исследования представляется достаточно разнообразной благодаря архивным делопроизводственным документам, многочисленным заметкам в периодической печати и опубликованным законодательным документам, однако она испытывает недостаток в отношении источников мемуарного типа. Репрезентативная источниковая база дает возможность выявить и проанализировать многие аспекты деятельности Виленской духовной семинарии и так провести комплексное исследование учебного заведения.

1.3 Методы исследования

В основу исследования положены основополагающие диалектические принципы научного знания. Принцип объективности позволил осуществить исследование с учетом рассмотрения фактов в контексте реальных закономерностей и в их совокупности. Принцип всесторонности позволил исходить в процессе исследования из представления о всеобщей связи явлений в действительности. Принцип конкретности позволил рассматривать Виленскую духовную семинарию как феномен, являющий собой совокупность всех составляющих его сторон и связей. Обращение к принципу историзма позволило рассмотреть Виленскую духовную семинарию в процессе развития на протяжении 1919–1939 гг., обусловленного влиянием множественных факторов (внутрицерковных, государственных, общественных и др.). Принцип

¹ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия / священник Евстафий Баслык; под редакцией священника Федора Кривоноса. – Мн.: Лучи Софии, 2005. – 245 с.

ценностного подхода, определяющий конфессиональный характер исследования, позволил произвести оценку деятельности Виленской духовной семинарии с позиций православной церковной традиции.

В процессе выполнения исследования были использованы как общенаучные, так и специальные исторические методы. К первым относятся описание, обобщение, анализ, синтез, аналогия, индукция и дедукция, при обращении к которым проводилась обработка, систематизация и изложение информации.

Из специально-исторических методов использовались следующие: историко-хронологический и историко-генетический методы, при помощи которых был в хронологическом порядке реконструирован ход деятельности Виленской духовной семинарии; историко-системный метод, поскольку Виленская духовная семинария исследовалась как объект целостной исторической системы; историко-сравнительный метод применялся при сравнении и выявлении различий между разными периодами семинарии: дореволюционного (1828–1918) и межвоенного (1919–1939). В некоторых случаях сравнение проводилось и с современной системой духовного образования.

Для выявления общего среднего балла учащихся семинарии, при расчете финансовой части и составлении некоторых приложений, отображающих статистику, использовался метод измерения и статистики. Данные методы на основе анализа изменений количественных показателей дают качественную характеристику реформы духовного образования.

В некоторых случаях, в силу отсутствия или фрагментарности информации в источниках, но основываясь на косвенных данных, автор использовал гипотетико-дедуктивный метод, позволяющий вынести предположения и так достичь более полного представления о месте Виленской духовной семинарии в истории духовного образования в белорусско-литовском регионе.

Выводы

Таким образом, в силу отсутствия специальных исследований, посвященных истории Виленской духовной семинарии межвоенного периода (1919–1939), настоящая диссертация опирается преимущественно на исторические источники, хранящиеся в собраниях архивов Литовского государства, церковную и светскую периодическую печать. Особое внимание должно быть обращено на 220 фонд Литовского центрального государственного архива, документы которого фактически не задействованы в научном обороте. Исследование этих источников, их перевод и анализ

результатов, несомненно, привносит научную новизну в историю православного духовного образования.

Как видно, источниковая база представляется достаточно разнообразной благодаря архивным делопроизводственным документам, а также многочисленным заметкам в периодической печати, однако она испытывает недостаток в отношении источников мемуарного типа. На данном этапе имеются только опубликованные воспоминания священника Евстафия Баслыка. В Виленской духовной семинарии за межвоенный период обучалось более 900 воспитанников, которые потом проходили служение не только в Советском Союзе, но и в других странах. Поэтому возможно предположить, что в среде такого количества бывших воспитанников существуют еще другие воспоминания о годах учебы в семинарии, поэтому история Виленской духовной семинарии в будущем еще может пополниться опубликованными мемуарами.

В основу исследования положены основополагающие диалектические принципы объективности, всесторонности, конкретности, историзма, а также принцип ценностного подхода. В процессе выполнения исследования были использованы как общенаучные методы (описание, обобщение, анализ, синтез, аналогия, индукция и дедукция), так и специально-исторические: историко-хронологический, историко-генетический, историко-системный, гипотетико-дедуктивный, измерение и статистика.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

2.1 Литовская духовная семинария со времени основания до Первой мировой войны (1828–1914 гг.)

История Виленской духовной семинарии возводит свое историческое преемство к Литовской греко-униатской духовной семинарии, открытой в 1828 г. в местечке Жировичи. Новое духовное учебное заведение было основано благодаря энергичной деятельности униатского прелата Иосифа Семашко (1798–1868). Помимо семинарии в м. Жировичи, в своей знаменитой «записке 1827 г.» будущий Литовский митрополит предлагал также открыть духовную семинарию в Полоцке и несколько духовных училищ¹. Учреждение целого ряда униатских духовных школ, как начального, так и среднего образования, имело своей целью преодоление традиционно невысокого образовательного уровня униатского духовенства, которое наблюдалось со времени заключения Брестской церковной унии (1596 г.). Согласно очерку истории униатского духовного образования, приведенному в работе священника Николая Извекова, дело обучения кандидатов в униатское священство было полностью взято под контроль базилианским униатским монашеским орденом, который старался значительно ослабить уровень образования будущего духовенства или полонизировать его. Ревность базилиан была настолько велика, что даже учрежденные Римским папой специальные епархиальные семинарии быстро закрывались. Ввиду недостатка такого рода школ и низкого уровня действующих, родители-униаты предпочитали отправлять своих детей в светские гимназии, в которых совершенно не преподавался ни русский, ни церковно-славянский языки. В результате дети униатского происхождения совершенно ополячивались, переходили в католичество, если же и становились униатскими священниками, то обращались с прихожанами высокомерно и грубо².

Ситуацию существенно изменило открытие Главной Литовской семинарии при Виленском университете в 1808 г. В этом учебном заведении совместно обучалась католическая и униатская молодежь, однако кроме общеобразовательных дисциплин для учеников униатского происхождения была разработана отдельная учебная программа с изучением церковно-славянского языка. В семинарии работали профессора, которые

¹ Извеков Николай, священник. История Литовской духовной семинарии / священник Николай Извеков. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1892. – С. 13–15.

² Там же. С. 3–8.

симпатизировали Восточному обряду, не боялись открыто в аудиториях выражать критические мысли в отношении деятельности Римского папы и Католической Церкви. По мнению священника Николая Извекова, это и послужило причиной возникновения в Главной Литовской семинарии целой плеяды церковных деятелей, которые активизировали и поддержали процесс уничтожения Брестской церковной унии¹. Среди них были и первые основатели Литовской греко-униатской духовной семинарии: уже упомянутый митрополит Иосиф (Семашко), первый ректор епископ Антоний (Зубко), первый инспектор священник Михаил Голубович, второй ректор Фердинанд Гомолицкий, преподаватель Плакида Янковский и другие.

Открытие Литовской духовной семинарии (далее – ЛДС) было намечено на 1 октября 1828 г., однако из-за большого количества народа, собравшегося на праздник иконы Жировичской Божией Матери, пришлось перенести торжественный акт на 7 октября². Духовная школа изначально носила характер польскоязычного учреждения, где большинство предметов изучалось на польском языке, в профессорско-преподавательский состав принимались исключительно лица униатского вероисповедания. Вместе с этим администрация немедленно приняла курс на освобождение школы от влияния униатских монашеских орденов и на интеграцию в Российскую систему духовного образования. Был принят устав Российских духовных семинарий, из Москвы присылались учебники на русском языке, постепенно происходила деполонизация учебной программы путем увеличения количества часов для предметов на русском языке. В 1840 г. вышло распоряжение о переходе преподавания всех дисциплин на русский язык³, и к 1844 г. этот процесс завершился⁴.

Кроме вышеописанных мер, Греко-униатская коллегия регулярно посылала ревизора для наблюдения за успехами в изучении воспитанниками русского языка. Известно, что к открытию семинарии русский язык хорошо знал лишь один преподаватель, поэтому правление просило коллегия прислать хотя бы еще одного сотрудника с чистым русским произношением, что и было исполнено. Также администрация семинарии отправляла некоторых из преподавателей на стажировку в Москву, чтобы они услышали курс собственных лекций на русском языке⁵. Стоит отметить, что преподаватели – «жировичские священники-интеллигенты» – являлись высшим авторитетом для других униатских священников⁶.

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 8–11.

² Там же. С. 20–21.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 18–19, 39–40.

⁵ Там же. С. 43–44.

⁶ Там же. С. 156–157.

Руководство семинарии также прикладывало определенные усилия для распространения русского языка в качестве разговорного между учащимися. В частности, только в 1834 г. в Жировичском соборе впервые произносилась проповедь воспитанником на русском языке¹. По этой причине на раннем этапе деятельности школы воспитанники даже наказывались за использование польского языка в быту, мера наказания – выучить наизусть 20–30 слов из греческого лексикона. Однако скоро правление Литовской семинарии осознало неуместность подобных запретов и отменила их. По замечанию священника Николая Извекова, ученики продолжали разговаривать на польском языке даже после переезда семинарии в г. Вильно в 1845 г., тем не менее, данное явление постепенно ослабевало².

При открытии ЛДС в 1828 г. в первом наборе числился всего лишь 21 ученик, однако количество учащихся начало быстро возрастать. В 1830 г. общее число воспитанников уже достигало 84, при этом большинство из них (60) учились на бесплатной основе («казеннокоштные»). Большое количество мест для таких воспитанников пришлось установить в связи с тем, что родители не желали платить за учебу и проживание сыновей, так как смотрели на учебное заведение с опаской и сомневались, смогут ли они после семинарии учиться в высших учебных заведениях и т. п.³ Правление ЛДС объявило, что принимает детей не только из духовного сословия; среди учащихся также числились монахи из униатских монастырей⁴.

В 1830 г., в связи с польским восстанием, многие семинаристы покинули духовную школу, так как администрация не запрещала им временно переходить на службу военного ведомства. Вскоре учебный процесс окончательно прервался, так как в Жировичском монастыре разместился госпиталь⁵.

После восстания учреждение возобновило набор учащихся. В 1835 г. вышло распоряжение епископа Иосифа (Семашко), запрещавшее детям-униатам обучаться в светских польских гимназиях, взамен предлагалось поступать только в униатские училища и семинарии. Данный указ послужил причиной быстрого скачка количества воспитанников в ЛДС. Уже в следующем 1836 г. их насчитывалось 182. Через два года учреждение достигло барьера в 200 учащихся⁶. В дальнейшем семинария в среднем всегда обучала примерно 150–200 семинаристов⁷. В результате уже с середины 1840-х гг. в Литовской епархии не было ни одного случая рукоположения ставленника, не имевшего богословского образования. К 1860-м годам более 2/3 приходских

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 126.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 67–68.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 42–43, 68, 78.

⁶ Там же. С. 68–69.

⁷ Там же. С. 227, 363, 384–385, 456.

священников являлись выпускниками ЛДС¹. К концу XX в., по замечанию священника Николая Извекова, уже нельзя было говорить о недостатке священнослужителей с семинарским образованием, наоборот – чувствовался избыток². При этом следует отметить, что Литовская семинария обучала детей не только из Литовской епархии – примерно половина из них происходила из других мест: Минской, Волынской, Подольской, Киевской, Могилевской и других епархий³.

Администрация ЛДС кроме внутреннего делопроизводства также была обязана вести дела уездного, приходского и дьячковского училищ, состоящих при Литовской семинарии, а также дела Жировичского монастыря. Вместе с этим в ведении семинарии как образовательного центра находились пять духовных (уездных) училищ: Кобринское, Борунское, Супральское, Мелецкое и Березвичское. В данных уездных и приходских училищах обучалось около 220–390 воспитанников. В основном работа сотрудников семинарии состояла в регулярной ревизии училищ. Главной задачей образования являлось обучение детей русскому языку и греческим обрядам. В связи с вышеописанным правление многократно жаловалось на невероятную бюрократическую загруженность, в особой степени делами, непосредственно касающимися жизни самого Жировичского монастыря⁴.

С 1837 г. управление ЛДС передано комиссии духовных училищ при Святейшем Синоде. Через два года, после упразднения Брестской церковной унии (1839 г.), семинария стала православной духовной школой и подчинялась Святейшему Синоду. Вместе с этим учреждение находилось в учебном округе Санкт-Петербургской академии и отчитывалось перед ней о результатах своей деятельности⁵.

В 1845 г. по желанию государственных властей был осуществлен перевод консистории Литовской епархии вместе с семинарией из местечка Жировичи в губернскую столицу Вильно. Митрополит Иосиф (Семашко) сначала выступал против перевода, но потом после определенных колебаний решился дать согласие с целью учредить в Вильно мощный центр противостояния полонизму. Для размещения семинарии предлагались два варианта: Виленский Свято-Духов монастырь или здания Свято-Троицкого монастыря. Митрополит избрал последний как более просторный.

¹ Романчук Александр, протоиерей. Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – Москва-Минск : Общество любителей церковной истории, 2015. – С. 164

² Извеков Николай, священник. Несколько документов по вопросу открытия православной духовной академии в г. Вильне / священник Николай Извеков. – М.: 2-я типография А.И. Снегиревой, в Сергиевом Посаде, 1893. – С. 4.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 68.

⁴ Там же. С. 54–55, 131, 148–149.

⁵ Там же. С. 164.

Одновременно встал вопрос, как же дальше именовать семинарию: «Литовской» или «Виленской». Более логичным казался второй вариант из-за факта места ее расположения, однако с аналогичным названием в Вильно существовала католическая семинария. Чтобы избежать путаницы в гражданских документах, митрополит Иосиф решил оставить прежнее название – Литовская¹.

Описывая внутреннюю жизнь Литовской семинарии, священник Николай Извеков явно симпатизировал ее жировичскому периоду, в чем его убедили собранные воспоминания сотрудников, работавших до 1845 г. Так, он дает понять, что весь профессорско-преподавательский состав и учащиеся в Жировичах жили дружно, как одна большая семья, существовала здоровая и непринужденная обстановка. Перенос учреждения в столицу стал ударом по подобным отношениям². Кроме этого, переведенным воспитанникам ЛДС пришлось пройти нелегкую адаптацию на новом месте. В частности, на улицах польская молодежь обзывала их схизматиками. Однако в скором времени семинаристы начали писать сочинения на заказ для виленских гимназистов, в основном, поляков, и, как оказалось, эти сочинения признавались лучшими по своему уровню, что в значительной мере устранило неприязнь между воспитанниками ЛДС и гимназистами³.

Важно отметить вклад митрополита Иосифа (Семашко) в деятельность родной духовной школы. Священник Николай Извеков пишет, что митрополит Иосиф любил Жировичи и приезжал сюда каждое лето после рабочей поездки в Санкт-Петербург. Также он часто посещал семинарию, интересовался ее делами, по вечерам много свободно общался с воспитанниками, хорошо запоминал каждого воспитанника и его семейное положение, отличался дружественным настроением по отношению к наставникам и преподавателям. После окончания духовной семинарии митрополит Иосиф уговаривал выпускников не поступать в светские учебные заведения, оставаться в духовном сословии и обещал предоставить хорошие приходские места. В результате за первые 40 лет существования семинарии только незначительное число выпускников поступило в высшие учебные заведения. Священник Николай Извеков резюмирует, что митрополита Иосифа без преувеличений можно назвать настоящим духовным отцом Литовской семинарии⁴.

Логическим завершением проекта униатского духовного образования на территории Северо-Западного края, предпринятого митрополитом Иосифом, должно было стать открытие высшего учебного заведения – духовной академии. Уже при зарождении униатских духовных школ в конце 1820-х гг.

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 158–159, 163.

² Там же. С. 151, 154.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 77–78, 152, 165–169.

школьные власти переняли российскую трехступенчатую систему духовного образования: семинарии соответствовали среднему уровню, духовные училища – начальному. По этой схеме предполагалось открытие униатской духовной академии в г. Полоцке, но со временем правление ЛДС стало лишь отправлять лучших учеников в Российские духовные академии. Вместе с этим сам епископ Иосиф в 1830-х гг. предполагал, что Униатская церковь будет окончательно упразднена, поэтому вопрос открытия униатской академии стал неактуальным¹. Интересно, что выпускники-перворазрядники часто принципиально не желали учиться в российских духовных академиях. Как поясняет священник Николай Извеков – в связи с «дурным климатом», после которого многие возвращались заболевшими². Однако можно предположить, что историк оставил незамеченной такую деталь, что униаты из Белорусского края, не всегда чисто говорившие на русском языке, могли там оказаться в недружественной атмосфере со стороны остальной молодежи.

После упразднения Брестской церковной унии и переноса ЛДС в Вильно вопрос о духовной академии встал с новой остротой. Примечательно, что на этот раз инициатива открытия духовной академии исходила со стороны генерал-губернатора Виленской губернии М. Н. Муравьева. Новое учебное заведение рассматривалось как форпост борьбы с католицизмом и укрепления позиций православия в западных областях Российской империи. Получив одобрение своего замысла у митрополита Иосифа (Семашко), М. Н. Муравьев сформировал особый комитет, состоявший из епископа Ковенского Александра (Добрынина), ректора ЛДС архимандрита Иосифа (Дроздова) и светских чиновников, которые создали проект Высшего духовного училища в Вильно как переходной ступени для открытия академии. Училище представлялось как добавочные 2–4 годичные классы в семинарии, которые предназначались для лучших учеников семинарии и православных гимназий. Учебный план предполагал наличие предметов, преимущественно богословско-исторических, направленных против католического и протестантского вероучений³.

В 1863 г. гражданские и церковные власти г. Вильно составили общее ходатайство на имя императора, после чего государь решил обратиться к авторитетному мнению митрополита Московского Филарета (Дроздова). Последний дал отрицательный отзыв, так как, на его взгляд, Литовская епархия преимущественно нуждалась в образованных священниках для сельских приходов, а не в кандидатах и магистрах богословия, также он опасался дефицита преподавательских кадров для новой академии. В итоге дело не

¹ Извеков, Н., священник История Литовской духовной семинарии. С. 15, 73–74.

² Там же. С. 79.

³ Извеков, Н., священник. Несколько документов по вопросу открытия православной духовной академии в г. Вильне. С. 7–19.

получило завершения, в значительной мере помешали и финансовые затруднения¹.

Впоследствии протоиерей Николай Извеков в своем труде «История Литовской духовной семинарии» (1893 г.) оспаривал такое мнение митрополита Филарета – в действительности преподавательские кадры могли быть набраны достаточно беспрепятственно, ведь только одна Московская духовная академия за год выпускает столько кандидатов и магистров, что этого хватило бы для полного комплекта профессуры Виленской академии. «Вместо этого они отправляются в отдаленные захолустья на скудное жалование в качестве учителей духовного училища. По этой причине не хотят писать работ магистерских и докторских»².

Как известно, М. Н. Муравьев долго не задержался на посту генерал-губернатора Виленской губернии. К тому же, в 1860-х гг. митрополит Иосиф (Семашко) серьезно заболел и осуществление общего проекта остановилось. Последующие генерал-губернаторы, с одной стороны, соглашались с идеей учреждения академии в Вильно, с другой – не находили для этого средств. По распоряжению Святейшего Синода проект Высшего духовного училища тоже закрылся³.

В 90-х гг. XIX в. снова встал вопрос об учреждении пятой академии в Вильно, однако проект был отклонен из-за неблагоприятного отзыва архиепископа Виленско-Литовского Алексия (Лаврова-Платонова)⁴.

Последние попытки учредить академию в начале XX в. были предприняты литовскими архиереями: Агафангелом (Богоявленским) и Тихоном (Белавиным). Следует отметить, что определенные надежды на открытие высшего учебного заведения вынашивали не только православные круги, но и польская общественность г. Вильно. Последние хотели возродить деятельность Виленского университета, назвать его «Романовским» и открыть в честь 300-летия династии Романовых (1913 г.). Разумеется, в таком случае университет имел бы характер русского высшего учебного заведения. Инициатива и планы выглядели очень многообещающими, но в итоге не были реализованы. Как поясняет литовский историк Д. Сталюнас, исследовавший вопрос русификации Северо-Западного края, российские правящие круги даже к началу XX в. считали, что в Виленском регионе в культурном отношении продолжали доминировать поляки, поэтому существовало опасение

¹ Извеков, Н., священник. Несколько документов по вопросу открытия православной духовной академии в г. Вильно. С. 2, 3, 6; Смолич, И. К. История Русской Церкви / И. К. Смолич. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Книга 8. – Часть 1. – С. 464; Романчук Александр, протоиерей. Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности. С. 216.

² Извеков, Н., священник. Несколько документов по вопросу открытия православной духовной академии в г. Вильно. С. 5.

³ Там же. С. 19–23.

⁴ Смолич, И. К. История Русской Церкви. С. 468.

потенциального усиления сепаратизма на окраинах империи¹. Возможно, боязнь сепаратистских настроений объясняет и проблему открытия духовной академии.

Православное общество со своей стороны настаивало на открытии именно духовной академии. При руководстве Виленско-Литовской епархией архиепископа Агафангела (Богоявленского) Виленское Свято-Духовское братство составило соответствующий протокол и представило этот документ в конце 1913 г. для рассмотрения в Святейший Синод. Церковная общественность Северо-Западных губерний Российской империи на съезде православных братств в Минске постановила присоединить свои голоса к ходатайству Литовской епархии. В протоколе разъяснялось, что за учреждение в Вильно высшей духовной школы прежде высказывались известные общественные и религиозные деятели края, в том числе и литовские архиереи. Процесс решения вопроса в Петербурге официально начался, и его продолжил новый литовский архиерей Тихон (Белавин). Последний в 1914 г. в общей беседе с семинарским коллективом выразил надежду, что «в Петербурге вот-вот будет принято положительное решение». Накануне Первой мировой войны стало известно, что после долгих дискуссий наконец-то принято благоприятное решение – Святейший Синод утвердил представление Главного Учебного комитета об учреждении в Вильно высшей богословской школы². Разумеется, дальнейшие исторические события навсегда перечеркнули эти планы.

Таким образом, Литовская духовная семинария как духовно-учебное заведение сыграло значимую роль для православного населения современной Беларуси и Литвы. Ее основание и история значительно отличается от других семинарий, так как она действовала не только как обычная школа, но также как культурный центр объединения духовных сил против Брестской церковной унии и полонизации белорусского края. Историческую ценность Литовской семинарии начали понимать еще ее основатели, не пожалевшие высокопарных фраз: так, по выражению митрополита Иосифа, «в Жировичах, как в Вифлееме, зародилось спасение западного края»³; архиепископ Антоний (Зубко), анализируя значение семинарии в деле воссоединения западнорусских униатов, утверждает, что «Жировичи были оазисом в польских губерниях»⁴.

Литовская духовная семинария за 86-летний период деятельности (1828–1914) выпустила из своих стен около 1650 человек⁵. В их числе целая плеяда

¹ Staliūnas, D. Rusinimas: Lietuva ir Baltarusija po 1863 metų / Darius Staliūnas. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2009. – P. 473.

² Арефьева, И. Примите меня в свою любовь / Ирина Арефьева, Г. П. Шлевис. – Вильнюс : SAVO, 2008. – С. 46–47, 112.

³ Там же. С. 415.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ По подсчетам автора работы на основе следующих источников: Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 480; Бовкало, А.А. Выпускники Литовской духовной семинарии / А.А. Бовкало //

знаменитых церковных, научных и общественных деятелей, перечисление которых служит задачей другого исследования. Учебное заведение несомненно являлось одним из главных центров православного духовного образования и традиций православной культуры как в Литовской епархии, так и далеко за ее пределами. Известно, что данная семинария пользовалась высокой репутацией: ее несколько раз посещали императоры Российской империи¹. Архиепископ Литовский Алексей (Лавров-Платонов) однажды сказал, что ЛДС «в разных отношениях гораздо выше многих других семинарий, которые он знает»².

Духовная школа продолжала обучать и ежегодно выпускать богословов, большинство из которых становились приходскими священниками на территории современной Беларуси и за ее пределами. Однако с наступлением Первой мировой войны успешная деятельность процветающего учреждения вынужденно прервалась.

2.2 Эвакуация Литовской духовной семинарии (июль 1915–1918 гг.)

Сразу после окончания 1913/1914 уч. г. в конце июня в Вильно прозвучала новость о начавшейся «отечественной войне». В силу географического положения города еще летом 1914 г. в нем открылось множество лазаретов и приютов для беженцев. В организации больничных пунктов активное участие приняло православное духовенство – на территории городских приходских храмов и монастырей устраивались многочисленные лазареты. Свято-Троицкий монастырь, в зданиях которого находилась Литовская духовная семинария, также открыл лазарет «Красного креста», который к сентябрю значительно расширился и занял весь главный корпус семинарии³. В силу этого правлению пришлось отсрочить начало нового учебного года и заняться поиском удобных помещений для проведения занятий и расселения воспитанников. Управляющий Виленско-Литовской епархией архиепископ Тихон (Белавин) предложил проводить уроки в здании архиерейского дома, а часть воспитанников переселить в общежитие Виленского духовного училища и таким образом 23 октября начался новый учебный год⁴. Несмотря на трудности, учащиеся и персонал ЛДС встретили начавшуюся военную кампанию с немалым воодушевлением: семинаристы в лазаретах устраивали религиозно-нравственные чтения, выступали с хоровым

Петербургский генеалогический портал [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.petergen.com/bovkalu/duhov/litsem.html>. – Дата доступа : 28.02.2018.

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 290–291.

² Там же. С. 425.

³ Арефьева, И. Приимите меня в свою любовь. С. 6, 124.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 65, 91–91 об.

пением, заботились о распространении религиозно-нравственной литературы для раненых воинов¹. Некоторые воспитанники оставляли учебу и поступали на военную службу в качестве добровольцев². Все сотрудники семинарии отчисляли 2% от своей зарплаты в пользу больничных лазаретов³. Перед новым 1914/1915 уч. г. было подано рекордное количество прошений о поступлении в первый класс. Правление постановило принять 51 ученика (больше не позволял «устав духовных семинарий») и не решилось открыть параллельный класс, поэтому остальные просьбы пришлось отклонить. Всего в 1914/1915 уч. г. в ЛДС обучалось 188 учеников.

После ряда неудач на фронте летом 1915 г. немецкие войска стали стремительно приближаться к Виленскому региону. 22 июня 1915 г. в Вильно было объявлено военное положение. Высшая власть в лице главного начальника Двинского военного района генерала К. Е. Туманова отдала распоряжение о срочной эвакуации населения, государственных учреждений и материальных ценностей. Вглубь России эвакуировались монастыри, подразделения епархиального управления, разные гимназии, духовные училища⁴.

Архиепископ Тихон (Белавин) согласовал со Святейшим Синодом вопрос о срочной эвакуации ЛДС. Дело было отдано в распоряжение военных властей, которые организовали эвакуацию учреждения. Семинарской корпорации, состоящей из сотрудников, их семей и воспитанников, было приказано явиться на железнодорожную станцию 20 июля 1915 г. в 01.30 ночи⁵. Подобные события, как и везде в то военное время, совершались спонтанно, поспешно и без хорошей организации. Как следует из архивных данных, администрация семинарии знала только пункт приезда – г. Витебск, без каких-либо подробностей о том, где можно разместить учреждение, каким образом продолжать образовательный процесс и т. д. Потом в неоднократных рапортах архиепископу Тихону ректор Лаврентий (Князев) признавался, что не имеет возможности продолжать деятельность семинарии, так как весь город наводнили другие эвакуированные учреждения. Руководству удалось найти только одну комнату для канцелярии, в городе не было муки, сахара и керосина, а что удавалось найти, стоило очень дорого⁶.

К проблемам добавилось еще и то, что при железнодорожной транспортировке была утеряна часть документов из канцелярского архива. Ректор архимандрит Лаврентий (Князев) командировал инспектора Вячеслава

¹ Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 127, 190.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 440. – Л. 66–66 об., 118.

³ Там же. Л. 64 об.

⁴ Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 209–210.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 440. – Л. 5.

⁶ Там же. Л. 6–10.

Васильевича Богдановича в Петроград, Полоцк, Двинск (Даугавпилс) и в другие города с миссией отыскать пропавший груз. В ноябре груз обнаружился, но, как оказалось, ящики с документами были разбросаны по разным станциям и повреждены, немалая часть бумаг безвозвратно утеряна¹. Лишь 1 декабря 1915 г. потерянная документация прибыла в г. Витебск².

В Вильно для охраны не вывезенного имущества остались преподаватель Павел Савицкий и эконом Иван Шведов. В особенной степени была дорога библиотека ЛДС, которую не было возможности эвакуировать³. Однако, как следует из архивных данных, впоследствии при оккупации города немецкими, а потом польскими войсками библиотечный фонд подвергся расхищению разными лицами. Кроме письменного собрания, большое количество разного материального имущества было отдано другим учреждениям, пока семинария находилась в эвакуации⁴. Впоследствии после возрождения семинарии ее сотрудникам пришлось много потрудиться для возвращения потерянного.

В Витебске без аудиторных помещений не представлялось возможным продолжать образовательный процесс. Изначально данную проблему пыталась решить Витебская духовная семинария, предоставив несколько кабинетов хотя бы для старших классов. Однако в сентябре 1915 г. занятия так и не начались, так как часть зданий Витебской семинарии были отданы под госпиталь⁵. Руководство Витебской епархии с пониманием отнеслось к проблемам Литовской семинарии и, пользуясь объявленным в городе перерывом в образовательном процессе, позволило занять все помещения в своей семинарии, чтобы в срочном порядке провести экзамены за 1914/1915 уч. г., что позволило всем учащимся выдать справки⁶.

При вышеописанных обстоятельствах ЛДС не могла провести новый набор учащихся 1915/1916 уч. г., занятия прекратились на неопределенный срок, администрация предложила воспитанникам ожидать их возобновления, но вместе с этим позволила переходить в другие учебные заведения⁷. Немалое количество семинаристов поступило в военные училища⁸.

Существенные изменения произошли и в составе преподавательской корпорации – учителя один за другим начали покидать учреждение сами или направлялись Учебным комитетом для работы в другие семинарии⁹.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 446. – Л. 1–22.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 445. – Л. 22.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 440. – Л. 1–1 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 119–120.

⁵ Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 2597. – Д. 155. – Л. 112, 161.

⁶ Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 212.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 456. – Л. 1–33; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 446. – Л. 2 об.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 45 об.

⁹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 479. – Л. 1–8.

Стало очевидно, что необходимо искать другое место для размещения семинарии. Благодаря небезразличному отношению архиепископа Тихона (Белавина), учреждение было спасено от полной ликвидации. Будущий патриарх командировал инспектора семинарии В. В. Богдановича для поиска нового места, также писал разным лицам с просьбой о помощи и в итоге нашел покровителя – епископа Рязанского и Зарайского Димитрия (Сперовского), с которым договорился о выделении для семинарии недостроенного здания, предназначавшегося для младших классов епархиального женского духовного училища. Это был так называемый Гавриловский приют, расположенный в архиерейской слободе, на окраине г. Рязани. Переезд состоялся в начале декабря 1915 г. Как следует из донесения ректора архиепископу Тихону, предоставленные помещения требовали благоустройства и даже частично были залиты водой, но руководство семинарии обещало их привести в порядок своими силами и срочно приступить к занятиям. Это и было сделано к 11 января следующего 1916 г.

В тяжелое для всех время особый пример энергичности и оптимизма показал инспектор семинарии В.В. Богданович, вместе с учащимися активно работавший по благоустройству семинарии на новом месте¹. В день памяти Виленских мучеников (27 апреля) поездом из Москвы прибыл и сам архиепископ Тихон, который побывал на уроках, пообщался с администрацией и убедился, что, несмотря на все трудности, образовательный процесс проходит без особых проблем².

Количество оставшихся учеников (из 188-ми накануне эвакуации) резко сократилось. По данной цифре имеется противоречивая информация – в нескольких исследованиях указывается, что ЛДС в г. Рязани обучала 53 воспитанников³, в архивных данных упоминается о 100–120 учащихся⁴. Противоречие объясняется следующим образом: во время пребывания в Витебске ЛДС покинула большая часть воспитанников⁵, и к моменту переезда в г. Рязань ученический коллектив состоял лишь из заявленных 53-х воспитанников. Позже, после относительной нормализации деятельности духовной школы, часть ушедших воспитанников стала постепенно возвращаться в родную семинарию. Как замечено в журнале педагогического совета, ушедшие ученики выбирали преимущественно духовные семинарии в

¹ Дорощев, А. М. Вячеслав Васильевич Богданович как церковно-исторический деятель (1878–1943?) : дипл. работа / А. М. Дорощев. – Жировичи : МинДС, 2010. – С. 12–13.

² Арефьева, И. Сподвижники св. патриарха Тихона на Литовской земле / Ирина Арефьева // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1999 г. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1999. – С. 289.

³ Арефьева, И. Богданович Вячеслав Васильевич / Ирина Арефьева, священник Феодор Кривонос, / Православная Энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр РПЦ, 2002. – Т. V. – С. 439; Фомин, А. Русские в истории и культуры Литвы / Андрей Фомин, Инесса Маковская. – Vilnius : Vaga, 2008. – С. 364.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 440. – Л. 20, 23–24.

⁵ Там же. Л. 1 об.

тех епархиях, куда эвакуировались из Северо-Западного края их родители. Кроме этого, ЛДС после переезда смогла набрать 10 учеников в первый класс, поэтому в январе 1916 г. образовательный процесс начался в составе всех шести классов¹.

В связи со стремительно ухудшавшейся экономической ситуацией в стране ЛДС после переселения в г. Рязань оказалась в тяжелом материальном положении. В рапортах Святейшему Синоду правление докладывало, что весной 1916 г. сильно возросли цены, поэтому бюджетного оклада для одного семинариста совершенно недостаточно. В городе начались перебои с доставкой пшеничной муки и сахара, поэтому ученикам приходится довольствоваться завтраком из чая с черным хлебом, также начался «сахарный голод». В связи с этим, когда все средства учреждения закончились, администрация просила разрешения Святейшего Синода окончить учебный год в мае и не производить переводных экзаменов².

Новый 1916/1917 уч. г. ЛДС встретила очередным пополнением: в родную школу вернулись еще 38 бывших воспитанников, кроме этого, руководство приняло 30 учеников из самой Рязанской епархии. В результате осенью 1916 г. в семинарии всего насчитывалось 108 учащихся, что демонстрировало хорошую жизнеспособность учреждения³.

В связи с тем, что в новом учебном году в Рязанскую духовную семинарию поступило большое количество воспитанников, ее администрация открыла три параллельных класса и попросила Литовскую семинарию уступить помещения Гавриловского приюта. В результате переговоров было найдено компромиссное решение – окончить учебный год ЛДС 6 января, после чего к учебе приступали параллельные классы Рязанской семинарии. Воспитанникам приходилось в экстренном порядке проходить годовую учебную программу всего лишь за полугодие. Одновременно правление школы дало особые указания воспитанникам для самостоятельной работы и самообразования в домашних условиях⁴. Следует отметить, что еще летом 1915 г. все эвакуированные семинарии получили от Учебного Комитета свод методических указаний, как следует организовать деятельность учебного заведения в условиях эвакуации, где замечалось, что в крайнем случае невозможности продолжать учебный процесс можно отпускать учащихся по домам и потом их собирать лишь для проверки знаний⁵.

После окончания учебного года 1 февраля 1917 г. последовал указ Святейшего Синода о возведении ректора ЛДС архимандрита Лаврентия

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 2 об.–3., 16 об., 22 об., 33, 63 об.

² Там же. Л. 33–34 об.

³ Там же. Л. 59–60 об., 62–63, 83 об.

⁴ Там же. Л. 55 об.–56, 93 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 440. Л. 18.

(Князева) в сан епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Данная епископская хиротония была последней, совершенной в Царской России. Впоследствии епископ Лаврентий принимал участие в Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., служил в Нижегородской епархии вплоть до прихода советской власти, а 6 ноября 1918 г. был расстрелян солдатами Красной армии; причислен к лику святых как священномученик в 2000 г.¹

Исследователь И. Арефьева пишет, что временно исполнять обязанности ректора ЛДС начал епископ Михайловский Амвросий (Смирнов), викарий Рязанской епархии², однако в архивных данных такой факт не отражен, в протоколах педагогического совета имя епископа Амвросия отсутствует. Вместо этого в сохранившихся документах семинарского архива упоминается, что новым ректором в то время назначен смотритель Торопецкого училища архимандрит Анатолий (Соколов). Новый руководитель приехал в семинарию предположительно не раньше апреля 1917 г., так как болел бронхитом³.

Несмотря на революционную разруху, ЛДС продолжала работать и на протяжении 1917/1918 уч. г. В ее стенах тогда проживало 115–125 учеников, в основном, беженцев из Северо-Западного края, также семинария принимала немало детей бедных крестьян из Рязанского края, т. к. обучение в тот момент стало бесплатным. Штат семинарии состоял из 11 преподавателей, секретаря правления, врача, духовника, эконома, письмоводителя и рассыльного при канцелярии⁴. Как следует из письма (1925 г.) бывшего воспитанника ЛДС новому руководству возрожденного учреждения, «вследствие военных обстоятельств» учебный год закончился еще в декабре 1917 г., то есть продлился всего лишь четыре месяца⁵. Действительно, в 1927 г. В. В. Богданович в своей статье, посвященной Виленской духовной семинарии, указал, что она работала вплоть до большевистской революции⁶. После Октябрьского переворота 1917 г. в стенах семинарии начала распространяться информация о возможном скором закрытии всех учебных заведений духовного ведомства⁷. Тем не менее, после окончания учебного процесса администрация семинарии поддерживала деятельность школы, вела канцелярскую работу, собирала заседания педагогического и распорядительного собраний. Некоторые преподаватели в это время имели возможность отправиться к своим семьям, с

¹ М. М. Э. Лаврентий (Князев) / М. М. Э. // Православная энциклопедия. – М., 2015. – Т. XXXIX. – С. 591–594; Высочайшие повеления // Церковные ведомости. – 1917. – № 6. – С. 33.

² Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 247.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 495. – Л. 1–7.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 99. – Л. 1 об., 2 об., 8–8 об.

⁵ Литовский центральный государственный архив (далее – ЛЦГА). Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 181.

⁶ Васілевіч, В. Віленская праваслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 177.

которыми в силу разных обстоятельств оказались разлученными по многим городам Российской империи¹.

В феврале 1918 г. администрация семинарии получила запрос от комиссии «по ликвидации эвакуированных учреждений» о жизнеспособности учебного заведения, на что руководство ответило докладом, что не собирается закрываться, в данный момент ждет решения вопроса об обратной эвакуации от Поместного Собора Российской Православной Церкви (РПЦ) и пока может дальше работать в Рязани. В апреле того же года вернулись из соборных заседаний преподаватели В. Предтечевский, В. К. Недельский, инспектор В. В. Богданович и известили, что «Церковный собор решил сохранить Семинарию до окончательного решения судьбы Литовской и Гродненской епархий и в первую очередь обеспечить ее материальным содержанием из имеющих поступить сумм от 10 рублевого сбора с пуда продажных свечей»².

В мае 1918 г. в семинарии стало известно о вышедшем декрете советского правительства о передаче к 15 июля 1918 г. всех учебных заведений всех ведомств в ведение Комиссариата по Народному Просвещению со всеми их кредитами и имуществом. Среди членов педагогического совета прошла дискуссия о том, как найти лучший выход из данной ситуации, чтобы сохранить учреждение. Было принято решение четыре младших класса преобразовать в общеобразовательную гимназию, а пятый и шестой сохранить как специально богословскую школу для подготовки пастырей, о чем руководство сообщило комиссару народного просвещения³.

В то время на Поместном соборе состоялось избрание архиепископа Литовского Тихона (Белавина) патриархом Московским и всея России, на место Виленско-Литовского архиерея временно назначен ее викарий, епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский). Последний в июне 1918 г. известил все учебные заведения и монастыри Литовской епархии, находящиеся в эвакуации, о предстоящем епархиальном собрании 4 июля 1918 г. в м. Глубокое Дисненского уезда. Следует отметить, что епархиальный центр до тех пор находился в эвакуации ввиду занятия г. Вильно немецкими войсками. Правление ЛДС со своей стороны отправила представителя В. Недельского для ознакомления с материально-правовым положением Православной Церкви в Виленском крае и возможной реэвакуацией⁴. Решения епархиального собрания на данный момент неизвестны.

В начале сентября 1918 г. семинария отправила инспектора В. В. Богдановича и преподавателя Михаила Хвалынского для изучения ситуации

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 99. – Л. 7.

² Там же. Л. 1–2 об., 6–6 об.

³ Там же. Л. 8–8 об.

⁴ Там же. Л. 9–9 об.

в городе Вильно и выяснения возможности вернуться в родной город. Очевидно, что после прихода советской власти стремительно ухудшавшаяся обстановка с отношением к религии вынудила руководство ЛДС задуматься о выборе «меньшего зла» и вернуться в оккупированный немцами Вильно. Тем не менее данный шаг получил благословение от высшей церковной власти, с указанием постоянно докладывать о всех дальнейших изменениях в Учебный Комитет¹.

Неизвестно, чем закончилась поездка представителей ЛДС и признали ли они возможным эвакуировать учреждение в оккупированный немцами город. Через семь дней после решения педагогического совета отправить данных сотрудников, а именно 10 сентября 1918 г. было получено отношение Рязанского Губернского Отдела Народного Просвещения «относительно сдачи в срочном порядке семинарского имущества»², что фактически означало всецелую ликвидацию учреждения. В сохранившихся документах семинарского архива периода эвакуации данная заметка является последней, касающейся деятельности ЛДС в г. Рязани.

В целом период эвакуации ЛДС в г. Рязань представлен малым количеством архивных документов, имеющих фрагментарный характер. Выявить систематическую и последовательную картину деятельности семинарии представляется невозможным. То же самое касается и почти всех ее преподавателей, в большинстве так и не вернувшихся в прежнюю школу – об их судьбе в документах семинарского архива нет никакой информации.

Подводя итог истории ЛДС периода Российской империи (1828–1918), следует отметить, что смена формы государственного правления после Первой мировой войны обернулась трагедией для православного духовного образования на территории современной Беларуси. Больше десятка духовных училищ были полностью уничтожены, и школы такого типа больше никогда не возрождались. Надежда на открытие своей «белорусской» духовной академии была отложена еще на целое столетие. Духовные семинарии в Минске и в Витебске были на долгое время закрыты. До Второй мировой войны Виленская и частично Кременецкая духовные семинарии оставались единственными центрами низшего и среднего духовного образования для православной белорусской молодежи.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 99. – Л. 10–11.

² Там же. Л. 12–12 об.

2.3 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором Вячеславом Васильевичем Богдановичем (октябрь 1919 – октябрь 1922 гг.)

После Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. на бывшей территории Северо-Западного края Российской империи начали образовываться независимые государства: Польская, Литовская и Белорусская республики, которые непродолжительное время воевали между собой, чтобы установить максимально выгодные границы для каждой страны. В результате этого польским войскам удалось захватить Виленский край, который некоторое время имел неопределенное юридическое отношение к Польше. Впоследствии на этой территории было образовано отдельное государство «Средняя (или Срединная) Литва», которое фактически являлось марионеточным владением Польской Республики и официально присоединено к ней в апреле 1922 г. Лига Наций юридически признала притязания Польши на Среднюю Литву, которая отныне на польский манер стала именоваться Виленским воеводством.

Военное время и массовое бегство православных жителей совершенно изменили вероисповедный контингент Виленского региона. Так в 1921 г., по данным официальной статистики, количество православных в Виленском уезде составляло лишь 0,9% от всего населения¹.

Как упоминалось выше, еще в 1917 г. состоялось избрание Литовского архиепископа Тихона (Белавина) в качестве патриарха Русской Православной Церкви, и епархиальное управление, эвакуированное из столицы Вильно в г. Дисна, временно передано епископу Елевферию (Богоявленскому), который до этого являлся викарием Ковенской епархии. После прекращения работы Поместного собора РПЦ (1917–1918) епископ Елевферий получил возможность вернуться в кафедральный город, что и сделал 18 ноября 1918 г., когда Вильно еще был занят немецкими войсками². Впоследствии после отступления немецкой армии и разразившегося военного конфликта между Литвой и Польшей каноническая церковная территория Виленско-Литовской епархии оказалась разделена между этими двумя государствами, не имеющими между собой дипломатических отношений. Та часть епархии, которая располагалась в пределах Литовской Республики, стала для правящего архиерея недоступной. На все официальные просьбы епископа Елевферия посетить паству в «Ковенской Литве» он получал отказ. Литовские власти были категорически против того, что архипастырем литовских граждан православного вероисповедания является гражданин Польши, а также не признавали

¹ Дисненском уезде 50% православных, Дуниловичском – 46%, Бреславском – 5–6%, Вилейском – 73–79%, Ошмянском – 26%, в Свенцяном – 7,8%, Трокском – 1%. Количество православных в Виленщине // Виленское Утро. – 1922. – 17 июля. – № 275. – С. 4.

² ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 13.

православный Епархиальный Совет, сформированный в «польском» Вильнюсе. Разумеется, в данной ситуации непримиримая вражда литовских чиновников была направлена не против самой Православной Церкви, а скорее вызвана недавними политическими обстоятельствами – обидой за потерянную столицу и как следствие такой дипломатической игрой. Уже через несколько лет то же Литовское правительство инициировало протест против заключения архиепископа Елевферия под стражу, добилось его освобождения и приняло архиерея на свою территорию¹.

Предположительно, что еще в 1918 г. вместе с епископом Елевферием или в ближайшее время вернулся и ближайший его помощник – инспектор Литовской духовной семинарии В. В. Богданович. В скором времени из эвакуации прибыли и другие бывшие сотрудники ЛДС: Владимир Климентович Недельский и Василий Предтечевский. Владимир Климентович вместе с В. В. Богдановичем участвовали в Поместном соборе РПЦ от лица мирян Литовской епархии, после возвращения составили ядро Литовского епархиального совета, учрежденного вместо бывшей духовной консистории, и начали работать над восстановлением церковной жизни.

Одной из приоритетных задач при возрождении епархии было открытие духовной школы. По этому вопросу епископ Елевферий имел частное совещание с бывшими преподавателями еще в сентябре 1919 г. Было решено ходатайствовать перед польскими властями об открытии двух старших классов семинарии, в результате чего получено разрешение от школьного инспектора г. Вильно учредить такие курсы².

Решение открыть только пятый и шестой (так называемые старшие, или богословские) классы семинарии объясняется несколькими причинами. Во-первых, большинство преподавателей и учащихся еще оставались в России. Во-вторых, во время Первой мировой войны на территории Северо-Западного края осталось не больше 10 священников³, многие покинувшие свои приходы так и не вернулись обратно⁴. Когда началось массовое возвращение беженцев, проявился крайний недостаток духовенства, храмы пустовали, закрывались польскими властями. Учрежденные двухгодичные пастырско-богословские курсы были призваны в кратчайшее время восполнить нужное количество

¹ К делу архиепископа Елевферия // Виленское Утро. – 1922. – 4 декабря. – № 415. – С. 4; Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 358.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 1–2; Нельзя согласиться с утверждением польских исследователей, что пастырские курсы были открыты без разрешения государственных властей. Tofiluk, J. Prawosławne szkolnictwo w okresie międzywojenny / Jerzy Tofiluk // Elpis. – 2006. – № 8/13/14. – С. 77; Pawluczuk, U.A. Seminaria duchowne w Krzemieńcu i w Wilnie / U.A. Pawluczuk // Szkolnictwo prawosławne w Rzeczypospolitej. – Zakład Historii Kultur Pogranicza Instytutu Socjologii Uniwersytetu w Białymstoku : Białystok, 2007. – S. 168.

³ Свитич, А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Православная церковь на Украине и в Польше. – Материалы по истории Церкви. Книга 14 / редкол. : протоиерей Валентин Чаплин [и др.] – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – С. 92.

⁴ Микуленок, А. А. Положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920–1930-е гг. / А. А. Микуленок // ASPECTUS. – 2016. – № 1. – С. 55.

духовенства. В-третьих, как в журнале педагогического совета отметили сами основатели пастырских курсов: «об открытии всех классов ходатайство было бы безнадежно, так как не разрешались и другие школы с преподаванием на русском языке»¹. Приводимая цитата показывает, что уже с самого открытия Виленской семинарии в Польской Республике сразу наметились новые тенденции деятельности в совершенно других государственно-политических условиях.

19 октября 1919 г. состоялось первое педагогическое собрание, на котором правление решило начать учебный процесс с 19 ноября 1919 г. (по новому стилю) «в связи с назревшей необходимостью и по просьбам различных лиц епархии из-за недостатка богословского образования». Епископ Елевферий занял место председателя педагогического совета и назначил инспектора В. В. Богдановича исполняющим обязанности ректора семинарии, а исполняющим обязанности инспектора был назначен В. К. Недельский. В. Предтечевский работал только в качестве преподавателя. К первому кругу лиц, участвовавших в возрождении семинарии, примкнул священник Михаил Кушнев, член епархиального совета, которому поручили обязанности секретаря².

Формулировки «исполняющий обязанности ректора/инспектора» или «временно исполняющий обязанности ректора/инспектора» использовались по причине ожидания реэвакуации из России штатного ректора семинарии архимандрита Анатолия (Соколова) и других сотрудников. Однако бывший глава семинарии так и не вернулся. В. В. Богданович подписывался как временный ректор вплоть до октября 1922 г., когда на эту должность митрополит Георгий (Ярошевский) назначил игумена Филиппа (Морозова).

Такая небольшая рабочая группа, состоявшая всего из пяти человек, поделила между собою преподавание девяти предметов и вполне успешно работала в течение двух учебных лет (1919/1920; 1920/1921). Без особых помощников координировалось множество вопросов: финансового, юридического, хозяйственного и учебного характера.

Следует отметить, что официальный печатный орган епархии «Литовские епархиальные ведомости» прекратил издательство в эвакуации в 1916 г. После войны работа над его изданием была возобновлена, но несколько позже открытия семинарии – в 1921 г. По этой причине всем благочинным была поручена задача объявить о наборе кандидатов на пастырско-богословские курсы. Впоследствии при открытии семинарии успешно сформировался первый набор воспитанников, однако поток желающих поступить не прекращался весь учебный год. 19 ноября 1919 г. начало занятий было освящено молитвой за Божественной Литургией и молебном в Свято-Духовом монастыре, в пять

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 1.

² Там же. Л. 3–4.

часов вечера начались занятия. Вечернее время учебы объясняется тем, что в утренние часы аудитории занимала Виленская белорусская гимназия¹.

В первое время после открытия Виленской духовной семинарии (далее – ВДС) пришлось работать в очень нестабильной политической обстановке в Виленском крае. Учреждение испытывало серьезные финансовые и хозяйственные трудности. В организационной части семинарии, ввиду продолжающихся военных действий, также царил своеобразный хаос: после захвата железнодорожных путей военными учащиеся не имели возможности приехать на учебу²; текущие вопросы приходилось принимать спонтанно; часто прием учеников осуществлялся без предоставления необходимых документов, иногда была лишь устная договоренность; не был выработан четкий дисциплинарный план, что приводило к частому проявлению своеволия воспитанников, в большинстве своем живущих на частных квартирах³.

С другой стороны, в архивных документах явно наблюдается оптимизм сотрудников и отсутствует информация о возможном закрытии пастырских курсов. Скорее всего, следует отдать должное талантливой администрации семинарии, в особенности ее ректору В. В. Богдановичу, которого историография описывает с самой положительной стороны. К таковой можно еще добавить и талант дипломата – Вячеслав Васильевич поддерживал хорошие отношения с Виленской белорусской гимназией, с Виленским русским и другими обществами, участвовал в заседаниях с местными представителями польской власти⁴.

Важным показателем успешной деятельности ВДС является постепенно увеличивавшийся поток прошений с просьбами о зачислении в классы. При этом, в 1920 г. начались подаваться прошения о принятии не только в богословские, но и в другие классы семинарии. Администрация решила условно принять молодых людей в пятый класс в декабре 1920 г.⁵, но количество прошений так стремительно росло, что в феврале 1921 г. группа бывших воспитанников ЛДС заявила, что готовы сами платить преподавателям в случае открытия для них еще и четвертого класса. Правление пошло навстречу таким неуклонным просьбам. Вместе с этим пришло осознание, что необходимо расширять учреждение и выходить из формата только пастырско-богословских курсов. Как в будущем пояснял В. В. Богданович, количество поступающих резко возросло в силу того, что земли Литовской, Гродненской и

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 2–4.

² Там же. Л. 10.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 5–6.

⁴ ЛГИА. Фонд 1004. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 44.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 16–17.

частично Минской епархий к 1921 г. окончательно присоединились к Польше, что сделало свободным перемещение по всей территории¹.

После открытия четвертого класса на том же педагогическом собрании обсуждался вопрос, какой вид будет иметь учреждение – гуманитарная школа или следует сохранить старую семинарию. Администрация решила в пользу семинарии, так как «учреждение имеет своей воспитательной целью подготовить достойных будущих пастырей, а преобразование в гуманитарную школу все равно не даст права выпускникам школы поступать в университеты». Также было решено внести корректировки в жизнь духовной школы согласно тем положениям, которые обсуждались на Поместном Соборе РПЦ, а именно дополнить учебную программу предметами, которые востребованы конкретной местностью, в данном случае – белорусоведением и польским языком².

Следует отметить, что решение не в пользу гуманитарной школы с первого взгляда является несколько противоречивым, так как в итоге с начала нового 1921/1922 уч. г. учреждение приняло вид именно такой школы, в отличие от структуры дореволюционных семинарий. Однако руководство семинарии под «гуманитарной школой» понимало не столько количество классов, сколько сам характер школы, в данном случае она не имела бы привычного семинарского порядка с литургической жизнью, своей спецификой в воспитательной части и т. д. Также, забегая вперед, можно подчеркнуть, что опасения администрации о невозможности выпускников поступить в высшие школы впоследствии не оправдались. Некоторые выпускники, выдержав дополнительный экзамен для получения аттестата зрелости, продолжили свое образование в польских университетах. После государственной аккредитации в 1925 г. такая возможность стала доступна для всех выпускников семинарии.

Преобразованная духовная школа соединила в себе четыре класса бывших духовных училищ и шесть классов духовной семинарии в структуру одного учебного заведения, оставив прежнее наименование – «духовная семинария». Другими словами, администрация решила объединить в одном учреждении начальное и среднее духовное образование. В сумме из десяти классов первые восемь постановили считать общеобразовательными, а последние два – специальными или богословскими классами³. Намерение расширить духовную семинарию до десяти классов получило одобрение епархиального собрания Литовской епархии летом 1921 г.⁴

Данная крупная реорганизация духовной школы не являлась исключительным новшеством в церковной жизни. Еще после разработки устава

¹ Васілевіч, В. Віленская прываслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 20.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Литовское епархиальное собрание 22–27 июня // ЛЕВ. – 1921. – Сентябрь. – № 2. – С. 2.

духовных академий в 1910–1911 гг. планировалось приступить к реформе духовных семинарий, и на высшем церковном уровне уже предлагались подобные достаточно смелые проекты. Основная задача предлагаемых реформ состояла в постепенном отделении курса общеобразовательных наук от церковно-богословских, другими словами, целью реформы виделось вынесение общеобразовательного образования из семинарии и функционирование ее только в качестве специального училища, имеющего лишь одну задачу – непосредственную подготовку священнослужителей¹. Как показали дальнейшие события, данный процесс в Польской Республике еще больше усилился, в результате чего в конце 1930-х сформировалась современная модель образования, когда семинария существует в рамках исключительно высшего специального образования и не имеет ничего общего с начальной и средней ступенями.

Необходимо подчеркнуть, что ВДС не взяла на себя задачу обучать начальной грамоте, то есть функцию подготовительных классов, которые существовали при бывших духовных училищах. Воспитанники, поступающие в первый класс семинарии, должны были сдать письменный экзамен и показать навыки начальной грамоты. Такое положение исходило из того, что Польская Республика, со времени своего возрождения, старалась решить проблему неграмотности путем учреждения широкой сети начальных «повсехных школ» и достигла в этом определенных успехов. Кроме формирования государственных польских начальных школ, русскими эмигрантскими и белорусскими обществами также открывались начальные русские и белорусские школы, куда принимались дети, желающие обучаться грамоте².

Для выяснения причин объединения начального и среднего духовного образования в одной десятиклассной духовной семинарии необходимо отметить несколько этому способствовавших факторов. Нужды православного духовного образования на территории Польской Республики до Первой мировой войны обеспечивались множеством духовных училищ и четырьмя семинариями: в Холме, в Минске, в Вильно и в Житомире. Во время войны почти все духовные училища были уничтожены или ликвидированы³. Многие училища как в Польской Республике, так и в Советской России вынужденно трансформировались в учительские семинарии, а несколько позже в «педагогические курсы»⁴. Исключение составляли лишь два училища (женское и мужское) в г. Кременце, которые впоследствии митрополитом Варшавским

¹ Смолич, И. К. История Русской Православной Церкви. С. 488.

² В 1922 г. в г. Вильно числились четыре начальные русские школы, где обучались 255 детей. Такие школы существовали на частные пожертвования и имели крайнюю нужду во всем; Русская народная школа // Виленское Утро. – 1922. – 3 апреля. – № 173. – С. 3.

³ Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939 / Mirosława Papierzyńska-Turek. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – S. 281.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 204–207, 216–217.

Георгием (Ярошевским) были перенесены в село Дермань, где при местном монастыре имелись удобные помещения¹. Однако вскоре данные училища Польское правительство реформировало в обычные гимназии. Что касается Виленской и Гродненской епархий, тут до войны функционировали два духовных училища – Виленское и Жировичское, из которых приходил основной контингент учащихся в ЛДС². Разумеется, при полном разрушении начальной ступени духовного образования правление семинарии решило взять выполнение этой задачи на себя. Такое решение, как показало время, с одной стороны, было весьма успешным, учебное заведение стало широко известно, привлекало многих молодых людей, желающих получить общее образование. С другой стороны, восемь общеобразовательных классов, существенно отличающихся от двух богословских изучаемыми предметами, попали в поле зрения польских школьных властей, которые стремились превратить их в обычную гуманитарную гимназию.

Вместе с объявлением об открытии полноценной общеобразовательной духовной школы распространялась информация о принятии в семинарию всех детей, независимо от их сословия³. В результате к сентябрю 1921 г. было собрано 259 прошений о поступлении, и прошения продолжали подаваться в течение всего учебного года⁴. Для сравнения: при открытии пастырско-богословских курсов в ноябре 1919 г. было принято приблизительно 12–20 воспитанников⁵.

Необходимо отметить, что ВДС в ранний период послевоенного времени все-таки не могла справиться с задачей по подготовке достаточного количества кандидатов в духовенство. По этой причине было много случаев, когда архиереи поспешно рукополагали кандидатов без духовного образования для служения в пустующих храмах⁶.

Преобразованная ВДС оформила свой юридический статус в качестве частной русской гуманитарной школы и в октябре 1921 г. успешно продолжила образовательную деятельность. Нельзя согласиться с утверждением польской исследовательницы Мирославы Турек, на которую ссылаются другие издания,

¹ Организация православного духовного образования в Польше // Слово. – 1933. – 23 апреля. – № 32 (139). – С. 8.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 1; Шлевис, Г. П. Виленская и Литовская епархия / Г. П. Шлевис / Православная Энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр РПЦ, 2004. – Т. VIII. – С. 467.

³ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия / священник Евстафий Баслык; под ред. священника Феодора Кривоноса. – Мн.: Лучи Софии, 2005. – С. 41.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 35–39.

⁵ В документах периода 1919–1921 гг. отсутствует статистика по этому вопросу. Определить примерное количество учащихся удалось только методом подсчета фамилий воспитанников, которые в фрагментарном порядке встречаются в журнале педагогического совета.

⁶ Ю. р-ий. Будущее средней духовной школы в Польше / Ю. р-ий // Воскресное чтение. – 1924. – 1 июня. – № 18. – С. 280.

что ВДС в 1919–1921 гг. работала с перерывами¹, чему явно противоречат журналы заседаний педагогического совета 1919–1922 гг.

К новому 1922/1923 уч. г. ситуация в ВДС кардинально изменилась. Первостепенное значение имело то обстоятельство, что в этот период начался конфликт архиепископа Виленского и Лидского Елевферия (Богоявленского) и ближайшего его помощника В. В. Богдановича с митрополитом Георгием (Ярошевским) по вопросу автокефалии православной митрополии в Польше². Ввиду категорического нежелания архиепископа Елевферия идти на компромисс с польским правительством и разорвать церковные связи с Московским Патриархатом митрополит Георгий решил проявить свои властные административные полномочия. В частности, в поле его зрения оказался единомышленник архиепископа Елевферия – ректор семинарии В. В. Богданович. В составленном обвинительном акте против архиепископа Елевферия в одном из пунктов значился тот факт, что обязанности ректора Виленской семинарии исполняет мирянин вместо лица в духовном сане. Как известно, в XVII–XIX вв. сложилась традиция назначения ректорами духовных семинарий лиц из среды образованного монашества, облеченного саном. Даже устав 1867 г., предоставивший больше свободы семинарским правлениям, требовал у ректоров наличия духовного сана³. Архиепископ Елевферий назначил на эту должность мирянина В. В. Богдановича в качестве временно управляющего, что являлось вполне легитимным исключением, учитывая недостаток кадров послевоенного времени, а также образованность, огромный опыт работы в духовной школе и другие положительные профессиональные и личностные качества В. В. Богдановича. Следует также добавить, что согласно официальному решению Поместного Собора РПЦ (1917–1918) участвовавшие в нем миряне обладали авторитетным правом в решении церковных дел на местах. Более того, Устав духовных семинарий 1884 г., которым на тот момент пользовалась семинария, предписывал архиерею в случае отсутствия ректора назначать временно на эту должность инспектора⁴.

В ответ на указ Священного Синода Варшавской митрополии назначить на должность ректора ВДС лицо в священном сане архиепископ Елевферий отказался на том основании, что ректором является архимандрит Анатолий

¹ Разумеется, если не считать зимние и летние каникулы за такие перерывы. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. С. 279.

² Конфликт подробно освящен в историографии, поэтому в работе приведены детали, касающиеся только семинарии.

³ После 1867 г. получивший избирательное право педагогический совет ЛДС почти всегда выбирал ректора из белого духовенства. Однако Святейший Синод все равно не одобрял такие кандидатуры, оправдывая это тем положением, что ректор должен быть одновременно наместником Виленского Свято-Троицкого монастыря, а женатый священник не может жить с семьей в монастыре. Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 297–299.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. – СПб : Синодальная Типография, 1888. – С. 5, 14.

(Соколов), которого правление семинарии «ожидает с прибытием каждого эшелона»¹. Разумеется, очередное сопротивление архиепископа Елевферия еще больше усилило конфронтацию. В этот раз Священный Синод, без предупреждения, указом от 31 августа 1922 г. уволил В. В. Богдановича с должности ректора ВДС и назначил на его место инспектора той же семинарии игумена Филиппа (Морозова) с одновременным возведением его в сан архимандрита². Данный указ сначала получил только игумен Филипп и предложил его экстренно рассмотреть на заседании педагогического совета. Такое заявление стало полной неожиданностью для архиепископа Елевферия и привело его в смятение – как архиерею своей епархии ему полагалась полная власть над духовной школой, и конфликтный указ со стороны Варшавской церковной власти было трудно однозначно принять. Вместе с этим архимандрит Филипп, который работал инспектором семинарии с ноября 1921 г., отказался исполнять эту должность, считая себя по праву ректором³. Архиепископ Елевферий принял временное компромиссное решение – в отсутствие в семинарии В. В. Богдановича обязанности ректора будет исполнять архимандрит Филипп⁴.

6 сентября 1922 г. Священный Синод Православной Митрополии в Польше составил обвинительный документ «о вредной и угрожающей Церкви смутной деятельности Архиепископа Виленского Елевферия», лишил его кафедры и передал это дело на дальнейшее рассмотрение государственным органам. В девятом пункте названного документа значилось обвинение – за удерживание мирянина в должности ректора ВДС. 13 октября, в канун праздника Покрова Божией Матери, после Всенощного бдения архиепископа Феодосия арестовали полицейские и отправили в католический монастырь в г. Краков⁵. Вместе с ним был арестован и ближайший помощник В.В. Богданович, который, однако, в скором времени был освобожден⁶. Необходимо подчеркнуть, что в появившейся в 1997 г. научно-популярной статье ошибочно замечалось, что Вячеслав Васильевич тайно сопровождал архиепископа Елевферия к месту заключения, что впоследствии неоднократно повторялось в других статьях⁷.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 3.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 7; Новый ректор // Виленское Утро. – 1922. – 13 сентября. – № 333. – С. 4.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 101–102.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 1 об.–2.

⁵ Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 352.

⁶ Васілевіч, В. Віленская прываслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 10.

⁷ Калужанка, Л. Дзеля Царквы і Бацькаўшчыны: В.В. Багдановіч (1878–1941?) / Лідзія Калужанка // Беларускі Праваслаўны каляндар, 1997 г. – Мн.: Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трэх Віленскіх Мучанікаў, 1996. – С. 126.

На второй день после ареста архиепископа Елевферия приехал командированный из Варшавы архимандрит Антоний (Марценко), который распустил Литовский епархиальный совет, состоящий из педагогического ядра ВДС и по распоряжению митрополита Георгия учредил консисторию с совершенно новой рабочей командой¹. Преподаватели семинарии возмутились такими административными мерами церковного начальства и отказались сотрудничать с епархиальным управлением².

Пользуясь случаем, пока В. В. Богданович находился в Кракове, архимандрит Филипп (Морозов) поторопился захватить важнейшую документацию до возвращения бывшего ректора. 16 октября перед занятиями он собрал всех воспитанников в зале и прочитал им указ Священного Синода о своем вступлении в должность ректора. Сам архимандрит Филипп так докладывал в рапорте митрополиту Георгию: «Воспитанники с радостью приветствовали мое вступление»³. Необходимо отметить, что по воспоминаниям бывшего ученика Евстафия Баслыка, обстановка среди воспитанников была совершенно иная – все изменения были приняты с бурным протестом, «когда архимандрит Филипп первый раз появился в семинарии в мантии и клобуке, накал страстей был такой большой, что казалось побоище неминуемо». Как дальше отмечает священник Евстафий, архимандрит Филипп принял идеальное решение – распустить на две недели всех учащихся по домам «для остужения накаленного запала»⁴. Впоследствии один из дежурных помощников инспектора Николай Шероцкий «с большим рвением и авторитетом» проводил успокоительную работу среди воспитанников семинарии⁵. Как замечает Евстафий Баслык, В. В. Богданович действительно имел огромное влияние на молодые умы учащихся. Предположительно первый ректор оставил в семинарии группу сторонников его мировоззрения – противников автокефалии и дальнейшей полонизации учебного заведения. Как показали дальнейшие события, данная группа учеников несколько раз открыто проявляла оппозиционные настроения и отличалась от учащихся, поступивших уже после 1922 г.

Позже администрация архимандрита Филиппа оставила в документах иной взгляд на происходившие события. По ее утверждению, после своего увольнения В. В. Богданович забрал с собой значительную часть денег и перевел их для оплаты долгов епархиального совета Виленско-Лидской епархии. В связи с опустившейся семинарской кассы новый ректор

¹ Новый состав консистории: архимандрит Анатолий (Марценко), протоиерей Александр Сосновский, протоиерей Михаил Плис, преподаватель Виленской белорусской гимназии Симеон Рак-Михайловский. Должность секретаря поручена инспектору той же гимназии Николаю Красинскому.

² Свитиц, А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 119–120.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 6.

⁴ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 45.

⁵ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 6 об.

архимандрит Филипп не мог дальше оплачивать труд преподавателей, поэтому объявил в семинарии вынужденные каникулы, дабы за это время уладить вопрос о государственной помощи¹.

17 октября 1922 г. в г. Вильно вернулся В. В. Богданович и сразу отправился к делегату правительства с некоторыми заявлениями. Последний приказал подчиниться Варшавскому Священному Синоду и прекратить исполнять обязанности ректора семинарии. Лишенный всякой опоры, как церковной в лице архиепископа Елевферия, так и государственной, Вячеслав Васильевич решил больше не препятствовать передаче учебного заведения в руки архимандрита Филиппа. В непродолжительной переписке с новым ректором он был приглашен остаться в качестве преподавателя, с условием не проводить агитации против митрополита Георгия среди преподавателей и воспитанников. В ответ В. В. Богданович отказался от предложения, назвал архимандрита Филиппа «агентом неканонической церковной власти в Польше» и сказал, что «хочет быть как можно дальше от семинарии»².

Вместе с этим после возвращения В. В. Богдановича с 18 по 23 октября 1922 г. почти все преподаватели ВДС начали подавать заявления об увольнении. Весь ушедший коллектив вместе с бывшим ректором собирался на «секретные заседания бывших педагогов». Скорее всего, таким способом была предпринята попытка отомстить высшей церковной власти и вынудить нового ректора семинарии архимандрита Филиппа уволиться. Действительно, семинария испытала педагогический кризис: из 24 преподавателей³ остались лишь пять: ректор архимандрит Филипп, инспектор Иосиф Дзичковский и три контрактных сотрудника. В быстром порядке были еще приглашены педагоги Николай Шероцкий и Александр Свитич, впоследствии в таком составе администрация семинарии пыталась проводить все занятия. Тем не менее новый ректор проявил себя решительно в отстаивании своих позиций и быстро сумел восстановить преподавательский штат, для чего приглашал из других учебных заведений контрактных сотрудников. Проведение учебных занятий в ВДС в вечернее время значительно облегчило задачу, так как приглашенные педагоги были внешними совместителями.

В ответ на вышеописанные поступки бывшего ректора 23 октября 1922 г. митрополит Георгий постановил запретить В. В. Богдановичу занимать любую должность в православных духовно-учебных заведениях Православной Церкви в Польше⁴. Впоследствии восемь из ушедших преподавателей смирились с

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 10 об.–11.

² Там же. Л. 6–9.

³ Цифра может не отображать полной точности, так как получена уже упомянутым методом суммирования фамилий, в силу отсутствия статистической ведомости и фрагментарности информации.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 2 об.

новыми реалиями и попросились назад в ВДС, их просьба была удовлетворена. Таким образом, ситуация с учебным процессом стабилизировалась.

В качестве благодарности и поощрения нового руководства духовной школы митрополит Георгий в ноябре 1922 г. прислал в распоряжение администрации один миллион польских марок¹. Министерство религиозных исповеданий и народного просвещения (далее – Министерство РИиНП) в свою очередь добавило 800 тысяч марок². Также ректор архимандрит Филипп представил к награде инспектора семинарии священника Иосифа Дзичковского, нового эконома иеромонаха Варнаву³ и других сотрудников «за ревностную работу в переходный момент жизни Семинарии <...> по пути послушания Вашему Преосвященству как каноническому Первосвятителю Православной Церкви в Польше»⁴.

В заключение описания периода ректорства в ВДС В. В. Богдановича следует отметить, что вышеописанный конфликт негативно повлиял на авторитет духовной школы в Польской Республике. Радикальные административные указы митрополита Георгия спровоцировали открытое противостояние сотрудников семинарии с высшей церковной властью, что было расценено как вражда по отношению к самой государственной власти. После ареста архиепископа Елевферия в Министерстве РИиНП даже обсуждался вопрос о закрытии ВДС, но в этот раз учреждение спасло логичное заключение чиновников: «закрытие семинарии было бы политически некорректным действием, которое может привести к еще худшим последствиям, чем депортация архиепископа Елевферия, это может быть расценено как акт религиозного преследования и потом использоваться определенными элементами внутри страны и на международной арене»⁵. Вместе с этим анализ документов семинарского архива позволяет утверждать, что изначально командой В. В. Богдановича были выстроены грамотные отношения с правительственными властями, и семинария, будучи «частной русской школой», уже получала финансовую помощь, которую местные школьные власти не были обязаны оказывать такого типа учебным заведениям. Архивную документацию подтверждает В. В. Богданович в своей статье: «Трэба аддаць справядлівасьць, што ўрад польскі адносіўся тагды зусім прыхільна да сэмінарыі. Без усялякіх прозьбаў з боку архіеп. Елеўферыя і

¹ Хроника // Виленские епархиальные ведомости. – 1922. – 1 декабря. – № 2. – С. 1.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 12.

³ Фамилию не удалось выявить.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 567.

⁵ Pawluczuk, U.A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej* / U.A. Pawluczuk. – Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2007. – S. 280; Опасения государственных чиновников действительно не были пустыми, к примеру 23 января 1923 г. на заседании Сейма депутат от белорусской партии Б. Тарашкевич сказал речь о религиозных преследованиях белорусского народа и напомнил о заключении архиепископа Елевферия в католическом монастыре. Речь лидера белорусов // За Свободу! – 1923. – 23 января. – № 18 (759). – С. 3.

выпаняўшага ў тых часы абавязкі рэктара сэмінарыі В. Багдановіча ён адпусціў на сэмінарыю запамогу, якая памагла яе адміністрацыі браць самую дзяшовую плату за навуку і зрабіць пры ёй інтэрнат. У самае унутранае жыццё сэмінарыі урад ня ўмешываўся...»¹. Можно предположить, что дальнейшая история ВДС в Польской Республике сложилась бы существенно иным образом, если бы не случившийся конфликт внутри самой Православной Церкви.

2.4 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором архимандритом Филиппом (Морозовым) (ноябрь 1922 – август 1924 гг.)

Виленская духовная семинария после пережитого кризиса и двухнедельных вынужденных каникул возобновила свои занятия 14 ноября 1922 г.². После ареста архиепископа Елевферия (Богоявленского) временное управление Виленской епархией взял на себя митрополит Георгий (Ярошевский). Следовательно, духовная школа, находившаяся в юрисдикции Виленской епархии, оказалась под контролем данного иерарха. С этого времени учебные планы, назначение преподавателей, протоколы педагогических советов и другая документация проходили через Варшавскую канцелярию с наложением резолюции митрополита Православной Церкви в Польше. Как архимандрит Филипп (Морозов), так и последующие ректоры совершали регулярные поездки в Варшаву для доклада Священному Синоду и Министерству РИиНП о работе вверенной им семинарии за минувший отчетный период³.

Через две недели после возобновления занятий, в начале декабря, семинарию посетил и сам митрополит Георгий (Ярошевский), приехавший с членами Священного Синода православной митрополии в Польше, скорее всего, для исследования ситуации на месте. Иерарх совершил литургию с панихидой по усопшему Литовскому митрополиту Иосифу (Семашко) по случаю дня его смерти (6 декабря). Также состоялся визит митрополита к делегату правительства г. Вильно, однако детали встречи местной прессой не раскрывались⁴.

После прихода архимандрита Филиппа на место ректора в октябре 1922 г. в официальном делопроизводстве наименование семинарии «Литовская» было

¹ Васілевіч, В. Віленская прываслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Пываслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

² В Виленской духовной семинарии // Виленские епархиальные ведомости. – 1922. – 1 декабря – № 2. – С. 8.

³ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 23 июня. – № 1337. – С. 3.

⁴ К приезду митрополита Георгия // Виленское Утро. – 1922. – 4 декабря. – № 415. – С. 4; Митр. Георгий в Вильне // Виленское Утро. – 1922. – 7 декабря. – № 418. – С. 4.

скорректировано в более соответствующее политическим реалиям межвоенного времени – «Виленская православная духовная семинария»¹. Данный факт подтверждается разрешением от представителя государства архимандриту Филиппу на право изготовления печати с надписью «Wileńskie Prawosławne Seminarjum Duchowne»². Следует отметить, что в делопроизводственной переписке и на страницах печати семинария часто называлась «Виленской» еще с 1845 г., когда произошел ее переезд из Жировичи³. Одновременное использование обоих вариантов часто случалось как в межвоенный период, так и позже⁴.

В феврале 1923 г. произошла насильственная смерть митрополита Георгия (Ярошевского). Его преемником вплоть до 1947 г. стал митрополит Дионисий (Валединский), который полностью поддержал линию церковно-государственных отношений своего предшественника, что в свою очередь для ВДС предвещало дальнейшую интеграцию в польскую систему образования.

В мае 1923 г. состоялся переезд в Польшу архиепископа Смоленского и Дорогобужского Феодосия (Феодосиева), временного управлявшего Одесской епархией. Новый архиерей получил назначение на Виленско-Лидскую кафедру⁵. Данную кафедру до дня своего ареста, 14 октября 1922 г., возглавлял архиепископ Елевферий (Богоявленский), потом она перешла во временное управление архиепископу Волынскому и Кременецкому Дионисию (Валединскому). После смерти митрополита Георгия (Ярошевского), управление Виленско-Лидской епархией было передано епископу Луцкому Алексию (Громадскому), одновременно управлявшего Гродненской епархией⁶. Архиепископ Феодосий прибыл в Вильно 15 мая 1923 г., на вокзале его

¹ Произошло изменение названия не только семинарии, сама епархия тоже была переименована в «Виленско-Лидскую», ведь приставка «Литовская» по сложившейся государственно-политической обстановке потеряла смысл. Русская Православная Церковь официально дальше ее считала за «Виленско-Литовскую» епархию в прежних границах.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 265.

⁴ В настоящем исследовании часто пресекаются обозначения духовной семинарии «Литовской» и «Виленской», что требует внести пояснения. Богословское учебное заведение носило название «Литовская духовная семинария» с момента ее основания в 1828 г. до ноября 1922 г., когда официальное название учреждения было изменено на «Виленская духовная семинария». В период 1922–1939 гг. официальное название семинарии еще несколько раз претерпевало изменения: «Митрополитальная духовная семинария в Вильно», «Гимназические государственные классы духовной семинарии в Вильно», «Государственная православная духовная семинария в Вильно», однако местная периодическая печать и другие источники того времени часто продолжали называть школу «Виленской духовной семинарией» вплоть до 1939 г. Для облегчения восприятия материала в работе установлена условная дифференциация терминов: «Литовская духовная семинария» (ЛДС) – для дореволюционного периода 1828–1918 гг., «Виленская духовная семинария» (ВДС) – для межвоенного периода 1919–1939 гг., хотя формально учреждение называлось «Литовской духовной семинарией» до ноября 1922 г. и также в дальнейшем несколько раз меняла свое официальное наименование.

⁵ Постановления Высшей Церковной Власти // Вестник Православной Митрополии в Польше. – 1923. – 15 мая. – № 10. – С. 2.

⁶ Постановления Высшей Церковной Власти // Вестник Православной Митрополии в Польше. – 1923. – 15 марта. – № 5–6. – С. 4.

встретили многочисленные верующие¹. Тем не менее перемена иерарха не обещала изменения вектора в церковно-государственных отношениях, так как все новые епископы начали приносить присягу во дворце министров в присутствии высших чинов правительства на верность Польской Республике².

В целом остаток 1922/1923 уч. г. для новой администрации ВДС прошел достаточно спокойно. Бывший преподаватель В. К. Недельский, работавший в должности библиотекаря семинарии, утверждал, что после ухода ректора В. В. Богдановича в семинарии были «крайне ненормальные условия»³. Однако трудно согласиться с такой резкой оценкой ситуации, т. к. учебный процесс быстро восстановился и учреждение продолжило работать дальше.

С другой стороны, автономная жизнь духовной школы в скором времени претерпела значительные изменения в связи с назревшей необходимостью вести диалог с государственной властью. Виленский край постепенно интегрировался в территориальную целостность и юридическое поле Польской Республики. В результате все русские образовательные учреждения попали в поле зрения особого внимания со стороны польских министерств, и Виленская семинария не являлась исключением.

Следует отметить, что правительство так называемой «Второй Речи Посполитой» (1919–1939), в отличие от Первой, существовавшей до 1795 г., проявило себя более толерантно и терпимо к национальным меньшинствам, по крайней мере, хотя бы потому, что того требовала международная обстановка. Разумеется, Польское правительство, как и любое другое, в первую очередь принимало решения в интересах государства и стремилось к послушному единству населения. При этом для достижения целей использовались не грубые, очевидно нарушающие права меньшинств и отдельного человека меры, а более тонкие, скрытые под оболочкой административной опеки.

Подобная внутри- и внешнеполитическая ситуация не могла не коснуться православного духовного образования. Министерство РИиНП не скрывало, что не может оставить православные духовные семинарии в том положении, в каком они находятся в данный момент: это грозит тем, что в будущем государство будет иметь дело с темным, нерелигиозным и аморальным духовенством, прежде всего не знающим польского языка и враждебно настроенным к польской государственности⁴.

Однако в случае с ВДС важно отметить, что первые шаги к взаимному сближению с государственной властью фактически предприняла сама

¹ Прибытие из России Архиепископа Феодосия // Церковные ведомости, издаваемые при Временном Архидиоцезном Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. – 1923. – № 7–8. – С. 9; Приезд православного архиепископа // Виленское Утро. – 1923. – 16 мая. – № 575. – С. 4.

² Присяга православных епископов // Виленское Утро. – 1924. – 14 апреля. – № 906. – С. 4.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 156.

⁴ Papieryńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. С. 282.

семинария. Как упоминалось выше, уже во времена ректорства В. В. Богдановича учреждение получало регулярные, хотя и небольшие дотации от Виленского самоуправления, разумеется, по просьбе самой семинарии¹. Позже во время кризиса в сентябре-ноябре 1922 г. новый ректор архимандрит Филипп (Морозов) запросил через высшую церковную власть из государственного бюджета 800 тысяч польских марок единовременной дотации, через три месяца уже три миллиона, а также просил увеличить ежемесячные субсидии государства от 100 до 500 тысяч марок для продолжения деятельности семинарии². Во втором полугодии 1922/1923 уч. г. министерство РИиНП два раза назначило единовременное пособие для персонала учреждения и насущных потребностей в размере почти шесть миллионов марок³. В архивных документах нет прямого утверждения, однако из контекста явно следует факт, что в случае отсутствия данных государственных дотаций руководству пришлось бы закрыть Виленскую семинарию.

Не смотря на вышеозначенные крупные пособия архимандрит Филипп продолжал жаловаться в Министерство РИиНП о тяжелом материальном состоянии учебного заведения⁴. В конце того же 1922/1923 уч. г. архиепископ Виленский и Лидский Феодосий (Феодосиев) обратился к Министерству РИиНП с просьбой выделить на нужды семинарии большую сумму денег – 10 миллионов польских марок. 28 июня 1923 г. Министерство одобрило просьбу, однако в этот раз со стороны польских органов в первый раз прозвучало предложение взамен государственного финансирования предпринять реорганизацию ВДС по курсу государственной аккредитации и полонизации. Архиепископ Феодосий получил сообщение, в котором предлагалось преобразовать Виленскую семинарию по образцу католических семинарий, а именно на следующих принципах⁵:

1–3. Учреждение будет содержаться за счет государственного бюджета.

4. Программа общеобразовательных предметов сравнится с программой классических гуманитарных гимназий. Для поступления в богословские классы необходимо сдавать экзамен зрелости.

5. Языком преподавания постепенно станет польский.

6. К преподавателям будут применены общегосударственные требования: необходимость признания научной квалификации и наличие польского гражданства.

¹ Подробнее финансовые вопросы семинарии рассмотрены в разделе «3.7. Хозяйственная деятельность».

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 11, 12 об.

³ ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 58.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 36–36 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 2.

7. Решение кадровых вопросов останется во власти Виленского и Лидского архиерея.

Архиепископ Феодосий передал данное письмо Министерства РИиНП на рассмотрение педагогического совета. Последний постановил, что такой вопрос подразумевает глубинные преобразования духовной школы, поэтому в силу своей важности должен решаться хотя бы на уровне собрания Виленской епархии или еще лучше – на уровне собраний трех епархий, обслуживаемых духовной школой: Виленской, Гродненской и Полесской. Руководство отправило копию письма Министерства соседним епархиям. В ответ епископ Пинский и Полесский Александр (Иноземцев) известил, что принимает условия Министерства кроме пятого пункта о переходе на польский язык преподавания. Епископ Гродненский и Новогрудский Алексей (Громадский) предварительно разослал сообщение Министерства по своей епархии для обсуждения и в результате признал условия приемлемыми за исключением того же пятого пункта. Как пример он привел католические семинарии в Российской империи, где богословие изучалось не на государственном языке, а на латыни¹.

Июньское сообщение Министерства РИиНП обсуждалось и в образованном при Варшавском Священном Синоде Учебном Комитете. Резолюция последнего оказалась еще более категоричной в отношении пятого пункта. Решение данного комитета следующее:

1) Преподавание всех общеобразовательных дисциплин на польском языке не отвечает требованиям контингента учащихся в семинарии.

2) Семинария является школой для православного белорусского и украинского населения, обучение на польском языке было бы подавлением родного языка и впоследствии своей народности.

3) Такое нововведение приведет к путанице в богословских терминах и понятиях, что может повредить чистоте православной религии².

Как и предполагалось, данный документ обсуждался в том числе на епархиальном собрании духовенства и мирян Виленской епархии, проходившем 16–18 августа 1923 г. Собрание горячо приветствовало готовность Министерства РИиНП оказывать регулярную финансовую помощь для семинарии (так как для ее содержания требовались регулярные денежные сборы от благочиний). Однако была принята резолюция о невозможности осуществлении пятого пункта – постепенного перехода ВДС к преподаванию на польском языке. Участники собрания посчитали, что это слишком трудоемко для учеников. «Польский язык не является материнским языком ни одной части православного населения епархии, как таковой, он создал бы серьезное затруднение для успешного прохождения семинарского курса, которое и на

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 4–6.

² Там же. Л. 7.

родном языке учащихся является далеко не легким делом <...> Кроме того, является вопрос, как ученик Семинарии может быть обучен православной вере по-польски, если православной богословской литературы на польском языке не существует? <...> Кандидат священства, обученный [католической – А. Г.] богословской терминологии на польском языке, не выполнит своих пастырских задач, потому что его проповедь будет непонятна народу, чужда его религиозным понятиям и представлениям»¹.

Вместе с этим епархиальное собрание пришло к мнению, что обучение польскому языку в семинарии нужно и полезно, но только из-за возникшей потребности семинаристам интегрироваться в государственную и общественную жизнь Польши, поэтому собрание признало необходимым расширение предметов так называемого «полоноведения» – а именно польского языка, литературы, истории и географии. Считалось, что преподавание их на польском языке приведет к усвоению его учащимися в достаточной степени, как в устной речи, так и в письме, чего, собственно, и желает Министерство². С идентичными предложениями о финансировании духовных школ государством при сохранении старой учебной программы выступили епархиальные собрания в Почаеве и в Кременце³.

Следует отметить, что Виленское епархиальное собрание, надеясь на дальнейшую финансовую поддержку и не желая окончательно снять вышеуказанный вопрос перед школьными властями, постановило, что проблема польского языка может быть решена на Всепольском православном соборе, так как ВДС готовит клириков для нескольких епархий⁴. Как известно, несмотря на все принятые усилия православного общества, Поместный собор Православной Церкви в Польше так и не был созван в межвоенный период.

17 сентября 1923 г. последовало сообщение министра РИиНП Станислава Гломбинского, в котором обозначилось ловкое предложение полонизировать прежде всего общеобразовательные классы семинарии (ведь аргумент епархиального собрания об отсутствии богословской литературы на польском языке касался по большей части богословских классов), в этом случае обещалась поддержка для православной духовной семинарии в таком же размере, как и католическим семинариям, дотируемых государством. В противном случае семинария не будет отвечать «ни государственным

¹ Журнал учебного комитета при Священном Синоде Православной Митрополии в Польше, от января 30 1924 г. за № 3 // Вестник Православной Митрополии в Польше. – 1924. – 11 мая. – № 12–15. – С. 5. Представляет интерес тот факт, что почти аналогичные аргументы приводились против предложения полной белоруссизации ВДС – а именно отсутствие учебников на этом языке.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 70–71.

³ Pawluczuk, U.A. Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej. С. 278.

⁴ ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 2.

интересам, ни принципам будущего развития Православной Церкви в Польше»¹.

В результате вышеописанных событий и состоявшегося совещания ректора ВДС архимандрита Филиппа с архиепископом Феодосием (Феодосиевым) 1923/1924 уч. г. начался не только введением предметов полонистики, но и уравниванием учебной программы восьми общеобразовательных классов с программой правительственных гуманитарных гимназий².

Крупные перемены на политической карте отразились на деятельности ВДС не только в вопросе полонизации и государственной аккредитации. В отличие от образовавшегося рядом Советского Союза, в Польском государстве организовалось и действовало огромное количество самых разных обществ, политических партий, комитетов, собраний, вечеров и съездов, посвященных культивированию вопросов национального самоопределения. Начавшиеся еще в XIX в. процессы роста национального самосознания были особо ощутимы в среде национальных меньшинств Польской Республики. В свою очередь, влияние на церковную жизнь означенного исторического явления очень неоднозначно. Например, А. Свитич, лично участвовавший в церковной жизни межвоенной Польши, утверждает, что миряне, разбитые на разные лагеря, пытались использовать Церковь как орудие для «воинствующего национализма», что нашло отображение в требовании украинизации и белорусизации Церкви³. С приведенным мнением трудно не согласиться, поскольку дальнейшая история ВДС ярко показывает, что такие разделения в обществе не принесли положительных результатов.

В частности, на происходившем Виленском съезде педагогов белорусских средних школ 11–14 апреля 1923 г. белорусская интеллигенция впервые подняла вопрос о необходимости белорусизации ВДС. На съезде в качестве представителей от семинарии участвовали инспектор И. Дзичковский и преподаватель Л. Бежавский, которые сказали, что такой вопрос находится не в компетенции съезда и должен решаться на уровне собрания по крайней мере трех епархий, обслуживаемых духовной школой⁴.

Тем не менее, в 1927 г. В. В. Богданович писал, что в первые годы деятельности возрожденной семинарии (1919–1921) существовали планы

¹ Журнал учебного комитета при Священном Синоде Православной Митрополии в Польше, от января 30 1924 г. за № 3 // Вестник Православной митрополии в Польше. – 1924. – 11 мая. – № 12–15. – С. 4.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 71. Изменения были незначительные, об этом подробнее смотреть в третьей главе. В силу вышеописанного, нельзя согласиться с утверждением Г. А. Острога, что с 1923 г. ВДС была переведена на польско-язычное преподавание большинства дисциплин. Острога, Г. А. Виленская духоўная семінарыя ў пачатку 20-х гг. XX ст.: новы этап у дзейнасці. С. 154.

³ Свитич, А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 144.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 40 об.–41.

постепенного перехода на белорусский язык преподавания¹. О данном процессе встречается крайне мало фрагментарной информации, можно лишь предположить, что руководство столкнулось с затруднениями, аналогичными возникшим позже в преподавании богословия на польском языке – неразработанность религиозно-философской терминологии, полное отсутствие учебников на белорусском языке и сложившийся десятилетиями навык преподавания на русском языке.

Надежды белорусской интеллигенции на преобразование Виленской семинарии в мощный культурный центр белорусского движения существенно поколебал развязавшийся в начале 1923/1924 уч. г. мощный конфликт ВДС с Виленской белорусской гимназией, который нанес непоправимый ущерб репутации духовной школы и впоследствии стал дополнительным предлогом перехода учебного заведения под опеку государства.

Далее мы приведем краткую историческую справку об обстоятельствах, ставших причиной конфликта. В распоряжении еще довоенной ЛДС находился весь комплекс зданий Виленского Свято-Троицкого монастыря, так называемые «базилианские мур» или «Свято-Троицкие мур». С юридической точки зрения помещения принадлежали Виленскому Свято-Троицкому монастырю². В период эвакуации ЛДС в ее помещениях разместился Белорусский комитет помощи потерпевшим от войны, который некоторое время пользовался семинарским зданием на правах собственника. Во время возрождения ЛДС в 1919 г. в семинарском здании уже действовала Белорусская гимназия, учрежденная означенным Белорусским комитетом, поэтому был составлен договор с Литовским епархиальным советом – «на право пользования частью семинарских зданий для нужд Белорусской гимназии»³. Необходимо подчеркнуть, что в пятом пункте договора было прописано конкретное условие – Белорусская гимназия должна предоставить учебные аудитории для Литовской духовной семинарии во время вечерних часов⁴. Аналогичный договор с некоторыми поправками подписан обеими сторонами в 1921 г. со сроком действия на пять лет – до 16 августа 1926 г.

Однако на вышеупомянутом Виленском епархиальном собрании 16–18 августа 1923 г. было принято решение о переносе учебных занятий в ВДС с вечерних на утренние часы. Причины такого решения носили практический характер: большие затраты на освещение, его скудность, часто гаснущий свет и необходимость иметь при себе заготовленные свечи. Все это негативно отражалось на зрении учащихся; родители живущих на окраине города

¹ Васілевіч, В. Віленская праваслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 16.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 25–25 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 4.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 97.

учеников с тревогой отпускали своих детей из младших классов на вечерние занятия; были и другие причины. Принимая во внимание все вышесказанное, съезд принял постановление «о необходимости по экономическим, гигиеническим и педагогическим соображениям <...> в наступающем 1923/24 уч. г. перенести учебные занятия в семинарии с вечерних на утренние» и обратился к Белорусской гимназии с категорическим предложением перенести их классные занятия на послеобеденную смену¹.

После решения епархиального собрания между представителями ВДС и Виленской белорусской гимназии начались переговоры, не увенчавшиеся успехом по причине несогласия со стороны гимназии. Последняя привела следующие аргументы:

1. Епархиальное собрание (принявшее решение о переносе занятий) не является владельцем семинарского здания.
2. Аудитории семинарии в часы занятий освещаются за счет гимназии.
3. Гимназия предоставляет в пользование семинарии свой инвентарь.
- 4) Своим владением Свято-Троицкой церковью духовенство обязано тяжелой работе белорусского общества.
5. Гимназия заняла эти «муры» в январе 1919 г., «калі ад Сэмінарыі і ўспамінку ня было», привела здание в порядок, оснастила мебелью, сделала его пригодным для жизни и культурных задач².

В ответ были получены контраргументы руководства ВДС:

1. Все юридические документы говорят о том, что здание Свято-Троицкого монастыря и духовной семинарии являются собственностью духовного ведомства, и только епархиальное собрание, как высшая с епископом власть, вправе распоряжаться этими зданиями, а никак не другие частные лица.
2. В делах семинарии имеются счета, по которым видно, что семинария выплачивала деньги за освещение классов.
3. Заявления о предоставлении гимназией своего инвентаря совершенно голословные. Большой части педагогического совета семинарии доподлинно известно, что часть этого инвентаря принадлежит семинарии, и гимназия воспользовалась им в период немецкой оккупации.
- 4–5. В делах семинарии имеется акт от 13 января 1919 г., в котором обозначено, что за невозможностью использовать в настоящее время здания семинарии по их прямому назначению они передаются во временное пользование Белорусскому комитету помощи потерпевшим от войны³.

В результате недостигнутого консенсуса конфронтация набирала силу. ВДС оповестила своих воспитанников и гимназию, что с 17 сентября ее занятия

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 77–78.

² Там же. Л. 90–95 об.

³ Там же.

начнутся с восьми часов утра. В ответ на это Белорусская гимназия за несколько дней до 17 сентября разместила объявления на стенах семинарского здания, что занятия в ней начнутся в семь часов утра. Когда наступило 17 сентября, прибывшие помощники инспектора семинарии еще в 6.30 утра нашли классы запертыми на замок. Присутствовавшие на месте директор Белорусской гимназии А. Трепка и помощник секретаря В. Лукашевич отказались выдать ключи. В итоге сотрудники вызвали слесаря, который открыл двери¹, начались учебные занятия, во время которых воспитанники гимназии шумели и свистели в коридорах, так выражая свое недовольство².

С целью поиска выхода из сложившейся ситуации еще продолжительное время шла непрерывная переписка между учреждениями. В дальнейшем приводились и новые обвинения, как, например, факты нарушения договора 1921 г. Белорусской гимназией в виде сооружения дополнительных стен, и предлагались компромиссные варианты. Например, архиепископ Феодосий (Феодосиев), занявший сторону ВДС, но по натуре миролюбивый пастырь, предложил более рациональное использовать помещения и благодаря этому учиться обеим школам в одно время³.

Конфликт вызвал широкий резонанс в кругу белорусского национального движения. Последовало обращение к архиепископу Феодосию⁴, но после резолюции последнего, что он вполне разделяет соображения семинарского правления, администрация гимназии поспешила отправить делегацию к митрополиту Православной Церкви в Польше в надежде решить этот вопрос на высшем церковном уровне⁵.

Митрополит Дионисий (Валединский) распорядился разделить классные помещения так, чтобы обе школы могли учиться в утреннее время. ВДС ответила, что со своей стороны никак не может согласиться на предложенный схематичный план разделения помещений, так как если передать гимназии часть семинарского комплекса, то в таком случае она приобретет юридические права на владение (до этого времени гимназия обладала правом на временное пользование). Вместе с этим семинария просила митрополита Дионисия как можно быстрее разрешить конфликт, так как правительство неоднократно

¹ По утверждению администрации ВДС – без взлома замков, по версии Белорусской гимназии – со взломами. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 99.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 77–78.

³ Белорусский музей размещался в семи комнатах, квартира директора гимназии в пяти комнатах и другие помещения, где проживали лица, никак не связанные с гимназией, тогда как ректору семинарии была отведена лишь одна комната, не было отдельной комнаты для инспектора. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 93–95, 110 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 96.

⁵ Адамковіч, А. Э. Беларусы ў Літве: учора і сёння / А. Э. Адамковіч. Книга 2: З Богама па-беларуску – Вільнюс : Асацыяцыя «Кругі», 2016. – С. 40.

посягало на семинарское здание с целью сделать его частью государственного архива, а такая сложившаяся ситуация могла стать поводом отнять здание¹.

В итоге Виленской белорусской гимназии не удалось добиться переноса учебных занятий ВДС на вечер, и обеим школам пришлось тесниться в одном здании в дообеденное время. Конфликт послужил причиной того, что виленскими белорусскими газетами начали печататься тенденциозные статьи, обрушившие лавину критики на ВДС. Данная акция длилась около года и доставила много проблем администрации духовной школы².

Первый шаг со стороны белорусскоязычной печати последовал 28 ноября 1923 г., когда в газете «Змаганьне» появилась статья «Бандытызм у Праваслаўнай духоўнай сэмінарыі». Администрация ВДС немедленно собрала экстренное педагогическое заседание. В статье утверждалось, что ректор семинарии архимандрит Филипп в означенных событиях 17 сентября лично ломал замки для открытия аудиторий, устроил грабеж лавок и т. д. Последний заметил педагогическому совету, что не собирается отвечать на «эту грязную ложь», чему свидетелями были все участники конфликта со стороны семинарии в тот день. Правление семинарии решило обратиться в суд и привлечь к ответственности редактора газеты «Змаганьне», также представить эту статью митрополиту Дионисию для всесторонней осведомленности последнего³.

Такая реакция администрации ВДС не остановила редакторов белорусских газет, и критика продолжалась. В частности, в вышеозначенной газете 24 января 1924 г. появилось открытое письмо на имя Священного Синода Православной Церкви в Польше с рядом критических нападок в адрес семинарии⁴. Кроме этого, еще несколько раз направлялись делегации от Белорусской гимназии к митрополиту Дионисию и «предъявляли ему ряд требований ультимативного характера»⁵.

Вышеописанная деятельность Белорусского национального комитета достигла определенных результатов. В марте 1924 г. в периодических изданиях появились заметки о предстоящем закрытии Виленской и Кременецкой духовных семинарий и открытии новой семинарии в г. Холме с государственным языком преподавания, туда же планировалось перенести и богатую библиотеку ВДС⁶. Слухи подтвердил гостивший в Вильно секретарь Священного Синода епископ Алексей (Громадский), к тому же появилось распоряжение местной власти освободить семинарское здание к 20 апреля для нужд государственного архива, о чем администрация школы еще в прошлом

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 109 об.

² Виленская православная семинария // За Свободу. – 1924. – 1 апреля. – № 88 (1143). – С. 2.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 149–154.

⁴ Бацька-беларус. Адкрытае пісьмо да Асьвячонага Сыноду Праваслаўнае царквы ў Польшчы / Бацька-беларус // Змаганьне. – 1924. – 24 студзеня. – № 8. – С. 2.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 23.

⁶ К судьбе православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 22 марта. – № 883. – С. 3.

году предупреждала митрополита Дионисия¹. Правление семинарии просило архиепископа Феодосия, чтобы духовенство епархии вступилось в защиту этого «единственного православного культурно-просветительского очага для всего белорусского народа в Польше»².

Местная школьная власть со своей стороны заявила, что не получила никаких официальных распоряжений о закрытии семинарии³. Даже польская печать заверяла своих читателей, что такие резкие меры по отношению к православному населению могут принести нежелательные результаты⁴. 2 апреля 1924 г. состоялась специальная аудиенция украинских, белорусских и русских общественных групп по данному вопросу у митрополита Дионисия. Иерарх заверил, что лучше оставить обе семинарии на прежнем месте⁵.

Ректор ВДС архимандрит Филипп проявил достаточно спокойный характер и уверенность в своих силах, так как его поддерживала широкая часть церковного общества. Решив прояснить ситуацию для взволнованных этой новостью учеников, их родителей и других лиц, он написал открытое письмо (полный текст приводится в приложении «А») в местную газету «Виленское Утро», в котором разъяснил, что закрытие семинарии, если такое и состоится, будет не по указу правительственных властей, но по распоряжению самого митрополита Дионисия (Валединского) из-за давления белорусских активистов⁶. Открытое письмо моментально вызвало резонанс и было перепечатано в Варшавской газете «За Свободу»⁷. Ответ Высшей церковной власти последовал через десять дней – Священный Синод на заседании от 9 апреля 1924 г. вынес решение об увольнении архимандрита Филиппа (Морозова) с должности ректора ВДС, в связи с его известными выступлениями в печати и «полным игнорированием церковной дисциплины и забвением своего служебного положения»⁸. Интересно, что такой вопрос на заседании Священного Синода поднял Виленский архиерей Феодосий, который до этого всегда защищал ректора. В его рапорте обращается внимание на нетактичные и спорные поступки, не соответствующие требуемой духовной дисциплине ректора семинарии. Священный Синод признал факт «неканонического поведения» архимандрита Филиппа в вопросах, касающихся церковных правил⁹. Однако данное решение Священного Синода сначала не нашло

¹ Виленец. К судьбе духовной школы в Вильне / Виленец // За Свободу. – 1924. – 28 марта. – № 84 (1139). – С. 3.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 20–21; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 10, 12–12 об.

³ Письма из Вильны // За Свободу! – 1924. – 9 апреля. – № 96 (1151). – С. 2; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 5 апреля. – № 897. – С. 3.

⁴ О Виленской семинарии // За Свободу! – 1924. – 30 марта. – № 86 (1141). – С. 2.

⁵ В клубах православных меньшинств // За Свободу! – 1924. – 4 апреля. – № 91 (1146). – С. 4.

⁶ Морозов Филипп, архимандрит. К судьбе Виленской православной духовной семинарии / архимандрит Филипп (Морозов) // Виленское Утро. – 1924. – 30 марта. – № 891. – С. 2–3.

⁷ Виленская православная семинария // За Свободу! – 1924. – 1 апреля. – № 88 (1143). – С. 2.

⁸ Увольнение архимандрита Филиппа // За Свободу! – 1924. – 25 апреля. – № 109 (1164). – С. 2.

⁹ Pawluczuk, U.A. Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej. С. 281; Православная Церковь в Польше // За Свободу. – 1924. – № 105 (1160). – С. 3.

одобрения в Министерстве РИиНП, которое назначило специальную комиссию для выяснения всех обстоятельств нашумевшего дела¹.

Необходимо отметить, что педагогический совет ВДС совершенно не знал о намерении архиепископа Феодосия подать вышеозначенный рапорт на рассмотрение Священным Синодом. Как только новость об увольнении ректора архимандрита Филиппа дошла до г. Вильно, сотрудники семинарии вместе с воспитанниками незамедлительно отправили телеграммы на имя министра РИиНП и митрополита Дионисия о недопущении такого акта, который будет «непоправимым ударом для семинарии и сознания всего православного населения Виленщины»². На заседании педагогического совета 17 апреля 1924 г. ректор передал своим коллегам доходившую до него информацию о возможном увольнении не только его лично, но и всей администрации семинарии. Совет возлагал особые надежды на своего защитника архиепископа Феодосия, который при поездке в Варшаву должен был «объяснить истинный смысл статьи в газете «Виленское Утро» и те цели, которые преследовал его автор». Вместе с этим сотрудники решили отправить делегацию от ВДС в Варшаву в Министерство РИиНП для всестороннего освещения дела перед самим министром. Однако архиепископ Феодосий не благословил эту поездку, объяснив, что это излишняя мера, а слухи о смене администрации – это лишь плод фантазии местной прессы³. Тем не менее, как сообщали газеты, данная поездка состоялась, в ней приняли участие ректор архимандрит Филипп и преподаватель Лев Белявский. Делегированные от педагогического совета лица желали выяснить причину столь неожиданного увольнения всей администрации⁴.

Таким образом, становится очевидным факт сокрытия архиепископом Феодосием от администрации ВДС своего рапорта, представленного Священному Синоду. Виленский архиерей после возвращения с рабочей сессии Синода предупредил лично ректора о состоявшемся его увольнении, однако не прояснил причин такого решения⁵. Взволнованные слухами православные жители после воскресной Божественной Литургии 20 апреля собрались большой толпой у Свято-Троицкой церкви и избрали особую делегацию, которой было поручено обратиться к архиепископу Феодосию с вопросом, имеют ли основания упорные слухи об увольнении ректора Виленской семинарии и какова настоящая причина такого решения. Для пришедшей делегации архиерей заявил, что «по таким вопросам он не может говорить с

¹ Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 6 мая. – № 927. – С. 2; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 27 апреля. – № 918. – С. 4; Варшава // За Свободу! – 1924. – 29 апреля. – № 112 (1167). – С. 3.

² Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 17 апреля. – № 909. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 18 апреля. – № 910. – С. 3

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 22–23.

⁴ Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 23 апреля. – № 914. – С. 3.

⁵ Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 16 апреля. – № 908. – С. 3.

улицей». Тогда верующие решили от имени всех собравшихся отправить телеграмму митрополиту Дионисию и Министерству РИиНП с просьбой оставить архимандрита Филиппа на его прежней должности, как пользующегося «общими симпатиями и доверием народа»¹.

По воспоминаниям священника Льва Савицкого, бывшего воспитанника ВДС, который всю жизнь прослужил в Вильнюсе, архиепископ Феодосий (Феодосиев) был смиренный, истинный монах, незлобивый, никогда не выходил из равновесия и не возвышал голоса². После исследования данных событий автор склонен предполагать, что в поездке на сессию Священного Синода у архиепископа Феодосия не было намерения уволить ректора ВДС, но под давлением других высших иерархов он составил на месте рапорт, осудивший архимандрита Филиппа. После возвращения в Вильню архиепископу Феодосию, разумеется, было психологически тяжело объявить своей пастве о вынесенном заключении Священного Синода, в котором он сам принял участие. Не исключено, что и митрополит Дионисий мог дать словесный указ некоторое время держать информацию в тайне от верующих во избежание протестов. Такое развитие событий объясняет также причину, почему поездка делегации от ВДС в Варшаву не получила благословения архиепископа Феодосия, ведь сотрудники, предположительно, могли узнать о поданном рапорте данного иерарха.

В скором времени архиепископа Феодосия и представителей школьной власти посетила особая делегация, состоящая из присяжных поверенных, которой нельзя было отказать в некоторых пояснениях. Им удалось узнать, что митрополитом Дионисием для занятия должности ректора ВДС выдвигается кандидатура архимандрита Онуфрия (Гагалюка)³, который покинул пределы России вместе с армией генерала Врангеля и в то время находился в Сербии. Как передает «Виленское Утро», приезд архимандрита Онуфрия в Вильню задерживался из-за того, что последний не имел права на получение польского гражданства⁴. Впоследствии данный кандидат в новые ректоры семинарии так и не появился в Вильню.

Весьма показательно, что педагогический состав ВДС упорно пытался защищать своего ректора архимандрита Филиппа. Когда в прессе снова появилась заметка о действительном увольнении руководителя семинарии⁵,

¹ К вопросу об увольнении ректора православной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 24 апреля. – № 915. – С. 4.

² Савицкий, Л., протоиерей. Летопись церковной жизни Литовской епархии / протоиерей Лев Савицкий. – Вильнюс, 1965. – С. 68–69. (машинопись)

³ В одном из дел семинарского архива, он обозначается как епископ. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 322; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 7 мая. – № 928. – С. 3.

⁴ Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 25 апреля. – № 916. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 26 апреля. – № 917. – С. 3.

⁵ Церковная жизнь. Увольнение архимандрита Филиппа // За Свободу. – 1924. – 25 апреля. – № 109 (1164). – С. 2.

правление, не теряя надежду, в очередной раз отправило сообщение митрополиту Дионисию и Министерству РИиНП с просьбой оставить ректора на месте. В сообщении отмечалось, что открытое письмо архимандрита Филиппа было перепечатано в газете «За свободу» в сокращенном виде и с комментариями, что повлекло за собой неправильное его понимание Священным Синодом¹. Более того, педагогический совет не побоялся высказаться, что вполне разделяет мысли в нашумевшей статье ректора семинарии, так как во всем виноваты нападения «политиканов-белоруссов» в прессе, которые «приняли характер травли, инсинуации и незаслуженных оскорблений»². К просьбам простить провинившегося архимандрита Филиппа примкнули даже местные школьные власти – куратор Виленского учебного округа заявил, что дальнейшее существование ВДС мыслит только под его предводительством³.

В защиту ректора архимандрита Филиппа выступила даже польская печать, впрочем, сделала это, скорее всего, в своих интересах. Так Dziennik Wileński обрушился с критикой на белорусских националистов: «Для виленцев не является секретом, что белорусы все время носятся с мыслью завладеть [ВДС – А. Г.] <...> и подчинить ее всецело белорусскому влиянию, сделать ее таким центром, откуда выходили бы уже готовые проповедники и верные слуги белорусского национального движения». Также газета утверждала, что Белорусский национальный комитет уже давно пытается склонить на свою сторону православное духовенство и именно данное общественное объединение сыграло ключевую роль в смещении ректора ВДС⁴.

В итоге даже объединенные усилия Виленского общества не смогли переубедить высшую церковную власть. Впоследствии архимандрит Филипп сам писал митрополиту Дионисию (Валединскому) и лично просил прощения. На непродолжительное время действительно наступила информационная тишина. В мае 1924 г. появилась информация об оставлении ректора Виленской семинарии в прежней должности⁵. Судя по описанию торжественного актового дня, случившегося в июне, не чувствовалось вражды между ректором и архиепископом Феодосием, наоборот, вся корпорация семинарии выразила благодарность иерарху, так как «рассеялись черные тучи, нависшие было одно время над семинарией и ее руководителями»⁶. Тем не менее митрополит Дионисий продолжал настаивать перед Министерством РИиНП об увольнении

¹ Газета «За Свободу» печаталась в Варшаве, «Виленское Утро» издавалась в Вильно, следовательно, для жителей г. Варшавы не было открытой возможности читать свежие номера издания «Виленское Утро».

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 26–27.

³ Там же. Л. 44–45.

⁴ Письма из Вильны // За Свободу! – 1924. – 7 мая. – № 119 (1174). – С. 2.

⁵ Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 9 мая. – № 930. – С. 3.

⁶ Храмовый праздник в Виленской православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 19 июня. – № 971. – С. 2.

ректора ВДС, указывая, что об этом просит и Виленский архиерей Феодосий (Феодосиев)¹. В результате после длительных переговоров Министерства с высшей церковной властью, длившихся пять месяцев, в сентябре 1924 г. состоялось назначение нового ректора. Архимандрит Филипп окончательно оставил должность 2 сентября 1924 г., передав ее епископу Люблинскому Антонию (Марценко)².

Как следует из вышеописанного, развернутая белорусскими активистами кампания против ВДС достигла определенных результатов: состоялось увольнение архимандрита Филиппа с должности ректора, репутация семинарии значительно пошатнулась и, как следствие этого, некоторое время существовали предположения о возможном перенесении учреждения из г. Вильно. Белорусская гимназия перестала оплачивать счета за отопление помещений, и вся финансовая тяжесть легла на плечи семинарии, значительно уменьшилось число поступающих, плата за учебу которых была основным источником доходов учебного заведения³. В итоге духовная школа оказалась в крайне тяжелом материальном положении и не осталось надежд на существование без государственных дотаций, былой оптимизм сотрудников был потерян (судя по протоколам педагогического совета), администрация была не в состоянии сопротивляться категорическим настояниям полонизировать учебную программу⁴.

Возвращаясь к событиям апреля 1924 г., следует напомнить, что после появившейся информации об увольнении не только ректора, но и всей администрации ВДС, 17 апреля педагогический совет собрался на экстренное заседание. Разумеется, сотрудники испытывали тревогу за свою дальнейшую судьбу, а в силу того, что к тому моменту еще не было до конца известно о настоящей причине увольнения архимандрита Филиппа, совет подозревал, что это может быть связано с торможением процесса реформы семинарии, поэтому констатировал следующее: «При создавшейся исторической обстановке переход на государственный польский язык может явиться единственным СРЕДСТВОМ к СОХРАНЕНИЮ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В ВИЛЬНЕ [сохранен шрифт источника – А. Г.]». В результате педагогический совет большинством голосов проголосовал за переход духовной школы на польский язык преподавания⁵.

В периодической печати межвоенного периода, а впоследствии и в современной историографии сложилась негативная характеристика

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 44–45. Как и говорилось выше – скорее всего архиепископ Феодосий просил о таком под давлением самого митрополита.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 1.

³ За 1923/1924 уч. г. семинарию по разным причинам покинуло 99 воспитанников, новый набор состоял только из 39 абитуриентов. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 116–126.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 4; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 131–139.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 13.

архимандрита Филиппа (Морозова) по причине его дальнейшего перехода в греко-католицизм¹. Разумеется, не лишенный некоторых отрицательных качеств, ректор ВДС в свою очередь, судя по архивным данным, искренне желал эффективно руководить учебным заведением и работал в этом направлении много и усердно. Трудно согласиться с устоявшимся представлением в историографии, будто бы после прихода в семинарию ректор начал «без ведома церковных властей вводить польский язык в качестве языка преподавания» и за это архиепископом Феодосием и Священным Синодом Православной Церкви в Польше был уволен². Возможно, подразумевается введение предметов полонистики, но за это выступал не лично ректор, а целое епархиальное собрание, о чем выше говорилось. Также причина увольнения архимандрита Филиппа в архивных документах и периодической печати достаточно очевидно представлена – статья в газете «Виленское Утро» и, в целом, непрекращающийся конфликт с белорусскими активистами, а не «введение преподавания на польском языке», чего даже не было в 1923/1924 уч. г. Следует отметить, что обвинения архимандрита Филиппа в прошлых ошибках начали озвучиваться только после его перехода в униатство, в частности, именно тогда в первый раз появилась информация о вине бывшего ректора в введении польского языка в семинарии³. В 1925 г. газета «Воскресное Чтение» проинформировала своих читателей, что архимандрит Филипп уже давно проявлял симпатии католицизму и уволен со своей должности «именно по этой причине»⁴. Однако здесь прослеживается очевидное желание прессы создать негативный образ покинувшего Православие человека, в том числе и за прошлые события; в действительности, как уже замечалось, в 1923–1924 гг. архимандрита Филиппа поддерживали широкие слои православного общества.

Как следует из всей вышеописанной ситуации, ректор попал в тяжелые условия и гнетущую моральную обстановку в связи с совершенной неясностью будущего положения при затянувшемся его увольнении. После прихода нового ректора архимандриту Филиппу было обещано, что он останется в должности преподавателя, но уже в декабре без всякой видимой причины его полностью отстранили от работы в ВДС⁵. Бывший ректор остался лишь в качестве преподавателя Закона Божия в государственных гимназиях и настоятеля Виленского Свято-Троицкого монастыря. Это выглядело как унижение,

¹ В качестве примера можно указать на следующие классические труды: Николаев, К. Н. Восточный обряд; Свитич, А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия.

² Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce / Antoni Mironowicz. – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2006. – С. 600; Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. С. 283. В целом, в широком кругу исследований допущено много ошибок и неточностей касающихся биографических сведений архимандрита Филиппа.

³ М. Б. Письма из провинции / М. Б. // За Свободу! – 1926. – 6 января. – № 4 (1735). – С. 4.

⁴ Vox. Новое вероотступничество / Vox // Воскресное чтение. – 1925. – 27 сентября. – № 39. – С. 618.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 1 об., 35.

поэтому архимандрит Филипп часто жаловался окружающим на неблагодарность высшей церковной власти. Через месяц после его увольнения с должности преподавателя семинарии состоялся визит митрополита Дионисия в Вильно. Последний вычеркнул имя архимандрита Филиппа из списка духовенства, участвовавшего в торжественном архиерейском богослужении. Как заверяет периодическая печать, это стало «последней каплей терпения» архимандрита Филиппа¹. Кроме этого, через месяц в феврале 1925 г. Священный Синод сместил его с должности настоятеля Свято-Троицкого монастыря, предоставив ее ректору епископу Антонию (Марценко)².

Таким образом, становится более понятной психологическая подоплека полного разочарования архимандрита Филиппа и перехода его в униатство. После возвращения в Православие архимандриту Филиппу пришлось быть простым насельником в Свято-Духовом монастыре, с его именем связано немало любопытных фактов, которые недостаточно изучены и требуют отдельного обширного исследования его личности³. Архимандрит Филипп, по одним источникам, в советское время погиб в качестве исповедника в одном из северных исправительно-трудовых лагерей⁴, по другой версии, убит летом 1944 г. при освобождении города Вильнюса Красной армией⁵.

Желая дать объективную оценку конфликта ВДС и Виленской белорусской гимназии, следует отметить, что в первую очередь виновато руководство семинарии, так как с юридической точки зрения оно нарушило договор, в котором прописано, что гимназия освобождает помещения только к вечернему времени. Несмотря на аргумент, что семинарское здание принадлежит епархиальному духовенству и оно им распоряжается по своему усмотрению, следовало бы дождаться окончания действия договора в августе 1926 г. или изменить его пункты дополнительным соглашением. С другой стороны, дальнейшие авантюрные действия Белорусского национального комитета тоже следует признать неэтичными поступками. Конфликт перешел на воспитанников, которые питали неприязнь друг к другу, иногда доходило до враждебных действий. Для устранения недоразумений между учениками обоих учреждений во время перемен руководство постановило воспитанникам семинарии прогуливаться на одной стороне двора, гимназистам – по другой стороне⁶. Вместе с этим окончательно исчезли всякие надежды на

¹ М. Б. Письма из провинции / М. Б. // За Свободу! – 1926. – 6 января. – № 4 (1735). – С. 4.

² «Вил. Утро». Письмо архим. Филиппа / «Вил. Утро» // За Свободу! – 1925. – 14 января. – № 12 (1416). – С. 2; Настоятель Виленского Свято-Троицкого монастыря // За Свободу! – 7 февраля. – № 36 (1440). – С. 3.

³ Например, уволенный из ВДС, он пытался создать ее аналог в формате частной русской школы в г. Вильно. Чем закончилось такое намерение – пока неизвестно (Школа Филиппа Морозова // Виленское Утро. – 1925. – 30 августа. – № 1405. – С. 3).

⁴ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 58.

⁵ Краткие известия о пострадавшем духовенстве разных областей // Проза [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2016/09/22/1211>. – Дата доступа : 28.02.2018.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 5. – Л. 10 об.

белорусизацию семинарии, с нового 1924/1925 уч. г. она начала стремительно полонизироваться.

2.5 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором епископом Антонием (Марценко) (сентябрь 1924 – декабрь 1925 гг.)

После вышеописанных событий, предшествовавших 1923/1924 уч. г., и значительного увеличения предметов цикла полонистики с 14 до 41 недельных часов для Министерства РИиНП остался нерешенным вопрос о государственной аккредитации и переходе на польский язык преподавания в ВДС. После вышеуказанного сообщения министра Станислава Гломбинского от 17 сентября 1923 г., где отмечалось, что он не признает отвечающими своему назначению духовные семинарии в Польской Республике и оставляет за собой право на любые дальнейшие действия, в декабре 1923 г. последовало аналогичное обращение Министерства РИиНП к митрополиту Варшавскому и всея Православной Церкви в Польше Дионисию (Валединскому). Семинарское правление, получив копию данного обращения, решила передать решение это вопроса образованному в сентябре 1923 г. Учебному Комитету при Священном Синоде¹. Последний, в свою очередь, разработал «проект о реорганизации православных духовных семинарий» и в апреле 1924 г. представил его на утверждение Министерству РИиНП. Согласно проекту, 10-классные семинарии в общеобразовательном отношении приравнивались к классическим гимназиям с сохранением богословских предметов в прежнем объеме, семинарские сотрудники переводились в категорию учителей государственных гимназий с получением содержания, положенного по штату, школьные власти имели право надзора над семинариями в таком же объеме, как и по отношению к другим гимназиям². Примечательно, что данный проект умалчивал о языке преподавания в реорганизованных семинариях.

Кроме категорических заявлений Министерства РИиНП весной и летом 1924 г. также от местных школьных властей в лице Куратора Виленского учебного округа (далее – куратор ВУО) начали исходить неоднократные предложения о необходимости реорганизовать ВДС³.

В свою очередь митрополит Православной Церкви в Польше Дионисий (Валединский), как было сказано выше, после первых предложений Министерства РИиНП летом и осенью 1923 г. согласился на определенные

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 155–156 об.

² Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 6 апреля. – № 11. – С. 169; Ю. Р-ий. Будущее средней духовной школы в Польше / Ю. Р-ий // Воскресное чтение. – 1924. – 8 июня. – № 19. – С. 296–297.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 33 об.

преобразования, за исключением преподавания на польском языке. Однако уже в марте 1924 г. он признал необходимость разделения семинарии на классы гимназии с программой государственных школ и на отдельный двухлетний лицей, наконец, через месяц в апреле (вероятно, после определенного давления) выразил согласие на преподавание на государственном языке¹.

В создавшихся обстоятельствах приход нового ректора в ВДС ознаменовался крупными изменениями в плане сближения с Польской государственной системой образования.

2 сентября 1924 г. последовал указ Священного Синода Православной Церкви в Польше о назначении на должность ректора ВДС епископа Люблинского, викария Варшавско-Холмской епархии Антония (Марценко)². Новый ректор проживал и работал в Кременецкой духовной семинарии, однако уже был немного знаком с Виленским обществом, так как в 1922–1923 гг. еще в сане архимандрита получил назначение временно управлять Виленской епархией, также непродолжительное время работал преподавателем ВДС. Епископ Антоний считался одним из ближайших иерархов к митрополиту Дионисию, заменял его во время заграничных поездок, проявлял себя как «горячий сторонник автокефальной церкви»³.

Епископ Антоний при переезде в ВДС взял с собой несколько преподавателей с прежнего места своего служения – Кременецкой духовной семинарии. В частности, на должность инспектора назначен Аполлон Смержевский – вместо смещенного протоиерея Иосифа Дзичковского⁴, также продолжительное время учителем гимнастики работал родной брат епископа – Анатолий Марценко. Кроме этого, на протяжении всего 1924/1925 уч. г. семинаристы из Кременецкой духовной семинарии переходили в Виленскую духовную школу (около 20 случаев). Новый ректор проявил себя достаточно строго по отношению к исполнению преподавателями своих обязанностей, неоднократно писал рапорты куратору ВУО с просьбой уволить или дать предупреждение в случае замеченных им нарушений. В архивных данных прослеживается его особое попечение о введении польского языка⁵. Вместе с этим епископ Антоний не стал принимать репрессивных мер по отношению к ставленникам бывшего ректора. Как замечает периодическая печать, вследствие этого в семинарии начались трения между двумя группами преподавателей: новой епископа Антония и старой архимандрита Филиппа⁶.

¹ Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. С. 283–284.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 1.

³ Вокруг случая в православной семинарии // За Свободу. – 1925. – 24 июня. – № 164 (1568). – С. 4.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 21.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 20–22, 30–33, 41–43, 52.

⁶ М. Б. Письма из провинции / М. Б. // За Свободу! – 1926. – 6 января. – № 4 (1735). – С. 4.

На своем первом заседании педагогического совета новый ректор заявил, что семинария стала государственной (*upaństwowienie zakładu*¹) и в ней будет постепенно вводиться польский язык преподавания, также служащие учреждения переходят на правительственное содержание. Такие изменения обязывают педагогов и воспитанников «к соблюдению строгой лояльности в отношении Польского государства»². Педагогический состав во время финансового кризиса семинарии получал заработную плату до пяти раз меньше, чем учителя других государственных гимназий, поэтому принял эту новость с «живейшей благодарностью» и уведомил куратора ВУО о полной готовности руководствоваться указами последнего³.

Семинария как образовательное учреждение автоматически получила права государственных общеобразовательных школ. Выпускники, окончившие восемь классов и сдавшие государственный экзамен зрелости, беспрепятственно принимались в высшие учебные заведения Польской Республики⁴. Вместе с этим с началом 1924/1925 уч. г., в связи с официальной государственной аккредитацией, семинария оказалась под контролем инстанции государственной школьной власти – это куратор или кураториум (попечительство) Виленского учебного округа. Как показывает семинарский архив, с этого времени большинство делопроизводственных вопросов стали согласовываться именно с куратором учебного округа. Данный государственный институт контролировал жизнь 8-ми общеобразовательных классов семинарии в очень широком круге вопросов и служил в качестве посредника между Министерством РИИМП и ВДС. С осени 1924 г. около половины входящей корреспонденции канцелярии составляли сообщения от куратора ВУО, которые носили самый разнообразный характер⁵. Старшие два богословских класса, в силу своей специфики, пока остались вне юридического поля школьных властей.

Именно под руководством куратора ВУО осенью 1924 г. введено преподавание на польском языке в первом общеобразовательном классе, к концу 1924/1925 уч. г. планировалось полонизировать четыре из восьми классов⁶. Действительно, как показывают данные из учебных журналов, происходил стремительный переход на польский язык⁷, менялся постепенно не

¹ Скорее всего, эта была лишь формальность, так как данное решение было принято Советом министров Польской Республики еще 26 июня 1924 г. и должно было быть известно руководству духовной школы. Церковная жизнь // Воскресное чтение. – 1924. – 28 сентября. – № 33. – С. 521.

² Интересно, что страницы с содержанием протокола данного педагогического собрания под предводительством епископа Антония (Марценко) вырваны из журнала, однако сохранилась информация в другом месте. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 30 об.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 7 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 180–180 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 328.

⁶ В православной семинарии // Виленское утро. – 1924. – 13 октября. – №. 1086. – С. 3.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 302; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 303; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 304; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 306. Л. 22, 26; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 25.

только язык преподавания, но также русскоязычные дореволюционные учебники сменялись новыми польскими¹. Преподавание на государственном языке во втором классе началось со второго полугодия, в третьем классе – с конца учебного года. Переход четвертого и пятого классов отсрочился до нового 1925/1926 уч. г.²

Важно отметить, что за данным процессом особенно внимательно следило не только православное общество, но и польская интеллигенция. О проблеме «русификации Восточных крессов» очень много писала польскоязычная периодическая печать, с которой часто полемизировала русская пресса. Следует привести несколько наиболее ярких примеров, характеризующих настроения в среде радикально настроенной части общества. Так профессор Виленского университета Станислав Цивинский писал в газете «Dziennik Wileński»: «Вопрос надо поставить ясно, здесь живут с поляками литовцы, белорусы и евреи; русские здесь самозванцы или гости – кто как хочет. Мы им дали право убежища, но зачем их собирать на восточных окраинах? Зачем поддерживать русскую культуру? Ведь на улицу страшно выйти – слышишь русский язык: русские газеты, русские объявления, публичные лекции на русском языке, несколько русских школ, в университете в коридорах слышишь русскую речь»³. В январе 1924 г. при ректорстве архимандрита Филиппа польские газеты выражали мнение, что следует заняться воспитанием молодого поколения, так как дореволюционное духовенство приняло язык, культуру и дух – русский, и сейчас желает сохранить преподавание на русском языке в семинариях. «Это абсурдное явление не может быть терпимо, а так как ни белорусский, ни украинский языки достаточно не развиты для преподавания богословия, философии и т. д. <...> русский же язык не имеет никаких прав заменить эти несформировавшиеся наречия, то следовательно, языком преподавания в семинариях может быть только польский язык, независимо от того, в каком направлении высказутся духовные и светские съезды»⁴. В другой статье, тоже вышедшей в январе 1924 г., красноречиво отражена мировоззренческая позиция польской интеллигенции. По объяснению ее авторов, Православная Церковь с ее «священниками-чиновниками» на протяжении веков служила орудием для русификации белорусов и украинцев. Православное духовенство оценивалось как «чиновничество полицейского типа с низким культурным и интеллектуальным уровнем», которое при этом ведет антипольскую пропаганду

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 64 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 16; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 50–56, 137–139.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 32.

³ Cywiński, S. Stulecie walki o polskość Wilna / S. Cywiński // Dziennik Wileński. – 1924. – 16 марта – № 63. – С. 5.

⁴ Vox. Государственные интересы Польши и отношение к православному духовенству / Vox // Воскресное чтение. – 1924. – 20 января. – № 1. – С. 10–11.

среди верующих. В качестве итога предлагается русский язык как «чуждый и белорусам и украинцам» немедленно удалить из духовно-учебных заведений и заменить его польским¹.

При рассмотрении аргументации польской национальной идеологии становится очевидным, что польское государство расценивало полонизацию как средство культурного объединения восточных воеводств с коренной Польшей и возвращения того положения, которое существовало в восточном регионе во времена Речи Посполитой.

Тем не менее, скорость введения польского языка в ВДС не удовлетворила некоторые круги польского общества. В частности, газета «Dziennik Wileński» напечатала обвинение в адрес епископа Антония, якобы он не собирается вводить в семинарии преподавание на государственном языке. В ответ представители семинарии посетили редакцию данной газеты и потребовали напечатать опровержение таких «нелепых слухов». Редактор газеты ответил, что эти сведения он получил от «вполне серьезного источника», который передал, что педагогический совет семинарии обсуждал эту проблему и провел голосование о польском языке преподавания, в котором только два преподавателя высказались за такое введение².

Так как никакого подобного голосования на заседаниях педагогического совета в период 1924/1925 уч. г. не было, следует признать, что означенный пример хорошо иллюстрирует работу местной периодической печати. Многократные выступления против ВДС, которые не прекратились даже после смены ректора и получения государственной аккредитации, носили явный характер предвзятости. Более того, вышеозначенная заметка в газете «Dziennik Wileński» показывает неосведомленность их сотрудников, ведь такой важный вопрос, как переход школы на государственный язык, в конце 1924 г. не мог решаться голосованием педагогического совета, так как к тому времени ВДС по большей части потеряла свою автономность. Руководство семинарии подозревало, что вышеуказанным «серьезным источником» польских газет является бывший ректор архимандрит Филипп, это видно из его же просьбы к газете «Dziennik Wileński» выдать справку, подтверждающую, что он не является автором многократных статей о ВДС³. В целом, многократные заметки в периодической печати, посвященные различным аспектам жизни духовной семинарии, лишь доказывают, что учреждение играло очень важную роль в культурно-общественной жизни не только Виленского региона, но и всей страны.

¹ Д. Ф. Православная церковь или политическая пропаганда? / Д. Ф. // За Свободу! – 1924. – 5 января. – № 4 (1059). – С. 2.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 29–30.

³ «Вил. Утро». Письмо архим. Филиппа / «Вил. Утро» / За Свободу! – 14 января. – № 12 (1416). – С. 2.

Следует отметить, что назначение на должность ректора ВДС лица в епископском сане, когда на месте присутствовал управляющий Виленской епархией Феодосий (Феодосиев), выглядело, по меньшей мере, необычно. Такое развитие событий показало, что у архиепископа Феодосия оставалось все меньше влияния на решение судьбы духовной школы. Более того, 30 декабря 1924 г. по желанию Министерства РИиНП последовал указ Священного Синода о подчинении ВДС непосредственному ведению митрополита Православной Церкви в Польше и именовании ее «Митрополитальная православная духовная семинария в Вильно»¹. После такой перемены влияние местного архиерея на жизнь семинарии снизилось до минимума. Следует напомнить, что по Уставу духовных семинарий 1884 г. высшая власть над духовными школами принадлежала архиерею местной епархии, без подписи которого не могло произойти назначение даже низших служащих². Также и в известном сообщении Министра РИиНП от 28 июня 1923 г. обещалось, что за управляющим Виленской епархией сохранятся широкие права в управлении местной духовной школой. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, как школьные власти, так и высшая церковное руководство хотели оградить семинарию от влияния местного иерарха.

Впоследствии митрополит Дионисий еще больше расширил права ректора епископа Антония, назначив его заместителем Виленского Свято-Троицкого монастыря, а позже и председателем Виленской духовной консистории³. В итоге Священный Синод решил поставить епископа Антония помощником управляющего Виленской епархии «с целью облегчения многосложных обязанностей»⁴. Вышеуказанное продвижение ректора ВДС породило слухи о том, что он заменит архиепископа Феодосия на Виленской кафедре⁵. Например, «Kurjer Wileński» сообщал внутреннюю информацию, что епископ Антоний получил данное предложение от митрополита, однако отказался, попросив оставить его на прежнем месте⁶.

После вышеуказанных изменений педагогический совет семинарии стал получать прямые указы из Варшавы, касающиеся текущих вопросов деятельности учреждения⁷. Разумеется, данное положение по большей части касалось только двух старших богословских классов, так как младшие

¹ «Prawosławne Seminarjum Duchowne Metropolitalne w Wilnie». В православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 4 января. – № 1168. – С. 3; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 44, 46; Виленская семинария // За Свободу! – 1925. – 7 февраля. – № 36 (1440). – С. 3; Виленская семинария // Воскресное чтение. – 1925. – 22 февраля. – № 8. – С. 123.

² Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 2, 6–7, 29.

³ Вести из Вильно // За Свободу! – 1925. – 25 июня. – № 165 (1569). – С. 4.

⁴ Перемены в церковной области // За Свободу! – 1925. – 29 июля. – № 98 (1602). – С. 2.

⁵ Решения Синода в Вильне // За Свободу! – 1925. – 10 июня. – № 150 (1554). – С. 2.

⁶ В православной епархии // За Свободу! – 1925. – 9 июля. – № 178 (1582). – С. 3.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 35.

общеобразовательные подчинялись куратору ВУО. Как указывает администрация учебного заведения, название семинарии «Митрополитальная» отражает действительность, при которой в учреждении обучаются воспитанники из нескольких епархий, по этой причине также вполне возможно размещение семинарии в любом другом месте Польской Республики, в особенности, в столице. Действительно, в измененном названии делается акцент, что это учреждение не «Виленское», но находится «в Вильно». Вместе с этим администрация признала необходимым «в целях централизации изъятие семинарии из ведения местных учебных властей и передачу ее в непосредственное ведение Министерством Исповеданий»¹.

Предположительно, такая корректировка официального названия семинарии могла произойти по двум причинам:

1) очередная попытка со стороны Учебного Комитета при Священном Синоде подготовить перевод ВДС в Варшаву, ведь разговоры о централизации православного духовного образования велись еще со времени управления митрополита Георгия (Ярошевского) (1921–1923);

2) подготовка к разделению семинарии со следующего учебного года.

Передача ВДС в непосредственное ведение митрополита Православной Церкви в Польше была официально и торжественно отмечена приездом последнего на престольный праздник Свято-Троицкого храма. Кроме митрополита Дионисия в богослужении также участвовали архиепископ Виленский и Лидский Феодосий (Феодосиев), епископ Пинский и Полесский Александр (Иноземцев), епископ Гродненский и Новогрудский Алексей (Громадский) и ректор семинарии епископ Люблинский Антоний (Марценко). После престольного праздника митрополит Дионисий (Валединский) еще на пять дней остался в г. Вильно, пожелал осмотреть семинарию, студенческое общежитие, общался с преподавателями, присутствовал на выпускных экзаменах учащихся².

Стоит отметить, что во время визита митрополита Дионисия в Вильно случилось одно событие, которое в очередной раз наглядно показало характер высшей церковной власти Польской Республики. 8 июня 1925 г. митрополита Дионисия посетила делегация Виленского русского общества, которая просила отменить намечавшееся анафематствование В. В. Богдановича, и еще девять

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 73 об.

² Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 10 мая. – № 1293. – С. 2–3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 29 мая. – № 1312. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 4 июня. – № 1318. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 4 июня. – № 1318. – С. 3; Храмовой праздник Митрополитальной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 6 июня. – № 1320. – С. 3; Посещение Владыкой Митрополитом духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 7 июня. – № 1321. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 9 июня. – № 1323. – С. 3; Отъезд митрополита Дионисия // Виленское Утро. – 1925. – 10 июня. – № 1324. – С. 3; Пребывание Высокопреосвященного Митрополита Дионисия в Вильне // Воскресное чтение. – 1925. – 28 июня. – № 26. – С. 410–411.

человек, которые организовали «Патриарший» приход в г. Вильно при единственном храме в Польской Республике, находившемся под юрисдикцией Русской Православной Церкви. Митрополит по окончании встречи согласился отменить данное решение, так как это может внести еще большую смуту среди православных. Однако всего лишь через четыре дня после отъезда митрополита архиепископ Феодосий (Феодосиев) прочел акт об отлучении от Православной Церкви В. В. Богдановича и восьми его единомышленников¹. Предположительно, архиепископ Феодосий получил устное распоряжение от митрополита еще во время пребывания в Вильно последнего, следовательно, окончательное решение об анафеме он принял еще до визита делегации Виленского русского общества.

Возвращаясь непосредственно к ВДС, важно напомнить, что вышеописанные стремительные изменения в жизни школы по большей части касались только общеобразовательных (1–8) классов учреждения. Куратор ВУО с 1924/1925 уч. г. присылал разные указы и пожелания, касающиеся только первых восьми классов, и такая установка сохранилась вплоть до 1927/1928 уч. г. Регулировать деятельность двух последних «богословских» классов фактически оказалось тяжелее в силу их особой специфики и невозможности перевести их на государственный язык за неимением соответствующих учебников на польском языке. С общеобразовательными классами дело обстояло совсем по-иному, так как они еще с 1923/1924 уч. г. приравнены к программе государственных гуманитарных гимназий. Вполне вероятно, что в Министерстве РИиНП возникла идея использовать такое формальное разделение в структуре духовных семинарий и перейти к полному отделению общеобразовательных классов для преобразования их в отдельное учреждение.

Информация о разделении обеих семинарий в Польской Республике на государственную гимназию и богословские курсы начала появляется еще в начале 1924 г. В мае того же года при польском сейме созданы рабочие группы, которые разработали проект разделенной на гимназию и богословские курсы семинарии². В сентябре 1924 г., после получения государственной аккредитации, педагогический совет констатировал, что готов полностью руководствоваться указаниями польских школьных органов, однако при условии единства семинарии как духовно-учебного заведения. Архиепископ Виленский и Лидский Феодосий также подтвердил, что не может согласиться с «расчленением» семинарии³.

¹ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 8 июня. – № 1322. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 16 июня. – № 1330. – С. 3; Богданович, В. В. Письмо в редакцию / В. В. Богданович // Виленское Утро. – 1925. – 5 июня. – № 1319. – С. 4; Против автокефалии // Виленское Утро. – 1925. – 24 сентября. – № 1430. – С. 1.

² Реформа на крессах // За Свободу! – 1924. – 21 мая. – № 132 (1187). – С. 2.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 36.

Тем не менее, весной 1925 г. до сотрудников ВДС дошли сведения о серьезном намерении разделить школу на две части. По этой причине, когда 25 мая 1925 г. семинарию первый раз посетила особая объединенная комиссия от Священного Синода Православной Церкви в Польше и Министерства РИиНП, то администрация учреждения вручила мемориал, в котором отмечалось, что подобное разделение персонал семинарии «находит совершенно неуместным». Также комиссии сообщалось, что согласие на постепенный переход на польский язык преподавания правление семинарии давало лишь при условии сохранения единства школы. Такую точку зрения поддержал и архиепископ Феодосий, который сообщил куратору ВУО, что считает совершенно недопустимым какое-либо разделение семинарии, ибо убежден в том, что «такое деление может вызвать большое недовольство как в семинарии, так равным образом и среди духовенства и всего православного населения Виленской епархии»¹. Как видно, архиепископ Феодосий использовал фактор массового недовольства населения, чего, разумеется, правительственные власти остерегались, но местный архиерей к 1925 г. совершенно потерял свой авторитет при решении таких вопросов. Показательно также, что ни Гродненский, ни Полесский архиереи не чувствовали себя непосредственно ответственными за Виленскую семинарию и не задавали вопросов правительственной и высшей церковной власти о происходившем, хотя большое количество учащихся в ВДС были родом из этих епархий.

Необходимо подчеркнуть, что митрополит Дионисий в процессе разделения ВДС мог использовать внутренний конфликт сотрудников. 27 июля 1925 г. (за месяц до нового учебного года и разделения учреждения) он получил от ректора епископа Антония письмо, где последний жаловался на представителя администрации Льва Белявского, который «ведет против меня <...> агитацию и является оружием в руках прошлого ректора семинарии архимандрита Филиппа, благодаря которому вносит разлад в семинарию»².

В результате в начале нового 1925/1926 уч. г. из Министерства РИиНП пришло сообщение преподавателю Л. Белявскому о назначении его директором восьми общеобразовательных классов ВДС, о чем уведомили лишь его одного. Новый директор тотчас явился к епископу Антонию, предъявил неожиданное для того свое назначение и при этом потребовал освободить необходимые помещения для общих классов, предоставить отдельную учительскую комнату и канцелярию, передать все документы, касающиеся общеобразовательных классов, а также уволить секретаря семинарии А. Свитича. Ректор ответил, что до получения письменных указаний со стороны высшей духовной власти

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 72–73; В местной православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 27 мая. – № 1310. – С. 3.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 31.

никаких поспешных распоряжений давать не будет. В тот же день епископ Антоний посетил куратора ВУО и выразил протест против деления семинарии без согласия митрополита Дионисия. Куратор ответил, что разделение произведено согласно распоряжению Министерства РИиНП, и протесты не изменят положение дела. Однако ректор ВДС оставил письменное заявление, что он не может ввести в семинарии такое «двоевластие» без санкции митрополита Дионисия¹. Весьма примечательно, что глава Православной Церкви в Польше в официальной переписке с Министерством РИиНП согласился на такое деление семинарии еще более полутора лет назад (в марте 1924 г., о чем сказано выше), из чего следует, что такая информация намеренно не выносилась на общее рассмотрение и обсуждение.

Разумеется, никакие протесты ректора не могли изменить положение дела, так как было слишком поздно. Требуемого письменного указа от митрополита Дионисия не удалось обнаружить в семинарском архиве. Тем не менее 3 сентября епископ Антоний получил указ от куратора ВУО – по составленному акту передать необходимое имущество в распоряжение директора общеобразовательных классов², правда, официальное назначение Л. Белявского на эту должность произошло лишь 1 декабря 1925 г.³ Конфликт директора общеобразовательных классов и ректора епископа Антония продолжался, в частности, последний неоднократно просил школьные власти уволить Л. Белявского с должности директора и назначить на его место преподавателя А. Сморжевского (приехавшего вместе с ним из Кременецкой семинарии)⁴.

Для более наглядной картины новой структуры учебного заведения необходимо привести некоторые пояснения. С начала 1925/1926 уч. г. ВДС преобразовалась в два отдельных, но тесно между собой связанных учебных заведения. Первые восемь общеобразовательных классов представляли полноправную государственную гимназию под непосредственным управлением куратора ВУО и с постепенным переходом на польский язык преподавания (начиная с младших классов). Влияние местного архиерея, ректора семинарии, даже высшей церковной власти в лице митрополита и Учебного комитета при Священном Синоде было очень незначительным и скорее формальным. Гимназией управлял директор, только по некоторым вопросам в воспитательной части подчиненный ректору семинарии⁵. Новое отделение

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 95.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1–2.

³ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 13 ноября. – № 1480. – С. 3.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 42 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 6–15.

семинарии получило официальное название «Гимназические классы православной духовной семинарии в Вильно»¹.

Два старших богословских класса Виленской семинарии остались в качестве частного учебного заведения под руководством высшей духовной власти по соглашению с Министерством РИиНП и получили свое отдельное название «Виленские богословские курсы»². Виленская духовная семинария как целый комплекс, состоящий из гимназии и богословских курсов, в юридическом аспекте сохранила прежнее общее название – «Митрополитальная духовная семинария в Вильне», при этом канцелярия с письмоводителями и бухгалтерия оказались разделены.

Новые правила также гласили:³

1. Виленская духовная семинария непосредственно подчиняется митрополиту Православной Церкви в Польше и Министерству РИиНП (местный архиерей или епархиальное собрание совершенно исключены из этого правила).

2. Богословские курсы семинарии субсидируются государством лишь частично.

3. Учебный план богословских курсов составляет и регулирует митрополит, учебный план в гимназических классах разрабатывает Министерство РИиНП по соглашению с митрополитом (раньше учебная программа составлялась педагогическим советом и отправлялась на утверждение митрополиту).

4. Во главе обоих учебных заведений стоит общий ректор, назначаемый митрополитом по согласованию с Министерством, в обязанности которого входит: непосредственное управление богословскими курсами, надзор только за религиозными предметами в гимназических классах, забота о религиозном воспитании учащихся всей семинарии, управление общежитием, участие в педагогическом совете гимназических классов в качестве почетного председателя с правом вето только в вопросах дисциплин религии и воспитания⁴.

5. Преподавателей богословских предметов назначает митрополит по согласованию с Министерством (раньше преподавателей назначала сама администрация семинарии после положительной резолюции митрополита).

¹ «Klasy Gimnazjalne Duchownego Seminarjum Prawosławnego w Wilnie».

² «Wileńskie studjum teologiczne».

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 1; Новая организация Виленской семинарии // Воскресное чтение. – 1925. – 13 декабря. – № 50 – С. 796; Четвертая Сессия Священного Синода Православной Церкви в Польше за 1925 г. // Воскресное чтение. – 1926. – 7 марта. – № 10. – С. 152–155.

⁴ Как показала практика, даже при общем решении директора и куратора отчислить воспитанника ректор семинарии мог не согласиться и отменить решение. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1383. – Л. 6.

6. Непосредственным управляющим гимназии является ее директор, назначенный Министерством по соглашению с митрополитом, тоже самое касается назначения других сотрудников гимназических классов.

7. Визитация (проверка) гимназических классов поручается Куратору ВУО, ректор или представитель от митрополита могут присутствовать во время занятий.

8. Все распоряжения, действующие в государственных гимназиях, применяются и в гимназических классах семинарии, воспитанники гимназических классов пользуются всеми правами государственных учебных заведений.

9. Необходимым условием для поступления в богословские курсы с этого времени стало наличие аттестата зрелости (так называемая матура), экзамен на его получение сдавался при государственной комиссии и требовал хороших навыков в польском языке (раньше воспитанники могли перейти из восьмого общеобразовательного в девятый богословский класс лишь по внутреннему экзамену семинарии).

В результате главный посыл вышеописанных административно-структурных изменений заключался в централизации власти над семинарией в руках митрополита Православной Церкви в Польше и Министерства РИиНП. Педагоги гимназических и богословских классов тоже разделились и мало где пересекались в учебном процессе. С нового 1925/1926 уч. г. педагогические советы проходили отдельно. Председателем педагогического совета гимназических классов стал директор Л. Белявский, который начал вести журналы педагогического и воспитательного советов на польском языке и отправлять на утверждение куратору ВУО¹. Содержание протоколов заседаний значительно изменилось, в частности, первое собрание началось с похвальных слов в адрес Министерства РИиНП, куратора ВУО, а также высказаны надежды, что и в дальнейшем Польское государство будет оберегать семинарию и помогать ей развиваться². С открытием гимназических классов состоялось назначение 11 штатных вакансий для преподавателей, оплачиваемых из государственного бюджета, в связи с чем совет решил еще раз поблагодарить школьные власти³.

Несмотря на такое разделение семинарии на два фактически отдельных учреждения и ее новое общее наименование «Митрополитальная семинария», местная пресса продолжала называть учебное заведение «Виленской духовной семинарией».

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 1.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 1, 3, 8.

³ Там же. Л. 8 об.

Все воспитанники общеобразовательных классов обязывались заново сдать вступительные экзамены, так как юридически они покидали старое учреждение и поступали в новую гимназию. Экзамены проходили четыре дня, во время которых учащимся пришлось пройти аттестацию по всем предметам¹. Устав духовных школ 1884 г., как и все дополнительные дореволюционные указы, полностью прекратили свое действие в пользу нового устава гимназических классов семинарии, разработанного Министерством РИиНП вместе с митрополитом Дионисием².

В результате деления семинарии в общеобразовательных классах интенсивно продолжался процесс перехода на государственный язык преподавания. После вступления в должность директора Л. Белявского состоялась его встреча с куратором ВУО, который подчеркнул, что «прежде всего» нужно заботиться об усвоении учениками польского языка³. Газета «Виленское Утро» объявила, что уже с начала 1925/1926 уч. г. все общеобразовательные предметы в семинарии «будут преподаваться на польском языке»⁴. Однако в действительности дело несколько затормозилось. В связи с заменой учебников пришлось менять также и учебную программу, что оказалось затруднительным для преподавателей⁵. Как говорилось выше, в 1924/1925 уч. г. руководство успело полонизировать три из восьми классов. В октябре 1925 г. директор докладывал куратору ВУО, что ему успешно удалось перевести обучение на государственный язык и в четвертом классе. К следующему 1926/1927 уч. г. планировалось вводить польский язык также в 5-ом и 6-ом классах⁶. Однако в январе 1926 г. пришло сообщение от куратора ВУО, в котором приказано начинать читать предметы на польском языке в пятом классе⁷. По данным учебных журналов, до конца 1925/1926 уч. г. шестой и старшие классы сохранили русский язык преподавания⁸. В октябре 1925 г. состоялся педагогический совет в присутствии почетного председателя – представителя от Министерства РИиНП Марьяна Боровского – а также начальника отдела средних школ от куратора ВУО Зигмунта Федоровича. Марьян Боровский известил педагогический совет, что польскому государству безразлично, на каком языке общается православная школьная молодежь, она не стремится денационализировать ее, Министерство никогда не позволит себе

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 10 об; Ректор Семинарии епископ Антоний. Расписание / Ректор Семинарии епископ Антоний / Воскресное чтение. – 1925. – 26 июля. – № 30. – С. 480.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 54 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 41–41 об.

⁴ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 31 августа. – № 1406. – С. 4.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 122 об.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 18.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 314; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 315; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 316; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 317; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 318; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 319; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 320; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 321.

повесить доску на стенах школы с объявлением «тут нельзя разговаривать по-русски». Если в Министерстве и высказываются такие слишком резкие заявления, то лишь из опасения, что молодежь, которая дома не разговаривает на польском языке, не научится говорить на нем, имея только 5–6 недельных часов в школе. Православный священнослужитель является государственным чиновником в Польше, поэтому он обязан свободно владеть государственным языком, так как ему придется поддерживать контакты с административными властями, вести официальную переписку и так далее. По этой причине Министерство и поднимает вопрос о полонизации семинарии, а не для денационализации¹.

Необходимо отметить, что в феврале 1925 г. в Польской Республике состоялось открытие высшей духовной школы – так называемого «Православного богословского отдела (факультета) при Варшавском университете». В перспективе ожидалось, что с этого времени Виленская и Кременецкая духовные семинарии смогут надлежащим образом подготовить кандидатов для продолжения учебы на уровне высшего духовного образования (магистратуры). По этой причине вышеописанные крупные реформы в ВДС ориентировались на постепенную централизацию всего православного духовного образования в руках открытого богословского отдела при Варшавском университете. При этом основной целью реформы было обучение семинаристов польскому языку на достаточно высоком уровне, ведь еще в октябре 1923 г., когда только начинали обсуждать открытие православного богословского факультета, совет профессоров Варшавского университета предупредил высшее церковное начальство, что на новом открываемом факультете необходимо гарантировать права польского языка, согласно ст. 9 закона о высших учебных заведениях. Также и Министерство РИиНП указало, что может лишь в виде исключения допустить чтение некоторых предметов на украинском, белорусском или русском языках. Одновременно Совет Варшавского университета посчитал желательным, чтобы духовные семинарии, готовящие кандидатов к поступлению на православный богословский факультет, надлежащим образом реформировались для достижения соответствующего уровня навыков в польском языке и смежных с ним предметов². Впоследствии, как показало время, при открытии Православного богословского отдела действительно выяснилось, что «не все студенты основательно владели польским языком»³, поэтому проблема обучения польскому языку на уровне среднего образования стала еще более актуальной.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 52–53.

² Положение вопроса о высшем духовном образовании в Польше // Воскресное чтение. – 1924. – 25 мая. – № 17. – С. 262–263.

³ Свящ. В. Я. Нарвовский. Православный Богословский Отдел Варшавского университета / Свящ. В. Я. Нарвовский // Воскресное Чтение. – 1925. – 16 августа. – № 33. – С. 517.

Официальные правила приема на богословский факультет при Варшавском университете гласили, что принимаются прошения всех желающих, окончивших курс богословских классов духовных семинарий первым разрядом со званием студента, а также принимаются все окончившие правительственные гуманитарные гимназии и получившие аттестат зрелости¹. Однако в ноябре 1925 г. при открытии курсов высшей духовной школы четыре воспитанника ВДС из первого богословского класса подали прошения о поступлении на богословский факультет и в результате были зачислены. Как семинарское правление, так и воспитанников удивил тот факт, что данные студенты, ранее окончившие частную гимназию и не имевшие аттестата зрелости, приняты на богословский факультет. Ректор епископ Антоний предложил им подать прошения с отказом поступать на Варшавские курсы, в противном случае их ждет исключение из семинарии. По мнению администрации, если позволить семинаристам после окончания восьми гимназических классов поступать на богословский факультет, то это грозит немедленным закрытием существующих при семинарии богословских классов, воспитанники которых однозначно все бы воспользовались таким правом перехода в учреждение, предлагающее высшее, государством признанное, гуманитарное образование. В итоге правление семинарии просило учесть митрополита Дионисия все обстоятельства и не делать исключения для этих четырех студентов (резолюция митрополита нечитаема)². При таком положении существование богословских классов ставилось под сомнение. Более того, после разделения семинарии возникли серьезные финансовые трудности в богословских классах, почти не дотируемых государством³, периодическая печать начала предупреждать, что данные классы подвержены постепенному вымиранию⁴.

В целом реформа духовных семинарий 1925 г. в Польской Республике⁵ подверглась основательной критике со стороны православных общественных деятелей, в основном, по причине разделения учреждения на гимназию и отдельные богословские курсы. В частности, как писала газета «За Свободу», «семинарии как духовной школы, этого единственного рассадника духовного образования и просвещения для трех епархий, более не существует: она преобразована в восьмиклассную правительственную гимназию, с польским

¹ Открытие Православного Богословского Факультета // Воскресное Чтение. – 1926. – 1 марта. – № 9. – С. 136; Церковные известия // Слово. – 1933. – 10 сентября. – № 70 (179). – С. 1.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 115 об., 117.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 34.

⁴ Виленец. Полонизация Виленской духовной семинарии / Виленец // За Свободу! – 1925. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 4.

⁵ Аналогичная реформа проведена в Кременецкой духовной семинарии.

языком преподавания»¹. В другом месте данная газета выражала тревогу, что среди педагогического состава оказались пять католиков и два лютеранина, директор гимназических классов советовал классным наставникам общаться с учениками на польском языке и не только в часы занятий. Далее газета подводила к риторическому вопросу: сельское приходское духовенство и белорусское крестьянство отдает «последние копейки» для обучения своих детей, но разве нужна такая «гимназия-семинария», когда вокруг полно других польских государственных школ²? Русский эмигрант и общественный деятель Дмитрий Владимирович Философов выражал недоумение по поводу нового устава духовной школы, который представляет из себя «туманную и неясную картину»³. Собранный в октябре 1925 г. педагогический совет ВДС констатировал факт, что в различных газетах появляется информация про семинарию тенденциозного и даже фальшивого характера. Например, якобы ученикам гимназических классов необязательно ходить на богослужения, учебное заведение скоро превратится в католическое и полонизированное учреждение. Все это профессорско-преподавательский состав отрицал и выражал недоумение – зачем обвинять семинарию в проведении полонизации, если на это согласились съезды Гродненского и Пинского епархиального духовенства⁴. Скорее всего, имеется ввиду проходившие еще в 1923 г. съезды, обсуждавшие реформу духовного образования. Если это так, следует напомнить, что указанные съезды действительно выразили согласие со всеми пунктами реформы, за исключением пятого – полной полонизации духовной школы.

Несмотря на оправдания педагогического совета ВДС, даже высшие иерархи Православной Церкви в Польше негативно относились к подобному преобразованию разделенной семинарии. В целом, в среде иерархов вопрос средней духовной школы определялся как «один из наиболее наболевших в жизни Православной Церкви в Польше»⁵. В декабре 1925 г. Священный Синод составил мемориал на имя господина председателя совета министров Александра Скшинского, в котором отмечалось, что с духовной школой Министерство РИиНП проводит постоянные опыты, совершаемые без всякого видимого плана, нередко без согласования с духовными властями или даже

¹ Виленец. Полонизация Виленской духовной семинарии / Виленец // За Свободу! – 1925. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 4.

² Автор статьи не учитывает тот факт, что плата за обучение в ВДС была всегда на порядок меньше, чем в других государственных школах. Православный. Судьбы Виленской православной духовной семинарии // За Свободу! – 1925. – 8 октября. – № 258 (1662). – С. 4.

³ Философов, Д. Виленская семинария / Д. Философов // За Свободу! – 1926. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 2.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 34, 42.

⁵ Философов, Д. Виленская семинария / Д. Философов // За Свободу! – 1926. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 2.

вопреки их воле¹. В заключение отмечалось, что «духовная школа как таковая для церкви потеряна»².

Следует обратить внимание, что газета русского эмигрантского общества «За Свободу» высказывала оппозиционные мнения обо всем, что подавляло элементы русской дореволюционной культуры на территории образовавшейся Польской Республики, поэтому в своих статьях эта газета иногда проявляла склонность драматизировать события. Действительно, православное общество привыкло к сложившейся за многие десятилетия модели семинарии как монолитного учебного заведения, дающего среднее духовное образование, поэтому разделение учреждения в 1925 г. оказалось шокирующим событием. С другой стороны, как следует из протоколов педагогического и воспитательного советов и других архивных данных, ВДС осталась в качестве прежнего церковного учебного заведения, со всеми традиционными порядками в воспитательной части: воспитанники всех классов присутствовали на молитвах, участвовали в богослужениях в семинарском храме, учебный план до сих пор выделял значительно больше часов для богословских дисциплин, чем в обычных школах. С критикой в адрес преподавателей неправославного вероисповедания соглашался и сам ректор епископ Антоний, который в скором времени предпринял попытки уволить всех католиков и протестантов из ВДС³, однако данные планы ничем не осуществились.

В завершение характеристики периода ректорства епископа Антония (Марценко) следует добавить примечательную деталь: общественные деятели Белорусского национального комитета не оставили идею белорусизации ВДС даже после официального превращения общеобразовательных классов семинарии в государственную гимназию. По предложению белорусских активистов, в ноябре 1925 г. епископ Антоний совершил поездку в Варшаву с вопросом о чтении лекций на белорусском языке⁴. Разумеется, когда процесс полонизации семинарии уже запустился, подобные акции никак не могли увенчаться успехом и не воспринимались школьными властями всерьез. В период ректорства епископа Антония конфликт ВДС с Виленской белорусской гимназией еще продолжался. Периодическая печать нагнетала негативную атмосферу, заявляя, что положение в комплексе зданий Виленского Свято-Троицкого монастыря остается напряженным и ежеминутно можно «ожидать взрыва»⁵. Однако, как отмечает педагогический совет семинарии, после смены

¹ Мемориал Священного Синода Православной Церкви в Польше на имя г. председателя совета министров Александра Скшинского, от 19 декабря 1925 года // За Свободу! – 1926. – 16 января. – № 12 (1743). – С. 3.

² Васілевіч, В. Віленская праваслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 19.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291 – Л. 46 об.

⁴ Горный, А. С. Белорусское национальное движение в православных учебных заведениях Польши в 1920-х годах / А. С. Горный // Studia Białorutenistyczne. – Vol. 10. – 2016. – С. 45.

⁵ Письма из провинции // За Свободу! – 1926. – 6 января. – № 4 (1735). – С. 3.

администрации в белорусской гимназии противостояние стало угасать, следовательно, несмотря на тяжелое материальное положение, руководство семинарии больше не требовало от гимназии оплачивать счета, чтобы избежать повторного обострения ситуации¹.

Можно предположить, что Виленская белорусская гимназия, пользуясь ситуацией, когда в 1924–1925 гг. значительно возросло недовольство родителей и церковного общества Виленской семинарией, попыталась занять нишу православной духовной школы для белорусского народа. Так в 1924 г. депутат Тарашкевич Бронислав Адамович поставил в польском сейме вопрос об учреждении белорусской семинарии². В 1925 г. директор Виленской белорусской гимназии ходатайствовал перед Священным Синодом о благословении ввести в учебный план белорусской гимназии преподавание богословских дисциплин по сокращенной программе под наблюдением местного архиерея³. В 1926 г. митрополит Дионисий разрешил преподавание богословских предметов в Виленской белорусской гимназии, в связи с этим некоторое время ходили слухи о преобразовании гимназии в православную семинарию с белорусским языком преподавания⁴. В 1928 г. президиум Белорусского национального комитета в Вильно постановил представить Священному Синоду мемориал о скорейшей белорусизации ВДС⁵. Тем не менее, вышеуказанные замыслы не осуществились. Белорусское движение в конце 1920-х гг. значительно ослабло и потеряло прежнее влияние. Число православных представителей белорусской интеллигенции было очень незначительным. Варшавская печать называла деятельность Белорусского центрального православного комитета лишь номинальной. Ситуацию белорусских активистов особо осложнили расколы и скандалы внутри их движения⁶.

Постановлением Священного Синода Православной Церкви в Польше ректор ВДС епископ Антоний (Марценко) с 1 января 1926 г. был направлен исполнять обязанности Волынского викарного епископа и ректора Кременецкой духовной семинарии⁷. 20 декабря 1925 г. ректор семинарии совершил последнее богослужение, после которого произнес речь, в которой отметил, что когда первый раз прибыл в г. Вильно в 1924 г., то «застал Православие в дыму и угаре», однако, «благодаря только ему <...> дым и угар

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 4–4 об.

² Варшава // За Свободу! – 1924. – 29 января. – № 27 (1082). – С. 4

³ Четвертая Сессия Священного Синода Православной Церкви в Польше за 1925 г. // Воскресное чтение. – 1926. – 7 марта. – № 10. – С. 155.

⁴ Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 14 июня. – № 1628. – С. 2.

⁵ Хроника. Белорусские пожелания // Воскресное Чтение. – 1928. – 21 октября. – № 43. – С. 656–657.

⁶ Виленский. Из белорусского церковного движения (Письмо из Вильны) / Виленец // Воскресное чтение. – 1932. – 21 февраля. – № 8. – С. 111.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 122.

были рассеяны». Воспитанники семинарии на прощание торжественно вручили епископу Антонию архиерейский посох¹.

Главным итогом ректорства епископа Антония следует признать разделение ВДС на два тесно между собою связанных учреждения: гуманитарную гимназию и частные богословские курсы. Как было сказано выше, принятое еще в период ректорства В. В. Богдановича решение создать новый формат духовной школы с десятью классами вместо бывшей семинарии с шестью классами имело как положительную, так и негативную стороны. К последней следует отнести неуклонное стремление польских школьных властей преобразовать первые восемь классов семинарии в формат гуманитарной гимназии.

Следует отметить, что открытые в 1921 г. общеобразовательные классы семинарии фактически приравнивались к таковым любой другой государственной гимназии, за исключением аттестата зрелости (до 1925/1926 уч. г.). Для получения последнего некоторые выпускники восьмого класса сдавали государственный экзамен зрелости в другой школе. В случае успешного окончания ученикам открывался путь для поступления в университеты. Таких случаев ухода из семинарии после восьмого класса и отказа продолжить учебу в богословских классах было достаточно много, впрочем, это воспринималось как нормальное явление, ведь ВДС ставила перед собой задачу не только подготовить будущих священнослужителей, но и дать среднее образование. По указанным причинам формальное разделение между гимназическими и богословскими классами еще до 1925/1926 уч. г. представлялось достаточно очевидным. Однако произведенное Министерством РИиНП административное и фактическое разделение семинарии насторожило как сотрудников учебного заведения, так и церковное общество, так как после этой реформы правительству стало легче решить судьбу богословских курсов и возникли опасения, что их судьба окончится упразднением. Как показывает дальнейшее развитие событий, эти опасения оказались оправданными.

2.6 Виленская духовная семинария в период возглавления ректором протоиереем Николаем Тучемским (январь 1926 – декабрь 1939 гг.)

После решения перевести епископа Антония (Марценко) на новое место на заседании Священного Синода Православной Церкви в Польше рассматривался вопрос о кандидатуре на должность ректора ВДС. Примечательно, что эту вакансию хотел занять директор гимназических

¹ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 16 декабря. – № 1513. – С. 4; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 21 декабря. – № 1518. – С. 4.

классов Лев Белявский, поспешно организовавший вопрос о своем рукоположении¹, но митрополит Дионисий (Валединский) указал на преподавателя Кременецкой семинарии Николая² Михайловича Тучемского. Новый ректор являлся выпускником Петроградской духовной академии, продолжительное время работал учителем Волынской духовной семинарии. Священный сан принял после принятия решения о назначении ректором ВДС и уже 1 января 1926 г. вступил в новую должность³.

На момент вступления Николая Тучемского в должность ректора в информационном пространстве вновь разгорелась дискуссия о новой реформе духовных семинарий в Польской Республике. Как выше упоминалось, реформа 1925 г., разделившая семинарию на две части, встретила ожесточенную критику со стороны представителей всех кругов православного общества: начиная с учащихся и их родителей и заканчивая высшими иерархами Православной Церкви в Польше. 19 декабря 1925 г. Священный Синод направил премьер-министру особый мемориал, в котором огласил крайне отрицательное отношение к реформе 1925 года: «Реформа второй семинарии, Виленской, совершенно извратила самую суть этого учебного заведения как духовной школы, создавая лишь одну еще правительственную гимназию в помещении [монастыря – А. Г.] и при помощи православной церкви, непосредственной задачей которой отнюдь не является организация светского образования». Анализируя данный мемориал, Дмитрий Владимирович Философов в своем комментарии критиковал митрополита Дионисия за то, что последний сам санкционировал те распоряжения Министерства РИиНП, которые сразу же посчитал бесполезными для организации духовной школы. Причину такого поведения иерарха Д. В. Философов видел в том, что высшая церковная власть не искала опоры и поддержки у православной общественности, в частности, представителей мирян, но все вопросы решала в единоличном порядке⁴.

Резонансная ситуация вокруг православного духовного образования заставила Министерство искать новые пути выхода из ситуации. Предположительно, по этой причине правительство предоставило больше свободы Учебному Комитету в решении проблемного вопроса. Впоследствии в реорганизованной семинарии не успело пройти даже половина 1925/1926 уч. г., как высшая церковная власть приступила к созданию нового проекта духовных школ, в отличие от проекта 1925 г., созданного фактически исключительно светскими чиновниками из Министерства РИиНП. В январе 1926 г. Священный

¹ ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 56. – Л. 9.

² В архивных документах и в периодической печати того периода имя ректора варьировалось как Михаил, Михал и Николай.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 30.

⁴ Философов, Д. Виленская семинария / Д. Философов // За Свободу! – 1926. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 2.

Синод озвучил результаты своей работы: осуществлена разработка проекта девятиклассной духовной семинарии как подготовительного духовно-учебного заведения к слушанию лекций на православном богословском факультете¹. Одновременно встал вопрос о необходимости решить судьбу богословских классов при духовных семинариях. Министерство предложило следующий вариант: перенести богословские классы Кременецкой духовной семинарии в Варшаву, где они составят часть ПБОВУ, богословские классы Виленской духовной семинарии принять в состав Виленского университета². В таком случае богословский отдел обеих семинарий, инкорпорированный в состав университетов, приобретает статус высшего государственно образования. Педагогический совет ВДС поспешил считать данный проект практически осуществленным, так как в этом случае частично устранялись опасения из-за ситуации, когда выпускники 8-ми гимназических классов имели возможность поступать в ПБОВУ, минуя богословские классы семинарии³.

Священный Синод после тщательного изучения этого вопроса 1 декабря 1925 г. в целом принял такое предложение, но вместе с этим определил свое видение будущего облика средней православной духовной школы: Виленская и Кременецкая духовные семинарии должны остаться на своих местах с последующим преобразованием в девятиклассные духовно-учебные заведения, где кроме общеобразовательных предметов, нужных для получения аттестата зрелости, должны преподаваться богословские дисциплины в сокращенном объеме лекторами православного вероисповедания. Богословский отдел обеих семинарий должен войти в состав Варшавского и Виленского университетов. Только после прохождения этой университетской программы выпускники получают право на священническое рукоположение или продолжение учебы в ПБОВУ на уровне магистратуры. В ряд желательных изменений также внесено предложение об открытии третьей духовной семинарии в г. Варшаве⁴.

После продолжительного перерыва 26–30 марта 1926 г. состоялась следующая сессия Священного Синода, где продолжилось обсуждение вопроса о реорганизации духовного образования в Польской Республике. Вследствие выяснившегося недостатка педагогических кадров, а также в целях экономии и «в целях единства направления православного духовного образования», собрание отменило свое прежнее постановление об университетских курсах и признало необходимым сосредоточить высшее духовное образование только в

¹ Церковное обозрение за 1925 год // Воскресное Чтение. – 1926. – 3 января. – № 1. – С. 10; Наши дела церковные // За Свободу! – 1926. – 13 января. – № 9 (1740). – С. 2.

² Мемориал Священного Синода Православной Церкви в Польше на имя г. председателя совета министров Александра Скшинского, от 19 декабря 1925 года // За Свободу! – 1926. – 16 января. – № 12 (1743). – С. 3; Реорганизация православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1926. – 1 июля. – № 1534. – С. 3.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 180–180 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 126 об.

⁴ Четвертая Сессия Священного Синода Православной Церкви в Польше за 1925 г. // Воскресное чтение. – 1926. – 7 марта. – № 10. – С. 152–155.

руках ПБОВУ, а именно – добавить семинарские богословские классы в учебный план богословского отдела Варшавского университета, присоединив их в качестве подготовительных классов к магистерской программе. В этом случае учебный процесс в данном учреждении состоял бы из четырех курсов. Предполагалось, что после окончания девятиклассной семинарии кандидатам в духовенство будет необходимо пройти еще обучение сроком в один или два года, остальные 3-й и 4-й курсы предназначались для магистерской программы. Министерство выразило свое согласие с большинством положений¹.

Для обсуждения учебного плана и других вопросов новой девятиклассной семинарии митрополит Дионисий 22 июня 1926 г. созвал совещание из представителей духовно-учебных заведений, куратора ВУО, делегатов Министерства РИиНП и других ведомств. В результате переговоров было принято окончательное решение о введении формата девятиклассной семинарии, прогнозировалась дальнейшее введение польского языка в общеобразовательных предметах; в преподавании богословских дисциплин решено оставить русский язык². Митрополит Дионисий стремился успеть провести необходимые преобразования к началу нового 1926/1927 уч. г. поэтому просил соответствующие институты ускорить рассмотрение этого вопроса³. Однако весной 1926 г. в Польской Республике случился «майский» государственный переворот, после чего началась затянувшаяся процедура распределения министров и других государственных чиновников по правительственным ведомствам. После переворота новый министр РИиНП Юзеф Микуловский-Поморский продержался в должности лишь до июля текущего года, после чего его сменил Антоний Суйковский. Предположительно, что вышеозначенные обстоятельства не только замедлили вопрос новой реформы, но и отложили вопрос учреждения при ПБОВУ богословских классов на неопределенное время.

Таким образом, ВДС вступила в 1926/1927 уч. г. на полпути предпринятой реорганизации учреждения. В новом году руководство упразднило первый богословский класс (девятый), включив его в число классов гимназии под управлением директора. В данном классе по сокращенной программе изучались богословские дисциплины, прошлогодние выпускники восьмого класса с нового учебного года продолжали обучение в девятом классе.

¹ К вопросу об организации духовной школы // Воскресное чтение. – 1926. – 30 мая. – № 22. – С. 345; В православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1926. – 24 апреля. – № 1638. – С. 3; Наблюдатель. Епархиальный съезд в Вильне / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 15–16 мая. – № 110 (1841). – С. 4.

² Церковная хроника // За Свободу! – 1926. – 29 июня. – № 146 (1877). – С. 4; Совещание по реформе духовной школы // За Свободу! – 1926. – 24 июня. – № 142 (1873). – С. 4; К реформе Духовных семинарий // Воскресное чтение. – 1926. – 20 июня. – № 25. – С. 395.

³ Совещание о реформе духовных семинарий // Воскресное чтение. – 1926. – 11 июля. – № 28. – С. 441; Посещение Митрополитом Дионисием нового министра Исповеданий // Воскресное чтение. – 1926. – 1 августа. – № 31. – С. 490.

В рамках богословского отдела остался лишь второй богословский класс (десятый). Воспитанники, окончившие в прошлом учебном году первый богословский класс, переходили во второй и таким образом составили последний выпуск ВДС из богословских классов (1926/1927 уч. г.). Семинария продолжала действовать в формате разделенных гимназических и богословского класса, каждые со своим уставом и руководством¹.

На состоявшейся в июле 1926 г. сессии Священного Синода Православной Церкви в Польше поднимался вопрос о назначении нового ректора ВДС вместо протоиерея Николая Тучемского. Выбор пал на архимандрита Николая (Карпова), в приведенной справочной информации указывается, что он уроженец г. Тобольска, окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и на тот момент состоял инспектором Битольской духовной семинарии в Сербии. Священный Синод обратился к правительству с ходатайством о предоставлении ново назначенному ректору ВДС права свободного въезда на территорию Польской Республики². Однако впоследствии сообщалось, что архимандрит Николай так и не смог получить визу для въезда в Польшу, поэтому его кандидатура на пост ректора была снята³. Выдвигалась также кандидатура епископа Кременецкого Симона (Ивановского), викария Волынской епархии, ранее исполнявшего должность ректора Волынской духовной семинарии. Однако, в то время епископ Симон находился на покое в Жировичском монастыре и отказался от должности ректора ВДС⁴.

С нового 1926/1927 уч. г. администрация ВДС ввела польский язык преподавания в шестом и седьмом классах. Преподавание на русском языке еще оставалось в восьмом, девятом и втором богословском классе⁵. Как замечал педагогический совет, в последнее время количество предметов, читаемых на русском языке, сократились на 40%, в результате чего ученики общеобразовательных классов при изучении богословских предметов уже затрудняются с прежней легкостью выражать свои мысли на русском языке⁶.

Начало 1927/1928 уч. г. ВДС встретила уже окончательно преобразованной в девятиклассное духовно-учебное заведение, согласно проекту Священного Синода. Богословские классы подверглись полной ликвидации, намечавшееся учреждение таковых при Виленском и Варшавском

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 227, 234; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 2–2 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 131.

² Новый ректор Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 6 июля. – № 151 (1882). – С. 3.

³ Приезд нового ректора Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 25 августа. – № 194 (1925). – С. 3; В Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 4 сентября. – № 203 (1934). – С. 3.

⁴ Духовная семинария без ректора // За Свободу! – 1926. – 13 октября. – № 236 (1967). – С. 3.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 337; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 338; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 339; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 340; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 341; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 342; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 343; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 344; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 345.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 13 об.

университете так и не состоялось. Следовательно, опасения администрации Виленской семинарии, выраженные еще в 1925 г. о возможном закрытии старших богословских классов семинарии в связи с открывшимся ПБОВУ и очередной реформой православной духовной школой, оправдались.

Новая форма организации среднего православного духовного образования в Польской Республике основывалась на следующих принципах:

1. Средняя духовная школа представляет из себя девятиклассное учебное заведение, которое становится монолитным как учреждение учебное и воспитательное. Семинария с одной стороны должна выдавать своим выпускникам свидетельства зрелости, равнозначные таковым государственных гимназий, а с другой стороны дать им образование, позволяющее слушать лекции и самостоятельно работать на богословском отделе Варшавского университета.

2. Девятиклассной семинарией управляет ректор в духовном сане и соответствующим образованием. Ректор управляет всей жизнью семинарии (во всех классах), в помощь ему назначается инспектор, регулирующий вопросы воспитательного характера.

3. Ректор семинарии назначается митрополитом по согласованию с Министерством РИиНП, весь остальной персонал назначается куратором ВУО по соглашению с митрополитом.

4. Как семинария, так и общежитие полностью обеспечиваются государством.

5. Протоколы педагогических собраний отправляются на утверждение и резолюцию митрополита и куратора школьных властей.

6. Языком преподавания предметов богословских и общеобразовательных, за исключением предметов полонистики, является родной язык воспитанников; и другие не столь значительные изменения¹.

В вышеописанных изменениях, с одной стороны, прослеживается положительная тенденция, так как структура семинарии снова стала монолитной с сохранением старого административного аппарата в лице ректора, возрожденной должности инспектора и классных наставников. С другой стороны, в связи с ликвидацией богословских классов учебные часы богословских предметов сократились примерно в два раза (с ок. 100 до 47²), что нанесло непоправимый ущерб ВДС как школе не только среднего образования, но и имеющей богословскую направленность. Следует отметить, что во всех

¹ Интересно, что последний пункт сами школьные власти очевидным образом нарушали, если только не считать родным языком воспитанников польский. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 8.

² Свитич, А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 203. По проекту Учебного комитета, задача бывших богословских курсов при семинариях передается высшей духовной школе при Варшавском университете, но как справедливо замечает А. Свитич, после сокращения учебных часов богословских предметов «нельзя ожидать и развития богословского факультета, в который будут поступать неподготовленные выпускники».

предыдущих реформах семинарии удавалось сохранить прежнее количество учебных часов богословских дисциплин или уменьшить таковые лишь на незначительную долю, поэтому сама учебная программа духовной школы не пострадала в течение всего периода от возрождения в Польском государстве до 1927/1928 уч. г.

Девятый класс ВДС, который негласно остался «богословским», предназначался не только для изучения богословских предметов. По выражению куратора ВУО Антония Риневича, «в этом классе половина учебных часов должна быть посвящена повторению светских предметов, а другая половина должна иметь энциклопедически-богословский характер»¹. Протесты преподавателей против столь тяжелого удара по семинарии и их предложение сохранить богословские предметы за счет сокращения новых языков, разумеется, остались без внимания. Впоследствии каждому учителю приходилось решать непростую задачу: предоставить на утверждение новую учебную программу своего предмета, в которой при сокращении вдвое учебных часов требовалось сохранить прежнюю структуру и содержание².

Официальное наименование семинарии также в очередной раз подверглось корректировке и звучало так: «Государственная православная духовная семинария в Вильно»³. С 1927 г. духовная семинария с юридической точки зрения стала «профессиональной» (zawodowa) школой, дающей образование кандидатам в священнослужители⁴. В юридическом аспекте выпускники девятиклассной духовной школы получали «профессию» священника и только после окончания имели право на рукоположение⁵.

На заседании педагогического совета перед 1927/1928 уч. г. ректор обратил внимание всех сотрудников, что главная цель школы – дать религиозное образование, основанное на традициях Православной Церкви. Одновременно необходимо воспитывать учеников как лояльных граждан Польского государства, обладающих твердостью характера. Устав общеобразовательных государственных гимназий прекратил свое действие, и впоследствии планировалось разработать внутренний «семинарский» устав⁶. Выпускники сдавали экзамен зрелости после девяти классов (в отличие от прежнего порядка – после восьми классов), чтобы избежать вышеуказанных проблем, когда выпускники восьмого класса, минувя богословские курсы, сразу поступали в ПБОВУ.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 8.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 139.

³ «Panstwowe Prawoslawne Seminarium Duchowne w Wilnie». ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 3, 33.

⁴ Хроника. К реформе Волынской Семинарии // Воскресное чтение. – 1926. – 7 ноября. – № 45. – С. 713–714.

⁵ К реформе духовного образования // Слово. – 1935. – 21 апреля. – № 16 (301). – С. 1.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 35 об., 43 об.–44.

Новая реорганизация не спасла авторитет Виленской духовной школы в среде православного духовенства. В частности, на состоявшемся в сентябре 1926 г. епархиальном съезде Виленско-Лидской епархии протоиерей Николай Тучемский обратился к собранию с просьбой ассигновать определенную сумму денег для содержания оставшегося богословского класса и интерната семинарии. В ответ благочинные епархии единогласно отказали в финансовой помощи «после бесконечных реформ семинарии, совершенно утратившей тип православной духовной школы». Ректор начал «угрожать» членам съезда обращением в Священный Синод, после чего тем однозначно пришлось бы выплачивать взносы, однако съезд совершенно проигнорировал эти требования¹. В связи с этим ректор протоиерей Н. Тучемский и директор Л. Белявский подали прошение об отставке митрополиту Дионисию, объясняя это тем, что духовенство отказывает в финансовой помощи и так выражает свое недоверие к руководителям семинарии². Очевидно, в данном случае рапорт, поданный митрополиту, скорее служил нотой протеста, чтобы привлечь внимание и расположение высшего иерарха, чем выражал действительное намерение уволиться с должности. Впоследствии никаких увольнений не произошло, и небольшие выплаты продолжали выделяться из епархиальной кассы. Позже директор Л. Белявский заявлял, что в действительности он не имеет никаких претензий к епархиальному собранию, так как гимназические классы ВДС полностью содержатся за счет государственного бюджета. В ответ газета «За Свободу» обличала его в «фальшивом оптимизме» и даже лжи, приводя факты отчисления семинаристов по причине неуплаты за обучение³.

По утверждению периодической печати, такое повторное объединение гуманитарной гимназии с богословскими классами явилось «соединением скорее механическим, нежели органическим». Вместе с этим преобразование семинарии так и не было доведено до конца, и в таком недореформированном виде ее застала следующая реорганизация⁴. Уволенный секретарь ВДС Александр Свитич тоже критиковал реформу 1927 г. Так, по его словам, она оставила прежний облик семинарии как светской школы, дающей преимущественно общее образование, а не направленной на подготовку священнослужителей⁵. В другой статье утверждается, что после ликвидации богословских классов и упразднения в семинарии разрядов, в ПБОВУ могут поступать все выпускники, получившие матуру, в то время как до революции

¹ Наблюдатель. Епархиальный ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 35 об., 43 об.–44.

¹ Наблюдатель съезд духовенства в Вильне / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 23 сентября. – № 219 (1950). – С. 2.

² Реальные результаты работ Виленского епархиального съезда // За Свободу! – 1926. – 24 сентября. – № 220 (1951). – С. 4.

³ Наблюдатель. Письма из Вильны / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 6 октября. – № 230 (1961). – С. 4.

⁴ Реформа духовной школы // Слово. – 1934. – 25 марта – № 24 (235). – С. 1.

⁵ Туберозов. Церковные вопросы / Туберозов // За Свободу! – 1926. – 10 июля. – № 155 (1886). – С. 2.

духовные академии принимали только лучших семинаристов-перворазрядников, иначе «цвет духовной молодежи»¹. Действительно, с последней оценкой А. Свитича нельзя не согласиться, так как большое количество семинаристов-выпускников, поступающих на обучение в высшую духовную школу, в целом снижает средний образовательный уровень студентов духовной академии. Ситуация в современной системе духовного образования аналогичная. Более 50% выпускников семинарии продолжают обучаться на уровне магистратуры, следовательно, духовная академия становится лишь продолжением семинарии, но не учебным заведением, собирающим интеллектуальную элиту из студенчества.

Интенсивные реформы ВДС в период 1924–1927 гг. подверглись критике не только со стороны внешних наблюдателей, например, периодической печати. Проведенный анализ архивных данных позволяет говорить о постепенном формировании оппозиции, настроенной против полонизации учреждения, также в среде учащихся и некоторых педагогов. Непосредственный участник событий, бывший воспитанник ВДС священник Евстафий Баслык писал в своих воспоминаниях, что семинария после ректоров В. В. Богдановича и архимандрита Филиппа (Морозова) «стала казенным учебным заведением, лишенным внутреннего огонька»². В июне 1925 г. семинарист Игорь Бекаревич сжег государственный польский герб и поместил оскорбительную надпись под портретом Президента Польской Республики. Хотя руководство семинарии постановило немедленно отчислить провинившегося³, а ректор охарактеризовал этот поступок как «детскую шалость», польские газеты начали представлять данный случай как доказательство, что в Виленской семинарии остались враждебные польской государственности силы⁴. Впоследствии педагогический совет семинарии выяснил, что пострадала лишь бумага, на которую был приклеен герб, однако «Dziennik Wileński» отрицал этот факт, утверждая, что у газеты есть свои источники информации внутри семинарских стен, и связывал поджог герба (11 июня) с намечавшимся анафематствованием бывшего ректора В. В. Богдановича (14 июня)⁵. В силу противоречивости сведений невозможно установить истинные причины поджога. Более убедительными представляются аргументы педагогического совета, приводившего личное признание

¹ Туберозов. О духовном образовании в Польше / Туберозов // За Свободу! – 1926. – 22 июня. – № 140 (1871). – С. 2.

² Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 53.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 79 об.

⁴ К прискорбному случаю в православной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 17 июня. – № 1331. – С. 3.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 25; Преувеличение // За Свободу! – 1925. – 18 июня. – № 158 (1562). – С. 4; По поводу случая в семинарии // За Свободу! – 1925. – 19 июня. – № 159 (1563). – С. 4; Вокруг случая в православной семинарии // За Свободу! – 1925. – 24 июня. – № 164 (1568). – С. 4; Случай в Виленской Духовной Семинарии // Воскресное Чтение. – 1925. – 23 августа. – № 34. – С. 540.

воспитанника И. Бекаревича, что он совершил поступок из шалости. Однако следует учесть, что одновременно с поджогом ученики оставили оскорбительные надписи, касающиеся президента страны, а также инспектора семинарии. Руководство семинарии, разумеется, было очень заинтересовано перевести поступок в категорию детской шалости, так как в противном случае существовала реальная угроза закрытия учреждения.

Через год, в июне 1926 г. появилась информация, что воспитанник ВДС Николай Борецкий закончил семинарию с отличными результатами в первом разряде и собирался поступать в ПБОВУ, однако неожиданно попытался покончить жизнь самоубийством. Друзья Николая утверждали, что покушение является протестом «настрадавшейся молодой юношеской души, болевшей за те непорядки, которые установились в последний год в нашей духовной школе»¹.

Недовольство воспитанников касалось, в том числе, и стремительной полонизации ВДС. Следует отметить, что младшие общеобразовательные классы оказались более податливыми к полному переходу на польский язык. В марте 1926 г. на состоявшемся педагогическом совете место председателя занял куратор ВУО Антоний Риневич, который отметил, что, в связи с переходом на польский язык обучения уровень ознакомления учеников с ним значительно вырос, также поощрялось руководство за перевод на государственный язык всего делопроизводства учреждения². Тем не менее старшие общеобразовательные классы, ученики которых привыкли к русскоязычному обучению, испытывали серьезные трудности при полонизации учебного процесса. В результате этого по графику среднего балла учащихся ВДС за 1927/1928 уч. г. видно очередное снижение уровня знаний с рекордно низкими показателями за весь период деятельности семинарии в Польской Республике (приложение «З»). По указанию куратора ВУО, реформа 1927 г. и новая реорганизация семинарии касалась, в том числе, и перехода на польский язык обучения всех оставшихся старших классов. Перед новым 1927/1928 уч. г. педагогический совет известил школьные власти о значительных затруднениях в этом вопросе, так как ученики восьмого и девятого классов, прошедшие семь-восемь лет обучения на русском языке, скорее всего, будут недостаточно готовы к таким резким переменам. Особенно это касалось таких предметов, как философия и древние классические языки, где переход с русской на польскую терминологию вызовет затруднения. Совет также вошел в трудное положение учащихся выпускного девятого класса, которые были обязаны в течение года одновременно готовиться к экзамену аттестата зрелости, поэтому просил куратора в качестве исключения оставить вышеуказанные предметы на русском

¹ Церковная хроника // За Свободу! – 1926. – 29 июня. – № 146 (1877). – С. 4.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. – 1. – Д. 323. – Л. 127.

языке. Последний, в свою очередь, ответил, что кураториум не обладает достаточной компетенцией решать такой вопрос, поэтому правлению семинарии следует обратиться напрямую в Министерство РИиНП¹. Неизвестно, произошло ли обращение в вышестоящую инстанцию, однако обучение проводилось полностью на польском языке. В ноябре 1927 г. педагогический совет констатировал назревшую проблему: переход на польский язык преподавания сопровождается отставанием от учебного плана, многочисленными неудовлетворительными отметками, ученики девятого класса в связи с жесткими требованиями могут оказаться в состоянии апатии. Совет предложил преподавателям оценивать воспитанников помягче, использовать легко усваиваемые польские учебники². Тем не менее во время следующего педагогического совета присутствовавший в качестве председателя куратор ВУО в очередной раз подчеркнул, что семинаристы должны бегло и грамотно использовать государственный язык. Ставилась также задача произносить слова без акцента, в противном случае ученики обязывались во время самоподготовки читать тексты на польском языке вслух. Обращалось также внимание на ненормальность положения, когда одна часть преподавателей говорила по-польски свободно и хорошо, другая – хуже, чем учащиеся. Так как администрация и воспитанники продолжали между собой общаться на русском языке, то по заявлению представителя школьной власти следовало классным наставникам и другим сотрудникам общаться на польском языке. Куратор заметил, что этим не ставится цель полонизации учеников, так как русского языка как родного учащиеся в любом случае не забудут, а общение на государственном языке поможет преодолеть трудности³.

В результате описанных проблем в конце 1927/1928 уч. г. выпускной девятый класс имел неудовлетворительные результаты в учебе и был не готов к государственному экзамену. 9 мая 1928 г. комиссия по дисциплинам девятого класса проводила собрание с целью допуска или не допуска к сдаче матуры. В предчувствии отрицательных выводов доведенные до отчаяния воспитанники устроили шум перед кабинетом, где проходило заседание комиссии. Вышедший инспектор семинарии заявил, что результаты работы комиссии будут озвучены только завтра и приказал всем успокоиться и разойтись. Однако недовольные ученики отправились к дому преподавателя польского языка Юзефа Вежинского и в знак протеста разбили окно в помещении. На следующее утро администрация семинарии потребовала объяснений их поведения, на что воспитанники составили коллективное покаянное письмо, где признались, что преподавание польского языка и выставление оценок

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 34, 45.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 62 об., 66 об.–67, 130 об.

преподавателем Ю. Вежинским не оставляет никакой надежды на допущение к аттестату зрелости, так как при любом ответе можно получить неудовлетворительный балл. Все это ввергло учащихся в отчаяние и привело к дальнейшим нарушениям. Ректор семинарии пригласил Ю. Вежинского на заседание экстренного педагогического совета с целью выяснить обстоятельства, однако последний лишь передал отказ от участия в заседании, заявил о нежелании дальше преподавать в ВДС, грозился уведомить куратора, Министерство и прокуратору о нападении на его дом семинаристами. Педагогический совет тайным голосованием решил пока отложить матуральные экзамены и отчислить четырех воспитанников, оказавшихся в тот вечер еще и нетрезвыми¹.

В итоге по результатам государственного экзамена зрелости только 6 учеников из 21 смогли сдать его в 1927/1928 уч. г., что, безусловно, являлось весьма низким показателем для учебного заведения².

В новом 1928/1929 уч. г. исполнялось 100 лет со дня основания Литовской духовной семинарии (20 октября 1828 г.). Воспитанники духовной школы уже давно ставили в известность руководство о желании отпраздновать юбилей *alma mater*. По данному вопросу педагогический совет семинарии на протяжении двух лет обращался за благословением к митрополиту Дионисию, однако никакого ответа не последовало. Накануне 20 октября учащиеся проинформировали инспектора семинарии, что собираются провести праздник в честь 100-летия семинарии, однако Л. Белявский запретил самостоятельные празднования и заявил, что 20 октября будет обычный учебный день. Вернувшийся из поездки в Варшаву ректор протоиерей Николай Тучемский неожиданно огласил, что вместо празднования 100-летия ЛДС в школе пройдет торжество, посвященное 10-летию возрождения Польской Республики. Ошеломленные таким поворотом событий воспитанники старших классов начали распространять листовки с приглашением семинаристов на праздник 100-летия семинарии, где также призывалось игнорировать учебные занятия 20 октября. В итоге акция не удалась, педагогический совет выяснил имена трех главных зачинщиков среди старшеклассников и провел тайное голосование по вопросу об их отчислении, однако было принято решение оставить всех трех провинившихся воспитанников. Тем не менее куратор ВУО после ознакомления с протоколом заседания прислал распоряжение, что не соглашается с решением большинства голосов и настаивает на отчисление данных учеников. На следующий день после состоявшегося отчисления другой воспитанник Константин Люткевич в знак протеста обезобразил и выбросил

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 89–91, 94.

² Там же. Л. 97.

через окно портрет президента Польской Республики, за что немедленно подвергся исключению¹.

Следует отметить, что остаются неизвестными причины, побудившие митрополита Дионисия проигнорировать данный юбилей ВДС. Остается лишь предположить, что празднование неизбежно бы привело к историческому осмыслению деятельности семинарии в дореволюционный период, когда она явилась мощным форпостом против польского влияния, что явно противоречило новому курсу семинарии, принятому в 1924 г. Скорее всего это прекрасно понимали и отчисленные старшеклассники, и воспитанник К. Люткевич, выразивший протест именно в такой антигосударственной форме.

Безусловно, в семинарии присутствовало большее количество оппозиционно настроенных воспитанников, однако источники делопроизводственного характера могут лишь в небольшой части передать внутреннее настроение всей семинарской корпорации. После государственной аккредитации сотрудники оказались вынуждены выражать свое несогласие скрытно или вовсе не комментировать изменений из-за курса полонизации. Данным настроениям вполне созвучны воспоминания священника Евстафия, отмечающие, что патриотические чувства по отношению к русскому миру стали выражать более осторожно в том числе воспитанники².

После вышеописанных реформ в ВДС, происходивших в 1924–1927 гг., процесс полонизации во всех классах, кроме богословских дисциплин, подходил к своему завершению. В ходе реформы 1927 г. предпринимались последние попытки православного общества остановить данный процесс. Следует отметить, что после форсированного введения польского языка в результате государственной аккредитации в 1924 г. и особенно после реорганизации семинарии в 1925 г. в следующем 1926 г. появилась информация, вселившая надежду, что школьные власти смягчат свое отношение к вопросу тотальной полонизации. В мае 1926 г. в Польше произошел государственный переворот, что повлекло за собой чистку государственных кадров. Данными событиями, скорее всего, объясняется временное изменение вектора государственной политики. Как выше упоминалось, проект девятиклассной семинарии неожиданно предусматривал преподавание на родном языке учащихся. Также 31 июля 1926 г. Польский сейм принял «языковой законопроект», определяющий права национальных меньшинств, в частности украинского и белорусского, на использование родного языка в административных учреждениях, судах и учебных заведениях. Закон значительно упростил процедуру открытия начальных и средних белорусских школ. Также, согласно проекту, в профессиональных учебных

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 105–113.

² Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 55.

заведениях в преподавании могло вводиться двуязычие по требованию не менее 40% родителей, что напрямую могло быть отнесено к ВДС как к школе, получившей статус «zawodowa»¹.

С новым 1926/1927 уч. г., принесшим в ВДС очередную волну полонизации, родители учащихся составили коллективное обращение в Министерство РИиНП, где выразили протест по этому поводу. В обращении замечалось, что принудительным введением польского языка в учебном заведении нарушается конституция Польского государства, одновременно выражалось негодование по поводу полного подчинения семинарии государству, родители просили вернуть ее под опеку Православной Церкви². Примечательно, что коллективное обращение смогло вызвать определенный резонанс, так как в октябре 1926 г. Министерство проинформировало, что языками преподавания в ВДС будут русский и белорусский³. В начале 1927/1928 уч. г. Министерство РИиНП распорядилось принять в семинарии новый языковой закон, девятый параграф которого обязывал 50% процентов предметов преподавать на родном языке. Однако, как справедливо заметил В. В. Богданович, по неизвестной причине данный параграф при пересылке в семинарию был вычеркнут⁴. Следует отметить, что бывший ректор семинарии после увольнения с должности продолжал бороться за ВДС в качестве сенатора от белорусской партии. Так, еще в 1924 г. Вячеслав Васильевич внес для обсуждения сенатской комиссии просвещения и культуры особую резолюцию, в которой отмечалось необходимость существования для православного населения двух семинарий: одна для украинской молодежи, другая для белорусской. Языком преподавания в этих школах должен остаться материнский, при этом предлагалось языковые вопросы решать только в самой Православной Церкви. Впоследствии польское правительство отвергло эту резолюцию⁵.

В свою очередь, в Кременецкой духовной семинарии украинское движение проявило себя значительно сплоченнее, чем белорусско-русское при ВДС. В процессе обсуждения реформы 1927 г. митрополит Дионисий собственноручно требовал у школьных властей, чтобы украинский язык вводился в Кременце для всех предметов, как богословских, так и общеобразовательных, кроме дисциплин полонистики. Со своей стороны, Министерство настаивало на оставлении украинского языка только на уроках богословия, все же прочие общеобразовательные предметы должны вестись на

¹ Ю. Р-ий. Закон о школах национальных меньшинств и его осуществление / Ю. Р-ий // Воскресное чтение. – 1926. – 8 марта. – № 10. – С. 155.

² Наблюдатель. Письма из Вильны / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 6 октября. – № 230 (1961). – С. 4.

³ В Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 23 октября. – № 245 (1976). – С. 3.

⁴ Васілевіч, В. Віленская прываслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Прываслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 10.

⁵ В сенатской комиссии просвещения // За Свободу! – 1924. – 10 мая. – № 121 (1176). – С. 3.

государственном языке. В обоих случаях русский язык сводился лишь к факультативному предмету¹. В результате достигнутого компромисса в Кременецкой духовной школе украинский и польский языки распределились по принципу 50/50, официальным языком семинарии остался государственный².

Виленское общество, увидев итоги подобного компромисса, попыталось провести похожую языковую реформу в местной семинарии. Ректор протоиерей Николай Тучемский и совет Общества белорусской школы совместно возбудили ходатайство перед Министерством РИиНП о применении в ВДС родного языка учащихся (русского и белорусского), подобно тому, как это сделано в Кременецкой школе. Однако данное обращение осталось без внимания. Движение за белорусизацию не могло сравниться по своей мощности с движением за украинизацию Православной Церкви в Волынской епархии.

В июле 1931 г. в Варшаве состоялся съезд русских организаций, по итогам которого принята резолюция о нарушении прав русского населения в связи с игнорированием русского языка в православных духовных школах, что, по мнению представителей съезда, «создает опасность извращения чистоты православной религиозной мысли»³. Следует отметить, что к 1930-м гг. подобные протесты уже не могли иметь никакой силы, к этому времени в процессе ассимиляции русскоязычного населения был уже заложен прочный фундамент.

Таким образом, несмотря на сопротивление определенной части православного общества, педагогов, учащихся и их родителей, к 1927/1928 уч. г. произошла всецелая полонизация общеобразовательных дисциплин, делопроизводства семинарии, государственный язык частично проник и во внутреннюю жизнь школы.

Тем не менее, после проведения экспертизы Институт по исследованию национальных вопросов Польской Республики заявил о «ненормальной» ситуации в ВДС. Сбор статистических данных выявил следующую картину: в 1923 г. в семинарии общее количество учеников составило 292, из них свою национальность как белорусскую определил 221 воспитанник (~76%), российскую – 63 (~22%), малороссийскую (украинскую) – 7, польскую – 1. Однако по вопросу, на каком языке учащиеся общаются дома, были получены следующие данные: на русском – 210 (~72%), белорусском – 69 (~24%), украинском – 1, смешанном (польско-русском, русско-белорусском, польско-русско-белорусском) – 11. Через девять лет в 1932 г. после произошедших крупных реформ, направленных на полонизацию заведения, проведенное

¹ Хроника. К реформе Волынской Семинарии // Воскресное чтение. – 1926. – 7 ноября. – № 45. – С. 713–714.

² Временный статут Правительственной Православной Духовной Семинарии в Кременце // Воскресное чтение. – 1927. – 27 февраля. – № 9. – С. 131–132.

³ Русский съезд в Варшаве // Слово. – 1931. – 12 июля. – № 5. – С. 4.

анкетирование показало следующие статистические данные: из 152 учеников русский как родной язык указали 88% учащихся; белорусский – в два раза меньше, чем в 1923 г. – 10%¹. После таких результатов Институт по исследованию национальных вопросов начал выражать тревогу, что русификация белорусской молодежи не только не прекратилась, но даже значительно усилилась. В связи с этим критиковалась методика преподавания русской литературы, где «внедряется мысль» о разделении единой национальности белорусов и русских только с XIX в., до этого времени «не существовало ни самого названия «белорус», ни в общем «белорусской национальности». К критике присоединилось Министерство РИиНП, заявив, что все реформы ВДС не принесли ожидаемых плодов: уровень обучения низкий, а прогресс полонизации, несмотря на обучение многих предметов на польском языке – недостаточный², к духовной семинарии продолжало применяться клише «рассадника Восточной культуры»³. Скорее всего под «недостаточным прогрессом полонизации» Министерство подразумевало особенность внутренней жизни школы: общение внутри стен семинарии продолжалось на русском языке, в том числе педагогов и классных наставников с воспитанниками, несмотря на категорическое распоряжение куратора поддерживать государственный язык⁴. Архиепископ Афанасий (Мартос) согласен с таким объяснением – по его утверждению, польские власти посчитали проведенные реформы тщетными, так как все педагоги и учащиеся в семинарии общались на русском языке⁵. К этому следует добавить относительно слабый уровень выпускников ВДС, продемонстрированный на государственном экзамене по польскому языку, что было характерно вплоть до 1939 г. Также школьные власти указывали еще одну причину – русификацию поддерживала большая часть педагогов⁶, которые являлись воспитанниками российских дореволюционных учебных заведений.

Ни Виленская, ни Кременецкая духовная семинария в итоге не смогли стать центрами польской культуры, на что, видимо, существовал определенный расчет идеологов польского государства. Вышеуказанные обстоятельства подвели школьные власти к заключению, что в целях ассимиляции русскоязычной школьной молодежи следующая общеобразовательная реформа в Польской Республике должна решать проблему православных духовных семинарий радикально и в совершенно ином формате.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 304 об.

² Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. С. 285.

³ Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce. С. 602.

⁴ Шлевис, Герман. «Он сюда пришел сюда как странник...». Судьба митрополита Сергия (Воскресенского) / Герман Шлевис. – Вильнюс : Православная Церковь в Литве, 2017. – С. 229.

⁵ Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / архиепископ Афанасий Мартос. – Мн.: Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990 – С. 266.

⁶ Pawluczuk, U. A. Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej. С. 282, 284.

12 августа 1931 г. Президент Республики назначил нового министра РИиНП – Януша Енджеевича, который принялся за проведение крупной реорганизации всего общего образования¹. Реформа унифицировала школьное обучение путем создания последовательной системы нескольких образовательных ступеней с постепенным переходом из одной в другую. Было установлено обязательное начальное образование для всего населения в так называемых «повшехных» школах, которые состояли из шести классов. Дальнейшей ступенью следовала общеобразовательная гимназия (средняя школа), существенно урезанная и состоявшая всего лишь из четырех классов вместо старого формата восьми-девяти классов. Учащиеся, получившие общее образование, переходили в специальные трехлетние лицеи, дававшие законченное среднее специальное образование. Кто имел желание и возможности, мог продолжить полученное специальное образование в высшей школе².

Принятый сеймом Польского государства от 11 марта 1932 г. закон о реформе средней школы, разумеется, коснулся и православных духовно-учебных заведений, т. е. семинарий Виленской и Кременецкой. Первые попытки провести реформы в православном духовном образовании выпали на 1932/1933 уч. г. В связи с этим был организован ряд встреч высшей церковной власти и представителей министерства РИиНП, однако изначально не удалось достигнуть соглашения по вопросу о конкретной форме изменения духовной семинарии по причине многочисленных споров³. Церковное начальство полагало в рамках общегосударственной школьной реформы закрыть два первых и три последних класса и оставить семинарию в качестве гимназии с четырьмя классами – как и следовало по новой системе образования. В таком случае семинария существенно изменилась бы, став гораздо менее значительным учебным заведением, но, с другой стороны, семинарию как институт духовного образования удалось бы сохранить в Польской Республике. Руководство Кременецкой духовной семинарии, желая избежать ликвидации учреждения, поспешно с 1932/1933 уч. г. преобразила семинарию в четырехлетнюю гимназию⁴. Однако это не спасло учреждение: правительственные власти не пошли на компромисс и категорически настаивали оставить среднее духовное образование только в рамках специального трехлетнего лицея. В результате только в 1935 г. удалось

¹ Новый Министр Исповеданий и Народного Просвещения // Воскресное Чтение. – 1931. – 23 августа. – № 34. – С. 466.

² Реформа духовной школы // Слово. – 1934. – 25 марта. – № 24 (235). – С. 1; Новая школьная реформа входит в жизнь // Слово – 1933. – 18 июня. – № 48 (155). – С. 4; Польша Школьная реформа в Польше // Слово – 1933. – 25 июня. – № 50 (157). – С. 4.

³ Miropowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce. С. 602; Совещание по вопросу о реформе духовных семинарий // Слово. – 1932. – 3 июля. – № 27 (56). – С. 1.

⁴ Ogłoszenie // Слово. – 1932. – 25 мая. – № 41 (148). – С. 1.

окончательно выработать соглашение, по которому предполагалась постепенная ликвидация обеих существующих семинарий и создание трехлетнего государственного православного богословского лицея в Варшаве,¹ правда, процесс ликвидации обеих семинарий начался еще до вынесения официального решения.

В целом для кандидата в священный сан схема получения необходимого образования выглядела таким образом: шесть лет обучения в начальной школе, потом четыре года в гимназии для среднего образования и три года в Варшавском богословском лицее. По желанию и возможности можно было продолжить учебу на ступени высшего образования на богословском факультете Варшавского университета.

Кандидаты в духовный сан могли закончить любую начальную и среднюю школу и после получения аттестата зрелости поступать в духовный лицей. Без такого аттестата представлялось невозможным как поступление, так и получение священного сана². Три класса богословского лицея оказались своего рода аналогом бывших богословских классов при семинариях, но, несмотря на расширение богословского отдела с двух до трех лет обучения, церковное начальство указало опасную тенденцию: при обучении в обычных повсехных школах и гимназиях будущие студенты богословского лицея окажутся совершенно оторваны от программы Священного Писания, церковно-славянского языка, церковного пения и устава, греческого и латинского языков. Данные предметы всегда изучались в общеобразовательных классах духовной семинарии, даже после всех реформ. Вместе с этим добавились еще опасения, что семинаристы, раньше всегда жившие в общежитии, расположенном около монастырского или другого церковного центра, что способствовало духовно-нравственному воспитанию, обучаясь в обычных светских гимназиях, будут раскиданы по частным квартирам, что лишает возможности должным образом контролировать воспитание будущего духовенства. Новые кандидаты на обучение, лишившиеся возможности поступать в духовные семинарии ввиду их постепенной ликвидации, поступали в обычные гимназии в Вильно и в Кременце. Митрополит Православной Церкви в Польше составлял список таких учащихся и предполагал в будущем перевести их в одно общежитие³.

Перечисленные трудности Министерство РИиНП приняло во внимание и постановило учредить особый интернат (общежитие), в котором проживали бы гимназисты, готовящиеся впоследствии поступать в православный духовный лицей. В таком интернате предполагалась возможность получить надлежащее духовно-нравственное воспитание, а также организованы особые занятия по

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 49–150; Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. С. 287.

² Перлов, С. Судьба духовной школы / С. Перлов // Наше время. – 1935. – 14 апреля. – № 88 (1411). – С. 2, 5.

³ К реформе духовного образования // Слово. – 1934. – 23 сентября. – № 60 (271). – С. 1.

некоторым предметам, таким как церковный устав, церковное пение, церковно-славянский и греческий языки. Проживая в одном интернате, учащиеся распределялись по разным варшавским правительственным гимназиям¹ и сравнительно за небольшую плату в 50 злотых получали полное содержание².

К началу 1935/1936 уч. г. Священный Синод Православной Церкви в Польше открыл «Митрополитальный православный интернат» для абитуриентов духовного лица из всех епархий государства. Общежитие насчитывало всего 210 мест для проживания³, что было почти вдвое меньше, чем общее количество учащихся воспитанников в Виленской и Кременецкой духовных семинариях в 1926–1931 гг., и почти в три раза меньше, чем в период 1921–1925 гг.

Существенным изменением в программе Варшавского духовного лица стал полный переход преподавания на польский язык, в том числе и религиозно-научных дисциплин. Более того, официальным языком для служебных взаимоотношений в учреждении тоже стал государственный язык, с помощью которого следовало воспитанникам вести общение с воспитателями, педагогами и администрацией. Вне служебных отношений воспитанники между собой могли общаться на родном языке⁴. Возможно, последний административный указ являлся своего рода ответной мерой на то, что общение в ВДС проходило почти исключительно на русском языке.

Новая структура православного духовного образования получила санкцию в декрете 1938 г. президента Польской Республики «Об отношении государства к Польской Автокефальной Православной церкви», до этого с января 1922 г. церковная жизнь на территории Польши определялась лишь на основе «Временных правил об отношении правительства к Православной церкви в Польше». Новые правила в декрете также определяли, что православными священнослужителями могут стать исключительно выпускники Варшавского богословского лица, что похоронило всякую надежду на попытки возродить духовные семинарии через открытие частной школы.

Варшавский духовный лицей начал свою деятельность в 1938/1939 уч. г. Еще при открытии общежития в 1935 г. на месте расположения лица митрополит Дионисий выразил радость, что наконец-то будущее духовенство будет получать образование в Варшаве, в центре польской культуры. Однако, как оказалось, решающее значение в деятельности богословского лица имел не глава Православной Церкви в Польше, влияние которого на учебное заведение

¹ Интересен факт, которому не нашлось объяснения – по какой причине было произведено распределение учеников по разным гимназиям, в отличие от сплоченной учебы в одной из них.

² К реформе духовного образования. Реформа средней православной богословской школы // Слово. – 1935. – 21 апреля – № 16 (301). – С. 1, 3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Николаев, К. Н. Восточный обряд / Николаев К. Н. – Париж : YMCA-PRESS, 1950. – С. 249; Реформа средней православной богословской школы // Слово. – 1935. – 21 апреля. – № 16 (301). – С. 1.

оказалось значительно ограниченным, но государственная власть в лице министра РИиНП. Назначение директора, преподавателей как светских, так и богословских предметов, количество штатных мест и заработные платы, учебная программа, условия принятия учеников, количество мест в общежитии – все перечисленное устанавливало данное Министерство. Митрополит имел право только утверждать устав, регулирующий внутренние правила дисциплины интерната¹.

Следует отметить, что в результате ликвидации двух духовных семинарий и основания духовного лица в Варшаве польские правительственные власти достигли своей давней цели – централизации православного духовного образования в столице государства, озвученной еще в самом начале 1920-х гг. при митрополите Георгии (Ярошевском). Впоследствии, когда этот вопрос начал подниматься при его преемнике митрополите Дионисии (Валединском), тот в переписке с министром РИиНП приводил разные аргументы, чтобы оставить Кременецкую и Виленскую семинарии на местах: сохранение связи будущих пастырей с местным православным населением, дороговизна постоянных поездок в Варшаву для учебы и т. д.² Иерарх в особой степени переживал за более близкую к нему Кременецкую духовную семинарию, в ответ на многократные предложения закрыть ее упорно настаивал перед Министерством на сохранении духовной школы и взамен предлагал открыть третью семинарию в Варшаве³.

Белорусские и украинские национальные круги, по-своему желавшие реформировать семинарию, также неоднократно выражали свои опасения митрополиту Православной Церкви в Польше о возможной потере таких мощных местных культурных центров, на что получали ответ, что таких намерений не существует⁴. Решение этого вопроса в правительственных кругах в 1920-х гг. встречало многочисленные бюрократические препятствия, однако после открытия православного богословского факультета при Варшавском университете сформировалась хорошая база для перевода в столицу семинарского образования. Школьные власти действовали прогрессивно и не скрывали своей цели – отодвинуть семинаристов от влияния белорусской, украинской и в особой степени русской среды и разместить их в центре польской культуры⁵.

Весьма показательный пример еще в 1924 г. привела Варшавская газета «Воскресное чтение», заметив, что подобный проект – закрытие обеих

¹ Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. С. 287–288.

² Tofiluk, J. Prawosławne szkolnictwo w okresie międzywojenny / Jerzy Tofiluk // Elpis. – 2006. – № 8/13/14. – С. 78.

³ По поводу предполагаемого закрытия Кременецкой Семинарии // Воскресное Чтение. – 1925. – 23 августа. – № 34. – С. 540.

⁴ В клубах православных меньшинств // За Свободу. – 1924. – 4 апреля. – № 91 (1146). – С. 4; Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 27 апреля. – № 14. – С. 224.

⁵ Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce. С. 601.

духовных семинарий и открытие одной в столице государства – считался бы несправедливым со стороны Министерства РИиНП, так как для 4-х миллионного православного населения Польской Республики оставалась лишь одна семинария. Если сравнить с Католической Церковью, располагающей 21 семинарией, и учесть соотношение православного населения к католическому как 1:6, Православная Церковь должна претендовать на содержание казной 3–4 семинарий¹.

Именно централизация православного духовного образования в Варшаве предопределила печальную судьбу ВДС в 1930-х гг. В августе 1932 г. перед новым учебным годом закрылся первый класс, и больше новый набор учеников в семинарию не производился. С каждым годом количество классов и учеников постепенно уменьшалось: в 1932/1933 уч. г. в семинарии училось 142 воспитанника, в 1933/1934 уч. г. – 121, в 1934/1935 уч. г. – 101, в 1935/1936 уч. г. – 79, в 1936/37 уч. г. – 64, в 1937/38 уч. г. – 48, в 1938/39 уч. г. – 34².

В 1934 г. произошла еще одна попытка сменить ректора ВДС. Определением Священного Синода от 2 марта 1934 г. на должность ректора Виленской семинарии назначен Антоний (Марценко), епископ Камень-Каширский, викарий Полесской епархии³, уже занимавший аналогичную должность в 1924–1925 гг. Впоследствии данный иерарх получил направление на место временно управляющего Гродненской епархией, а его назначение на должность ректора отменилось⁴. Неоднократные безуспешные попытки сменить главу духовной школы, скорее всего, можно объяснить желанием высшей церковной власти видеть в этой должности лицо с более высоким саном, чем протоиерей. Однако протоиерей Николай Тучемский так и остался в своей должности вплоть до закрытия семинарии в 1939 г.

Виленская духовная семинария в 1930-х гг. все активнее принимала участие в многочисленных государственных патриотических мероприятиях, ее внутренняя жизнь отражала новую действительность полонизированного учреждения: воспитанники сформировали и поддерживали деятельность польских школьных кружков, по собственной инициативе принимали активное участие в культурной жизни польскоязычного характера. С развитием движения «общества православных поляков» епископ Матфей (Семашко) пользовался семинарией как площадкой для культивирования идеи данного движения. Так, иерарх часто посещал семинарию, совершал торжественные реколекции (период говения) и богослужения во время государственных праздников вместе с приглашенными капелланами Православной Церкви в

¹ Из печати. Практическая программа // Воскресное чтение. – 1924. – 24 августа. – № 29. – С. 459–460.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 304 об.

³ Перемены в среде Высшей Иерархии // Слово. – 1934. – 8 марта. – № 19 (230). – С. 1.

⁴ Новое назначение епископа Антония // Слово. – 1934. – 1 апреля. – № 26 (237). – С. 1.

Польше¹. Тем не менее, в отличие от Варшавского богословского лицея, вплоть до окончательно закрытия ВДС богословские дисциплины продолжали вестись на русском языке. Перед новым 1932/1933 уч. г. куратор ВУО поднял вопрос о желательности введения преподавания на польском языке, в том числе и некоторых богословских предметов, однако митрополит Дионисий признал подобную реформу несвоевременной и несоответствующей требованиям жизни². Очевидно, что после намечавшегося открытия Варшавского богословского лицея и православного столичного интерната школьные власти больше не видели смысла требовать от ликвидирующегося учреждения крупных перемен, поэтому решили оставить учебный план и другие стороны учебного заведения без изменений.

С 1934/1935 уч. г. все часы богословских дисциплин в ВДС разделялись только между двумя преподавателями: ректором протоиереем Николаем Тучемским и Дмитрием Петровичем Огицким. С 1937/1938 уч. г. Дмитрий Петрович преподавал восемь из девяти богословских предметов и фактически остался единственным преподавателем богословия в семинарии вплоть до ее закрытия³.

К началу 1939/1940 уч. г. ВДС осталась только с одним классом – выпускным девятым, и теоретически должна была прекратить существование с последним выпуском летом 1940 г. Однако 1 сентября 1939 г. вторжением Германии в пределы Польши началась Вторая мировая война. За несколько недель Польская Республика прекратила свое существование. Последний документ, полученный семинарией от куратора ВУО датируется 3 октября 1939 г. 17 октября того же года руководство отправило последнее письмо институту польской школьной власти⁴.

Несмотря на быстрое продвижение немецкой армии, театр военных действий почти не касался Виленского края. Семинария продолжила свою работу с последним классом и 15 учениками. Однако, часть воспитанников (8), как отмечают семестровые журналы, не присутствовала на уроках «по причине военных действий», другая часть получила отметки лишь за первый семестр, учеба после Рождественских каникул прекратилась⁵. По соглашению СССР и Литовской Республики от 10 октября 1939 г., Виленский край вошел в состав последней. В том же октябре Вильнюс заняли литовские войска, после чего началось крупное передвижение белорусского населения на территорию БССР. Предположительно, именно этим объясняется отсутствие восьми учеников

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 58, 67.

² К вопросу о языке преподавания богословских предметов в православных духовных семинариях // Слово. – 1932. – 18 августа. – № 40 (69). – С. 1.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 40–40 об., 58, 75 об.–76.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 226.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 227; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219.

последнего курса семинарии, которые по данным семестрового журнала происходили из местностей современной Западной Беларуси.

Церковная территория Виленского края оказалась присоединена к Виленско-Литовской епархии, находившейся под управлением митрополита Елевферия (Богоявленского), вместе с этим она вернулась под юрисдикцию Русской Православной Церкви. Арестованный и сосланный в ссылку из Вильно в октябре 1922 г. тогда еще архиепископ Елевферий через 17 лет вернулся на кафедру своей епархии. Иерарх упразднил Виленскую духовную консисторию и приступил к объединению обеих частей епархии под юрисдикцией Московского Патриархата. Последовал указ всем священникам¹ написать покаянные письма-обращения к митрополиту Елевферию с объяснением причин, почему они согласились с незаконной автокефалией Православной Церкви в Польше. 5 декабря 1939 г. на происходившем епархиальном собрании Виленско-Литовской епархии состоялось принятие под юрисдикцию РПЦ всех покаявшихся священников, вместе с сотрудниками ВДС, кроме бывшего ректора архимандрита Филиппа (Морозова)².

Такие благоприятные обстоятельства, как возвращение митрополита Елевферия и вновь состоявшееся включение ВДС в сферу влияния РПЦ, не спасли учреждение. 30 декабря 1939 г. на происходившем педагогическом собрании ректор прочитал заявление от представителя литовского Министерства образования о полной ликвидации семинарии с 1 января 1940 г.³. Как уточняют документы уже советского делопроизводства, Литовское государство не только не признало ВДС, но также изъяла Свято-Троицкий храм и прилегающие здания (где располагалась семинария)⁴. Следует отметить, что Литовская православная епархия, существовавшая в Каунасской Литве в 1921–1939 гг., вела достаточно мирный диалог с литовскими властями, поэтому трудно понять причину такого поспешного изъятия недвижимости Свято-Троицкого храма после возвращения Вильнюса. В результате вышеописанного ВДС прекратила свою деятельность.

Таким образом, период ректорства протоиерея Николая Тучемского (1926–1939) в первую очередь связан с такими изменениями, как упразднение богословских классов, полный и окончательный переход общеобразовательных классов на польский язык, постепенная ликвидация семинарии в период 1932–1939 гг.

¹ Кроме протоиерея Луки Голода, по собственному желанию, оставшегося в юрисдикции РПЦ.

² Laukaitytė, R. Stačiatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje / Regina Laukaitytė. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas. – 2003. – С. 92.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219;

⁴ Литовский особый архив (ЛЮА). Фонд 1771. – Оп. 9. – Д. 278. – Л. 213

Выводы

Основанная в 1828 г. Литовская духовная семинария оказалась неотъемлемой частью развития духовного образования на территории современной Беларуси. Она стала одним из исторических центров возвращения униатов к Православной вере и тесно связана с именем митрополита Иосифа (Семашко). Учебное заведение являлось питомником для множества будущих священнослужителей, славилось профессиональными педагогами, высоким образовательным уровнем выпускников. Первая мировая война повлекла за собой серьезные негативные последствия для духовной семинарии: утеряно материальное благосостояние, библиотека, большинство преподавателей и учащихся. С другой стороны, усилиями архиепископа Литовского Тихона (Белавина) и инспектора семинарии В. В. Богдановича учреждение удалось не только эвакуировать, но и продолжить учебный процесс, вплоть до выпуска 1917/1918 уч. г.

Смена эпох после Первой мировой войны обернулась трагедией для православного духовного образования на территории современной Беларуси. Больше десятка духовных училищ подверглись уничтожению, и школы такого типа больше никогда не возрождались. Надежда на открытие своей «белорусской» духовной академии была отложена еще на целое столетие. Духовные семинарии в Минске и в Витебске на десятилетия прекратили свою деятельность. До Второй мировой войны только Виленская и частично Кременецкая духовные семинарии оставались единственными центрами низшего и среднего духовного образования для православной белорусской молодежи.

Виленская духовная семинария возродила свою деятельность 19 ноября 1919 г. в совершенно других государственно-политических условиях. В период нахождения в составе Российской империи школа играла важную роль в качестве одного из центров поддержки самодержавия в поликонфессиональной Виленской губернии и определялась исключительно как русское учебное заведение, которое играло важную роль в политике русификации. В новых условиях, оказавшись в возрожденной Польской Республике, семинария потеряла былую поддержку государства и оказалась в ряду учреждений «национальных меньшинств». Для польских правительственных властей отношения с русскими школами можно определить как испытание толерантности в условиях потенциального исторического реванша.

В первые годы по возвращении из эвакуации (1919–1922) ВДС получила от местной польской власти «Срединой Литвы» право на законную деятельность и свободно им пользовалась. Первые два года учебное заведение работало лишь в формате пастырско-богословских курсов, состоявших из

пятого и шестого классов семинарии. Штат учреждения насчитывал четыре-пять преподавателей, которым приходилось работать в нестабильной политической обстановке Виленского края. Новость об открытой Виленской духовной школе быстро распространилась, так как в канцелярию стал приходить постоянно увеличивавшийся поток прошений с просьбами о поступлении в разные классы семинарии. Стало очевидно необходимость расширять учреждение и выходить из формата пастырско-богословских курсов.

С 1921/1922 уч. г. ВДС объединила в себе структуры начального духовного образования бывших духовных училищ и дореволюционных духовных семинарий. Учебное заведение состояло всего из десяти классов: восьми общеобразовательных и двух специальных богословских. В первые годы деятельности семинария привлекала большое количество желающих обучаться по причине сравнительно недорогой стоимости обучения и наплыва тех кандидатов, которым пришлось прервать образовательный путь во время войны. Даже испытывая материальные трудности, семинария успешно продолжала свою деятельность. Благодаря правильно выстроенным отношениям с местными властями учреждение, несмотря на статус частной русской школы, получало регулярные дотации из бюджета.

Летом 1922 г. произошел конфликт между иерархами Елевферием (Богоявленским) и Георгием (Ярошевским) по вопросу автокефалии православной митрополии в Польше, что впоследствии ввергло в глубокий кризис духовную школу и значительно испортило ее репутацию. Митрополит Георгий решил применить административную власть и с помощью государственных органов подверг аресту и высылке архиепископа Виленского и Лидского Елевферия, уволил ректора ВДС В. В. Богдановича. Подобные меры вызвали возмущение и несогласие большинства преподавателей, покинувших учебное заведение.

Новый ректор семинарии архимандрит Филипп (Морозов) смог восстановить деятельность духовной школы, которую начал вести в русле согласия с самопровозглашенной автокефальной Православной Церковью в Польше. Вместе с этим руководство семинарии постепенно увеличивало количество просьб и размер запрашиваемых дотации из государственного бюджета, по причине недостатка собираемых средств из епархиальных касс. Это привело к тому, что начиная с июня 1923 г., польские школьные власти в обмен на материальную помощь потребовали конкретных шагов по пути реорганизации духовной школы в сторону ее полонизации. Данное предложение Министерства РИиНП обсуждалось епархиальными собраниями Виленской, Гродненской и Полесской епархии. Духовенство в целом высказалось позитивно за увеличение цикла предметов полонистики, приближения семинарии к типу государственной гимназии и особенно за

государственное финансирование, однако при этом выразило категорическое несогласие с пожеланием Министерства постепенно перевести духовную семинарию на польскоязычное обучение. Высшее церковное руководство в 1923 г. тоже озвучило принципиальное несогласие с этим пунктом.

В начале 1923/1924 уч. г. начался серьезный конфликт ВДС с Виленской белорусской гимназией, что автоматически привело семинарию к враждебным отношениям со всем Белорусским национальным комитетом, деятели которого через периодические издания и неоднократные встречи с митрополитом Православной Церкви в Польше провели широкомасштабную информационную акцию, дискриминирующую Виленскую семинарию. В результате словесной полемики в периодической печати ректор архимандрит Филипп был уволен. Конфликт истощил моральные силы педагогического персонала, учреждение за данный учебный год оказалось с финансовыми затруднениями, ее покинуло значительное количество воспитанников. Одновременно со стороны Министерства РИиНП были высказаны обращения ультимативного характера, представляющие семинарии лишь два варианта исхода конфликта: реформа по условиям Министерства или ликвидация учреждения.

Вступив в должность в сентябре 1924 г., новый ректор Виленской духовной семинарии епископ Антоний (Марценко) немедленно согласился на государственную аккредитацию духовной школы и ее постепенную полонизацию. С началом 1924/1925 уч. г. восемь общеобразовательных классов семинарии содержались из государственного бюджета, что, с одной стороны, положительно сказалось на материальном положении ее преподавательской корпорации и условиях проживания воспитанников, с другой стороны, лишило семинарское правление права препятствовать курсу полонизации учреждения. К концу учебного года куратор ВУО успешно перевел первые три младших класса на польский язык обучения. Решением Священного Синода Виленская семинария стала подчиняться непосредственному ведению митрополита Православной Церкви в Польше с наименованием ее «Митрополитальной». Одновременно это означало потерю влияния местного Виленского и Лидского архиерея на жизнь семинарии.

Министерство РИиНП согласно своему проекту в начале 1925/1926 уч. г. разделило ВДС на две части: восемь общеобразовательных классов приобрели статус правительственной гуманитарной гимназии с дальнейшим стремительным введением польского языка и два богословских класса, ставших «частными курсами». Состоялось назначение отдельных руководителей для обеих частей семинарии – ректора и директора. Разделению также подверглись секретариат, канцелярия, даже помещения и инвентарь. Подобные эксперименты Министерства с духовной семинарией широкие круги

православного общества восприняли с резко негативной оценкой и многократно подвергали критике реорганизацию семинарии, «совершенно лишившейся облика православной духовной школы» и «превратившейся в обычную польскую гимназию». Осуждение Министерского проекта было даже со стороны высших иерархов Православной Церкви в Польше.

Следует отметить, что формальное разделение на гимназические и богословские классы еще до 1925/1926 уч. г. представлялось достаточно очевидным. Нередко воспитанники, окончившие восемь классов семинарии и получившие среднее образование, оставляли учреждение с целью поступать в профессиональные школы или высшие учебные заведения. Данное явление воспринималось руководством школы без осуждения. Однако произведенное Министерством РИиНП фактическое разделение семинарии насторожило сотрудников учебного заведения, так как после этой реформы правительству стало легче решить судьбу богословских курсов и возникли опасения, что их упразднят, что впоследствии и случилось.

Сразу после реформы 1925 г., проведенной Министерством РИиНП, Учебный Комитет при Священном Синоде начал разработку собственного проекта духовных семинарий. План новой реформы учитывал открытый в 1925 г. Православный богословский факультет при Варшавском университете. Задача духовных семинарий отныне определялась как подготовка достойных кадров для продолжения обучения на уровне высшего духовного образования. Вместе с этим в процессе реформы решалась судьба богословских классов при семинариях. Некоторое время существовали предположения о переносе богословского отдела ВДС в Виленский университет, по другой версии, предполагалось учреждение богословских классов при Варшавском университете, с последующим их присоединением к старшим курсам магистерской программы обучения. Однако данные проекты на практике не осуществились по причине недостатка педагогических кадров и финансовых средств. Школьные власти негативно относились к идее оставления и укрепления семинарий в Вильно и Кременце, желая отодвинуть центры православного духовного образования от восточных границ и перенести их в столицу страны.

В результате проведения новой реформы Священного Синода с начала 1927/1928 уч. г. ВДС опять стала монолитным учреждением и состояла из девяти классов с одним руководителем – ректором, однако судьба богословских классов окончилась их упразднением. Вся программа богословских предметов была в два раза сокращена и приходилась на один выпускной девятый класс. Преподавателям пришлось сформировать новую учебную программу своего предмета, в которой при сокращении учебных часов вдвое требовалось сохранить содержание прежней программы. 1927/1928 уч. г. отметился также

окончательным переходом всех классов на польский язык обучения, только богословские дисциплины остались русскоязычными в силу затрудненного перевода православных богословских терминов, а также отсутствия православной богословской литературы на польском языке. Коллективные обращения родителей учащихся в Министерство РИиНП и критика церковной печати лишь на время вселили ложные надежды на сохранение в семинарии родного языка.

Новая реформа не спасла учреждение от общественного осуждения, в глазах православного сообщества ВДС продолжала считаться светской гимназией лишь с оттенком некогда бывшей духовной семинарии. Выявлены несколько случаев оппозиционных акций со стороны учащихся против такого вектора развития семинарии. Полонизация особенно тяжело переносилась воспитанниками старших классов, постоянные реформы снижали средний балл учащихся, который к 1927/1928 уч. г. достиг самых низких показателей за период деятельности Виленской семинарии в Польской Республике.

Экспертизы, проведенные в 1932 г. Институтом по исследованию национальных вопросов, выявили, что за девять лет существования ВДС количество воспитанников, указывающих русский язык как родной, увеличилось с 72% до 88%, что определилось как «ненормальная» ситуация и как продолжающаяся русификация белорусской молодежи. Министерство РИиНП со своей стороны тоже заявляло о недостаточном прогрессе полонизации, низком уровне обучения, куратор ВУО обращал внимание, что общение между сотрудниками и воспитанниками должно вестись на государственном языке, а не на русском, как до сих пор происходит.

Ни Виленская, ни Кременецкая духовная семинария в итоге не смогли стать центрами польской культуры, на что, видимо, существовал определенный расчет национальной идеологии государства. Вышеуказанные обстоятельства подвели школьные власти к заключению, что с целью ассимиляции русскоязычного населения в процессе следующей общеобразовательной реформы в Польской Республике вопрос православных духовных семинарий должен решаться в совершенно иной форме.

С 1932/1933 уч. г. в Польской Республике началась крупная реорганизация общего образования, значительно изменившая структуру школьного обучения. Духовные семинарии также были вынуждены реформироваться и искать новые возможные формы деятельности. После затянувшихся дискуссий высшей церковной власти и представителей Министерства принято решение провести полную централизацию православного духовного образования, сосредоточив ее в столичном городе Варшаве в составе трехлетнего богословского лицея и двухлетней магистерской программы богословского отдела при Варшавском университете.

Реформа 1932 г. министра Януша Енджевича ликвидировала институт духовных семинарий, и десятилетний период обучения на этапе начального и среднего образования полностью перешел под надзор государственных школ. Хотя данная реформа не успела в полной мере осуществиться в православном духовном образовании Польской Республики по причине начавшейся Второй мировой войны, следует отметить, что именно такая модель образования для кандидатов в духовенство сохранилась и действует в наше время – периоду обучения в семинарии предшествует 11–12 лет учебы в средней школе. Другими словами, XX столетие совершенно изменило структуру православного духовного образования, которое оказалось оторванным от ступеней начального и среднего образования и стало частью только высшего специального образования, последнее не так давно тоже претерпело изменения и разделилось на три ступени: бакалавриат, магистратуру и аспирантуру.

Следует признать очевидные недостатки современной системы духовного образования по сравнению с положением в межвоенной Польской Республике и особенно в дореволюционной Российской империи. Если спроецировать бывший учебный план на современную структуру обучения, то в современной средней школе первоклассники уже изучали бы основы религии: Священное Писание, церковнославянский язык, а также церковное пение. Начиная с третьего класса, началось бы обучение латинскому языку, с четвертого класса – греческому языку, с седьмого – философским предметам. Приходя в семинарию, такие выпускники средних школ имели бы отличную образовательную базу древних языков, философии и в Св. Писания, чего мы не наблюдаем у современных абитуриентов.

Весьма показательно, что именно такую потенциальную проблему в реформе 1932 г. видели церковные деятели, авторы статей в периодической печати межвоенной Польши. Ими выражались опасения, что будущему духовенству после 10-летнего обучения в обычных школах изучать древние языки вместе с церковнославянским в богословском лицее будет уже поздно.

В результате реформы 1932 г. обе семинарии в Вильно и Кременце были обречены на ликвидацию путем упразднения с каждым годом по одному классу. Несмотря на некоторые заявления государственных чиновников, в семинарии осталось русскоязычное преподавание богословских предметов вплоть до 1939 г. Очевидно, что после перевода православного духовного образования в столицу, школьные власти больше не видели смысла требовать от ликвидирующегося учреждения крупных перемен, поэтому решили оставить учебный план и остальные части без изменений.

В итоге к 1939/1940 уч. г. в ВДС остался последний девятый класс с 15-ю учениками. Однако полностью закрыть учебное заведение было суждено не польским властям, а литовским, которые, восстановив контроль над

Вильнюсом, по неизвестной причине запретили деятельность Виленской духовной семинарии с 1 января 1940 г.

Следует также добавить, что Виленская духовная семинария просуществовала всего 112 лет (1828–1940). Качество образования в ВДС высоко ценилось, семинария считалась гордостью Литовской епархии. Смириться с такой потерей оказалось нелегко, поэтому еще предпринимались попытки возродить духовную школу в периоды немецкой и советской оккупации, но уже в качестве только пастырско-богословских курсов. Однако совершенно изменившаяся политическая карта Восточной Европы и новые границы Литовской епархии предопределили окончательное закрытие духовной семинарии.

В русскоязычной историографии процесс полонизации Виленской духовной семинарии в межвоенный период расценивается однозначно как негативное явление. После проведенного исследования можно попытаться дать объективную оценку и ответить на вопрос: смогла ли Виленская семинария остаться форпостом исключительно русскоязычного православного образования в Польской Республике? Для этого следует сначала вспомнить приведенные в данной главе слова А. К. Свитича: «Миряне, разбитые на разные лагеря, пытались использовать Церковь как орудие для воинствующего национализма». Данную фразу, относящуюся к положению Православной Церкви в межвоенной Польской Республике, можно несколько расширить и сформулировать следующий тезис: не только миряне, но в целом все православное общество, начиная в первую очередь с высшей церковной власти, было разбито на разные лагеря и отличалось отсутствием единства. Даже более того – истоки разрозненности происходили первоначально из сложных отношений между Православной Митрополией в Польше и Русской Православной Церковью. Если гипотетически представить ситуацию, в которой высшие иерархи Польской митрополии не выступили бы против отделения от Русской Православной Церкви, то в итоге интересы Виленской семинарии защищались бы не только местной церковной властью, но также и на уровне межгосударственном, то есть Московской Патриархией.

Автокефалия Православной Митрополии в Польше все-таки случилась, но и в этом случае, по мнению автора, теоретически существовал выход избежать полонизации при условии единства внутри Православной Церкви в Польше. Руководству Виленской семинарии следовало оставить учреждение в рамках частной школы. В таком случае польские власти имели бы весьма ограниченное влияние на ее деятельность. В период 1919–1923 гг. школа имела такой статус, однако сохранить его представлялось довольно проблематичным лишь по одной основной причине – нехватка финансовых средств. Денег, собираемых только из платы за обучение, не хватало для содержания школы.

Администрация многократно обращалась к архиереям не только Виленской, но также Гродненской и Полесской епархий о необходимости собирать налоги для финансирования духовной школы. Следует отметить, что подобные епархиальные денежные сборы в пользу семинарии были нерегулярными, редкими и незначительными, благочинные и настоятели приходов с неохотой собирали деньги и отправляли их в епархиальную кассу. В 1923 г. поток финансирования практически прекратился. Разумеется, вопрос материального обеспечения стал основополагающим, и когда пришло время решать вопрос о переходе семинарии на государственный бюджет в 1924 г., это стало роковым моментом в ее деятельности.

Не стоит в проходившем процессе полонизации обвинять лишь польское государство. Как выразился В. В. Богданович в полемике с Дмитрием Владимировичем Философом, «в этой трагедии трудно винить только правительство. Правительство и польское, и русское и иное – всегда правительство, т. е. ищет своего – государственной пользы. Его можно винить только в недальновидности в непонимании этой государственной пользы»¹. Хотя данный тезис прозвучал в полемике по вопросу автокефалии Православной Церкви в Польше, но вполне подходит и для рассмотрения проблемы духовного образования. Соглашаясь с таким утверждением, следует добавить, что светские газеты межвоенного времени пестрили сообщениями о репрессиях и зверствах советской власти по отношению к Православной Церкви, об уничтожении христианства в Мексике, о зверствах по отношению к христианским святыням и клиру со стороны коммунистических повстанцев в Испании, о новой государственной неязыческой религии в нацистской Германии. При сопоставлении таких мировых событий с положением Православной Церкви в Польше, следует признать, что она существовала в намного более благоприятных государственно-политических условиях.

Следует также понять позицию и мотивацию польских государственных чиновников в настойчивом проведении полонизации. Как уже отмечалось в приводимых в этой главе выдержках из польскоязычных газет, польская национальная идеология рассматривала территории бывшей Речи Посполитой как свои исконные земли, составлявшие польскую государственность и ее культуру. Известно, что со времен разделов Речи Посполитой на территории современной Беларуси Православная Церковь играла одну из ключевых роль в проведении деполонизации или так называемой русификации. Учитывая данный фактор, можно понять позицию польских властей, старавшихся вернуть «русифицированную» образовательную систему в положение доимперское, т. е. конца XVIII в. Полонизация православных духовных школ в межвоенный

¹ Богданович, В. В., Философов, Д. В. К вопросу о положении Православной Церкви в Польше (письмо в редакцию) / В. В. Богданович // За Свободу. – 1923. – 5 декабря. – № 284. – С. 2.

период являлась своего рода ответной мерой на те события, которые происходили после учреждения прелатом Иосифом (Семашко) широкой сети униатских прорусских образовательных учреждений, что описано в начале настоящей главы.

Необходимо также отметить, что полонизацию не следует рассматривать исключительно в негативном ключе, как явление совершенно деструктивное в православном духовно-учебном заведении. Если учитывать, что цель духовной семинарии состоит в сообщении богословского образования, то анализ выпускных экзаменационных работ воспитанников ВДС позволяет утверждать, что уменьшение количества учебных часов по богословским предметам и полонизация учебного плана не отразились крайне негативно на образовательном уровне выпускников школы. Экзаменационные работы демонстрируют хорошую начитанность, владение богословскими знаниями, умение правильно и логически выразить свои мысли. Особые успехи выпускники показывали в древних языках, уровень их знания и умение переводить классических авторов значительно превосходит современный уровень духовных школ Беларуси. По свидетельству немногочисленных воспоминаний, уровень Виленской семинарии остался на высоком уровне по сравнению с другими духовными школами.

ГЛАВА 3.

УЧЕБНАЯ, АДМИНИСТРАТИВНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

3.1 Учебный план

Организация образовательного процесса в духовных школах Русской Православной Церкви Синодального периода прошла долгий путь, много раз значительно менялась, реформировалась, оттачивалась. В частности, реформы духовного образования в XIX в. принесли достаточно плодотворные результаты, которые совершенно изменили репутацию русской богословской науки, не только в России, но и за ее пределами. Литовская греко-униатская духовная семинария (1828–1839) с момента открытия по плану ее основателя прелата Иосифа Семашко пользовалась уставом российских духовных семинарий 1814 г., с некоторыми особенностями, которые требовала специфика униатской духовной школы. Все предметы распределялись по трем отделам соответственно языку преподавания: латинский, польский и русский¹. В целом, базовая часть изучаемых дисциплин существенно не отличается от современного положения, основные богословские предметы остались такими же как в XX, так и в XXI столетии. Программа насчитывала 19 предметов, в результате последующих реформ духовного образования список дисциплин значительно расширился. Можно отметить, что в то время отсутствовали такие предметы как: пропедевтическая часть богословия (Закон Божий, катехизис), основное и сравнительное богословие, греческий язык, каноническое право, философия, психология, дидактика, педагогика и другие предметы из общеобразовательного отдела.

В дальнейшем, после перехода учебного заведения в юрисдикцию Православной Российской Церкви (1839 г.) и переселения в губернскую столицу Вильно (1845 г.), ее администрация руководствовалась уставами 1840, 1867 и 1884 гг.² Последняя редакция устава духовных школ, изданная Священным Синодом в 1910–1911 гг., как известно, успела воплотиться в жизнь только духовных академий³. Кроме того, в период 1884–1917 гг., Святейшим Синодом издавались так называемые «циркулярные отношения или указы от обер-прокурора», которые представляли собой различные дополнения и корректировки действующего устава. Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. также поднял вопрос о необходимости

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 38–41.

² Там же. С. 163.

³ Смолич, И. К. История Русской Церкви. С. 488.

реформ духовного образования, однако обсуждение проблем не привело к выработке единого мнения¹.

Устав духовных семинарий 1840 г. заметно расширил круг преподаваемых дисциплин до 38 – появились катехизис, сравнительное богословие, греческий язык, каноническое право. Увеличилось количество общеобразовательных предметов². Устав 1867 г. добавил в учебный план духовных школ следующие дисциплины: философию, психологию, дидактику и педагогику. Многие предметы были укомплектованы в общие дисциплины, поэтому суммарное количество предметов снизилось до 25. Данная реформа упразднила в семинариях деление на отделы в пользу системы шести классов. В день проводилось лишь по 3–4 урока, что составляло около 22 недельных уроков для каждого класса³ (для сравнения: ВДС в межвоенный период проводила 35–40 недельных уроков). Согласно новому уставу 1884 г. значительно сократились часы для древних классических языков, например, греческого, с 22 до 14. Введены новые предметы, например, библейская история, расширился курс сравнительного богословия. Современные иностранные языки: французский, немецкий, а также древнееврейский и иконописание – переведены в разряд факультативных предметов и преподавались в послеобеденное время. По желанию воспитанники могли выбрать только один иностранный язык, однако для перворазрядников такой выбор был обязательным. Почасовая нагрузка увеличилась до четырех уроков каждый день⁴.

Виленская духовная семинария, возрожденная в ноябре 1919 г., во многих аспектах своей деятельности опиралась на дореволюционную систему организации духовного образования. Данное положение не обошло стороной и организацию учебного процесса, который регламентировался следующими документами: устав духовных семинарий 1884 г., дополнительные указы Святейшего Синода 1884–1915 гг. и постановления Поместного Собора 1917–1918 гг.

Как упоминалось во второй главе диссертации, возрожденная ВДС изначально открыла только два старших, богословских класса, поэтому учреждение еще называлось «семинарскими курсами». Учебная программа данных классов насчитывала восемь предметов: Ветхий Завет (преподаватель архиепископ Елевферий (Богоявленский)), Новый Завет (ректор В.

¹ Сухова, Н. Ю. Обсуждение проблем пастырской подготовки на Поместном Соборе 1917–1918 гг. / Н. Ю. Сухова // Духовные школы на рубеже эпох: уроки истории : материалы научно-богословской конф., Курск, 9 декабря, 2017 г. – Курск : Курская православная духовная семинария, 2017. – С. 65–98.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 183–184.

³ Там же. С. 313–314.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 61, 148; Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 437–438, 449.

В. Богданович), догматическое и нравственное богословие (священник Михаил Кушнев), литургика, гомилетика и практическое руководство для пастырей (Владимир Климентович Недельский), церковная история (Василий Предтечевский)¹. Данный учебный план являлся копией плана пятого и шестого классов дореволюционной ЛДС, однако со значительными исключениями, ввиду недостатка преподавателей на раннем этапе деятельности учебного заведения².

С 1 ноября 1920 г. по предложению ректора В. В. Богдановича возобновлен предмет дидактика. Согласие преподавать выразил учитель Виленской гимназии русского общества Богоявленский Григорий Дмитриевич – сын архиепископа Елевферия³.

16 июня 1920 г. на проходившем епархиальном собрании Виленской епархии стараниями белорусской интеллигенции и с разрешения церковного начальства решено ввести в программу семинарии белорусоведение (язык, литература, история и география Беларуси) в количестве двух уроков в неделю. Следует отметить, что данный предмет был совершенно новым в программе ВДС и никогда в дореволюционное время не преподавался. Такое нововведение стало возможным лишь после решения Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., которое позволило использовать в семинариях, кроме русского, местные языки в учебном процессе. Однако это решение на практике реализовалось не сразу, но через год – с 1921/1922 уч. г., когда открылись младшие классы семинарии. На место преподавателя приглашен известный белорусский писатель Максим Горецкий⁴.

С открытием четвертого класса в феврале 1921 г. учебная программа семинарии несколько расширилась такими предметами как: греческий и латинский языки (преподаватель В. К. Недельский), физика и космография (Д. Д. Диховский), философия (Г. Д. Богоявленский), церковное пение (В. В. Богданович).

К началу 1921/1922 уч. г. Виленская духовная семинария претерпела кардинальные изменения своей структуры. После принятия решения об объединении начального и среднего духовного образования в едином учебном заведении, в открытых десяти классах семинарии реализовалась объединенная учебная программа бывших духовных училищ (четыре класса) и духовных семинарий (шесть классов). В приложении «Б» приводится полный список предметов десяти классов семинарии с указанием количества суммарных

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 10.

² В частности, отсутствовали следующие предметы, положенные по программе богословских классов семинарии: дидактика, история и обличение раскола, обличение сектанства, церковное пение, обличительное богословие, школа (педагогика) и медицина. Однако очевидно, что перечисленные предметы носят не первостепенный характер в программе пастырских курсов. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 68.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 15.

⁴ Там же. Л. 14, 20.

недельных учебных часов по всем классам. Кроме того, произведено сравнение с учебной программой начального и среднего духовного образования дореволюционного времени. Для этой цели использованы данные из учебной программы Виленского духовного училища (1911–1912) и ЛДС (1912–1915)¹. Следует подчеркнуть выявленные основные различия:

1. В Виленской духовной семинарии в ранний период деятельности (1921–1923) уделялось значительно больше часов (с 8 до 20) для современных иностранных языков, в том числе изучались польский и белорусский языки, которые в дореволюционное время не преподавались. Одновременно с этим меньшее количество часов выделялось на изучение древних классических языков. В целом воспитанники обучались 7–8 языкам².

2. В богословских классах появились новые предметы: патрология и каноническое право.

3. Нагрузка по общему количеству недельных часов по всем классам увеличилась на 14% и составляла 292 единицы, при этом количество часов по богословским предметам сократилось на 12%, что занимало 41% от всей программы³.

На состоявшемся 16–18 августа 1923 г. епархиальном собрании Виленской епархии, в связи с предложением Министерства РИиНП приступить к реформе ВДС, произошло одобрение позиции сближения учебного плана общеобразовательных классов семинарии с планами государственных гимназий. В результате принятого решения с 1923/1924 уч. г. учебный план претерпел несущественные изменения, поскольку разработанная руководством в 1921/1922 уч. г. программа открываемых общеобразовательных классов и ранее во многом ориентировалась на светские учебные заведения. В частности, подверглись корректировке наименования отдельных предметов и произошло введение новых учебных дисциплин: учения о современной Польше⁴, географии Польши, истории Польши, гимнастики, медицины, законоведения и истории Восточной Европы. Общее количество предметов в программе увеличилось с 32 до 43. Это произошло как посредством включения новых дисциплин, так и в результате разделения старых на несколько категорий

¹ Следует учесть, что приведенные данные могут незначительно отличаться от других училищ и семинарий, так как учебные заведения полностью не следовали трафаретному изложению учебной программы, которая предлагалась Учебным Комитетом при Святейшем Синоде. К примеру, в Жировицком духовном училище не было предмета гимнастики, который проводился в Виленском духовном училище и т. п.

² Г. А. Острога в своей статье при перечислении предметов из учебного плана ВДС указывает, в том числе, испанский язык (Острога, Г. А. Виленская духоўная семинарыя ў пачатку 20-х гг. XX ст.: новы этап у дзейнасці. С. 154). Однако это утверждение никак не подтверждается архивными данными.

³ К категории богословских предметов (нижняя часть таблицы), кроме сугубо церковных дисциплин, автор относит также греческий, латинский языки и философию. Данная установка актуальна для дальнейших статистических подсчетов.

⁴ «Nauka o Polsce» – т. е. буквально «наука о Польше».

соответственно классам¹. Суммарное количество аудиторных часов в неделю увеличилось с 292 до 360². Количество часов на богословские предметы соответственно возросло с 119 до 131. Однако в процентном соотношении богословские дисциплины во всей учебной программе стали занимать еще меньше – 36%, в дореволюционное время – 52%. Самым заметным изменением в учебной программе стало произошедшее в связи с пожеланиями Министерства РИиНП увеличение часов на предметы полонведения с 14 до 41. Программа 1923/1924 уч. г. в полном объеме приведена в приложении «Б». Примерно такое же распределение дисциплин можно отнести также и к 1924/1925 уч. г.

В результате произошедших преобразований Виленская духовная семинария в новых реалиях Польской Республики тесно приблизилась к светскому типу средней школы. Однако необходимо отметить, что ее учебный план имел существенные отличия в количестве аудиторных часов, посвященных предметам религии. В обычных гимназиях преподавались такие предметы, как религия (Закон Божий), латинский язык, введение в философию, реже – греческий язык. Например, пользуясь информацией из учебной программы Виленской белорусской гимназии, можно выявить, что на данные предметы выделялось 26 недельных учебных часов в 1–8 классах³. В Виленской духовной семинарии данным дисциплинам в общеобразовательных классах уделялось времени несравненно больше – 94 учебных часа. Таким образом, преследовалась цель основательной подготовки воспитанников перед изучением сугубо богословских дисциплин в старших классах.

В связи с вышеописанным положением администрация семинарии относилась негативно и с подозрением к стремлению польских школьных властей выделить общеобразовательные классы семинарии в структуру отдельной гимназии, поскольку в таком случае среди потенциальных тревог возникала опасность значительного уменьшения учебных часов для богословской подготовки⁴.

Указанные опасения действительно оправдались после решения с 1925/1926 уч. г. разделить учебное заведение на частные богословские курсы и общеобразовательные классы в формате правительственной гимназии. Согласно реформе, учебная программа гимназических классов еще раз

¹ К примеру – история и обличение раскола и сектантства разделилось на Расколоведение (9 класс) и Сектантство (10 класс) и т. п.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 75.

³ Адамковіч, А. Э. Беларусы ў Літве: учора і сёння / А. Э. Адамковіч. Книга 1. – Вильнюс : Асацыяцыя «Крувіжа», 2016. – С. 52.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 72–73.

претерпела значительные корректировки¹. Общее количество учебных часов в неделю сократилось с 360 до 332, соответственно снижено количество часов, посвященных предметам религии и древним языкам с 131 до 124. Особому удару подвергся греческий язык, программа которого сократилась с 20 до 13 недельных занятий. Комплексному предмету «религия» (Закон Божий, Св. Писание, катехизис и церковный устав) предоставлялось 27 часов аудиторного времени вместо бывших 34.

Начиная с 1924/1925 уч. г. учебный план общеобразовательных классов ВДС выработывался высшей церковной властью совместно с Министерством РИИМП, что приводило к длительным дискуссиям между обеими сторонами². После окончательного утверждения куратор ВУО запрещал администрации ВДС производить любые самовольные корректировки. Все вынужденные отступления от учебного графика (даже замена заболевшего преподавателя) производились только с согласия куратора³. Все преподаватели обязывались предоставить польским школьным властям для утверждения учебную программу своего предмета⁴. Дореволюционный «устав духовных семинарий» 1884 г. прекратил свое действие и больше не применялся в общеобразовательных классах семинарии.

В свою очередь, в период вышеозначенного разделения ВДС (1925–1927) учебная программа в богословских классах не претерпела изменений и осталась прежней. Управление данными классами в дальнейшем руководствовалось положениями дореволюционного устава⁵.

После реорганизации ВДС с начала 1925/1926 уч. г. прошло только полгода, когда Учебный Комитет при Священном Синоде приступил к следующей реформе православного духовного образования, что привело к упразднению богословских классов и переходу всего учреждения к монолитной структуре девяти классов. В связи с упразднением богословского отдела преподаватели заранее получили предупреждение о необходимости разработать новые учебные программы, где отводилось значительно меньше часов богословским дисциплинам, однако требовалось сохранить структуру прежней программы. Куратор ВУО сформировал комиссию из преподавателей семинарии, которые разработали новый учебный план. За образец предлагалась программа гуманитарных государственных гимназий⁶. Учебный план новой девятиклассной семинарии также приводится в приложении «Б».

¹ Полная учебная программа и ее сравнение с предыдущими годами приведена в положении № 2. Реорганизация Виленской духовной семинарии // Воскресное чтение. – 1924. – 26 октября. – № 36. – С. 568–569.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 96 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 4.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 28.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 96.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 11–17.

В результате реформы 1927/1928 уч. г., согласно учебному плану, прекращено преподавание таких предметов, как пастырское богословие, патрология, каноническое право, история раскола и сектантства, дидактика и педагогика, психология и логика. Для всех оставшихся богословских предметов школьные власти выделили 47 недельных часов, которые по усмотрению семинарской комиссии разделялись по всем классам таким образом: Священное Писание, катехизис и церковный устав – 24 часа, церковная история – 7, догматическое богословие – 3, основное богословие – 2, сравнительное богословие – 3, литургия – 3, гомилетика – 2, нравственное богословие – 3¹. Необходимо отметить, что учебный курс при этом проходил в течение только одного года, в отличие от бывшего двухлетнего обучения.

В итоге в категории богословских предметов осталось 116 недельных учебных часов, что составляло 37% от общего количества часов. В дореволюционное время данный показатель достигал 52%, в период ректорства В. В. Богдановича в 1921 г. – 41%, в 1923–1925 гг. – 36%, в 1925–1927 гг. – 37%.

Следует напомнить, что по авторскому усмотрению к категории богословских дисциплин причисляются также древние языки и философия, которые составляли половину из вышеозначенных 116 учебных часов. В свою очередь, на богословские предметы приходилось 47 часов, что разительно отличалось от опыта прошлых лет (около 90–100 часов). Именно по этой причине реформа 1927/1928 уч. г. нанесла православному духовному образованию в Польской Республике самый большой удар, в результате чего неоднократно подвергалась критике. Преподавательскому составу приходилось существенно изменять учебные программы своих предметов в сторону их сокращения. В частности, произошли следующие изменения:

1. В программе Св. Писания сократился экзегетический материал и предварительные сведения о библейских книгах.

2. Догматическое богословие – сократился текстуальный материал, исключена история догматов.

3. Литургическое богословие – удалены археологические и исторические сведения.

4. Гомилетика – удалена история проповеди.

5. История Русской Церкви, всегда представлявшая отдельный предмет в программе, существенно урезана и включена в курс общей истории Церкви, последний также оказался значительно сокращен. Курс церковной истории стал преимущественно обращенным в сторону истории Православия на Украине и Беларуси².

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 138, 145.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 139–139 об., 145–145 об.

По утверждению А. В. Мироновича, Министерство РИиНП давило на управление духовных семинарий, чтобы в учебном плане не осталось предметов полемики с другими конфессиями или религиями¹. Предположительно в силу этого с 1927/1928 уч. г. в девятиклассной семинарии руководство удалило предмет «история раскола и сектантства», но следует отметить, что изучение старообрядческого раскола в реалиях межвоенной Польши уже не имело прежней актуальности. В свою очередь, «сравнительное богословие» осталось в учебном плане.

В связи с низкими образовательными результатами учащихся школьные власти в процессе реформы 1927 г. предупреждали правление ВДС, что не видят смысла в изучении такого количества иностранных языков, когда в учреждении такая критическая ситуация с успеваемостью. Предположительно по этой причине впоследствии куратор постановил полностью отказаться от новых иностранных языков (французского и немецкого). Педагогический совет не согласился с данным предложением и попытался убедить государственный институт сохранить современные иностранные языки, приводя нижеследующие аргументы: французский и немецкий языки представляют очень большую важность в области изучения богословия; без ознакомления с ними не может быть речи о серьезной подготовке к изучению богословской науки в связи с тем, что на них написаны фундаментальные теологические труды, например, только на немецком языке можно познакомиться с изданиями критического текста Св. Писания, со всеми экзегетическими трудами, творениями отцов Церкви; нет такой области в богословии, которая не была бы уже проработана немецкими исследователями; французский язык тоже очень важен, в частности, на нем изданы передовые труды по церковной археологии².

Для решения проблемы полного удаления новых языков из программы подключился митрополит Дионисий (Валединский), предложив вынести уроки французского и немецкого языков во внеурочное время, в качестве добровольных частных уроков. В результате образовался кружок французского языка, а изучать немецкий факультативно желающих не нашлось. На факультатив правление назначило отдельного преподавателя – Юлию Лаврову, дочь бывшего инспектора дореволюционной ЛДС В. А. Лаврова³.

В процессе обсуждения реформы 1927 г. Министерство также высказалось, в том числе, о необходимости усилить позиции белорусского языка взамен русского в учебном плане ВДС. В ноябре 1926 г. правление семинарии через куратора ВУО получило проект предполагаемого учебного плана, где белорусскому языку выделялось существенно большее количество

¹ Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce. S. 600.

² Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 14 об.–15 об.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1384. – Л. 3; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 36; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 590; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 1 об., 61.

часов, чем русскому, последний становился фактически в ряд иностранных языков. Профессорско-преподавательская корпорация посчитала такой проект несправедливым, поскольку все богословские дисциплины в семинарии изучались на русском, а не на белорусском, поэтому отдавалось предпочтение первому. На заседании педагогического совета состоялось обсуждение о целесообразности преподавания на белорусском языке. Совет подчеркнул следующие факты: отсутствие белорусскоязычной учебной и научной литературы (до сих пор на белорусский язык переведена лишь библейская история С. К. Павловича¹); наличие аналогичной литературы на русском языке; отмечалось, что такие славянские народы, как болгары и сербы, учат русский язык, чтобы читать русскоязычные богословские труды в оригинале, на этом пути должны остаться и белорусы.

Ректор докладывал, что последнее время предметы, читаемые на русском языке, сократились на 40%, в результате ученики в богословских предметах уже затрудняются с прежней легкостью выражать свои мысли на русском. Был озвучен еще один аргумент для оставления на русский язык прежних часов – семинарии присвоен статус «митрополитальной», что предполагает обучение семинаристов из всей Польши, как белорусов, так и украинцев, поэтому учебный и воспитательный процесс необходимо вести на русском языке. В итоге педагогический совет составил резолюцию, в которой единогласно передал свое особое мнение Министерству РИиНП с просьбой оставить часы, посвященные русскому языку, в прежнем количестве, так как он играет ключевую роль в изучении богословских предметов².

Предположительно вышеуказанные убедительные аргументы помогли руководству школы временно приостановить сокращение часов русского языка, так как с 1927/1928 уч. г. произошел лишь небольшой сдвиг в этом направлении. Тем не менее, в следующем 1928/1929 уч. г. вышло распоряжение Министерства РИиНП, которым приказано увеличить аудиторные часы белорусского языка с 16 до 20, с равнозначным уменьшением количества часов русского языка с 16 до 12³. Весьма показательным является то, что Министерство в переписке с куратором ВУО посоветовало и вовсе вынести русский язык в разряд необязательных предметов и установить его как факультативный иностранный язык наряду с французским и немецким (!). В свою очередь куратор ВУО ответил, что такая мера поспешная и излишняя, так как это совершенно противоречит характеру школы⁴. После продолжительного

¹ Паўловіч, С. К. Свяшчэнная гісторыя Старога Завету. Для беларускіх пачатковых школ і малодшых класаў гімназій. – Вільня, 1926. – 159 с.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 155–158; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 12–15.

³ ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 1952. – Л. 320, 335, 460; Вторая Сессия Св. Синода в 1928 году // Воскресное Чтение. – 1928. – 28 октября. – № 44. – С. 667.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 21.

перерыва с 1935/1936 уч. г. школьные власти вернулись к данному вопросу и в учебном плане вынесли русский язык в число факультативных предметов.

В целом, после реформы 1932 г. для Министерства РИиНП корректировка учебной программы духовных семинарий стало неактуальной, поскольку семинарии оказались обречены на постепенную ликвидацию, по этой причине никаких крупных изменений не происходило вплоть до закрытия семинарии в 1939 г.

Таким образом, при возрождении в 1919 г. Виленская духовная семинария пользовалась учебным планом из дореволюционного устава, однако новые государственно-политические условия в значительной степени повлияли на дальнейшее развитие духовной школы. В процессе неоднократных реформ и изменений в учебном плане происходили постепенные сдвиги: введение белорусского языка, введение и усиление полонovedения, сокращение учебных часов по богословским предметам, расширение круга общеобразовательных предметов. Вследствие этого ВДС по характеру учебного процесса приближалась к светской гуманитарной гимназии. Реформа 1927 г. оказалась самой болезненной для семинарии как духовно-учебного заведения, поскольку вместо бывшего двухгодичного курса остался лишь один таковой, одновременно происходило постепенное вытеснение русского языка из учебного плана, приведшее к тому, что с 1935/1936 уч. г. предмет стал необязательным.

3.2 Система аттестации

Обучение в Виленской духовной семинарии предполагало наличие традиционных для образовательных учреждений промежуточной и итоговой аттестации. Промежуточная аттестация включала в себя текущие отметки в журнале, сочинения и проповеди. Итоговая аттестация состояла из экзаменов. Сохранившиеся журналы с отметками в семинарском архиве датируются начиная только с 1921/1922 уч. г., однако носят нерегулярный, фрагментарный характер. Журналы периода 1919–1921 уч. гг. отсутствуют в семинарском архиве, в процессе исследования удалось найти лишь часть информации, касающейся проведения аттестации в 1920 г. С 1925/1926 уч. г. администрация начала получать бланки журналов, дневников и другую подобного рода документацию из государственной типографии в Варшаве¹. Заполнение таких документов производилось исключительно на польском языке. Последние сохранились почти в полном объеме.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 59–60.

3.2.1 Отметки

Выставление отметок и их интерпретация были далеко не единообразными еще на протяжении дореволюционного периода. До 1865 г. преподаватели оценивали знания не цифровым значением, а словесными выражениями, которые часто имели свободную форму, например, «успехов и способностей отчасти не худых»¹. Подобные оценки отличались оригинальностью у каждого педагога, в результате чего не хватало конкретности. Впоследствии в 1861 г. Санкт-Петербургское академическое правление издало указ оценивать успехи учащихся по пятибалльной цифровой шкале. Позже Учебный Комитет прислал методическое руководство, в котором вводилась следующая практика: балл «1» ставится в случаях, когда ученик знает не весь урок, а только кое-что; балл «2» – знает весь урок, но более механически, чем разумно, а потому путается в ответе на существенные вопросы педагога; балл «3» – знает не только весь урок, но и понимает его, не механически заучив; усвоил его сознательно и разумно, в применении, например, к языкам сделает вольный и дословный перевод, а при разборе даст отчет в каждом слове. Если же ученик своим ответом докажет, что он отлично знает урок в обстановке, какую он занимает в системе других дисциплин, умеет связать его с предыдущим, может сделать обобщение нескольких фактов; в применении к языкам – если, сверх вышеозначенного знания урока, может свободно перефразировать его, даже с заменой некоторых слов урока другими словами, тогда балл «4» или «5» – смотря по степени живости, ясности и отчетливости ответов².

В дальнейшем Устав 1884 г. фактически подтвердил такое представление о цифровых баллах: «5» – отлично, «4» – очень хорошо, «3» – хорошо, «2» – посредственно, «1» – слабо. Одновременно устав предписывал преподавателям в оценке ученических успехов баллами быть справедливым и избегать вредного в педагогическом отношении послабления ученикам³. Циркулярный указ Святейшего Синода в 1902 г. еще раз подчеркнул не допускать послаблений в отношении неспособных воспитанников, что свидетельствует о наличии такой проблемы в данное время⁴.

Виленская духовная семинария после своего возрождения в 1919 г. продолжала пользоваться уставом 1884 г. В период, когда делопроизводство велось на русском языке (1919–1924⁵), все отметки выставлялись по пятибалльной шкале от «1» до «5», однако очень часто прибавлялись один, два

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 57.

² Там же. С. 209, 347.

³ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 70.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 36 об.

⁵ В богословских классах до 1927/1928 уч. г. включительно, то есть до их упразднения.

или даже три минуса, в годовых экзаменах иногда использовались половинные дроби («3,5», 4,5»). Все балльные ведомости копировали дореволюционную учебную документацию¹.

В польскоязычном делопроизводстве (с 1925/1926 уч. г.) отметки выставлялись по четырехбалльной шкале в форме выражений «очень хорошо, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно» (*bardzo dobrze, dobrze, dostatecznie, niedostatecznie*), одновременно исчезли такие дополнительные уточнения, как минусы или дроби. Теоретически существовала возможность поставить оценку «плохо» (*złe*)², однако на практике она игнорировалась, как, впрочем, и балл «1» в предыдущей пятибалльной шкале. Учитывая то обстоятельство, что высшая отметка «очень хорошо» использовалась редко, фактически шкала оценки свелась к оставшимся трем отметкам: так произошло значительное сужение возможности оценивать знания ученика.

Получаемые по заказу Министерства РИиНП польскоязычные журналы успеваемости существенно разнообразили учебную документацию. Вместо бывших двух журналов (экзаменационная ведомость и журнал класса) появились такие ведомости, как «журнал проведенных занятий» (*Dziennik lekcyjny*), который разделялся по классам. В данном журнале после каждого проведенного урока прописывалась небольшая заметка о пройденной теме. Кроме этого, в начале журнала приводится краткое содержание на весь учебный год программы определенного предмета, учебники, а также собственно таблица для выставления отметок³. Журнал класса (*Dziennik klasowy*) заполнялся почти аналогично⁴. Следует отметить, что данные дневники имели дореволюционный аналог «классных журналов»⁵, которые не сохранились в фонде Литовской семинарии государственно архива.

«Семестровый журнал» (*Katalog okresowy*) отображал отметки воспитанника, полученные по предметам за каждый семестр и другие данные: день и место рождения, имена и род деятельности родителей, адрес проживания⁶. «Годовой журнал» (*Katalog główny*) по своей форме – такой же, как и семестровый с тем отличием, что в нем выставлялись годовые отметки по предметам⁷. Последний документ – «Настольная книга директора» (*Podręczna książka dyrektorska*) представлял собой журнал, разделенный не по предметам, но по учащимся, где приведены минимальные сведения о каждом воспитаннике и его оценки по предметам⁸.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 1–220.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 9 об.–10.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 217.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 337.

⁵ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 340.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 190.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 211.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 330.

За качеством заполнения некоторых журналов следил ректор семинарии, делая в них необходимые ремарки¹.

3.2.2 Экзамены

Экзамены в ВДС делились на вступительные, промежуточные, выпускные и повторные в рамках передачи неудовлетворительных оценок.

В дореволюционный период деятельности учреждения абсолютное большинство поступавших в семинарию составляли выпускники духовных училищ. Вступительные экзамены в первый класс семинарии проводились в августе месяце, однако в 1883 г. они были отменены, и в дальнейшем дети поступали на основании выпускных экзаменов духовного училища². После окончания Первой мировой войны и произошедших перемен контингент поступавших в семинарию кардинально изменился – вместо бывших выпускников духовных училищ в канцелярию приходили прошения от представителей самых разных слоев общества, что привело к изменению процедуры вступительных экзаменов. Претенденты могли подавать прошения о зачислении не только в первый класс, но и во все последующие. Поэтому испытания состояли из разнообразных предметов общеобразовательного курса, после чего решался вопрос о том, в какой класс следует принимать кандидата исходя из уровня его знаний³. От кандидатов в первый класс требовалось знать общеупотребительные молитвы с объяснениями, Символ веры, Десять заповедей, важнейшие события из библейской истории; по русскому языку: беглое чтение и пересказ, диктант (в объеме около 25 слов⁴); чтение церковнославянского текста; по арифметике: таблица умножения, решение всех задач на все действия в пределах 1000, пользование русскими мерами⁵. С 1923/1924 уч. г. к числу необходимых предметов для первоклассников добавился польский язык⁶. По мере роста класса увеличивался круг предметов и сложность экзаменов, так при поступлении во второй класс добавлялись такие предметы, как белорусский язык, естественная история, церковное пение и т. д.⁷ Вступительный экзамен состоял из двух частей: письменной и устной, в случае несдачи первой назначалась письменная работа на осень, но поступающий в семинарию зачислялся⁸. Также и неудовлетворительная оценка

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 306. Л. 24

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 361, 423.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 33, 87.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 48.

⁵ От правления Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1922. – Июнь. – № 5–6. – С. 2.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1378. – Л. 1–5.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 14–18.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 36 об.–37.

по одному предмету не была достаточным основанием для отказа зачислить в семинарию¹. Вышеуказанные обстоятельства показывают, что администрация применяла достаточно мягкие меры и принимала большинство поступающих.

Вступительные экзамены проводились в мае-июне и в августе-сентябре². В последнем случае кандидаты на поступление сдавали экзамен вместе с теми, кто проходил осеннюю повторную аттестацию³. В случае несдачи весенних вступительных экзаменов руководство не запрещало пересдавать их еще раз осенью⁴. После реформы 1925 г. осенние вступительные экзамены упразднили, поэтому перед 1927/1928 уч. г. педагогический совет просил митрополита заступиться за эти экзамены и вернуть их, что и было исполнено⁵. Следует отметить, что ВДС установила обязательную денежную оплату за вступительные экзамены. Сумма взносов несущественно колебалась с течением времени и выглядела примерно таким образом: в первый класс – бесплатно, во 2–7-й классы – 10 злотых, в восьмой класс – 20 злотых, сдача отдельного экзамена – 4 злотых⁶.

В дореволюционный период деятельности ЛДС промежуточные экзамены проводились два раза в учебном году: перед Рождественскими и летними каникулами. В Жировичский период во время экзамена воспитанники могли отвечать на русском или латинском, по выбору. Аттестации учащихся Литовской семинарии придавалось немаловажное значение, она всегда проходила публично, в присутствии викарного архиерея, членов духовной консистории, почетных жителей г. Слонима. Нередко проверку посещал и преосвященный Иосиф (Семашко), который задавал вопросы выпускникам. Лучшим ученикам собрание вручало книги, что для того времени являлось драгоценным подарком. Неуспевающих воспитанников правление оставляло в семинарии на время Пасхальных каникул, за исключением лишь первых трех дней Светлой седмицы⁷. Воспитанники сначала отвечали кратко и прямо на заданный вопрос, а после этого пространнее объясняли свою мысль. Опросы проводились очень обстоятельно, в результате экзаменационная сессия проходила в течение 15–20 дней по восемь часов каждый день⁸.

В 1845 г. в процедуру экзаменационной проверки оказались включены сочинения-эссе, которые по инерции некоторое время могли писаться на

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 14–18.

² В православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 28 мая. – № 949. – С. 3; *Ogłoszenia // Воскресное Чтение.* – 1931. – 31 мая. – № 22.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 56.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Оп. 334. – Л. 101 об., 104 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 34 об; *Ogłoszenie // Воскресное Чтение.* – 1930. – 25 мая. – № 21; *Ogłoszenie // Воскресное Чтение.* – 1930. – 10 августа. – № 32.

⁶ От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // *Воскресное чтение.* – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509.

⁷ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 57–59, 208, 210.

⁸ Там же. С. 57, 210.

латинском языке¹. Постепенно возросло внимание, уделяемое выпускному баллу не только за устную часть экзамена, но и за эссе, где проявлялись творчество и критический анализ, в отличие от выученного наизусть материала. Последнее было особо характерно для образования той эпохи².

Устав 1867 г. внес несколько изменений: упразднена зимняя экзаменационная сессия, запрещено принимать ответы одному экзаменатору, вместо этого полагалось создать комиссию из трех лиц, не считая преподавателя предмета, которые должны заранее разработать экзаменационные билеты³. Устав 1884 г. еще раз повторил требование проводить экзамены перед комиссией⁴. В 1907 г. вышел указ Святейшего Синода проводить экзамены по всем предметам не только для выпускников, но также для всех учащихся и по всем предметам в конце учебного года. Такая требовательная, по сравнению с современным положением, методика рассматривалась Учебным Комитетом как «педагогический прием», главная цель которого не проверка количества знаний воспитанников, но более утверждение в памяти и объединение в сознании учащихся всего пройденного за учебный год материала. Перед Первой мировой войной экзаменационная сессия в ЛДС длилась 28–30 дней и состояла из 9–12 предметов и письменного эссе на заданную произвольную тему⁵.

Администрация ВДС в первые годы деятельности (1919–1923) пользовалась всеми наработками дореволюционного периода. В учебном плане отсутствовали зимние экзамены перед Рождественскими каникулами, проверка знаний осуществлялась в одной итоговой экзаменационной сессии в конце учебного года, когда проводились выпускные и переводные (из класса в класс) испытания. Сессия продолжалась 16–30 дней, чаще всего начиналась в конце мая и заканчивалась в конце июня. В дореформенной семинарии на экзаменах иногда присутствовал Виленский архиерей⁶.

Как упомянуто в разделе 3.1, учебный план семинарии в 1921 г. расширился за счет добавления новых общеобразовательных предметов. Это привело к тому, что итоговая сессия насчитывала до 15 экзаменов согласно количеству дисциплин, при этом некоторые из них еще делились на устную и письменную часть⁷. В результате во время всей сессии воспитанники сдавали экзамены почти каждый день, включая субботу, и предположительно такая

¹ Там же. С. 130, 209.

² Смолич, И. К. История Русской Церкви. С. 450.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 336.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 70.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 20.

⁶ Посещение духовной семинарии архиепископом Феодосием // Виленское Утро. – 1924 – 19 июня. – № 971. – С. 2.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1413. – Л. 38–46 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1378. – Л. 198–214, 216–228, 229–243.

сессия была достаточно изнурительной не только для экзаменуемых, но и преподавателей. Подобная экзаменационная аттестация сохранялась лишь в самые первые годы деятельности учреждения. В конце 1922/1923 уч. г. педагогический совет решил по причине ненормальных условий, в которых протекал учебный год (конфликт В.В. Богдановича с архимандритом Филиппом (Морозовым)), переводить учеников 1–7 классов в следующие классы по годовым отметкам. Восьмой класс сдавал экзамены по всем общеобразовательным предметам, так как этим классом оканчивался курс среднего образования. Воспитанники первого и второго богословских классов, как и раньше, продолжали сдавать экзамены по всем предметам. В 1923/1924 уч. г. подобная ситуация в 1–7 классах опять повторилась и стала уже закономерностью. После реформы 1927/1928 уч. г. в девятиклассной семинарии переводные экзамены не проводились, так как все внимание было направлено на получение выпускниками государственного аттестата зрелости. Как следует из архивных данных, экзамены в ВДС продолжали приниматься не одним преподавателем, но исключительно комиссией¹.

Как выше упоминалось, в экзаменационную сессию семинарии входили письменные сочинения-эссе. Несколько тем для таких работ заранее предоставлялись преподавателями своих предметов на согласование ректору. В день экзамена руководитель семинарии выбирал одну тему, и по ней учащиеся, без предварительной подготовки, писали сочинение в размере около 4–5 страниц формата А4. Работа писалась сперва на черновике, потом перемещалась на чистовик. Экзаменационная комиссия не оставляла без внимания черновой вариант, на котором тоже делались необходимые заметки. В качестве примера можно привести несколько предложенных тем таких работ. По патрологии: «Антиохийская и Александрийская школы и сравнительная характеристика направления их», «Оценка литературного и богословского значения апологетических произведений II в.», «Учение Св. Иоанна Златоустого о пастырском служении». По сравнительному богословию: «Учение Католической Церкви о Св. Предании», «Папа и собор – к вопросу о пределах папской власти по католическим воззрениям», «Вопрос о непогрешимости Папы». Очевидно, что беглое знакомство с материалом одного учебника не позволило бы ученику рассуждать на вышеозначенные темы в объеме 4–5 страниц. Показательно, что для получения проходного балла «3» требовалось достаточно подробно и грамотно осветить заданную тему, поэтому очевидно, что семинаристы понимали необходимость в течение учебного года отдать немало сил для подробного изучения предметной литературы².

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 39 об.–40; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 24–24 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 136 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 32, 105.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 147 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1427; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 272.

Выпускные экзамены в ВДС проводились в июне месяце и всегда состояли из корпуса богословских предметов¹. С 1851 г. по распоряжению академического правления воспитанники шестого класса ЛДС сдавали экзамены по всем предметам высшего (богословского) отделения². В ВДС в 1919–1927 гг. выпускники сдавали экзамены лишь по программе второго богословского класса. С 1927/1928 уч. г. второй богословский класс ликвидирован, а выпускное испытание сводилось только к государственному экзамену аттестата зрелости.

Повторные экзамены производились перед каждым новым учебным годом с целью переаттестации по предметам с неудовлетворительными оценками. По правилам устава 1884 г. к переэкзаменовке допускались лишь те воспитанники, которые получили не больше двух неудовлетворительных баллов на итоговой летней сессии³. В 1923/1924 уч. г. в связи с массовой неуспеваемостью ректор семинарии поднял данный показатель до трех и более переэкзаменований⁴. Впоследствии, когда с 1925/1926 уч. г. в гимназических классах начали действовать правила государственных гимназий, переаттестация упразднилась. Ученики переводились в следующий класс не больше чем с одним неудовлетворительным годовым баллом, если их насчитывалось больше, предполагалось автоматическое оставление на повторный курс. В случае, если воспитанник второй раз оставался на второй год в одном классе, школьные правила предписывали окончательное исключение его из школы, однако в документации зафиксированы случаи, когда с разрешения куратора такие ученики держали вступительный экзамен на третье повторение курса⁵. После реформы 1927 г. данное положение стало нормативным для всех классов⁶.

3.2.3 Государственный экзамен зрелости

В процессе интеграции ВДС в государственную систему образования постепенно главной целью итоговой аттестации становился государственный экзамен или так называемая матура для получения аттестата зрелости. Следует отметить, что уже на начальном этапе формирования польской образовательной системы означенный документ стал главным требованием и вместе с этим основным «камнем преткновения» для поступления в высшие учебные заведения страны. Для лиц, получивших среднее образование в Российской

¹ В православной духовной семинарии // Виленское Утро. 1924. – 23 мая. – № 944. – С. 3.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 212.

³ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 73.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 79.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 61 об.

⁶ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1439. – Л. 139.

империи и желающих продолжить высшее образование в Польской Республике, требовалось сдать комплексный экзамен (польский язык, литература, история и еще несколько предметов по выбору комиссии), заплатить взнос и получить аттестат зрелости. Разумеется, держать экзамены могли только граждане Польской Республики¹, что явилось значительным препятствием для многих беженцев в ранние 1920–е гг.

Как уже отмечалось во второй главе работы, при обсуждении вопроса в 1921 г., какой формат будет иметь духовная школа, у выпускников ВДС не было надежд на возможность поступления в высшие учебные заведения. В августе 1923 г. преподаватель В. К. Недельский на епархиальном съезде Виленской епархии предложил духовенству выступить перед соответствующими инстанциями с просьбой предоставить право семинаристам после окончания восьми классов поступать в польские университеты². Тем не менее, уже в апреле 1923 г. руководство семинарии подтвердило в протоколе заседания педагогического совета, что некоторые выпускники восьмого класса, выдержав в другой школе экзамен зрелости, поступили в высшие учебные заведения³. В. В. Богданович сообщал, что такие случаи имели место быть уже с самого момента открытия ВДС в 1919 г.⁴

Следует отметить, что во всех правительственных гимназиях после окончания восьми классов и успешной сдачи выпускных экзаменов абитуриенты автоматически получали аттестат зрелости. В Виленской духовной семинарии после окончания «гимназических» восьми классов учащиеся держали внутренний экзамен и в случае успешной сдачи продолжали учебу в богословских классах. В результате государственной аккредитации семинарии (1924/1925 уч. г.) Министерство РИиНП выдвинуло требование допустить к богословским классам лишь тех выпускников, которые получили аттестат зрелости, что немедленно вызвало возражения со стороны православного общества⁵, так как этим существенно осложнялся доступ к богословскому отделу. В итоге в конце 1924/1925 уч. г. выпускной экзамен по польскому языку почтил своим присутствием представитель от кураториума учебного округа, но сам экзамен остался вне рамок аттестата зрелости. В следующем учебном году при открытии ПБОВУ Министерство позволило принимать только тех выпускников государственных школ, которые имели

¹ Местная хроника // Виленское Утро. – 1922. – 1 марта. – № 140. – С. 3.

² ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 1.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 39 об.

⁴ Васілевіч, В. Віленская прываслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

⁵ Ю. Р-ий. Будущее средней духовной школы в Польше / Ю. Р-ий // Воскресное чтение. – 1924. – 8 июня. – № 19. – С. 296–297.

аттестат зрелости¹, чем еще более обусловило актуальность данного документа для выпускников семинарии. В результате реформы 1925/1926 уч. г. и разделения семинарии один из пунктов проекта требовал обязательную сдачу экзамена всеми выпускниками на получение аттестата зрелости. Не допущенные к такому экзамену не имели права учиться дальше в богословском отделе². Как уже упоминалось во второй главе диссертации, такое решение открыло многократные дискуссии и тревогу за богословские классы семинарии, которые становились как бы излишними перед лицом открытого ПБОВУ. С другой стороны, признание государством выпускного экзамена обещало поставить точку в вопросе о принятии выпускников обеих семинарий не только на путь высшего духовного образования, но и в любой университет Республики. Также это прекратило практику местных воеводских властей, подвергавших выпускников семинарии вторичному экзамену перед рукоположением³.

С реформой 1925 г. начались длительные переговоры между представителями Священного Синода и Министерства РИиНП о конкретной форме проведения матуральных экзаменов в семинариях. Русские частные гимназии к тому времени уже смогли согласовать данный вопрос, их выпускники восьмого класса сдавали аттестат зрелости по программе государственных экзаменов, однако на русском языке, за исключением предметов полоноведения⁴. Предполагалось, что таким же образом будет проходить государственный экзамен в ВДС, тем более что почти вся программа выпускного курса состояла из богословских дисциплин, которые изучались исключительно на русском языке. Затруднения также вызвало решение таких вопросов, как формирование экзаменационной комиссии, составление программы экзамена и т. п.⁵ Кроме этого некоторые преподаватели, одновременно работающие по совместительству в других государственных гимназиях, убеждали педагогический совет, что следует изменить процедуру сдачи матуры применительно к особенностям Виленской духовной школы, в противном случае многие семинаристы окажутся неспособными справиться с государственной программой. Так, преподаватель латинского языка Иван Теодорович напрямую заявил, что ученики восьмого класса семинарии в умственном развитии и зрелости не отвечают требованиям матурального

¹ Реорганизация Виленской духовной семинарии // Воскресное чтение. – 1924. – 26 октября. – № 36. – С. 568–569; К реформе Волынской Семинарии // Воскресное чтение. – 1926. – 7 ноября. – № 45. – С. 713–714.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 1; Четвертая Сессия Священного Синода Православной Церкви в Польше за 1925 г. // Воскресное чтение. – 1926. – 7 марта. – № 10. – С. 153; Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia. S. 283;

³ Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное Чтение. – 1924. – 11 мая. – № 15. – С. 232–233.

⁴ Русская гуманитарная женская гимназия Л. Поспеловой в Вильне // Воскресное Чтение. – 1925. – 9 августа. – № 32. – С. 512.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 54 об., 59 об., 88, 102 об., 109–110, 141.

экзамена польских школ, они не смогут сдать экзамен по латинскому языку по государственной программе. Преподаватель греческого языка Иоанн Амбургер сделал доклад об аналогичной ситуации в отношении его предмета: часть учеников, перешедших из других гимназий, почти не изучала греческий язык, воспитанники Кременецкой семинарии тоже не подавали никаких надежд. Преподаватель французского языка проинформировал, что может допустить к экзамену лишь двух воспитанников, преподаватель немецкого согласился допустить максимум пять учащихся из 22, состоявших в его группе. Педагогический совет решил выбрать самые успешные предметы для восьмого класса, исключить предметы полонистики и таким образом сделать экзамен как можно проще. Одновременно решено из 29 учащихся восьмого класса не допустить всех тех, у которых имеется хотя бы один неудовлетворительный балл. Способных приступить к экзамену оказалось лишь 13 воспитанников, поэтому условно еще допущены шесть учеников¹.

В результате куратор ВУО разрешил самому руководству семинарии разработать программу матуральных экзаменов и лишь прислать ее на утверждение. Преподаватели собирались на так называемые «советы по дисциплинам²», где обсуждался вопрос, кого из воспитанников можно допустить к итоговому экзамену³. Данные советы остались в практике семинарской жизни и созывались перед каждым выпускным экзаменом.

Результаты состоявшегося экзамена зрелости оказались сравнительно не столь низкими как ожидалось – все 19 допущенных воспитанников успешно выдержали экзамен и получили право с 1926/1927 уч. г. учиться дальше в преобразованном девятом классе, однако, чтобы избежать повторной сдачи экзамена зрелости после девятого класса, часть экзаменационных отметок заранее засчитались в аттестат зрелости. Остальные 10 учеников остались на повторение курса в восьмом классе⁴.

Со следующего 1926/1927 уч. г. установилась практика сдавать экзамен на аттестат зрелости лишь выпускникам девятого класса. Куратор ВУО каждый учебный год организовывал экзаменационную комиссию из числа семинарских преподавателей и назначал время его проведения⁵. Процедура экзаменов зрелости разделялась на две части: устную и письменную. Во время первой части сдавались все богословские дисциплины, а также предметы полониеведения, белорусский язык и иногда другие общеобразовательные предметы (математика, физика, история, философия и т. д.). Устные экзамены

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 133–133 об., 142, 161.

² «Komisja przedmiotowa».

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 26 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 79 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 169; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 60; Экзамены в семинариях // Воскресное чтение. – 1926. – 20 июня. – № 25. – С. 395.

⁵ Экзамены на аттестат зрелости // Слово. – 1933. – 13 апреля. – № 30 (137). – С. 4; Хроника // Воскресное Чтение. – 1931. – 14 июня. – № 24. – С. 312.

разделялись на три группы следующим образом: в первую группу входили все богословские предметы, вторую группу составляли предметы полоноведения, третью – добавочные предметы из круга общеобразовательных дисциплин. Из первой группы, т. е. предметов богословских, все экзаменующиеся воспитанники сдавали экзамен по Св. Писанию Нового Завета, церковной истории и догматике, из остальных предметов этой же группы – по двум предметам, избранном учеником. Из второй и третьей группы экзаменующиеся избирали по одному предмету. После успешного прохождения устной части через пять дней воспитанники могли приступить к письменной части. Она состояла из двух сочинений-эссе на заранее неизвестные темы на польском и белорусском языке, а также переводов выдержек из произведений классических греческих и латинских авторов объемом около 100 слов. Для завершения всех задач письменного экзамена предоставлялось время с 9 утра до часу-двух полудня¹.

Воспитанники, не завершившие экзамена зрелости успешным образом, имели возможность остаться на повторный год в девятом классе или попытаться сдать экзамен в следующем году после домашней подготовки². Однако каждый такой случай регулировался куратором ВУО³. Как уже упоминалось, экзамен представлял собой серьезное испытание для учащихся. Несмотря на то, что комиссия формировалась только из преподавателей Виленской семинарии, некоторые воспитанники смогли его сдать, только оставаясь три года подряд в девятом классе⁴. В 1932 г. ректор попытался снизить нагрузку путем уменьшения количества дисциплин на экзамене, однако получил отказ от митрополита Православной Церкви в Польше⁵. В целом в первые годы после 1925 г., когда коллектив семинарии еще привыкал к требованиям экзамена, результаты являлись чересчур низкими, позже в 1930-е гг. воспитанники показывали средние успехи и, за исключением 2–4 одноклассников, успешно проходили аттестацию⁶.

¹ В Виленской духовной семинарии // Слово. – 1934. – 10 июня. – № 45 (256). – С. 1; Матуральные экзамены в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1933. – 14 мая. – № 38 (145). – С. 1; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 271; В Виленской Духовной Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 5 июня. – № 23. – С. 251; Церковное обозрение // Воскресное чтение. – 1936. – 17 мая. – № 20. – С. 315; Экзамены в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1936. – 10 мая. – № 19 (356). – С. 5.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 22 об., 56; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 37; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1439. – Л. 148, 153; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 116 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 26 об., 33 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 33 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 19 об.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 58. Л. 143–163; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 70; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 27 об., 56; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 117; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 21 об., 40; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 175. – Л. 86–102; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 191; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219. – Л. 30; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 206–234; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1439. – Л. 146–163; Директор департамента Исповеданий в Виленской духовной семинарии // Воскресное Чтение. – 1929. – 4 августа. – № 31. – С. 503; Матуральные экзамены в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1933. – 25 июня. – № 50 (157). – С. 1; Испытания на аттестат зрелости в Виленской духовной семинарии // Слово. –

В 1933 г. в Министерстве РИиНП рассматривался проект изменения существовавшей системы экзаменов на аттестат зрелости. Предполагалось, что последние к 1938 г. будут совершенно ликвидированы, а на смену им придет выдача свидетельства об окончании лицея, проведение выпускных экзаменов также планировалось коренным образом реформировать¹. Однако данный проект был отложен и не успел воплотиться в жизни польской образовательной системы.

3.2.4 Сочинения

Неотъемлемой частью аттестации в ВДС также служили самостоятельные письменные сочинения учащихся. Данной форме руководство уделяло особое внимание, что продолжало дореволюционную практику. Самостоятельные исследовательские работы, которые иногда назывались «домашними», берут свое начало еще с реформ духовного образования XVIII ст. Учебно-методическая документация Святейшего Синода многократно обращала внимание на необходимость вырабатывать в учащихся навыки правильно, грамотно, красноречиво и логично построенными излагать свои мысли на бумаге². Достижению этой цели способствовали не только экзаменационные и домашние письменные работы, но и диктанты, которые в духовных училищах писались каждую неделю³. Начиная со второго класса училища, воспитанники приступали к написанию самостоятельных работ, количество которых варьировалось от четырех до шести за учебный год⁴. По уставу 1867 г. для нижнего и среднего отделения⁵ духовных семинарий требовалось девять сочинений за учебный год, для высшего отделения – семь сочинений⁶. Тем не менее данная цифра является лишь приблизительной, так как количество требуемых сочинений регулярно менялось в пределах от 4 до 12 с тенденцией к увеличению к началу XX в.⁷ Для написания работ предоставлялось 10 дней для младших классов и 20 дней для старших в силу необходимости более глубокой разработки темы⁸. Устав 1884 г. позволил семинарским правлениям самим

1934. – 22 июля. – № 51 (262). – С. 1; В православной духовной семинарии в Вильно // Слово. – 1935. – 23 июня. – № 25 (310). – С. 1.

¹ С 1938 года аттестатов зрелости не будет // Слово. – 1933. – 18 июня. – № 48 (155). – С. 4.

² Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 177.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 27 об.

⁴ Там же. Л. 23, 27 об.

⁵ То есть в первом и втором классах семинарии.

⁶ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 335.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 100; Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 203, 335, 453.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 71 об., 81; Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 334, 402.

определять количество семестровых сочинений¹. Преподаватели формулировали темы работ по своему предмету, которые через ректора выносились на утверждение педагогического совета².

Как замечает священник Николай Извеков, ситуация с сочинениями до устава 1867 г. находилась в ЛДС в неудовлетворенном состоянии. Хотя и требовались короткие, но лишь правильно и грамотно написанные сочинения, тем не менее воспитанникам такая творческая работа очень не нравилась, они смотрели на эту практику как на что-то им совершенное не нужное, «как подать», от которой всячески старались уклоняться. В большинстве сочинений проявлялись неумение мыслить логически связно, последовательно, а часто и неграмотность. Нередко сочинения списывались с материала в книгах³. Отчет ревизионной комиссии от Св. Синода отображал аналогичные проблемы: семинаристы делают ошибки, пишут повторяющиеся монотонные мысли, нет изящного, образного и логического изложения мыслей о предмете⁴. Преподаватели также не любили данную практику в связи с большой нагрузкой, так как за учебный год приходилось прочитывать и проверять много сочинений⁵. Тем не менее руководство семинарии предпринимало строгие меры к исправлению дела, сочинения стали оцениваться отметками, снижались баллы за поведение при несвоевременной сдаче и т. д. Ревизия 1884 г. показала, что уровень сочинений стал лучше, чем в предыдущие годы, особенно это касалось старших классов⁶.

Администрация возрожденной в Польской Республике ВДС «из-за неблагоприятных условий в общежитии» и «руководствуясь недостаточным количеством пособий в библиотеке» решила несколько смягчить правила аттестации по домашним письменным работам. Сочинения писались воспитанниками, начиная с пятого класса (соответствует первому дореволюционной семинарии) по шесть исследований в учебный год, каждому выделялось по 10 дней. Шестой класс – аналогично. Седьмой и восьмой класс – тоже шесть сочинений в учебный год и за 15 дней. Богословские классы – четыре сочинения за 20 дней⁷. В дальнейшем установилась практика сдавать по шесть сочинений в учебном году во всех классах. После реформы 1925/1926 уч. г. в гимназической части семинарии практика сочинений отменилась, и они продолжали писаться учениками только богословских классов⁸. После

¹ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 66.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 453.

³ Там же. С. 278, 322, 333, 353.

⁴ Там же. С. 410.

⁵ Там же. С. 454.

⁶ Там же. С. 334, 412–413, 455.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 6–7, 19, 42–42 об.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 44, 105, 130; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 9–10; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 127–128.

упразднения последних информация о сочинениях вновь встречается с 1928/1928 уч. г. с названием «письменные задания». В данную категорию входили диктанты в младших классах, сочинения-эссе, реферат-анализ определенного автора или труда, переводы отрывков из произведений латинских и греческих авторов. Чаще всего письменные задания проводились по языковым дисциплинам. Предполагалась как работа во время урока, так и домашние задания¹. Количество таких письменных заданий за учебный год варьировалось от 6 до 18. Сведений о сочинениях прежнего типа, т. е. маленьких исследовательских работ с добавлением библиографии и тем более богословского характера, больше не встречается.

В качестве примера в приложении «В» приводится список тем для сочинений в 1922–1924 уч. гг. Следует отметить, что в семинарском архиве за весь исследуемый период не удалось найти сами работы, что позволило бы выявить их качество.

3.2.5 Проповеди

К последнему пункту аттестации воспитанников следует отнести проповеди. Традиция произнесения проповедей учащимися Литовской семинарии восходила ко времени основания учреждения². В дореволюционное время за учебный год воспитанниками 5–6 старших классов готовились три проповеди под руководством преподавателя гомилетики. Сами учащиеся не могли свободно придумать тему проповеди, ее определял преподаватель³. Священник Николай Извеков замечает, что с 1851 г. началась традиция посвящать в стихарь (хиротесия) юных проповедников, изначально в виде поощрения только перворазрядников, несколько позже руководство стало посвящать всех старшеклассников. Данная традиция прервалась, поскольку в период управления Виленско-Литовской епархией архиепископом Алексием (Лавровым-Платоновым) (1885–1890) традиция пострижения возобновилась и впоследствии сохранялась, в том числе и в период межвоенного времени⁴.

На протяжении 1919–1939 гг. в Виленской духовной семинарии за произнесение проповедей оценки не ставились, однако их подготовка и корректное устное изложение во время воскресного богослужения было необходимым этапом аттестации всех учеников богословских классов. Семинаристам не позволялось произносить проповеди в свободной форме и на

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 59. Л. 22–23; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 60. Л. 21–24; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 61. Л. 21–24; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 62. Л. 21–26; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 63. Л. 21–25; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 64. Л. 21–26; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 65. Л. 21–25; ¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 66. Л. 21–23;

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 126, 453

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 104, 111, 141.

⁴ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 205, 404.

свободную тему. В начале учебного года педагогическим советом утверждался «план произнесения проповедей», в котором обозначалось не только распределение проповедей по воскресным дням и праздникам, но также определялись конкретные темы, которые ученику следовало осветить в своей проповеди. Например, в день памяти святителя Иоанна Златоуста – «св. Иоанн Златоуст как вселенский учитель», в праздник Введения во храм Божией Матери – «о христианском воспитании детей», в день, когда читалась евангельская притча о богаче и Лазаре, – «допустимы ли заботы о земном благополучии» и так далее¹.

Примечательно, что в 1924 г. Священный Синод Православной Церкви в Польше для укрепления позиции местных народных языков в одном из пунктов заявления постановил в духовно-учебных заведениях увеличить количество проповедей на родном языке учащихся². Аналогичный указ Святейшего Синода встречается еще в 1851 г., когда ученикам ЛДС поручалось составлять проповеди «на местном наречии», ввиду того, что простой народ, живущий в уездах Литовской епархии, говорит неодинаковым языком³. После упразднения богословских классов в 1927/1928 уч. г., предположительно, практика произнесения регулярных проповедей прекратилась, так как подобных сведений в документации больше не встречается.

3.2.6 Неуспеваемость учащихся

Виленская духовная семинария в течение всего исследуемого периода испытывала большие трудности с проблемой неуспеваемости воспитанников. В отчетных ведомостях фигурирует огромное количество годовых неудовлетворительных баллов, что для современной образовательной системы является, по меньшей мере, необычным. Однако важно отметить, что слабые успехи в учебе не были чем-то необычным для возрожденной семинарии, так как истоки такого явления шли еще из дореволюционного периода. Следует напомнить приведенную в начале раздела выдержку из Устава 1884 г., где отображена интерпретация цифровых баллов в то время: «5» – отлично, «4» – очень хорошо, «3» – хорошо, «2» – посредственно, «1» – слабо. Данное руководство демонстрирует явные отличия от современного представления, также оно важно для понимания системы отметок в дореволюционный и межвоенный период, так как в журналах очень редко встречается высший балл, что вызывает удивление современного наблюдателя. Вышеуказанное методическое руководство показывает, что дореволюционная педагогика

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 15–15 об.

² Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 14 сентября. – № 31. – С. 491.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 205.

представляла несколько иной взгляд на систему отметок учащихся, когда высшие баллы являлись уделом исключительной усидчивости и усердия способных талантов. По этой же причине низкий средний балл учащихся нельзя оценивать как признак неспособности большинства воспитанников, так как его следует интерпретировать не с современной точки зрения. К этому следует добавить тенденцию, которая прослеживается в учебной документации межвоенного времени: преподаватели не стеснялись ставить низкие отметки в качестве педагогического приема, целью которого было достижение большего усердия учащихся. История не смогла сохранить документальные свидетельства устных ответов воспитанников, о них можно лишь догадаться, анализируя содержание экзаменационных билетов. Однако до нас дошла часть письменных работ учащихся, по которым можно увидеть, что сочинения, оцененные неудовлетворительным баллом, в современной школе и в аналогичном классе однозначно заработали бы более высокий балл.

Следует привести некоторые статистические данные духовных училищ и ЛДС для сравнения с межвоенной ВДС. Количество воспитанников с неудовлетворительными баллами в конце учебного года в ЛДС в период 1892–1904 гг. варьировалось от 16 до 52, что составляло 9–29% от общего количества учащихся¹. В 1913/1914 уч. г. процент неуспевающих воспитанников (с двумя и более неудовлетворительными годовыми баллами) составлял около 13–17%. Некоторые ученики заканчивали год с 4–6 неаттестованными предметами². В Виленском и Жировичском духовных училищах ситуация была аналогичной. Что касается среднего балла, к примеру, в 1889/1890 уч. г. в ЛДС он составлял 3,78³, в 1911/1912 уч. г. – 3,96⁴. На уровне начального духовного образования показатели были ниже: средний балл воспитанников Жировичского духовного

¹ Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии после годичных испытаний за 1891/1892 уч. г. // ЛЕВ. – 1892. – № 29. – С. 240–241; От Правления Литовской духовной Семинарии // ЛЕВ. – 1892. – № 32. – С. 262; Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных испытаний в июне месяце 1894 г. // ЛЕВ. – 1894. – № 27. – С. 235–236; Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1895. – № 26. – С. 248–249; Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1896. – № 24. – С. 251–253; Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1897. – № 26. – С. 231–232; Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1898. – № 27. – С. 244–245; Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1899. – № 27. – С. 260–262; Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1900 года // ЛЕВ. – 1900. – № 27–28. – С. 251–252; Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1901 года // ЛЕВ. – 1901. – № 26–27. – С. 209–210; Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1902 г. // ЛЕВ. – 1902. – № 26–27. – С. 215–216; Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1903 г. // ЛЕВ. – 1903. – № 26–27. – С. 210–212; Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1904 г. // ЛЕВ. – 1904. – № 25–26. – С. 210–212.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 10, 43 об.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 518.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 52.

училища (1911/1912 уч. г.) составлял 3,5¹; учащихся в образцовой церковно-приходской школе при ЛДС (1913/1914 уч. г.) еще ниже – 2,96². В 1911/1912 уч. г. в Виленском духовном училище на повторный курс оставлены 18 воспитанников (12% от общего числа), в Жировичском духовном училище – 36 (21%)³. Основное количество неудовлетворительных оценок приходилось на классические языки (греческий, латинский), математические предметы, а также на философию, логику и психологию⁴.

Как следует из вышеприведенных данных, школы начального и среднего духовного образования Виленско-Литовской епархии испытывали определенные трудности с успеваемостью учащихся. Разумеется, подобная статистика имела место во многих духовных школах РПЦ, неуспеваемость значительного числа воспитанников была распространенным явлением. Особенно ситуация обострилась в начале XX в., когда в определенной степени упал образовательный уровень. Примечательно, что Учебный Комитет при Святейшем Синоде не пошел на компромисс и не стремился облегчить учебную программу, чтобы статистика стала более благополучной, но наоборот – в 1902 г. вышло постановление, которое предписало не допускать послаблений в отношении неспособных воспитанников⁵.

Неуспеваемость учащихся в возрожденной ВДС стала еще большей проблемой, чем в дореволюционное время. Первый учебный год после открытия десяти классов (1921 г.) уже показал тревожные результаты. В конце курса неудовлетворительные годовые отметки имели 82 воспитанника или 40% от общего числа учащихся. Особенно выделялись в этом отношении первые два младших класса, на долю которых приходилось 48% неудовлетворительных отметок. В первом классе 23 из 28 учеников направились на пересдачу экзаменов осенью, во втором классе количество таких учеников достигало 16 из 27⁶. Данные результаты являлись рекордно низкими, при сравнении их с вышеописанными результатами дореволюционных школ духовного образования Виленско-Литовской епархии. Также следует отметить очевидную закономерность – как в школах старого типа, так и в ВДС самыми проблемными оказались младшие классы с учащимися предпозднего возраста. В старших классах семинарии статистика могла разительным образом отличаться, например, даже полным отсутствием учеников с неудовлетворительными баллами.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 21 об.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1406.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 18, 32 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 3; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 32 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 7.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 30.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 73–74.

В следующем 1922/1923 уч. г. ситуация стала еще хуже. Общий процент неуспеваемости в 1–5 классах достиг 50%. Преподаватели как на главную причину низкой успеваемости указывали на общую неподготовленность и слабое развитие воспитанников, а также на значительное количество пропускаемых уроков. Немаловажную роль играл тот факт, что многие из учащихся поступали в семинарию не в начале учебного года, а с большим опозданием. Основной процент неуспеваемости приходился на классические языки и математические предметы¹.

Администрация не могла оставить такую тревожную статистику без внимания, поэтому сделала соответствующие распоряжения. После окончания второй трети в марте 1922/1923 уч. г. ученики получили предупреждение: если к концу учебного года они будут иметь неудовлетворительные отметки по трем и более предметам, то будут оставлены на второй год. Если к этому добавится еще и плохое поведение, последует отчисление из семинарии. Также те, кто пропустил много уроков без уважительных причин, в конце года будут подвергнуты экзаменам по всем предметам². Правление отправляло соответствующие сообщения родителям неуспевающих учеников с рекомендациями нанять репетиторов³.

Следует отметить, что по уставу духовных школ 1867 и 1884 гг., после летних каникул допускались к осенней переэкзаменовке воспитанники, имеющие задолженность по одному или двум предметам⁴. В Виленской духовной семинарии в начале 1920-х гг. многие из неуспевающих учеников имели неудовлетворительные баллы по четырем-пяти предметам, иногда количество таких дисциплин доходило до семи-восьми⁵. В силу такого положения ректор предложил в виде исключения установить временное снисхождение и допускать учеников к переэкзаменовке осенью по трем и более предметам⁶. Также к началу 1923/1924 уч. г. принято еще одно исключение из правил. Скорее всего, после рекордной осенней переэкзаменовки осталось много воспитанников, не сумевших положительно сдать все предметы, поэтому по новому распоряжению ученики с одним неудовлетворительным баллом могли перейти в следующий класс, при условии дополнительного изучения предмета на протяжении следующего года⁷.

Из обработанных архивных данных видно, что в 1923/1924 уч. г. ситуация немного улучшилась и общий процент неуспеваемости снизился до 45%. Из

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 33–35, 157–159 об.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 33–35, 157–159 об. Как было сказано выше, переводные экзамены для других воспитанников были отменены в конце 1922/1923 уч. г.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 97.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 26.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 97–97 об.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 79.

⁷ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 79 об.–80.

287 воспитанников на осеннюю переэкзаменовку оставлены 129. Несмотря на такую большую цифру отстающих учеников, после переэкзаменовки на повторение курса направлены лишь семь воспитанников¹. Это свидетельствует о том, что во время летних каникул учащиеся усиленно старались исправить ситуацию и готовились к экзаменам. При этом семинария соблюдала старый норматив Святейшего Синода, предписывающий при необходимости оставлять учеников на повторный курс, но не более одного раза в каждом классе². После преобразования в государственную гимназию (1925–1927) теоретически данное правило расширилось до возможности повторять курс несколько раз, однако часто при оставлении ученика на второй или даже третий год повторного обучения нарушались нормативы куратора ВУО, предписывающие возрастной ценз для каждого класса, в результате чего ученик отчислялся из школы.

После первого семестра 1923/1924 уч. г. ответственные за учебную часть семинарии сотрудники составляли списки неуспевающих учеников только с тремя и более неудовлетворительными баллами за треть учебного года. Таких воспитанников перед Рождественскими каникулами насчитывалось 71³. В следующем 1924/1925 уч. г. означенное число снизилось до 47. Основное количество неуспевающих учеников приходилось уже на 3–7 классы⁴. Примечательно, что в связи с повышением требований к экзамену по польскому языку из вышеозначенных 47 учащихся 29 осенью 1925 г. пересдавали этот предмет⁵.

Несмотря на постепенное улучшение показателей, общий средний балл школы продолжал падать с 3,78 в 1921/1922 уч. г. до 3,02 в 1927/1928 уч. г. (приложение «3»), так как происходило уменьшение количества высших отметок и абсолютное большинство учащихся получали балл «3» или его аналог «dostatecznie». Руководство прилагало все усилия, чтобы исправить ситуацию: например, пыталось уменьшить количество воспитанников, проживающих по частным квартирам г. Вильно, и административными мерами заставляло поселиться в общежитии. Для исправления ситуации с массовой неуспеваемостью по классическим языкам постановили организовать групповые вечерние занятия по латинскому и греческому. В марте 1923 г. педагогический совет главной причиной малоуспешности видел общую неподготовленность учащихся, в особенности по языкам, затем значительное количество пропускаемых ими без уважительных причин уроков⁶. Действительно, продолжительное время существовала острая проблема

¹ Там же. Л. 49 об.–53, 56–59, 61 об.–63.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 26 об.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 157–159 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 32.

⁵ Там же. Л. 76–77, 79 об.

⁶ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 33–36.

пропуска занятий по самым разнообразным причинам, которые часто объяснялись лишь устно, после таковых нарушений. В ноябре 1925 г. администрация приняла решительные меры для прекращения нерегулярного посещения занятий и постановила за трехдневный пропуск уроков без уважительных причин отчислять из семинарии без особого предупреждения¹. В информации, относящейся к 1928/1929 уч. г., упоминается об отчислении после пропуска занятий без уважительной причины на протяжении восьми-девяти дней².

Вместе с этим в протоколах педагогического совета явно прослеживается тенденция относиться к учащимся не строго формально, но всегда идти им навстречу и отчислять лишь в случаях полного отсутствия на лекциях или грубого нарушения дисциплины. Случаи отчисления из семинарии по причине «малоуспешности» встречаются редко. Учащиеся всегда имели возможность отсрочить экзамены по причине болезни, сельскохозяйственных работ или семейных обстоятельств. Многократно поступали прошения с просьбами позволить не посещать занятия на полугодовой период и сдавать экзамены летом или осенью, на что руководство отвечало согласием³. В большинстве случаев воспитанники отчислялись по причине неявки на занятия в течение продолжительного времени и отсутствия каких-либо объяснений или предупреждений. Однако даже в таких случаях отчисленные воспитанники часто восстанавливались в следующем учебном году. Как само руководство семинарии отметило на очередном педагогическом совете, «во время исключительных условий жизни действовать лишь по формальным основаниям было бы излишней строгостью»⁴.

Интеграция ВДС в ряд правительственных образовательных школ ожесточила требования, как к преподавательской корпорации, так и к учащимся. В 1925/1926 уч. г. школьные власти постановили не допускать никаких переэкзаменовок в реформированных классах (которые переходили на польский язык обучения). Перевод в следующий класс начал осуществляться лишь по годовым отметкам, переходить на следующий курс разрешалось только с одним неудовлетворительным баллом⁵.

В связи с непрекращающимися реформами и переходом на польский язык обучения и так нелегкий образовательный путь еще более усложнился для воспитанников. В ноябре 1927 г. педагогический совет констатировал значительные ухудшения в учебном процессе: из 186 учащихся семинарии только 44 не имели задолженностей, остальные 143 (77%) отмечены одним и

¹ Там же. Л. 34, 49 об., 116.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 392. – 2 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 105.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 77–78; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 3.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 34.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 63.

более неудовлетворительным баллом. Немалое количество неуспевающих воспитанников имели задолженности по 4–7 предметам¹. В феврале 1929 г. правление ВДС получило письмо от митрополита Дионисия (Валединского), в котором он выразил озабоченность слабыми успехами воспитанников учебного заведения. В ответ педагогическая корпорация оправдывалась, что программа в семинарии очень объемная и трудная для полного освоения. Инспектор добавил, что понижение баллов является в большей степени педагогическим методом, чем способом наказания².

Согласно новым правилам преобразованной семинарии руководство созывало специальные конференции или советы учителей определенного класса (*komisja klasowa*), где обсуждались вопросы повышения успеваемости отдельных воспитанников. Предлагались следующие меры: поручить наблюдение за младшим классом или отдельным учеником старшим классам или отдельным старшекурсникам; уведомлять родителей для принятия соответствующих мер; выносить публичное предупреждение; запросить помощи репетитора за средства школы; не проживающих в интернате оставлять в аудиториях на вечернее время самоподготовки³.

Впоследствии в период 1930-х гг. результаты успеваемости учеников стали постепенно улучшаться. Средний балл поднимался с показателя 3,02 в 1927/1928 уч. г. до 3,57 в 1939/1940 уч. г., однако следует учесть, что ВДС одновременно год за годом ликвидировала младшие классы, которые в отношении успеваемости являлись самыми проблемными. Количество неудовлетворительных годовых отметок продолжало держаться на уровне не ниже 50, несмотря на снижение количества учащихся, и только в 1938/1939 уч. г., когда остались восьмой и девятый класс, резко опустилось до 16⁴. Обращает на себя внимание дальнейшая тенденция малого количества отметок «очень хорошо⁵», к примеру, в семестровом журнале 1937/1938 уч. г. значится всего 176 (8,2 % от общего числа) высших баллов. При этом из 176 – 101 оценка «очень хорошо» поставлена по предметам «церковное пение» и «гимнастика»⁶.

Согласно проведенному анализу, в межвоенный период деятельности семинарии средний балл по всем предметам и классам составил 3,42.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 60 об., 88 об., 113 об.–114.

² Там же. Л. 127.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 50 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 130 об.–131 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 9 об.–10, 13 об., 22–22 об., 28 об.–31, 32, 38, 50, 54 об., 59–59 об., 68 об.–69, 72–72 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 9 об.–10, 28 об.–31, 59–59 об., 71 об., 78, 82 об.–83; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 7–7 об., 8 об.–9.

⁵ «Bardzo dobrze».

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 210.

3.3 Время образовательного процесса

3.3.1 Циклы учебного года

В данном разделе следует рассмотреть такие вопросы, как деление учебного года на циклы, продолжительность каникул и распорядок учебного дня. В дореволюционных духовных школах в нач. XX в. учебный год разделялся на четыре четверти¹. Администрация ВДС в 1921 г. решила дальше не следовать старому примеру и делила учебный год на три триместра, чтобы каждый насчитывал не менее 70 дней. Первый триместр заканчивался в середине-конце декабря. Второй – в середине-конце марта. Третий – перед экзаменами в середине-конце мая². После реформы 1925 г. гимназические классы по неизвестной причине были переведены на систему шести учебных циклов за год, таким образом получалось, что каждый из них длился чуть больше месяца. Правление семинарии жаловалось куратору ВУО, что с учетом особенности школы – когда одновременно соблюдается церковный календарь и отмечаются богослужебные праздники – становится невозможным приспособиться к разделению учебного года на шесть частей. В результате школьные власти поделили каждое полугодие на два семестра, что фактически вернуло дореволюционную практику четырех четвертей³. Данное деление осталось без изменений во всем исследуемом периоде до 1939 г.⁴

Новый учебный год в ВДС в период 1921–1924 гг. начинался с небольшим опозданием в середине-конце сентября и отмечался благодарственным молебном. Началу занятий предшествовала неделя экзаменационной сессии для учеников, желающих исправить свои неудовлетворительные отметки. Конец учебного года наступал в середине-конце июня, в зависимости от продолжительности экзаменационной сессии⁵. После сессии совершался выпускной акт семинарии, который состоял из Божественной Литургии и благодарственного молебна в Свято-Троицком храме, совершаемого ректором и семинарским духовенством, а иногда возглавляемого Виленским архиереем. После молебна преподаватели и выпускники отправлялись в учительскую комнату, где происходило торжественное заседание, на котором оглашались списки выпускников согласно их разрядам и выдавались аттестаты и свидетельства. После

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 2 об.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 46; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 18, 28; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 136 об.; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 1.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 114–115, 121 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 24 об., 56; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 37 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 30 об.; ЛГИА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 227; ЛГИА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 228.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 10 об., 23, 81 об.; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 1 об., 62, 119; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 24 об., 63; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1384. – Л. 4; Хроника // ЛЕВ. – 1921. – Октябрь. – № 3. – С. 4; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 57.

поздравления ректора выступал один из выпускников с ответной речью от лица воспитанников¹.

После реформы 1925/1926 уч. г. ВДС, как и другие государственные гимназии, начинала учебный год в общий установленный день – в первые числа сентября или конце августа². Дата начала и окончания учебного года контролировалась куратором ВУО. Иногда возникали случаи, когда правление семинарии принимало решение просить куратора отпустить всех учащихся по домам по уважительной причине, например, из-за интенсивности хозяйственных работ в конце мая (большинство воспитанников школы происходили из сельских бедных местностей), или досрочно отпустить учащихся выпускного девятого курса для более основательной подготовки к экзамену зрелости. Однако во всех таких случаях правление получало отказ и пояснение куратора, что только школьные власти вправе регулировать данный вопрос³.

3.3.2 Каникулы

Учебный план Виленской семинарии предполагал наличие нескольких каникул: рождественских, масленичных (сырная седмица), пасхальных и летних. Рождественские каникулы до 1925 г., в основном, длились около 30 дней, с конца декабря по конец января, что было вдвое больше, чем это предписано уставом 1884 г. (15 дней)⁴. Администрация семинарии аргументировала большую продолжительность зимних каникул недостатком пищевых продуктов на складе и дороговизной отопления помещений⁵. Поэтому зимний период отдыха определялся таким образом, чтобы воспитанники главные церковные праздники, такие как Рождество Христово и Богоявление, могли провести в домашней обстановке вместе с семьей.

Необычные для современной системы образования масленичные каникулы устанавливались администрацией перед началом Великого Поста на период сырной седмицы, во время которой учащиеся отпускались из

¹ Выпускной акт в Митрополитальной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 30 июня. – № 1344. – С. 3; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 13; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 56 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 43–43 об.

² Учебный год начнется 20 августа // Слово. – 1933. – 30 июля. – № 60 (167). – С. 4; Ректор Семинарии епископ Антоний. Расписание / Ректор семинарии епископ Антоний // Воскресное чтение. – 1925. – 26 июля. – № 30. – С. 480; От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // Воскресное чтение. – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509; От Виленской Духовной Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 31 июля. – № 31. – С. 361; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 25 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 44 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 30, 34 об., 86.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 68.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 5, 16 об., 46; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 18, 159 об; Хроника // ЛЕВ. – 1921. – декабрь. – № 4–5. – С. 6.

общежития «по желанию»¹. В дальнейшем данные каникулы сократились до 2–3 дней, время которых посвящалось внеклассным рефератам по истории и культуре². После включения семинарии в государственную систему образования сведений о каникулах перед Великим Постом не встречается.

В отличие от современной ситуации в духовных школах, в ВДС в первую неделю Великого поста учебный процесс полностью не прекращался. С понедельника до четверга включительно уроки несколько сокращались. Занятия полностью отменялись только в пятницу и в субботу, которые посвящались подготовке воспитанников к общей исповеди и к таинству Причастия³.

Пасхальные каникулы устанавливались разной продолжительности от 15 до 22 дней. Аналогично и с рождественскими каникулами: администрация школы стремилась отпускать воспитанников в периоды, имеющие особое значение в церковном календаре, поэтому роспуск осуществлялся перед страстной седмицей и до Радоницы включительно⁴.

В результате правительственных реформ время каникул определялось не самой администрацией ВДС, но Учебным Комитетом при Священном Синоде Православной Церкви в Польше по согласованию с Министерством РИиНП и куратором ВУО⁵. Период рождественских каникул сократился примерно до 16 дней и иногда заканчивался еще до праздника Рождества Христова. По этой причине руководство семинарии неоднократно обращалось к куратору ВУО с просьбой продлить зимние каникулы для воспитанников ВДС до 10 января и больше, так как «все родители празднуют Рождество по старому стилю»⁶.

Следует привести воспоминания священника Евстафия Баслыка, когда в годы учебы на время страстной седмицы и Пасхальной службы ему и еще нескольким ученикам, по настоянию ректора епископа Антония (Марценко), пришлось остаться в качестве певчих, что вызвало их резко негативную

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 28.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 51.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 28.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 35 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 136; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. Л – 77 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 13 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 364; Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Воскресное Чтение. – 1930. – 6 апреля. – № 14. – С. 224; Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Слово. – 1933. – 6 апреля. – № 28 (135). – С. 1; Пасхальные каникулы в Православных Дух. Семинариях // Слово. – 1935. – 10 февраля. – № 6 (291). – С. 1; Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Слово. – 1937. – 11 апреля. – № 15 (400). – С. 1; Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 21 апреля. – № 1635. – С. 3.

⁵ Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Слово. – 1934. – 29 марта – № 25 (236). – С. 1; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 576; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 12 об., 17, 26 об., 30, 37 об., 49 об., 68 об., 71 об.

⁶ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 19 декабря. – № 1516. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 10 января. – № 1537. – С. 3; Рождественские каникулы в духовных семинариях // Воскресное Чтение. – 1929. – 29 декабря. – № 52. – С. 828; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 13 декабря. – № 1510. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 19 декабря. – № 1516. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 10 января. – № 1537. – С. 3; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 22; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 114–114 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 15 об.

реакцию¹. Подобные случаи обременения послушаниями во время рождественских и пасхальных каникул не встречаются в архивных документах, но, без сомнения, имели место быть, как по свидетельству священника Евстафия, так и по выявленному указу куратора ВУО 1924 г., согласно которому запрещалось обременять воспитанников любыми работами во время каникул².

Устав 1884 г. устанавливал длительность летних каникул в полтора месяца, в ЛДС они иногда длились до двух месяцев³. В свою очередь, в межвоенный период выпускной акт совершался не позднее 20-х чисел июня, поэтому летние каникулы длились не меньше двух месяцев, и в это время воспитанники не обременялись послушаниями⁴.

3.3.3 Распорядок учебного дня

Распорядок учебного дня еще в дореволюционное время устанавливался по-разному с внесением частых корректировок⁵. Например, регулярно менялось время начала занятий: 8:30 или 09:00. То же самое касается и длительности одного урока: от 50 минут до двух часов⁶. Главная особенность в данном вопросе возрожденной ВДС в 1919 г. состояла в вечернем времени обучения, так как по изложенным во второй главе работы обстоятельствам первую половину дня помещения занимала Виленская белорусская гимназия. В таком положении семинария начинала свои уроки в 5 часов вечера. За вечер проходило пять занятий, продолжительностью по 45 минут. В сумме аудиторное время составляло около пяти часов, поэтому учебный день заканчивался только к десяти часам вечера⁷. После реформы 1921/1922 уч. г. в семинарии появились младшие классы с мальчиками предпозднего возраста, поэтому окончание занятий в такое позднее время стало непозволительным, так как многие учащиеся пешком возвращались домой на окраину города. Руководство сдвинуло начало учебного процесса на 15.00, также немного сократив время урока до 40 минут, что позволило заканчивать занятия не позднее семи часов вечера. Средняя недельная нагрузка составляла 30 занятий по 40–45 минут, которые назывались «учебными часами». Нагрузка

¹ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 56–57.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 34 об.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 335–336; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 20 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 31 об.

⁵ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 335–336; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 64 об.

⁶ Извеков, Н., священник. Несколько документов по вопросу открытия православной духовной академии в г. Вильне. С. 13; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 120 об., 122; Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 455

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 3 об.

распределилась не только на будние дни, но и на субботу. Однако в последнем случае учебный день сокращался таким образом, чтобы успеть ко времени воскресного всенощного бдения (18:00). Перерывы между занятиями установились по 10 минут, время большого перерыва составляло 15 минут. С небольшими исключениями во всех классах каждый день проводилось по 5 уроков (в субботу – 4)¹.

С началом 1923/1924 уч. г. занятия переместились на утреннее время. Учебный день проходил с 8:30 до 13:30, после чего следовал обед. В связи со значительно увеличившейся нагрузкой (до 40 часов в неделю) установлено по шесть уроков каждый день, но время большого перерыва увеличилось до 20 минут. Суббота по-прежнему осталась сокращенным учебным днем (четыре урока)².

В процессе дальнейших реформ ВДС распорядок дня претерпел лишь незначительные изменения. С 1926/1927 уч. г. начало учебы опять сместилось на более раннее время – 8:00. Каждый урок длился 45 минут, перерыв – 10 минут, большой перерыв увеличился до 25 минут. Учебный план предписывал ежедневное распределение по шесть уроков, в том числе и в субботу, в связи с увеличенной нагрузкой по программе³.

3.4 Учебно-административные правила

3.4.1 Классификация учащихся

В данном разделе следует рассмотреть такие вопросы, как распределение воспитанников по разрядам в зависимости от успеваемости и формы обучения, правила и особенности приема поступающих в семинарию, проблемы с опозданием и пропуском занятий, отношение к военной службе и другое.

Следуя наработанной системе российских дореволюционных школ, ВДС также делила весь контингент учащихся на несколько категорий, в зависимости от успехов в учебе, поведения и формы обучения. В ЛДС периода Российской империи ученики распределялись на три разряда: первый, второй и третий. ВДС после открытия в ноябре 1919 г. использовала несколько видоизмененный вариант такого разделения, а именно: «действительный воспитанник первого разряда», «действительный воспитанник второго разряда», «вольнотрушатель» и «экстернат». Также была категория «вне разряда» – когда нет оплаты за обучение, в семинарии числится, но учиться не имеет права⁴.

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 17.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 7–8; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 103.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 345.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 59.

К действительным воспитанникам относились все учащиеся, которые в основной своей массе жили в семинарском общежитии, не состояли на службе и не были трудоустроены, посещали занятия, сдавали все экзамены и полностью участвовали в семинарской жизни. Разделение действительных воспитанников по первому или второму разряду осуществлялось фактически по одному признаку – отсутствие семестрового балла «3» и хорошее поведение причисляло к первому разряду, и, наоборот, наличие хотя бы одной «тройки» автоматически переводило во второй разряд¹ (по уставу 1884 г. перворазрядники могли иметь одну отметку «3»²). Следует напомнить, что методика оценки знаний была в высокой степени требовательной, и получить даже балл «3» представлялось весьма непростой задачей. В частности, в 1923/1924 уч. г. из 287 воспитанников только 14 причислялись к первому разряду³. В списке выпускников ВДС в графе первого разряда всегда насчитывалось не больше 3–6 человек⁴. По сохранившейся дореволюционной традиции такие выпускники получали звание «студента семинарии». Согласно уставу 1884 г. получившие данное звание выпускники семинарии при распределении на епархиальную или духовно-училищную службу пользовались преимуществом перед выпускниками, не удостоенными этого звания⁵. Однако в новых реалиях Польской Республики перворазрядники могли воспользоваться своим преимуществом лишь после открытия в 1925 г. ПБОВУ, требовавшего от абитуриентов первого разряда. В результате нашлось немало выпускников, пожелавших пересдать предметы с баллом «3» и получить звание студента с целью поступить в высшую духовную школу. Правление установило сравнительно большой взнос – 20 злотых за один экзамен⁶, чем явно преследовала цель пополнить семинарский бюджет.

Третий разряд учащихся, бывший в дореволюционный период (наличие одной неудовлетворительной отметки «2»), в межвоенное время не использовался. Воспитанники с данной отметкой оставались во втором разряде с обязательством пересдать предмет на осенней переэкзаменовке⁷.

Прием вольнослушателей в духовные семинарии берет свое начало от устава 1867 г., который допускал такую возможность⁸. Однако следующая редакция устава 1884 г. запретила прием таких лиц⁹. Архивные данные

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 49.

² Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 74.

³ По подсчетам автора работы. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 46–63.

⁴ Исключение составляет выпуск 1927/1928 уч. г., в котором значится 14 выпускников первого разряда.

⁵ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 94.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 166.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 76–77 об.

⁸ Смолич, И. К. История Русской Православной Церкви. С. 463.

⁹ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 54.

подтверждают, что в начале XX в. ЛДС не допускала исключений и держалась этой практики¹. Только с 1914 г., согласно вышедшему дополнительному указу от Святейшего Синода, администрация духовных семинарии могла принимать в четвертый или пятый класс в качестве вольнослушателей светские лица, окончившие полный курс средних учебных заведений, также всех имеющих звание народного учителя и не моложе 22 лет. В конце 1913/1914 уч. г. в семинарии обучались три «слушателя богословских курсов»².

Несмотря на скромные дореволюционные показатели, данный институт учащихся при возрождении ВДС в Польской Республике сыграл немаловажную роль. При открытии «семинарских курсов» в 1919 г. абсолютное большинство учащихся принадлежало именно к этому разряду. В результате в первом выпуске возрожденной ВДС (1920 г.) значится лишь одна фамилия действительного воспитанника. К сожалению, семинарское делопроизводство обходило стороной статистику и различные данные, касающиеся вольнослушателей, в силу чего неизвестно их конкретное число, что в целом значительно затрудняет задачу вычисления общего количества учащихся.

Как показывают сохранившиеся личные дела учащихся – в основном состав вольнослушателей состоял из взрослых лиц. Чаще всего ими являлись трудоустроенные псаломщики, учителя народных школ или бывшие мелкие чиновники и военные. Согласно формулировке названия, вольнослушатели лишь добровольно присутствовали во время занятий, им не выставлялись отметки, однако они вместе со всеми сдавали экзаменационную сессию. По окончании духовной школы вольнослушатели получали «свидетельство» об окончании семинарии в отличие от «аттестата» обычных выпускников. Существовала даже возможность пользоваться общежитием, после соответствующего прошения³.

По административным правилам семинарии лица, состоящие в браке, не могли поступить в качестве полноправных воспитанников и также направлялись в разряд вольнослушателей, однако женившиеся уже во время учебы имели возможность окончить семинарию в обычном порядке⁴. Данная установка берет начало еще с дореволюционного периода, когда не разрешались бракосочетания не только семинаристов, но и академистов. Только в начале XX в. женатые священники и диаконы с семинарским образованием получили доступ к вступительной кампании Киевской и Казанской духовных академий. Дополнительном указом Святейшего Синода в 1911 г. к этой традиции примкнула и Московская духовная академия, в связи с тем, что

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 60 об.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 10, 71–71 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 248.

⁴ Примечательно, что исключение сделано лишь для секретаря семинарии А. К. Свитича, который будучи женат поступил в восьмой класс семинарии. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 34.

женатые воспитанники оказывали благотворное влияние на других учащихся, что было очень актуально для духовного студенчества того периода, переживавшего нравственный кризис¹. Как замечает священник Николай Извеков, после открытия ЛДС тоже позволяла поступать женатым лицам на учебу, однако в 1838 г. митрополит Иосиф (Семашко) запретил как принимать состоящих в браке, так и жениться воспитанникам во время учебы².

После преобразования ВДС из пастырских курсов в десятиклассную школу вольнослушатели принимались только в богословский отдел – девятый и десятый классы, лишь с некоторыми исключениями, так как несколько человек из данного разряда обучались в третьем, пятом и шестом классе³. Ректор В. В. Богданович установил нестрогие правила, в результате чего в учебное заведение порой писали прошения о поступлении вольнослушатели, потерявшие документы, доказывающие их образовательный ценз, и принимались они лишь по устному свидетельству. Однако с началом 1923/1924 уч. г. преподаватели на очередном совете отметили, что «опыт последних двух лет показал, что вольнослушатели первого и второго богословских классов, не обладая вполне достаточным общеобразовательным уровнем, не в состоянии в течение двух лет основательно изучить богословские предметы уже по одному своему недостаточному общему развитию»⁴. Для решения этой проблемы администрация постановила производить прием вольнослушателей в восьмой класс, также обязав их сдать всю программу по Ветхому Завету, так как в старших классах изучался только Новый Завет. В оставшейся семинарской документации остались трогательные прошения жителей сельских местностей, желающих поступить в качестве вольнослушателей, просящих учитывать их бедственное положение и принять сразу в богословские классы⁵. Правление также стало относиться более строго к требуемому пакету документов, так чиновник Виленской почтовой конторы Долгов Григорий Иванович в 1921 г. поступил в ВДС лишь после предоставления свидетельства об окончании двухклассного городского училища, потом прервал учебу и попытался восстановиться в 1923 г., однако в этот раз администрация постановила отказать «за недостаточностью образовательного ценза», несмотря на аргумент просителя, что документы «вывезены большевиками и польскими властями» во время военной разрухи⁶.

Следует отметить, что имели место быть неоднократные случаи перевода вольнослушателей в разряд действительных воспитанников. Администрация

¹ Смолич, И. К. История Русской Православной Церкви. С. 486, 489.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 72.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 294; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 296; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 297.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 25–25 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 118–120, 136–138, 143–147.

⁶ Там же. Л. 157–162.

семинарии считала это допустимым, но лишь при условии сдачи в полном объеме всей программы за общеобразовательные классы¹. Также были нередки случаи, когда вольнослушатели после определенного времени возвращались в семинарию, чтобы держать экзамен на звание студента семинарии². Причиной такого явления было желание иметь одинаковые возможности с «действительными» воспитанниками, чтобы соответствовать требованиям вступительной кампании ПБОВУ. Для достижения этой цели вышшим слушателям приходилось сдавать всю общеобразовательную и богословскую программу на оценку не ниже «3», что было весьма трудной задачей. С другой стороны, руководство семинарии действовало лояльно и позволяло это сделать поэтапно³.

При большом потоке поступающих в общеобразовательные классы все чаще звучали предложения вовсе отказаться от краткосрочных курсов для кандидатов в духовный сан. Со стороны правительства также последовала негативная реакция и была выражена убежденность, что таким поспешным обучением молодых кандидатов в священство лишь увеличивается количество невежественных священнослужителей. В результате перед началом 1923/1924 уч. г. администрация семинарии постановила не принимать больше 15 человек в разряд вольнослушателей⁴. В мае 1925 г. последовало распоряжение митрополита Дионисия (Валединского) не принимать новых вольнослушателей и таким образом постепенно упразднить данный институт в ВДС⁵. Впоследствии летом 1925 г. правление отказывало всем прошениям о поступлении в качестве вольнослушателей⁶. После реформы 1925 г. в гимназических классах данный разряд тоже автоматически упразднился. В 1925/1926 уч. г. осталось шесть вольнослушателей в богословских классах⁷. Последние из них окончили семинарию вместе с последним выпуском богословских классов⁸.

При Виленской духовной семинарии также существовала ускоренная форма обучения – экстернат. Лица, состоящие в данном разряде, самостоятельно изучали учебную программу и в результате сдавали все экзамены перед комиссией. Такой возможностью пользовались почти исключительно священники, которые уже состояли на приходской службе, но

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 32 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 95–96 об.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 99, 111.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 73.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 78 об., 84 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 130.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 200–217.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 224, 217 об.

⁸ Разрядный список Воспитанников богословского класса Митрополитальной Духовной Семинарии в Вильне, окончивших курс наук в м. июне 1927 года // Воскресное чтение. – 1927. – 7 августа. – № 32. – С. 381; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. – Л. 245–245 об.

не имели богословского образования¹. Скорее всего, к такой категории духовенства относились поспешно рукоположенные священнослужители в первое время после военной разрухи в 1918–1920 гг. Особую остроту вопрос о духовном образовании для означенного духовенства получил после опубликования «временных правил» в 1922 г., в которых польское правительство выдвинуло требования всем священнослужителям иметь законченное семинарское образование. В связи с этим в 1925 г. по распоряжению Министерства РИиНП упразднена экзаменационная комиссия при ВДС для производства испытаний кандидатам в священство, которая в экстренном порядке решала вопрос рукоположения. Данный указ руководство духовной школы частично обходило с помощью института экстерната, однако учащиеся данной формы должны были иметь законченное среднее образование².

Обучающиеся самостоятельно испытывали недостаток богословской литературы и были вынуждены искать ее своими путями, так как библиотека семинарии отказывалась выдавать учебники³. В случае успешной сдачи экстерном всех экзаменов не ниже балла «4» присваивалось звание «студента семинарии» наравне с полноправными воспитанниками⁴.

В результате реформ в ВДС упразднен институт вольнослушателей, разделение учеников по разрядам, также звание «студент семинарии». В общеобразовательных классах это произошло после реформы 1925/1926 уч. г., когда стали руководствоваться исключительно правилами правительственных гимназий. В богословских классах разряды действовали до упразднения самого отдела с 1927/1928 уч. г. Аналогичная ситуация произошла и с экстернатом. В марте 1927 г. куратор известил, что больше не может допустить досрочной сдачи выпускных экзаменов экстерном⁵. Тем не менее, в выпуске 1926/1927 уч. г. еще значатся последние фамилии выпускников, получивших свидетельство об окончании семинарии после экзаменов по всем предметам богословского отдела⁶.

В архивных данных также встречается фрагментарная информация о существовании при ВДС экзаменационной комиссии на звание псаломщика⁷.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 52.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 70 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 40.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1414. – Л. 5.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 30.

⁶ Разрядный список Воспитанников богословского класса Митрополитальной Духовной Семинарии в Вильне, окончивших курс наук в м. июне 1927 года // Воскресное чтение. – 1927. – 7 августа. – № 32. – С. 381.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 34, 36, 123.

3.4.2 Правила и особенности зачисления

Вышеописанные обстоятельства: прием большего числа вольнослушателей, отсутствие требования принадлежности к духовному сословию, открытие полной средней школы в 1921 г. и сравнительно низкая плата за учебу – послужили причиной огромного потока прошений с просьбами о принятии в семинарию. Прошения приходили не только перед новым учебным годом, но в целом на протяжении всего года. Действуя спонтанно и скорее всего желая поспешно создать количественную базу учащихся, в первое время администрация принимала поступающих вплоть до апреля текущего учебного года¹. В связи с этим в журнале педагогического совета отражена весьма примечательная ситуация, когда ректор замечал, что принятие учеников во время второго или даже третьего семестра нарушает правила устава духовных семинарий,² и выражал желание прекратить подобную практику еще в 1921 г., но до 1925 г. кандидаты продолжали поступать и после рождественских каникул³. В связи с реформой 1925 г. директор гимназических классов, руководствуясь правилами государственной системы образования, отказывал в поступлении после начала учебного года⁴.

Следует напомнить, что в дореволюционное время основной поток учащихся в ЛДС приходил из Виленского и Жировичского духовных училищ. При возрождении ВДС данных училищ уже не существовало, и кандидаты приходили из самых разнообразных учебных заведений: других семинарий, начальных училищ, гимназий и даже после домашнего образования. Принятие учеников из других школ не было неожиданным новшеством для учебной части семинарии, такие случаи встречались и в довоенный период, но являлись больше исключением, чем правилом⁵.

Объявления о вступительных экзаменах и другого рода информацию о семинарии правление размещало в газетах «Вестник Православной Митрополии в Польше», «Воскресное Чтение», «За Свободу» и «Виленское Утро»⁶. Тем не менее, вплоть до 1925 г. в семинарию приходили прошения, выражающие удивление по поводу существования «русской семинарии в Вильно»⁷.

Требуемый пакет документов при поступлении в семинарию состоял из: метрики о рождении и крещении, свидетельств о ранее полученном образовании, «отношения к воинской службе» (удостоверение призывника),

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 74, 74 об.; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 21–22.

² Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 58.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 21.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. – 1. – Д. 323. – Л. 99 об., 102 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 47.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 104.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 177, 200.

удостоверения врача о привитии оспы и общем состоянии здоровья, двух фотографий. В некоторых случаях упоминается о требовании справки от благочинного или местного священника¹. В первое время после военной разрухи у многих поступающих не было при себе документов, подтверждающих их образование, и даже метрик о рождении и крещении. Как заметил канцелярии один из поступающих Илья Реент, «в редкости у кого сохранились документы в порядке, в особенности у военных»². Проверять каждый такой случай представлялось слишком трудоемким, поэтому на раннем этапе деятельности школы администрация верила на слово и производила прием таких лиц без документов³. Когда означенные воспитанники заканчивали весь курс обучения, в аттестате отмечался балл «3» по тем предметам, которые изучались выпускником до семинарии, с возможностью пересдачи в любое время на более высокую оценку⁴. Тем не менее уже команда ректора Филиппа (Морозова) констатировала такое положение вещей как ненормальное и постановила потребовать в срочном порядке все необходимые документы, а также предупредила канцелярию о более ответственном отношении к пакету необходимых документов⁵. В результате к 1923/1924 уч. г. образовалась небольшая очередь желающих поступить в семинарию, но не сумевших убедить правление в невозможности на данный момент восстановить оригиналы документов⁶. Например, бывший воспитанник Холмской духовной семинарии Георгий Марчук жаловался, что «все потеряно во время наступления большевиков на город Радзивилов». Такая ситуация вынудила просителя заручиться «устным показанием свидетелей», когда при нотариусе составлялся акт, подтверждающий действительность обучения в учебном заведении на основании устных показаний свидетелей. Однако и в этом случае правление отказало Георгию Марчуку⁷.

При вышеописанных обстоятельствах администрация семинарии принимала поступающих во все классы, согласно уровню их образования. Существовало распространенное явление, когда в богословские классы ВДС поступали выпускники других частных и государственных гимназий. В этом случае правление требовало не позднее осени первого года обучения сдать предметы, отсутствовавшие в программе светских гимназий: Св. Писание

¹ Объявление // Виленское Утро. – 1925. – 11 июня. – № 1325. – С. 3; Антоний, епископ. Объявления / епископ Антоний // Воскресное чтение. – 1925. – 26 июля. – № 30. – С. 480; От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // Воскресное чтение. – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509; От Виленской Духовной Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 31 июля. – № 31. – С. 361; Объявление // Воскресное Чтение. – 1928. – 10 июня. – № 24; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 58, 171 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 145.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 37–37 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 82–82 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 36–38.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 157–162, 170.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 167–169.

Ветхого Завета, церковное пение, иногда белорусский, русский и греческий языки¹. В случаях, когда претенденты на поступление приходили со свидетельством об окончании определенного количества гимназических классов, таковые принимались на следующий курс без экзамена. В других случаях, при условии окончания нескольких классов разных училищ или частной школы, могла быть произведена проверка знаний для определения поступающего в соответствующий класс. Следует отметить, что учащиеся достаточно часто переходили из ВДС в аналогичный класс обычных гуманитарных гимназий, или наоборот, иногда совершая такие переходы по несколько раз².

Проверка уровня образования относилась не только к поступающим в старшие классы. Виленская духовная семинария, как и большинство средних школ, не ставила перед собой задачу обучать маленьких детей грамоте. При поступлении в первый класс семинарии уже требовалось показать навыки начальной грамоты. Также для приема в младшие классы действовал возрастной ценз. Устав 1884 г. определял возраст поступающих в первый класс духовного училища в 10–12 лет³. Фактически первый класс духовных училищ соответствовал первому классу Виленской семинарии, однако администрация последнего принимала первоклассников вплоть до 15-летнего возраста. Соответственно во втором классе учились подростки не старше 16 лет, в третьем – 17 лет и т. д.⁴ После государственной реформы данный вопрос регулировал куратор ВУО, который снизил допустимый возраст первоклассника до 12 лет. Исключения допускались лишь в самых крайних случаях, когда за кандидата заступалась высшая церковная власть⁵.

Следует отметить, что часто прием производился в поспешном порядке, с организационными недостатками. В результате в течение учебного года неоднократно выяснялось, что принятый без экзамена воспитанник совершенно не соответствует образовательному уровню своего класса, или наоборот, происходили случаи, когда по стремлению учащегося ему позволялось «перепрыгивать» через класс для поспешного окончания учебного заведения. Более того, подобные ситуации происходили уже во время учебного года, поэтому администрация семинарии, осознавая неправильность таких действий, уже на самом раннем этапе открытия десяти классов обсуждала вопрос о

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 190; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 10, 41 об; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 60 об; К сведению родителей, желающих определить своих детей в число воспитанников Государственной Православной Духовной Семинарии в Вильне в 1928–29 учебном году // Воскресное Чтение. – 1928. – 11 марта. – № 11.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 33 об.

³ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 145.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 106 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 104.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 1–9.

недопущении таких переходов во время учебы¹, что и было впоследствии исполнено.

В результате интеграции ВДС в образовательную систему Польской Республики произошли некоторые изменения, связанные с вопросом поступления в семинарию. В первую очередь, предположительно с 1924/1925 уч. г., поступающие сдавали вступительный экзамен в присутствии представителя от государственной образовательной комиссии. Одновременно от всех поступающих воспитанников требовалось наличие польского гражданства, в противном случае, как предписывали правила, представитель от школьной власти должен демонстративно покинуть помещение во время проверки кандидата без гражданства².

В связи с началом полного перехода преподавания на польский язык в первых двух младших классах контингент поступающих значительно изменился. Раньше это были в основном дети из русских начальных школ или русских частных гимназий. В новых условиях полонизации учебной программы ВДС основной поток воспитанников приходил из польских начальных (повшехных) школ. Разумеется, обученные в польских начальных школах дети из русских и белорусских семей испытывали меньше трудностей при дальнейшем польскоязычном обучении в семинарии.

После реформы 1931–1932 гг. и решения о постепенной ликвидации семинарии прием новых учащихся все равно продолжался. Однако кандидаты не могли поступать в упраздненные классы, количество которых ежегодно увеличивалось³.

3.4.3 Пропуск и опаздывание к занятиям, отношение к воинской службе

В течение всего исследуемого периода администрация ВДС сталкивалась с острой проблемой непосещаемости и опоздания к началу занятий. Анализируя дореволюционный период, священник Николай Извеков замечает, что и тогда проблема несвоевременного возвращения с каникул была часто повторяющейся и наиболее болезненной. Воспитанники опаздывали по самым разнообразным причинам, например, могли оправдаться, что заболела лошадь. Со своей стороны, руководство перепробовало самые различные методы наказания, вплоть до закрытия в карцер, как отмечается, последнее дало положительные результаты⁴. В период деятельности дореформенной ВДС (1919–1924) педагогический совет в конце учебного года отчислял по

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 45.

² Tofiluk, J. Prawosławne szkolnictwo w okresie międzywojenny / Jerzy Tofiluk // Elpis. – 2006. – № 8/13/14. – S. 76.

³ Ogłoszenie // Воскресное чтение. – 1932. – 14–21 августа. – № 33–34. – С. 450.

⁴ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 203, 341–343.

несколько десятков воспитанников, большинство которых без предупреждения не возвращались после зимних или весенних каникул. После реформы 1925 г. руководство гимназических классов стало относиться строже к опозданию учащихся на занятия и распорядилось, что в каждом таком случае обязательно требуется ставить в известность классного наставника или директора; все несвоевременные появления на уроки документировались¹. За возвращение в семинарию с каникул позже установленного времени ученики могли лишиться стипендий². По данным, приведенным в приложении «Л», видно, что количество пропущенных уроков в среднем на одного ученика за учебный год составляло 40–107. Суммарное количество всех опозданий варьировалось в пределах 161–1041 урока за учебных год. Необходимо отметить, что учебная документация далеко не всегда добросовестно заполнялась сотрудниками семинарии, в результате чего показатели могут носить лишь приблизительный характер. В итоге администрация не смогла решить данные проблемы и фактически не пыталась применять более жесткие меры. Например, воспитанник Мисун Борис за 1938/1939 уч. г. пропустил 47 занятий без уважительных причин, однако не получил предупреждения и продолжал обучение дальше³.

Следует отметить, что воспитанники ВДС регулярно призывались на военную службу Польской Республике. В период, когда школа находилась в юридическом статусе частного учебного заведения (1919–1923), проблему призывов в армию руководство решало следующим образом: составлялся документ, свидетельствующий, что определенной воспитанник учится в частной гимназии. Анализ личных дел воспитанников выявил лишь несколько случаев, когда означенная справка не помогла и воспитанник отправлялся на службу в польскую армию. Во всех других случаях учащиеся получали «билет отсрочки⁴», который, однако, действовал лишь до окончания обучения. В архивных данных фигурирует информация, что после выпуска часть учеников (разумеется, не успевших получить священный сан) проходили военную службу⁵. В дальнейшем государственная аккредитация семинарии существенно облегчила данный вопрос, однако в документах встречаются несколько случаев призыва в армию во время учебы даже после реформы 1925 г. Правление обещало призванным воспитанникам, что решит вопрос и освободит их от службы⁶. Закончилось ли это положительным образом, нет данных.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 335. – Л. 1–6.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 31 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 221а.

⁴ «Karta odroczenia»

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 94 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 272.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 72 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 97 об.

3.5 Библиотека

История библиотеки ВДС берет начало еще с учреждения греко-униатской Литовской духовной семинарии в 1828 г., когда первоначальную ее базу составила Жировичская монастырская библиотека, а также собрания других упраздненных базилианских монастырей. Первоначальный фонд состоял из 5821 книги вместе с рукописями и был разделен на шесть частей: богословие, философия, словесность, математика, история и языкознание. В Жировичский период деятельности Литовской семинарии уже существовала ставка библиотекаря, правление регулярно заказывало до 18 наименований периодической печати, приходили пожертвования из Святейшего Синода и Российской академии наук. В библиотеке не существовало регламентированного порядка выдачи и хранения книг, вследствие чего они иногда даже продавались частным лицам¹.

Впоследствии, при переезде ЛДС в г. Вильно, основная часть первоначального библиотечного собрания последовала вместе с учебным заведением, лишь некоторая ее часть была оставлена для Жировичского духовного и приходского училищ.

После перемещения в столицу губернии в 1845–1850 гг. библиотечный фонд значительно обогатился письменными собраниями Свято-Троицкого, Бытенского и других бывших базилианских монастырей, также Кобринского духовного училища². Состоялось учреждение специальной комиссии, которой предстояла огромная работа по упорядочению всех книг и составлению каталога, ей помогали 11 учеников, переписывающих каталог книг. По состоянию на 1850 г. библиотека ЛДС содержала следующие отделы: «древние философы», «словесность», «математика», «история церковная», «история светская», «языкознание», «филология», «гражданское правоведение», «медицина». Насчитывалось 2988 наименований, изданных в период 1485–1829 гг.³, полное собрание содержало 11935 наименований или 15326 томов⁴.

Библиотека продолжала активно пополняться за счет пожертвований и заказа периодической печати. К 1884 г. количество заказываемых газет, в основном богословского характера, уже достигало 20. Преподаватели семинарии следили за новыми изданиями в области их предметов и заказывали их⁵. Фундаментальная библиотека ЛДС состояла предметом особо попечения Виленских архиереев, которые оставляли свои личные библиотеки в качестве завещания. Также выпускники, ученые общества, разные организации,

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 60–67.

² Там же. С. 218–219.

³ Отдел рукописей библиотеки Литовской академии наук (LMAVB RS). – Фонд 41. – Д. 41. – Л. 4.

⁴ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 218–223.

⁵ Там же. 349, 459.

издательства и отдельные авторы присылали подарочные экземпляры¹. В результате в 1875 г. семинарская библиотека насчитывала 12 тысяч наименований и 20 тысяч томов. В 1891 г. – 26 тысяч томов и предположительно около 13 тысяч наименований. Фонд содержал редкие издания XV–XVII вв.: еврейская Библия издания Элиаса Гуттера 1587–1588 гг., учительное Евангелие Каллиста Ксанфопула, Острожская славянская Библия 1581 г., старославянские рукописи и книги XVI–XVII вв. типографий Виленской, Супральской, Уневской и др., много сочинений греко-римских писателей, творения древних отцов и учителей Церкви, особо богатыми представлялись отделы на польском и латинском языках XV–XVII вв.² В целом библиотека перед Первой мировой войной находилась в образцовом порядке.

В 1860 г. ректор ЛДС архимандрит Александр (Добрынин) положил начало основанию ученической библиотеки. В 1863 г. она насчитывала 453 наименования, в 1884 г. – уже 1500³. В дореволюционное время аренда книг, по одним данным, являлась платной услугой для всех неказенных воспитанников⁴, по другой информации – требовалось заплатить лишь одноразовый взнос за триместр в размере одного рубля⁵. Пользование книгами из других мест позволялось только с разрешения инспектора, также, если книга явно не соответствовала уровню развития учащегося, то просьба о выдаче игнорировалась. Устав 1884 г. предписывал пользоваться ученической библиотекой только преподавателям и воспитанникам. Издания из фундаментальной библиотеки выдавались учащимся только с разрешения преподавателя, которые, в свою очередь, контролировались ректором⁶.

Ученическая библиотека выдавала одновременно не больше двух книг для домашнего чтения и только на ограниченное время – десять дней для большого размера, четыре дня для книги малого размера. После 1884 г. время продлено до двух недель, однако одновременно можно было пользоваться лишь одной книгой. За плату в размере 1,5 рубля в год услугами ученической библиотеки могли пользоваться в том числе и выпускники школы. В случае потери книги полагалось заплатить полную сумму за издание. Так как встречались случаи недобросовестной задержки книг, правление устанавливало даже штрафы в возрастающей прогрессии за просрочку возвращения. В

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 10–11 об., 19.

² Посещение г. Министром Народного Просвещения графом И. Д. Деляновым Литовской Духовной семинарии и Виленского Троицкого храма // ЛЕВ. – 1891. – 3 ноября. – № 44 (часть неофициальная). – С. 360–361; Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 405, 457–459; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 10–11 об., 19.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 353

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 34.

⁵ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 354.

⁶ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 77.

среднем семинаристы арендовали по 15–16 книг за один учебный год¹. Воспитанники начального духовного образования также активно читали, например, в Виленском духовном училище в начале XX в. среднее количество прочитанных книг на одного учащегося составляло 17,5². Однако исследователь дореволюционной ЛДС священник Николай Извеков с прискорбием замечает, что в основном воспитанники читали «книги из отдела беллетристики, журналистики и смеси, нежели духовного содержания». Впоследствии такой факт рассматривался на съезде епархиального духовенства, и в 1872 г. ученическая библиотека прекратила выдачу газет для учащихся, одновременно запрещены литературные вечера, где под присмотром сотрудника ученики обсуждали определенные статьи из периодической печати³.

Как уже упоминалось во второй главе данной работы, во время Первой мировой войны не было возможности полностью эвакуировать библиотеку ЛДС по вполне понятным причинам: эвакуация проводилась поспешно, а такой груз был чересчур громоздким. Более того, та часть библиотечного фонда, которую удалось вывезти во время войны, впоследствии осталась в г. Рязань⁴. За время нахождения в Вильно немецких, польских и большевистских войск накопленное за долгие годы письменное наследие подвергалось неоднократным изъятиям. Изначально некоторые ценные собрания вывезли с собой немецкие войска, после их ухода сотрудник, оставленный для охраны имущества, скорее всего, не исполнял добросовестно своих обязанностей, так как многие книги раздавались широкой аудитории, особенно это касается изданий, которые тогда пользовались ценностью (учебники, пособия, произведения русских классиков)⁵.

После возрождения семинарии, в 1920 г., по распоряжению генерального комиссара г. Вильно семинарскую библиотеку обследовала специальная комиссия из Виленского университета Стефана Батория для изъятия в университетскую библиотеку всех книг, переданных после Польского восстания 1863–1864 гг. Литовской духовной семинарии из католических и униатских монастырей. Архиепископ Виленский и Лидский Елевферий (Богоявленский) согласился отдать книги, присланные только из католических монастырей⁶. Неизвестно, чем закончилась данная акция правительства, но общий контекст источников, говорящих о скудости библиотеки в межвоенное время, позволяет предполагать, что изъятие книг, некогда принадлежавших униатским монастырям, все-таки состоялось.

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 255, 354–355, 518

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 34 об.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 355, 402, 404.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 154.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 10–11 об., 19.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 11.

В 1924 г. правление ВДС составило отчет-рапорт архиепископу Феодосию (Феодосиеву) о состоянии библиотеки. В документе отмечено, что собрание насчитывает около 10 тысяч «экземпляров». Вызывает непонимание, как именно трактовать данное слово. Если это сделать в привычном порядке, т. е. разуместь как количество книг, в таком случае становится понятно, что военные события сократили семинарскую библиотеку больше чем вдвое (с бывших 26 тысяч). Если предположить, что правление понимало «экземпляры» как количество названий, в таком случае следует, что собрание лишилось около 3 тысяч наименований (с бывших 13 тысяч). В любом случае даже после значительных потерь руководство заметило, что «самым ценным достоянием Виленской духовной семинарии бесспорно является ее богатейшая библиотека (богословский отдел в особенности). В настоящее время по богатству и разнообразию своих книжных сокровищ она занимает первое место среди богословских библиотек во всей Польше». Одновременно архиепископ был информирован о существующих недостатках: ученическая библиотека испытывала большую нехватку учебников, многие дореволюционные периодические издания не переплетены и находятся в беспорядочном состоянии, библиотека размещена в неотапливаемом зале, окна разбиты, что делает работу в зимнее время невозможным, в свою очередь, нет денежных средств даже на ремонт окон, необходим постоянный оплачиваемый сотрудник в библиотеке¹ (до этого работали лишь добровольно В. К. Недельский и некоторые из преподавателей в качестве послушания). В связи с вышеперечисленными обстоятельствами библиотека оказалась закрытого типа, недоступной для виленского общества и предоставляла услуги лишь ученикам. В итоге Виленский архиерей выделил из епархиального бюджета 2000 злотых, за которые были приобретены учебники, переплетены журналы, произведен ремонт окон, печей, в помещении проведено электричество².

После закрытия богословских классов ВДС епархиальный съезд духовенства Виленско-Лидской епархии решал вопрос, как в дальнейшем поступать с «богатейшей в крае библиотекой», которая, однако, «во многом уже расхищена». Звучали предложения перенести фонд в г. Варшаву или отдать на попечение виленским школьным властям, но в итоге съезд постановил пока оставить все на прежнем месте³.

В 1925 г. по распоряжению митрополита Дионисия (Валединского) основная часть библиотечного собрания передана православному богословскому отделу при Варшавском университете, который в то время открывался и остро нуждался в богословской библиотеке, соответствующей

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 10–11 об., 19; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 213–213 об.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 14.

³ Наблюдатель. Епархиальный съезд духовенства в Вильне / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 23 сентября. – № 219 (1950). – С. 3.

уровню высшей духовной школы. В результате многократных изъятий за межвоенный период после Второй мировой войны в библиотеке семинарии насчитывалось всего 450 томов вместо бывших 26 тысяч в начале XX в.¹ До сих пор кое-какие экземпляры из бывшего собрания семинарского фонда встречаются исследователям в собраниях государственных библиотек и архивов г. Варшавы и Вильнюса².

В архивных документах не удалось встретить конкретных цифр, характеризующих объем ученической библиотеки возрожденной ВДС. Существуют лишь косвенные данные, которые воссоздают картину весьма скромного ее состояния. К примеру, руководство семинарии уменьшило количество требуемых самостоятельных сочинений, «руководствуясь недостаточным количеством пособий в библиотеке»³. В 1927 г. ректор семинарии протоиерей Николай Тучемский писал в Министерство РИиНП о том, что ученическая библиотека требовала ремонта, новой каталогизации и упорядочения. «Она находится в настоящее время в неотапливаемом зале, не хватает части стеллажей, большинство книжек хранится без обложки»⁴. Иногда ученики просили отсрочить экзамены по причине того, что не при всех имелись учебники, приходилось делиться ими, в результате чего они не успевали подготовиться⁵. Правление просило учащихся самим по возможности привозить на время учебы имеющиеся в распоряжении свои учебники⁶. После произведенной полонизации учреждения воспитанникам приходилось брать в аренду некоторые книги для общеобразовательных предметов из городской библиотеки⁷.

Из положительных явлений следует отметить тот факт, что семинарская библиотека неоднократно получала добровольные пожертвования, например, комплект лекций профессуры Петроградской духовной академии⁸. Огромную работу по восстановлению библиотеки после эвакуации проделал В. К. Недельский, который начал трудиться в ее помещениях еще до открытия семинарских курсов в 1919 г. Будучи помощником ректора В. В. Богдановича, в 1919–1921 гг. он исполнял обязанности инспектора ЛДС. После разразившегося конфликта и увольнения ректора В. К. Недельский «с мучительной болью в сердце» заявил, что не будет продолжать свою педагогическую деятельность, однако выразил желание лишь закончить начатое и привести в порядок библиотеку семинарии добровольно или за мизерную оплату. Новая

¹ ЛЦГА. Фонд R-238. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 16.

² Арефьева, И. Примите меня в свою любовь. С. 211.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 44–45.

⁴ Pawluczuk, U. A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej*. S. 279.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 31.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 143 об; Хроника // ЛЕВ. – 1922. – Июль. – № 7. – Л. 8.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 55.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 59 об.

администрация семинарии отнеслась благосклонно к его просьбе, впоследствии Владимир Климентович усердно трудился примерно до начала 1924 г., когда за критику автокефалии Православной Церкви в Польше подвергся высылке в Чехословакию¹.

Как и в дореволюционное время, семинарская библиотека пользовалась следующими правилами: ограниченное время арендования книг и небольшой годовой взнос для воспитанников (примерно один золотый)². Ученики получали из библиотеки необходимые учебники по предметам, кроме этого любили читать и художественную литературу: книги Жюль Верна, которого особенно охотно читали дети из младших классов, произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого. Также учащиеся брали книги на белорусском языке, реже – на греческом, латинском или польском. Библиотека имела самые различные словари, энциклопедии, богослужебные книги, дореволюционные периодические издания, которые также пользовались спросом³. Имелось возможность арендовать книги не только в период учебы, но и на время каникул⁴. Активность чтения воспитанниками была разной – некоторые за учебный год вовсе ничего не арендовали или брали только несколько самых необходимых книг. В противовес им активные учащиеся читали по 50–80 книг за учебный год и время каникул⁵. По сделанным подсчетам среднее количество арендованных книг на одного ученика составляло 15 наименований, что фактически повторяло показатель дореволюционных духовных школ. Библиотекой пользовались не только учащиеся, но и преподаватели, которые арендовали книги богословского, узкоспециализированного характера⁶.

В целом, несмотря на трудности, возникшие из-за потери значительной части библиотеки, по спискам арендованной литературы можно сделать вывод, что библиотека ВДС смогла удовлетворить основные потребности учащихся общеобразовательных классов и воспитанников богословских курсов, готовящихся к пастырскому служению.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 156, 162; Высылка Недзельского // За Свободу. – 1924. – 10 февраля. – № 38. – С. 3.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 11–10 об., 19.

³ LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 101. – Л. 10, 27, 61; LMVBA RS. Фонд 41. – Д. 91. – Л. 3, 6, 10, 13, 25, 28, 43–47.

⁴ LMVBA RS. Фонд 41. – Д. 106. – Л. 46.

⁵ LMVBA RS. Фонд 41. – Д. 106. – Л. 1–120.

⁶ LMVBA RS. Фонд 41. – Д. 101. – Л. 1–7.

3.6 Учебники, дополнительная литература, особенности преподавания учебных дисциплин

Тема библиотеки ВДС затрагивает вопрос предметных учебников, по которым воспитанники обучались и готовились к аттестации. Разумеется, после возрождения учебного заведения и до ее интеграции в польскую школьную систему воспитанники пользовались учебниками и дополнительной литературой дореволюционного издания. Так как реформы, связанные полонизацией, в основном касались общеобразовательных предметов, следовательно, основные изменения претерпели учебные пособия, предназначенные для данных предметов. После реформы 1925/1926 уч. г. в гимназической части семинарии постепенно русские учебники заменялись новыми польскими¹. С другой стороны, учебники для таких предметов, как догматическое богословие, церковная история, литургика и другие, относящиеся к богословским наукам, остались не тронутыми. Чтобы перевести богословские предметы на польский язык преподавания, требовалось заменить русские дореволюционные учебники новыми, написанными на государственном языке, однако с такой задачей польские школьные власти так и не смогли справиться до конца исследуемого периода. С другой стороны, в источниках встречается информация о попытках создать подобного рода польские православные учебники, привлекая тех же преподавателей духовных школ. Например, преподаватель Аполлон Сморжевский по благословению митрополита Дионисия (Валединского) составлял новый учебник по истории христианской церкви на польском языке². Данный проект, скорее всего, так и остался незавершенным, так как подобного учебного пособия не встречается в журналах по учебной части.

В следующих пунктах следует рассмотреть выявленную информацию, касающуюся учебников, и специфику преподавания некоторых дисциплин в отдельности.

1. Священное Писание изучалось, начиная с первых классов, в рамках курса «Библейская история» по дореволюционному учебнику, составленному протоиереем Дмитрием Соколовым «Священная история Ветхого и Нового Завета»³. В начале XX в. ученики Виленского духовного училища также использовали это пособие⁴. Начиная с пятого класса, учебный план предусматривал переход к предмету «Священное Писание Ветхого Завета», в котором, в отличие от «Библейской истории», данная дисциплина

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 64 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 615.

³ Краткая священная история Ветхого и Нового Завета / Сост. прот. церкви Мариин. дворца Д. Соколовым. – СПб : Салаевы, 1866. – 252 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 103; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 5.

⁴ ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 27.

рассматривалась более углубленно с привлечением святоотеческих комментариев и богословским осмыслением библейских событий¹. В пятом классе изучались Пятикнижие Моисея по учебнику Н. А. Бирюкова «Руководство к изучению законоположительных книг Священного Писания Ветхого Завета²» и исторические книги по учебнику протоиерея Михаила Хераскова «Обозрение исторических книг Ветхого Завета»³. В шестом классе проходили учительные книги по учебнику В. М. Гавриловского «Учительные книги Ветхого Завета⁴», в седьмом классе – также учительные книги по учебнику П. Н. Спасского «Толкование на пророческие книги Ветхого Завета»⁵. Восьмой класс занимался по книге Д. П. Боголепова «Руководство к толковому чтению Четвероевангелия и Книги Деяний апостольских»⁶. В богословских классах⁷ изучался Новый Завет по «Толковой Библии» А. П. Лопухина⁸.

2. Догматическое богословие преподавалось в богословских классах по «Руководству к изучению христианского православно-догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова)⁹. Воспитанники также знакомились с «Очерком православного догматического богословия» протоиерея Николая Малиновского¹⁰.

3. Основное богословие изучалось по учебнику, изданному еще в 1876 г. архимандритом Августином (Гуляницким)¹¹. В качестве дополнительной литературы был «Курс основного богословия или апологетики» И. П. Николина¹². В 1921–1923 гг. предмет начинался в восьмом классе и продолжался в богословских классах; с 1923/1924 уч. г. преподавался

¹ ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 1. – Д. 1378. – Л. 87–88.

² Руководство к изучению законоположительных книг Священного Писания Ветхого Завета : учебное пособие / Н. А. Бирюков. – СПб : Изд. И. Л. Тузова, 1912. – 272 с.

³ Херасков Михаил, протоиерей. Обозрение исторических книг Ветхого завета / протоиерей Михаил Херасков – Владимир на Клязьме : Н. А. Парков, 1903. – 432 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 105.

⁴ Гавриловский, В. М. Учительные книги Ветхого завета : (Книга Иова, Псалтирь, кн. Притчей Соломоновых, кн. Экклезиаст, кн. Песнь песней, кн. Премудрости Соломона и кн. Премудрости И. с. Сирахова) / В. М. Гавриловский. – Вольск, 1911. – 358 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 108.

⁵ Спасский, П. Н. Толкование на пророческие книги Ветхого завета, составленное на основании святоотеческих толкований, применительно к славянскому (и греческому 70-ти) тексту по программе для 4 класса духовных семинарий / П. Н. Спасский. – Новгород : паровая тип. А.С. Федорова, 1893. – 485 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 5.

⁶ Боголепов, Д. П. Руководство к толковому чтению Четвероевангелия и Книги деяний апостольских / Д. П. Боголепов. – Москва : А.Д. Ступин, 1910. – 481 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 108.

⁷ Также после реформы 1927 г. в девятом классе семинарии. Данная установка автором используется и в дальнейшем перечислении.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 28. – Л. 137–139.

⁹ Булгаков Макарий, митрополит. Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия / митрополит Макарий Булгаков. – Москва : Синод. тип., 1913. – 368 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 28. – Л. 137–139; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111.

¹⁰ Малиновский Николай, протоиерей. Очерк православного догматического богословия : учебное пособие для V-го класса духовных семинарий / протоиерей Николай Малиновский. – Каменец-Подольск : Тип. С.П. Киржацкого, 1904. – 407 с; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 36.

¹¹ Руководство к основному богословию, составленное ректором Литовской духовной семинарии архимандритом Августином. – Вильна : тип. О. С. Блюмовича, 1876. – 367 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111.

¹² Николин, И. П. Курс основного богословия или апологетики / И. П. Николин. – Сергиев Посад : М.С. Елов, 1914. – 262 с.

исключительно в богословских классах. По замечанию педагогического совета, несмотря на реформу 1927 г., программа по основному богословию сохранилась прежняя¹.

4. Сравнительное богословие изучалось по «Запискам по обличительному богословию» автора Л. П. Епифановича². Дополнительно читали «Руководство по обличению русского раскола старообрядчества», а также «Историю и обличение русского сектантства» К. Н. Плотникова³, «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола» Н. И. Ивановского⁴, «Руководство к обличительному богословию» И. Ф. Перова⁵. Программа данного комплексного предмета изначально делилась на несколько дисциплин: «Обличительное богословие» (католицизма и протестантизма), «История и обличение сектантства», «История и обличение раскола» (старообрядческого). Данная модель была скопирована с дореволюционной учебной программы. При возрождении предмета в 1921 г. педагогический совет захотел уделить больше внимания курсу «Обличение сектантства» в связи с тем, что «в настоящее время часто приходится сталкиваться с сектантством»⁶. С 1926/27 уч. г. дисциплина «История и обличение раскола» упразднена как потерявшая прежнюю актуальность для воспитанников Польского государства. После реформы 1927 г. и сокращения программы курс «История и обличение сектантства» включен в общий предмет «Сравнительное богословие».

5. Преподавание литургии велось, начиная с предмета «Церковный устав» в пятом классе семинарии по учебникам протоиерея К. Т. Никольского «Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви»⁷, священника Александра Свирелина «Церковный устав с кратким изъяснением богослужения Православной Церкви»⁸, также использовался Типикон. Воспитанники Виленского духовного училища в начале XX в. использовали те же пособия. По замечанию педагогического совета изучение церковного устава носило исключительно практический характер, механическое заучивание

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 145 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 101. – Л. 16.

² Епифанович, Л. П. Записки по обличительному богословию / Л. П. Епифанович. – Новочеркасск : Дон. тип., 1888. – 222 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111.

³ Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядчества : Применит. к программе духов. семинарий / Сост. преп. Олонекской духовной семинарии К. Плотников. – Петрозаводск : Губ. тип., 1889. – 236 с; Плотников, К. Н. История и обличение русского сектантства / К. Н. Плотников – СПб : тип. И. В. Леонтьева, 1913. – 236 с; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2.

⁴ Ивановский, Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических / Н. И. Ивановский. – Казань : Типо-литогр. Императорского ун-та, 1900. – Ч. 1: История раскола. – 274 с, Ч. 2–3: Обличение раскола. – 1901. – 245 с.

⁵ Перов, И. Ф. Руководство к обличительному богословию / И. Ф. Перов. – Рязань : тип. В. О. Тарасова, 1892. – 156 с; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 101 – Л. 61; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 42–43.

⁷ Никольский, К. Т. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви / К. Т. Никольский. – СПб : Гос. тип., 1888. – 800 с.

⁸ Свирелин, А. И. Изъяснение богослужения с церковным уставом / А. И. Свирелин. – Москва : тип. Т. Рис, 1872. – 146 с.

порядка церковных служб наизусть совершенно отсутствовало¹. Далее предмет изучался уже в богословских классах по книге, которая вошла в употребление как учебное пособие – «Литургика или наука о богослужении Православной Церкви²» Е. Г. Нестеровского. Дополнительно читали «Литургику или науку о богослужении Православной Восточной Кафолической Церкви» протоиерея Даниила Смолодовича³, «Краткое учение о богослужении Православной Церкви» П. Я. Лебедева⁴. С 1923/1924 уч. г. предмет дополнился курсом церковной археологии или исторической литургики, однако с 1925/1926 уч. г. данный раздел упразднен. По просьбе митрополита Дионисия (Валединского) в 1926 г. программа дисциплины пополнилась спецкурсом «История церковного искусства», однако через год данное постановление отменено⁵.

б. Церковная история изучалась по книге Е. И. Смирнова «История христианской церкви⁶». Также ученики использовали «Лекции по истории Древней Церкви» В. В. Болотова⁷, труды Ивана Ивановича Соколова⁸. История Православия на русской земле изучалась по книге профессора П. В. Знаменского «Руководство к русской церковной истории»⁹. Дополнительно читали «Очерк истории Западнорусской церкви» И. А. Чистовича¹⁰, «Литовскую церковную унию» М. О. Кояловича¹¹. В начале XX в. ученики Виленского духовного училища также руководствовались книгой Евграфа Смирнова¹². Церковная история в ВДС изучалась в богословских классах. С 1924/25 уч. г. программа расширена и на восьмой класс, с 1926/27 уч. г. – на VI–IX классы. Однако реформа 1927 г. существенно сократила количество учебных часов на данный предмет. Курс истории Русской Православной

¹ ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 26 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 105; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 5.

² Нестеровский, Е. Г. Литургика, или наука о богослужении православной церкви / Е. Г. Нестеровский. – Москва : М.В. Клюкин, 1905. – 230 с.

³ Смолодович Даниил, протоиерей. Литургика, или Наука о богослужении православной восточной кафолической церкви / протоиерей Даниил Смолодович. – Киев : Губ. тип., 1868. – 311 с.

⁴ Лебедев, П. Я. Краткое учение о богослужении православной церкви / П. Я. Лебедев. – Москва : Синод. тип., 1883. – 88 с.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 26; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 21–21 об; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 101. – Л. 8.

⁶ Смирнов, Е. И. История христианской церкви : Сост. применит. к программе для духов. семинарий учитель Ряз. Семинарии / Е. И. Смирнов. – Рязань : тип. В.П. Звукова, 1880. – 225 с.

⁷ Болотов, В. В. Лекции по истории древней церкви / под ред. проф. А. Бриллиантова. – СПб : тип. М. Меркушева, 1907. – 234 с.

⁸ Соколов, И. И. Лекции по истории греко-восточной церкви / И. И. Соколов. – СПб, 1904. – 354 с; LМVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 41.

⁹ Знаменский, П. В. Руководство к русской церковной истории / П. В. Знаменский. – Казань : Унив. тип., 1876. – 482 с.

¹⁰ Чистович, И. А. Очерк истории западно-русской церкви : в 2 т. / И. А. Чистович. – СПб : тип. Деп. уделов, 1882. – Т. 1. – 221 с; Чистович, И. А. Очерк истории западно-русской церкви : в 2 т. / И. А. Чистович. – СПб : тип. Деп. уделов, 1884. – Т. 2. – 419 с.

¹¹ Коялович, М. О. Литовская церковная уния : в 2 т. / М. О. Коялович. – СПб : тип. Н. Тихменева, 1859. – Т. 1. – 316 с; Коялович, М. О. Литовская церковная уния : в 2 т. / М. О. Коялович. – СПб : тип. Н. Тихменева, 1861. – Т. 2. – 443 с.

¹² ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 30.

Церкви существенно урезан и включен в предмет общей истории Церкви, последний тоже значительно сокращен. Программа церковной истории стала более обращенной на территорию Православной Церкви в Польше. В результате сокращения за два года воспитанники проходили курс общей церковной истории, потом в восьмом классе программа охватывала историю Православной Церкви на Руси с начала христианства до реформ Синодальной эпохи¹. Для сравнения: современная программа первого года «Истории РПЦ» в семинариях охватывает лишь домонгольский период.

7. Нравственное богословие преподавалось в богословских классах на протяжении всего исследуемого периода без изменений. Учебником служило «Православно-христианское Нравственное Богословие» А. И. Покровского². Дополнительно читали книгу «Нравственное православное богословие» П.Ф. Солярского³.

8. «Практическое руководство для пастырей» существовало в учебном плане еще в рамках двухгодичных семинарских курсов. С 1923/1924 уч. г. курс переименован в «Пастырское богословие». Предмет упразднен в связи с реформой 1927 г. Учебники: «Пастырское богословие» архимандрита Кирилла (Наумова)⁴ и «Учебник по практическому руководству для пастырей» П. И. Нечаева⁵.

9. Каноническое право введено в учебный план с 1921/1922 уч. г. и упразднена с реформой 1927 г. Сведений об учебнике нет, однако библиотечная информация сообщает, что ученики дополнительно изучали «Курс церковного права» Алексея Степановича Павлова⁶ и «Краткий курс церковного права Православной Церкви» Ильи Степановича Бердникова⁷.

10. Патрология преподавалась лишь на протяжении 1923–1926 уч. гг. и удалена из учебного плана с реформой 1927 г. Учебник – «Историческое учение об Отцах Церкви⁸», автор – архиепископ Филарет (Гумилевский)⁹.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 75; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 110.

² Покровский, А. И. Православно-христианское нравственное богословие / А. И. Покровский. – Самара : Губ. тип., 1900. – 366 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 207.

³ Солярский, П. Ф. Нравственное православное богословие / П, Ф. Солярский. – СПб : Тип. М. Стасюлевича, 1875. – 401 с; LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2.

⁴ Наумов Кирилл, архимандрит. Пастырское богословие / архимандрит Кирилл Наумов. – СПб : Тип. Опекун. совета, 1853. – 341 с.

⁵ Нечаев, П. И. Учебник по практическому руководству для пастырей : Полн. курс для духов семинарий / П. И. Нечаев. – СПб : типо-лит. Дома призрения малолет. бедных, 1884. – 359 с; LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2.

⁶ Покровский А. И. Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А. С. Павлова. – Москва. : Типо-литография В. Рихтер, 1897. - 146 с.

⁷ Краткий курс церковного права православной греко-российской церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права, составленный профессором И. С. Бердниковым. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1888. – 294 с; LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2.

⁸ Гумилевский Филарет, архиепископ. Историческое учение об отцах церкви : в 3 т. / архиепископ Филарет Гумилевский. – СПб : тип. II-го Отд-ния собств. е. и. вел. канцелярии, 1859. – Т. 2. – 384 с.

⁹ LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 91.

11. Церковнославянский язык в начале XX ст. в Жировичском духовном училище изучался по учебнику священника В. Крылова «Полная практическая славянская грамматика с систематическими славянскими и русскими примерами и сборниками и словарями для упражнений» и по «Краткой грамматике церковно-славянского языка» С. И. Миропольского в Виленском духовном училище¹. Неизвестен учебник 1920-х гг. в ВДС, в 1930-е гг. воспитанники пользовались «Грамматикой церковно-славянского языка нового периода» К. А. Козьмина², а также часословом³. Церковнославянский язык иногда фигурировал как отдельная дисциплина в учебном плане, иногда включаясь в предмет «Русский язык»⁴. На протяжении исследуемого периода встречается информация, что чтение церковнославянского текста вызывало серьезные затруднения у многих учащихся. Так еще в 1923 г. преподаватель Владимир Жданов просил администрацию о дополнительной оплате, так как приходилось много в храме обучать чтению воспитанников⁵. В 1926 г. педагогический совет заметил, что многие ученики, даже из богословских классов, очень плохо читают на церковнославянском языке⁶. В 1933 г. митрополит Дионисий пытался скорректировать учебный план семинарии, чтобы увеличить количество часов церковнославянского и повысить качество владения им⁷.

12. «Катехизис» или «Закон Божий» преподавался в третьем и четвертом классах, в последнем он делил часы с церковным уставом. Учебником был «Пространный христианский катехизис» митрополита Филарета (Дроздова)⁸. В начале XX в. использовались дополнительные пособия: «Записки по предмету Закона Божия» А. П. Лаврова⁹ и «Уроки пространный православно-христианского катехизиса» священника Арсения Невского¹⁰.

¹ Миропольский, С. И. Краткая грамматика церковно-славянского языка нового периода / С. И. Миропольский. – СПб : Синод. тип., 1886. – 119 с; ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 9, 27 об.

² Козьмин, К. А. Грамматика церковно-славянского языка нового периода : Пособие для гор. училищ / Сост. К. Козьмин. – Москва : М.Д. Наумов, 1879. – 72 с.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 103; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 9.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 302; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 292.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 136.

⁷ О преподавании в православных духовных семинариях церковно-славянского языка // Слово. – 1933. – 7 сентября. – № 71 (178). – С. 1.

⁸ Дроздов Филарет, митрополит. Пространный христианский катехизис, православной кафедральной восточной греко-российской церкви, рассматриваемый и одобренный святейшим правительствующим синодом, изданный для преподавания в училищах по высочайшему его императорского величества повелению / митрополит Филарет Дроздов. – Москва : Синод. тип., 1829. – 133 с; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 105.

⁹ Лавров, А. П. Записки по предмету закона божия для III, IV и V классов мужских гимназий / А. П. Лавров. – Москва : Унив. тип, 1899. – 23 с.

¹⁰ Невский Арсений, священник. Уроки пространный православно-христианского катехизиса : Пособие к изучению катехизиса / священник Арсений Невский. – Москва : бр. Башмаковы, 1913. – 160 с; ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 26 об.

13. Гомилетика на протяжении всего периода читалась в богословских классах. Согласно имеющейся информации, учебника по данному предмету не существовало как в дореволюционный период, так и в межвоенное время. В 1937/1938 уч. г. учитель преподавал дисциплину, пользуясь своим конспектом¹. Воспитанники самостоятельно читали «Руководство к церковному собеседованию» протоиерея Назария Фаворова².

14. Церковное пение отличалось тем, что предмет преподавался во всех классах по 1–2 недельных часа на протяжении всего периода 1919–1939 гг. Пособиями служили «Обиход» Николая Ивановича Бахметьева, изданный еще в 1869 г., и «Осмигласник»³.

15. Название курса, связанного с философией, часто корректировалось: «Пропедевтика философии», «История «философии». Преподавалась дисциплина по-разному: только в восьмом классе, седьмом-восьмом, только девятом, восьмом-девятом. В предмет входили курсы логики и психологии. До полонизации в качестве пособия пользовались книгой Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова «Введение в философию»⁴, а также «Учебником логики и психологии» Г. И. Челпанова. Воспитанники дополнительно читали «Обзор философских учений» М. А. Остроумова⁵, «Очерк истории философии с древнейших времен до настоящего времени» Н. Н. Страхова⁶. Польские учебники: Władysław Witwicki «Zarys psychologii»⁷, Kazimierz Sośnicki «Zarys logiki»⁸, Edward Titchener «Początki psychologii»⁹, Paul Sanet «Historia filozofii»¹⁰.

16. Латинский язык занимал важное место в истории духовных школ XVIII–XIX вв., так как играл в то время одну из ключевых ролей в системе образования. Как отмечает священник Николай Извеков, при открытии ЛДС в 1828 г. знание латинского языка находилось на очень высоком уровне. Ученики высшего отделения без труда понимали и переводили римских писателей. Вместе с этим постепенно уменьшались учебные часы, выделяемые для этого языка, в 1844 г. отменены сочинения на латинском языке для низшего

¹ ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 475. – Л. 20–28; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 207.

² Фаворов Назарий, протоиерей. Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика / протоиерей Назарий Фаворов. – Киев : Унив. тип., 1858. – 259 с; LМVВА RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 2.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 15.

⁴ Кудрявцев-Платонов, В.И. Введение в философию : (Сост. примет. к прогр. преподавания философии в духов. семинариях) / В. И. Кудрявцев-Платонов. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1890. – 62 с.

⁵ Остроумов, М.А. Обзор философских учений : Для духов. семинарий / М.А. Остроумов. – Москва : тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879. – Т. 1. – 220 с.

⁶ Страхов, Н. Н. Очерк истории философии с древнейших времен философии до настоящего времени / Н. Н. Страхов. – Харьков : тип. Губ. правл., 1893. – 168 с.

⁷ Witwicki, Władysław. Zarys psychologii : podręcznik dla uczniów szkół średnich i seminarjów nauczycielskich / Władysław Witwicki. – Warszawa : Książnica-Atlas, 1931. – 191 s.

⁸ Sośnicki, Kazimierz. Zarys logiki dla klas wyższych szkół średnich ze szczególnem uwzględnieniem seminarjów nauczycielskich / Kazimierz Sośnicki. – Warszawa : Książnica Polska Tow. Nauczycieli Szkół Wyższych, 1923 – 96 s.

⁹ Titchener, Edward. Początki psychologii / Edward Titchener. – Warszawa : Wydaw. M. Arcta, 1920. – 267 s.

¹⁰ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 110; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 7; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 207; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 7; LМVВА RS. Фонд 41 – Д. 101. – Л. 16, 61; LМVВА RS. Фонд 41 – Д. 106. – Л. 41.

отделения¹. В начале XX в. в духовных училищах данный предмет изучали по учебнику «Латинская грамота» М. Михайловского². В ВДС латинский язык изучался в II–VII классах в период 1921–1924 гг. С 1925/1926 уч. г. – в V–VIII классах, через год в IV–VIII классах; с реформы 1927 г. – в IV–IX классах. На предмет выделялось немалое количество недельных часов: от 14 до 31. Ко времени окончания программы воспитанники выполняли самостоятельный перевод какого-либо сочинения древнеримского классика (Цицерона, Ливия, Саллюстия, Валерия Максима, Вергилия). Впоследствии на экзамене зрелости билет содержал задание по переводу (на польский язык) одного из них. Текст состоял приблизительно из 150 слов. Неудовлетворительная отметка ставилась в случае, если экзаменуемый не успел все перевести или перевод получился нескладный³. Учебником служил «Краткая грамматика латинского языка» Э. Э. Кесслера⁴; после полонизации – Zygmunt Samolewicz «Gramatyka łacińska», Tadeusz Marian Lewicki «Tłumaczenie do Początków nauki języka łacińskiego»⁵, Wiktor Wąsik «Tematy z języka łacińskiego»⁶, а также избранные места из произведений античных авторов⁷.

17. Греческий язык преподавался в ВДС с 1921/1922 уч. г. в III–VIII классах, с 1925/1926 уч. г. в IV–VIII, с реформы 1927 г. – в IV–IX классах, в количестве 11–23 недельных часов. В период 1922–1926 гг. данный предмет вел преподаватель Иоанн Амбургер, при котором уровень знания греческого языка был слабый. По воспоминаниям священника Евстафия, преподавал данный сотрудник «довольно плохо, вяло, сухо, и даже при желании изучить этот язык было довольно трудно⁸». Действительно, посетившая в марте 1925 г. семинарию ревизионная комиссия установила существенные изъяны и совершенно неприемлемую методику преподавания греческого языка. Ученики восьмого класса при переходе в богословские курсы показали полное невежество не только по части морфологии и синтаксиса, но затруднялись даже читать греческий текст⁹. В результате руководство поменяло учителя, и результаты по греческому языку начали постепенно улучшаться. В 1924 г. прозвучало предложение перейти на Эразмово произношение греческих слов в связи с принятым курсом приближения к программе классических гимназий.

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 206–207, 208.

² ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 9 об., 29.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 272. – Л. 266, 292; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 271; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 110.

⁴ Кесслер, Э. Э. Краткая грамматика латинского языка : руководство по латинскому языку для гимназий и прогимназий / Э. Э. Кесслер - Спб : Изд. К. Л. Риккера, 1902. – 180 с; LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 101. – Л. 12.

⁵ Lewicki, Tadeusz Marian. Tłumaczenie do Początków nauki języka łacińskiego / Tadeusz Marian Lewicki. – Warszawa : Wydawnictwo Pomoc Szkolna, 1926. – 31 s.

⁶ Wąsik, Wiktor. Tematy z języka łacińskiego na klasę VII i VIII : (teksty łacińskie do ćwiczeń piśmiennych) / Wiktor Wąsik. – Warszawa : Wydawnictwo M. Arcta, 1925. – 177 s.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 106; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 109; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111.

⁸ Баслык, Е., священник., священник. Записки священника Евстафия. С. 60.

⁹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 28–28 об.

Митрополит Дионисий (Валединский) со своей стороны указал, что данное изменение допустимо, однако воспитанники должны прежде всего познакомиться с Рейхлиновым произношением, приспособленным к православному церковно-богослужебному употреблению. Противоречивость информации не позволяет сделать вывод о конкретном принятом решении¹.

В старших классах ученики переводили таких греческих классиков, как Платон, Софокл, Гомер. Митрополит Дионисий предлагал внести в программу изучение текстов Василия Великого, однако программа осталась без изменений. Как и в случае с латинским языком, на государственном экзамене зрелости учащиеся переводили фрагмент произведения одного из греческих античных авторов. По объему текст был меньше, чем латинский (около 100 слов). Следует отметить, что уровень сложности экзаменационных текстов как по латинскому, так и по греческому языку значительно превосходит таковые в современной Минской духовной академии². Учебники по данному предмету: Edward Fiderer «Gramatyka języka greckiego szkolna», Józef Winkowski «Ćwiczenia greckie dla gimnazjów klasycznych»³ и греческо-польский словарь составителя Сигизмунда Венцлевского⁴.

18. Античная культура преподавалась в качестве дополнительного курса к древним классическим языкам. Программа данной дисциплины состояла из знакомства с разными произведениями античных авторов и одновременно с культурой античной Греции и Рима. Предмет появился в 1924/1925 уч. г. в 8 классе и потом расширился. С 1926/1927 уч. г. читался в V–VIII классах, позже в IV–VII, IV–VIII. Учебниками служили: Franciszek Terlikowski «Życie starożytnych greków»⁵, Jan K. Jędrzejowski «Tytusza Liwiusza Dzieje Rzymskie w wyborze»⁶.

19. Русский язык преподавался с 1921/1922 уч. г. в I–VIII классах; начиная с реформы 1927 г. – в II–IX классах. В 1936/1937 уч. г. предмет переведен в разряд факультатива, однако лишь формально, так как все воспитанники обязательно проходили его программу. Дисциплина читалась по тому же учебнику, что и в начале XX в. – по учебнику русской грамматики

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 13 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 17; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 158; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 43 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 17; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 272. – Л. 242; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 106; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 107; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 110; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 206.

³ Winkowski, Józef. Ćwiczenia greckie dla gimnazjów klasycznych / Józef Winkowski, Józef Taborski. – Warszawa : Książnica-Atlas, 1929. – 203 s.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 622; Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 106.

⁵ Terlikowski, Franciszek. Życie publiczne, prywatne i umysłowe starożytnych Greków i Rzymian : do użytku młodzieży szkolnej / Franciszek Terlikowski. – Lwów : nakładem Towarzystwa Pedagogicznego, 1889. – 343 s.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 107; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 108.

П. В. Смирновского¹. В 1926 г. митрополит Дионисий (Валединский) прислал свое замечание руководству ВДС, что обучение правописанию русского языка в стенах школы должно остаться классическим по академику Якову Карловичу Гроту². В программу предмета входило изучение не только грамматики, но и основ русской литературы, однако не удалось выявить учебник по данному курсу. Как уже отмечалось, в процессе реформы 1927 г. Министерство РИиНП старалось максимально уменьшить учебные часы, выделяемые для русского языка, считая его иностранным для воспитанников из белорусского края. Однако против этого выступал куратор ВУО, утверждавший необходимость признать объективный фактор, что почти вся православная богословская литература написана на русском языке, поэтому кардинальная минимизация часов, выделяемых на изучение русского языка, затруднит достижение главной цели школы, кроме этого вызовет среди православного духовенства еще больше недоверия и подозрения в отношении деятельности Министерства РИиНП³.

20. Польскому языку в ВДС начали обучать с 1921/1922 уч. г. в III–VIII классах. В 1922/1923 уч. г. программа расширилась на все общеобразовательные классы. С реформы 1927 г. государственный язык преподавался во всех классах семинарии. Программа предусматривала ознакомление с грамматикой в младших классах и затем изучение польской литературы в старших классах. Протоколы экзаменационной документации показывают, что всего по программе польской литературы учащиеся изучали жизнь и труды 61 польскоязычного автора. Кроме этого программа включала рассмотрение 30 иностранных авторов, которые читались в переводе на польский язык, среди которых находились также пять русскоязычных писателей (Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов: по 1–2 произведения каждого)⁴.

21. Белорусский язык в документации семинарии первый раз фигурирует еще в феврале 1921 г., когда руководство постановило преподавать данный предмет и пригласить в качестве учителя Максима Горецкого⁵. Однако на практике новый преподаватель смог приступить к своим занятиям лишь с начала 1921/1922 уч. г. Вначале белорусскому языку выделялось лишь два недельных часа, но со временем их количество постоянно росло вплоть до 20 в

¹ Смирновский П. В. Приготовительный курс русской грамматики : Учебник для подготовительного класса при гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения и вообще для начинающих / П. В. Смирновский. – Москва : Панафилина, 1917. – 64 с.

² ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 27 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 105; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 107; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 110; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 7; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 17.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 20–22.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 6 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1378. – Л. 205; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 271.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 20 об.

1928/1929 уч. г. Различные аспекты преподавания данной дисциплины, такие как учебники, программа предмета и др., уже детально освещены в статье А. С. Горного¹ и в книге А. Э. Адамковича, где приведен подробный текст из архивных документов².

3.7 Хозяйственная деятельность

3.7.1 Комплекс зданий Виленского Свято-Троицкого монастыря

Литовская духовная семинария в Жировичский период деятельности (1828–1845) значительно отличалась от других семинарий в плане средств своего содержания. Последние финансировались за счет государственной казны – ежегодного получения определенной суммы. ЛДС была вынуждена содержать себя самостоятельно с помощью фондуша, полученного из бывшего базилианского Жировичского монастыря, вместе с имениями. Всего в ведении семинарии имелось 11 селений с 3,7 тысяч «душ». Административная комиссия, занимавшаяся экономической частью, также накапливала денежные средства в государственных кредитных учреждениях, которые зарабатывали ежегодные проценты. Постепенно в фондуш семинарии передавалось земельное имущество других упраздненных униатских монастырей, правление арендовало их, что в целом позволило улучшить материальное положение монастыря и семинарии. В 1841 г. последовал указ правительства о передаче в ведомство министерства государственных имуществ всех недвижимых населенных имений Жировичского монастыря. ЛДС лишилась всего земельного имущества и вместо этого стала получать назначенную ежегодную выплату из государственного бюджета³.

В августе 1845 г. состоялся переезд ЛДС в комплекс помещений упраздненного униатского Свято-Троицкого монастыря базилиан. Данная обитель берет начало с второй половины XIV в., где в 1347 г. казнили виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. На месте гибели христианских мучеников с помощью Иулиании, супруги Великого Литовского князя Альгирдаса, была возведена деревянная церковь во имя Святой Троицы, вокруг которой сформировалась монашеская обитель. Свято-Троицкий монастырь играл немаловажную роль в жизни Западнорусской православной митрополии. Архимандритами обители до посвящения в сан епископа были киевские митрополиты: Макарий Киевский (+1497), Иона II (1503–1506) и Сильвестр Белкевич (1556–1567). В 1584 г. при монастыре учредилось Свято-

¹ Горный, А. С. Белорусское национальное движение в православных учебных заведениях Польши в 1920-х годах / А. С. Горный // *Studia Bialorutenistyczne*. – Vol. 10. – 2016. – С. 39–53.

² Адамкович, А. Э. Беларусь ў Літве: учора і сёння. Кн. 2: 3 Богам па-беларуску. С. 109–110.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 94–103.

Троицкое православное братство, сыгравшее видную роль в деле православного книгоиздательства. После провозглашения Брестской церковной унии Свято-Троицкий монастырь стал униатским и передан монахам базилианского ордена, одновременно в помещениях открылась греко-католическая семинария. По этой причине здания, окружающие Свято-Троицкий храм, приобрели народное название «базилианских мур», что продолжалось даже в межвоенный период, много лет спустя после упразднения монастыря как обители базилиан. В 1845 г. монастырь восстановлен как православный, третьеклассный. В этот же год на территории монастыря разместились переведенная из Жирович ЛДС. В весьма обширном актовом зале семинарии проходили епархиальные собрания, общегородские торжественные заседания, приуроченные к церковным памятным датам, общие собрания членов Виленского Свято-Духовского братства, несколько раз заседания Священного Синода Православной Церкви в Польше и другие мероприятия¹. Таким образом обитель превратилась в центр православной церковно-общественной жизни Литовской епархии².

За 70-летний период (1845–1915) расположения ЛДС в стенах Свято-Троицкого монастыря непрерывно улучшалось материальное благосостояние всего комплекса за счет государственных средств. Священник Николай Извеков замечает, что капитальный ремонт был проведен несколько раз: во время переезда семинарии (1845 г.), к моменту перехода учреждения на устав 1867 г., после которого тоже продолжались вестись разные работы по благоустройству, и в последний раз – в начале XX в., когда произведено полное обновление зданий, установлено газовое отопление³. В 1910 гг. началась установка электрического освещения⁴, которая полностью закончилась к 1924–1925 гг.⁵ Помещение семинарии состояло из трех этажей с длинными и широкими коридорами и комнатами на 5–10 человек. С 1866 г. коридоры освещались газом вместо свечного сала. Учебные аудитории также имели хорошую материальную базу, работали физический кабинет с разными приборами для экспериментов и минералогический с коллекцией разных минералов, костей животных, скелетом человека и т. д. Всего семинария имела в распоряжении 29 площадок в городе, несколько участков земли за чертой города, за все перечисленное правление получало арендные средства, так называемый «чиншевый взнос». В самом ансамбле монастырских зданий находились

¹ Хроника // ЛЕВ. – 1922. – 14 сентября. – № 8–9. – С. 7; Dziennik Wileński. – 1925. – № 127.

² Пэвэка. Виленский Свято-Троицкий монастырь / Пэвэка // Слово. – 1935. – 27 октября. – № 42 (327). – С. 4.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 257–258, 381–383, 468.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 534. – Л. 1–2.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 17.

устроенная для воспитанников баня, медпункт, конюшня, сад и огород (последние изъяты Виленской дирекцией публичных работ в 1920-е гг.)¹

Первая мировая война и эвакуация учреждения нанесли огромный ущерб: большинство оставшегося имущества в г. Вильно оказалось расхищенным во время военных событий, значительная часть вывезенного в Россию во время эвакуации инвентаря осталась в г. Рязани, это имущество в результате так и не смогли вернуть². Как упоминалось во второй главе работы, в сентябре 1918 г. местные советские органы изъяли весь инвентарь семинарии. В данном вопросе возникает противоречие: так, в июне 1922 г. ВДС получила сообщение от сотрудника, находящегося в г. Рязани, об охране оставшегося семинарского имущества. Правление выслало ему денежную помощь с просьбой и дальше его оберегать, в случае затруднений позволялось продавать «что-то не ценное»³. Дальнейших сведений об этой ситуации не встречается.

После возобновления деятельности семинарии в г. Вильно руководству пришлось восстанавливать материальное благосостояние школы в опустошенных помещениях. Существенным отличием в межвоенный период являлось то обстоятельство, что помещения Свято-Троицкого монастыря в 1919 г. заняли белорусские общественные группы, которые открыли здесь белорусскую гимназию и белорусскую начальную школу. По замечанию периодической печати, в 1921 г. «почти половина» зданий Свято-Троицкого монастыря по контракту переданы белорусским организациям⁴. В дореволюционный период комплекс зданий принадлежал исключительно ЛДС и самому монастырю. Кроме белорусских школ, в помещениях размещались еще белорусский приют, белорусский музей, Белорусское научное общество, Белорусский национальный комитет, Белорусские учительские курсы (педагогов начальных школ), Белорусский школьный совет, общежитие воспитанников, квартиры православного духовенства, преподавателей семинарии и белорусской гимназии, воспитанницы женской гимназии Поспеловой, сестры-монахини Виленского Мариинского женского монастыря⁵. Кроме этого встречается информация о том, что администрация принимала в общежитие детей-сирот⁶. Общежитие ВДС располагалось на втором этаже, аудитории – на первом и втором, столовая в подвале. Предположительно, с

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 225–227, 256, 259, 271–276, 469; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 99. – Л. 2; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 16–17; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 74.

² Васілевіч, В. Віленская праваслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 121–122.

⁴ Недоразумения на почве арендного договора // За Свободу! – 1926. – 16 июля. – № 160 (1891). – С. 4.

⁵ О Виленском динамите // За Свободу! – 1925. – 13 октября. – № 262 (1666). – С. 4; Обнаружение взрывчатых веществ в Вильне // За Свободу! – 1925. – 9 октября. – № 259 (1663). – С. 4; Недоразумения на почве арендного договора // За Свободу! – 1926. – 16 июля. – № 160 (1891). – С. 4; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 33; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 16–17.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 32.

учетом создавшейся ситуации, в базилианских мурах были очень стесненные условия проживания.

Виленская духовная семинария и белорусская гимназия определенное время пользовались общим инвентарем, в силу чего уже с момента открытия семинарии возникали спорные ситуации, когда, например, представители Белорусского клуба продавали некоторые вещи, а правление семинарии считала весь инвентарь своей собственностью и просила заплатить за проданные вещи¹.

Педагогический совет неоднократно подчеркивал необходимость ремонта зданий после ущерба, нанесенного военными событиями, однако речь о капитальном ремонте не шла в силу скудости финансовых средств первое послевоенное время. Виленская семинария вместе с белорусской гимназией проводила лишь небольшой ремонт в помещениях, находившихся в критическом состоянии². В начале 1924/1925 уч. г. сразу после преобразования в государственную школу был произведен ремонт учебных аудиторий, общежития и квартир сотрудников, «не подвергавшихся ремонту со времени Мировой войны и крайне в нем нуждавшихся»³. В 1927 г. Министерство выделило крупную сумму денег (15 тысяч злотых) для ремонта интерната, также более трех тысяч злотых на устройство читального зала и обновление коридоров и учебных аудиторий. Новую реформу 1927/1928 уч. г. ВДС встретила полностью отремонтированной и оборудованной⁴.

Учебный корпус был расположен таким образом, что каждый класс имел свою определенную аудиторию. За партами сидели по 2–3 воспитанника. За чистотой кабинета и свежестью воздуха следил дежурный из учащихся. По указу куратора ВУО следовало в каждом кабинете повесить портрет президента Республики, коридоры украшать фотографиями из жизни школы и декоративными рисунками⁵.

Необходимо отметить, что в рамках начавшейся политической общегосударственной акции, получившей название «ревиндикация», Виленский Свято-Троицкий монастырь несколько раз оказывался на грани возвращения к греко-католическому ведомству, что немедленно привело бы к закрытию семинарии. Еще в октябре 1920 г., когда произошел захват г. Вильно польской армией под командованием генерала Люциана Желиговского, по его же распоряжению здания Свято-Троицкого монастыря перешли в

¹ Там же. Л. 10, 27–28.

² Там же. Л. 121–122.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 16.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 44 об., 71–72; От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // Воскресное чтение. – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 2; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 12, 14; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 112–113; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 11.

собственность государства¹. Однако на практике это никак не проявилось, так как семинария и гимназия продолжали дальше ими пользоваться без каких-либо ограничений. Тем не менее существовали опасения, что в любой момент местные власти тогда еще Средней Литвы могут потребовать освободить все или часть помещений для своих нужд. Например, руководство ВДС в октябре 1921 г. постановило «в виду стремления польских властей захватить семинарские здания и возможных разных политических осложнений воздержаться от крупных затрат²», т. е. не производить дорогостоящий ремонт помещений. В июле 1922 г. прозвучала информация, что распоряжение главнокомандующего Желиговского об изъятии некоторой части недвижимого имущества из ведомства православного духовенства временно приостановлено. Вместо этого органами центральной власти в Варшаве планировалось решать судьбу Виленского Свято-Троицкого монастыря в рамках «общего вопроса» по возвращению законным владельцам «конфискованного» Российской империей имущества. Как писала периодическая печать, одному из виленских белорусских деятелей в Варшаве было замечено, что базилианские мурлы, в которых сосредоточено большинство белорусских учреждений, пока останутся при прежнем владельце³.

Одновременно с описываемыми событиями территория Средней Литвы окончательно вошла в состав Польской Республики, и начался процесс ее интеграции в юридическое поле государства. Предположительно по данной причине в 1923 г. вышло распоряжение делегата польского правительства в г. Вильно о повторном изъятии Свято-Троицкого монастыря из рук православного ведомства и передаче в распоряжение дирекции общественных работ в Вильно. Данное постановление основывалось на вышеуказанном декрете Л. Желиговского. Виленская духовная консистория сначала обжаловала данное решение перед высшей инстанцией, но после игнорирования жалобы подала в окружной суд судебный иск на право собственности Свято-Троицким монастырем⁴. В результате началась судебная тяжба, длившаяся около трех лет, во время которой обе стороны привлекали лучших юристов. Представители истца указывали, что потомки бывших униатов добровольно сохраняют Православную веру, в которую перешли их предки, поэтому бывшие униатские храмы и монастыри являются законной собственностью Православной, а не Католической Церкви или правительства. Представители ответчика приводили аргументы, что воссоединение униатов инициировано русским правительством и проведено насильственным образом, поэтому собственность бывшей

¹ По поводу судебного решения в Вильне // Воскресное чтение. – 1925. – 28 июня. – № 26. – С. 413–415.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 57.

³ К судьбе домов, находящихся в ведении православного духовенства // Виленское Утро. 1922. – 23 июля. – № 281. – С. 3.

⁴ Вильно // За Свободу! – 1926. – 17 августа. – № 187 (1918). – С. 4.

Униатской Церкви должна пока принадлежать римо-католикам. Судебное дело касалось не только базилианских муров, но еще десяти домов в старой части города. В итоге в июне 1925 г. окружной суд удовлетворил иск духовной консистории и признал право на спорные владения за православным ведомством, прокурор в свою очередь обжаловал приговор в апелляционной инстанции, комментируя это следующим образом: «Церковь цареславия не может быть признаваема законной наследницей литургического Православия». Судебное решение вызвало ажиотаж в польской печати и в среде польского населения Виленского общества в связи с вышеуказанными историческими обстоятельствами – базилианские «муры» принадлежали Греко-Католической Церкви свыше 200 лет, поэтому непременно считались ее собственностью¹.

В процесс одновременно включился директор государственно архива г. Вильно Вацлав-Гизберт Студницкий. Еще в 1923 г. он прислал письмо архиепископу Виленскому Феодосию (Феодосиеву) с просьбой освободить левое крыло семинарского корпуса для нужд архива, на что последовал ответ, что данные помещения заняты Белорусским комитетом согласно арендному договору, действующему до 1926 г.² Резонансное решение окружного суда в 1925 г. административные власти города проигнорировали и выдали распоряжение передать помещения, используемые белорусской начальной школой, в пользование государственного архива. Очевидно, что указ появился по просьбе самого директора В. Студницкого, тем более что последний явился на место с полицейскими и начал силой выдворять воспитанников из их комнат. В конфликт вмешался В. В. Богданович, пытавшийся защитить учащихся, однако полицейские угрожали применением силы в случае неповиновения. Дело касалось, в том числе, семинарского общежития, поэтому ее инспекция предупредила В. Студницкого, что куратор ВУО предоставил освобождаемое помещение в распоряжение семинарии, однако комиссар правительства поддержал директора архива и отдал приказ полиции выбросить инвентарь, опечатать помещение и поставить караул³. По информации, относящейся к 1928 г., запечатанное помещение так и осталось пустовать без дальнейшего применения⁴.

Католическое церковное руководство также было заинтересовано поддержать позицию В. Студницкого, так как архивные документы из государственного архива хранились в Виленском Францисканском монастыре и

¹ Церковная жизнь // Воскресное чтение. – 1924. – 27 июля. – № 25. – С. 392; По поводу судебного решения в Вильне // Воскресное чтение. – 1925. – 28 июня. – № 26. – С. 413–415.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 131–139.

³ Депутат Сейма В. Рогуля. Насильственное выселение Виленской семинарии / Депутат Сейма В. Рогуля // За Свободу! – 1925. – 27 октября. – № 274 (1678). – С. 4; Насилие над Виленской Духовной Семинарией // Воскресное чтение. – 1925. – 13 декабря – № 50. – С. 796–797.

⁴ ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 1952. – Л. 221–221 об.

представлялось выгодным перенести этот груз в помещения Свято-Троицкого монастыря.

В мае 1926 г. начались слушания о деле базилианских муров в апелляционном суде. В этот раз в судебный процесс активно включились представители от греко-католического униатского движения под предводительством бывшего ректора ВДС архимандрита Филиппа (Морозова), который позиционировал себя выразителем интересов ордена базилиан. Периодическая печать даже сообщила, что это именно униаты запустили дело ревиндикации по отношению к Свято-Троицкому монастырю¹, однако тут лишь можно констатировать противоречивость фактов, так как по вышеуказанной информации конфликт начался еще со времени занятия г. Вильно польскими войсками в 1920 г.

18 августа 1926 г. Виленский апелляционный суд отменил решение Виленского окружного суда и признал спорные здания собственностью польского государства. Через два месяца планировался приезд в Вильно монахов базилиан, которые намеревались требовать передачи монастырских зданий в пользу их ордена². Над ВДС и белорусской гимназией нависла угроза выселения, однако больше информации о данном предприятии не встречается. Виленский Свято-Троицкий монастырь так и продолжал официально находиться в списке объектов, подлежащих ревиндикации даже в 1932 г.,³ но по неизвестным причинам планы Католической Церкви не осуществились. Скорее всего, затруднения вызвал совершенно изменившийся характер ВДС, которая стала государственным учебным заведением, и соответственно ее права на обладание классными аудиториями и интернатом учащихся уже защищались Министерством РИиНП и куратором ВУО.

Последнее предположение отчасти подтверждается поведением Министерства РИиНП в споре ВДС с Виленской белорусской гимназии, где чиновники Министерства встали на сторону семинарии. Как уже упоминалось во второй главе исследования, тесное размещение двух учреждений под одной крышей в итоге привело к большому конфликту, разразившемуся в 1923 г. После смены ректора на епископа Антония (Марценко) в 1924 г. наступило временное затишье, однако с приближением даты окончания договора (август 1926 г.) на право белорусскими организациями использовать помещения Свято-Троицкого монастыря ситуация вновь обострилась. В мае 1925 г. педагогический совет ВДС информировал Министерство о «ненормальных

¹ Дело о доме № 9 по Остробрамской улице // Виленское Утро. – 1926. – 25 апреля. – № 1639. – С. 3; Дело по дому № 9 по Остробрамской улице // Виленское Утро. – 1926. – 26 апреля. – № 1640. – С. 3; Наблюдатель. Православная жизнь на Виленщине / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 29 апреля. – № 98 (1829). – С. 3.

² Наблюдатель. Письмо из Вильны / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 21 августа. – № 191 (1922). – С. 4; Новая угроза Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 3 ноября. – № 253 (1984). – С. 3.

³ Ревиндикация в освещении статистики // Воскресное чтение. – 1932. – 19 июня. – № 25. – С. 362.

отношениях» между двумя учреждениями в одном здании и просил в порядке административного распоряжения выселить все белорусские организации из семинарского здания. В противном случае данное обстоятельство грозило весьма вредно отразиться на воспитательной стороне духовной школы, так как 2/3 воспитанников вынуждены проживать на частных квартирах из-за нехватки места в интернате¹. Через месяц, в июне 1925 г., после вышеуказанного решения Виленского окружного суда о признании базилианских муров собственностью православного ведомства Министерство обратилось к высшим духовным властям с предложением увеличить площадь интерната семинарии, дабы все воспитанники могли там поселиться². Разумеется, увеличение общежития семинарии могло произойти только за счет уменьшения площади, занимаемой белорусскими организациями.

Ко времени окончания вышеупомянутого договора между ВДС и Белорусским комитетом директор Виленской белорусской гимназии Радослав Казимирович Островский заранее заручился поддержкой архиепископа Феодосия, а также «друзей» из членов духовной консистории, обещав взамен помощь в эвакуации некоторых церковных ценностей из советской России. Все это держалось втайне от администрации семинарии. Консистория приказала временно управляющему Свято-Троицким монастырем иеромонаху Савве³ заключить уже готовый проект нового договора с белорусской гимназией. На следующий день, узнав о случившемся, ректор и директор ВДС немедленно направили рапорт митрополиту Дионисию, последний вместе с Священным Синодом поручил Виленской духовной консистории пересмотреть дело заново, на более выгодных для семинарии условиях. Договор, подписанный иеромонахом Саввой, прекратил свое действие⁴. Показательно, что в данной ситуации вырисовываются внутренние отношения между епархиальным руководством Виленской епархии и администрацией местной духовной школы. Очевидно, что последняя больше надеялась на покровительство Варшавской церковной власти.

Виленская белорусская гимназия осталась в помещениях Свято-Троицкого монастыря, но двусторонние жалобы и попытки найти свою выгоду не остановили конфликт и в дальнейшем. В 1928 г. председатель Общества белорусской школы Александр Власов извещал куратора ВУО, что белорусская гимназия занимает только 1/3 часть зданий Свято-Троицкого монастыря (в 1921 г. почти 1/2 часть, по информации газеты «За Свободу»), и время от

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 74.

² Помещение белорусской гимназии // Виленское Утро. – 1925. – 13 июня. – № 1327. – С. 4.

³ Фамилию не удалось выявить.

⁴ Недоразумения на почве арендного договора // За Свободу! – 1926. – 16 июля. – № 160 (1891). – С. 4; Белорусская гимназия без помещения // За Свободу! – 1926. – 17 сентября. – № 215 (1946). – С. 3; ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 54. – Л. 32.

времени помещение гимназии уменьшается¹. В польской историографии неоднократно встречается утверждение, что белорусская гимназия подверглась выселению из стен базилианских муров еще в 1922 г., может быть, по причине ошибки источника².

В дореволюционный период ректор ЛДС одновременно состоял в должности настоятеля Свято-Троицкого монастыря. Чаще всего кандидат на место ректора являлся иеромонахом, кандидатом или магистром богословия, который при назначении на должность руководителя духовной школы посвящался в сан архимандрита и становился настоятелем монастыря. В межвоенный период ситуация несколько изменилась: ректоры архимандрит Филипп и епископ Антоний одновременно являлись настоятелями монастыря³, с другой стороны, первый ректор В. В. Богданович был мирянином. Многолетний ректор Николай Тучемский состоял в сане протоиерея, поэтому вместо него на должность настоятеля назначались архимандриты из числа братии Виленского Свято-Духова монастыря. Источники сохранили лишь их монашеские имена: архимандрит Варнава (примерно в 1919–1924 гг.), иеромонах Савва (1926 г.), архимандриты Макарий (умер в 1934 г.) и Иона (1934–1939)⁴. Также в документах не нашлось никакого упоминания о монашествующих Свято-Троицкого монастыря. Скорее всего, при создавшемся дефиците помещений и в силу того положения, что совсем рядом находился Свято-Духов монастырь, не было необходимости в постоянных насельниках. Такое предположение объясняет намерение Священного Синода упразднить мужской Свято-Троицкий монастырь и вместо его образовать женскую обитель, объединяющую Березвецкий и Виленский Мариинский монастыри⁵. Данное решение было вынесено в 1926 г., однако на практике не осуществилось, в свою очередь, сестры из данных монастырей по факту и так проживали в помещениях Свято-Троицкого монастыря.

После государственной аккредитации ВДС финансовая помощь от правительства касалась только ее личного состава и учебных аудиторий. Храм Свято-Троицкого монастыря оказался в тяжелом материальном положении, так как окончательно лишился всех земельных участков, впоследствии духовенство обращалось за помощью к государству: просили провести ремонт разваливающейся крыши⁶. 20 декабря 1937 г. комиссия из Воеводского

¹ ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 1952. – Л. 220–222.

² Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce. S. 599; Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. S. 280–281; Pawluczuk, U.A. Seminaria duchowne w Krzemieńcu i w Wilnie. S. 162–163.

³ Настоятель Виленского Свято-Троицкого монастыря // Воскресное чтение. – 1926. – 22 февраля. – № 8. – С. 123.

⁴ Кончина о. архимандрита Макария // Слово. – 1934. – 25 марта. – № 24 (235). – С. 1; Новый настоятель Виленского Св. Троицкого монастыря // Слово. – 1934. – 11 февраля. – № 12 (223). – С. 1; Недоразумения на почве арендного договора // За Свободу! – 1926. – 16 июля. – № 160 (1891). – С. 4.

⁵ Объединение монастырей // Виленское Утро. – 1926. – 7 апреля. – № 1621. – С. 3.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 121.

управления после проведенного осмотра храма пришла к выводу об опасности его дальнейшей эксплуатации. Комиссия составила протокол, согласно которому богослужения в здании не могут продолжаться, в результате чего вход в храм был запечатан¹. 14 февраля 1938 г. состоялось освящение семинарского храма в честь апостола Иоанна Богослова в учебном корпусе вместо закрытой Свято-Троицкой церкви².

3.7.2 Епархиальная и государственная финансовая помощь

Уровень государственной и епархиальной помощи всегда напрямую зависит от финансово-материального положения в стране, поэтому вначале следует отметить, что экономика Польской Республики на протяжении всего межвоенного периода испытывала серьезные трудности. В особой степени это касается 1918–1923 гг., когда в качестве денежной валюты использовалась польская марка, курс которой постоянно падал, что приводило к безудержной инфляции. Уровень безработицы в стране колебался от 20 до 50% среди рабочих. Недовольное население регулярно инициировало массовые митинги, забастовки и даже крупные вооруженные столкновения с военными. После «Майского» государственного переворота в 1926 г. ситуация в стране начала стабилизироваться, однако уже в 1929 г. из-за мирового экономического кризиса положение опять ухудшилось. Достоин удивления тот факт, что при вышеописанной ситуации из бюджета государства всегда выделялись огромные суммы на военные нужды, например, в 1931 г. данные расходы составляли 70 %³.

Хотя г. Вильно в 1920–1922 гг. находился на территории марионеточного государства «Срединная Литва», материальное положение населения от этого еще больше страдало, так как между Виленским краем и Польшей фактически прекратилась торговля, которая стала свободной лишь в апреле 1922 г⁴. Народ Виленщины и Гродненщины после войны проживал очень бедно и даже впроголодь, так как многие пережили эвакуацию и возвращение, потеряли все имущество. Большая часть священников в первое время тоже были лишены денежных средств, что делало сборы дополнительной оплаты в пользу духовной школы почти невозможными. В этом аспекте Кременецкая духовная семинария находилась в более выгодном положении, так как народ Волынщины после Первой мировой войны жил значительно лучше, чем на территории бывшего Северо-Западного края⁵.

¹ Еще о закрытии храма Свято-Троицкого монастыря // Слово. – 1938. – 2–9 января. – № 1–2 (434–435). – С. 2.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 212. – Л. 57.

³ Краткая история Польши. – М.: Наука, 1993. – С. 264, 268–269, 275, 283, 289.

⁴ Виленские письма // За Свободу. – 1924. – 27 мая. – № 138. – С. 3.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 11.

Разумеется, главным отличием возрожденной ВДС от периода в Российской империи была потеря государственного финансирования. Семинария в 1919 г. открылась как частное учебное заведение и содержалась почти исключительно на епархиальные средства. С другой стороны, в период 1919–1921 уч. гг. действовали только два класса, штат учебного заведения состоял из пяти преподавателей и одного сторожа, поэтому не требовались большие средства для поддержания духовной школы. В силу этого в означенный период руководство даже не требовало от учащихся платы за обучение или продуктов питания, так как в общежитии жили лишь отдельные воспитанники¹.

В 1919–1922 гг., кроме сугубо епархиальных средств, семинария имела также несколько других второстепенных финансовых источников. В архивных данных сохранилась фрагментарная информация об оставшемся после военных событий земельном имуществе ВДС. Руководство сдавало в аренду неиспользуемую бывшую семинарскую баню, конюшню, сарай, оставшийся в собственности учреждения один плац в городе². В других случаях недвижимое имущество не только сдавалось в аренду, но и продавалось³. Кроме земельного имущества определенная сумма денег хранилась в Варшавском Промышленном банке с целью получения процентов⁴. Иногда частные лица или организации жертвовали определенные суммы в семинарский бюджет. Так помещик А. А. Божерянов в октябре 1921 г. через священника Иоанна Левицкого пожертвовал 1000 царских рублей⁵. В мае 1922 г. пришла помощь от Варшавского комитета по делам русских школ в размере 20 тысяч польских марок⁶. Неоднократно архиепископ Виленский и Лидский Елевферий (Богоявленский) присылал деньги в семинарскую кассу в пользу беднейших воспитанников или лучшего перворазрядника в текущем году, а также в период преподавания отказался от зарплаты⁷.

Достоин внимания тот факт, что Виленская семинария получала денежную помощь от польского правительства еще задолго до ее перевода в разряд правительственных школ. Финансировать частные русские школы правительство было совершенно не обязано, тем не менее через три месяца после открытия пастырских курсов, 2 апреля 1920 г., значится первая помощь в размере 45 тысяч польских марок⁸. В 1921 г. ректор В. В. Богданович

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 16–17.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 14, 111, 113–114, 118, 121–122; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 77.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 18.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 77.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 15.

⁶ Там же. Л. 118.

⁷ Там же. Л. 8, 44–45, 46–47, 49–50, 110.

⁸ Там же. Л. 8.

встречался с представителями «Срединной Литвы» и обсуждал возможность назначения регулярного пособия на семинарские нужды из городской казны. Переговоры увенчались успехом, и за восемь месяцев власти ассигновали 270 тысяч польских марок (по 30 тысяч каждый месяц). Вместе с этим департамент земледелия и лесов выделял для семинарских нужд бесплатные дрова. В 1922 г. правительство продолжало выплачивать уже по 100 тысяч польских марок ежемесячно, также предложив руководству семинарии составить смету на содержание учреждения на первое полугодие 1923 г. Администрация намеревалась просить денежную помощь в размере 600–700 тысяч польских марок, однако случился вышеописанный конфликт митрополита Георгия (Ярошевского) с архиепископом Феодосием (Феодосиевым) в сентябре-ноябре 1922 г.¹ После смены администрации Виленское городское правление перестало выплачивать деньги семинарии.

В целом, благодаря административным талантам ректора В. В. Богдановича в период 1919–1921 уч. гг. не приходилось испытывать финансовых проблем на таком уровне, чтобы поднимался вопрос о закрытии учебного заведения. Обучение в семинарии было совершенно бесплатным и более того – иногда руководство предоставляло материальную помощь своим ученикам².

В начале 1921/1922 уч. г. с открытием десяти классов семинарии в связи с большим количеством поступивших учеников расходы духовной школы многократно увеличились. В силу последнего правление установило обязательные денежные взносы «за правоучение» для воспитанников, также педагогический совет постановил помимо местной Виленско-Литовской епархии просить еще Гродненскую и Пинско-Новогрудскую епархии оказывать семинарии материальную помощь, ввиду того, что из означенных епархий поступало немало воспитанников. Согласно имеющимся данным, епархиальные взносы выплачивались очень нерегулярно и в крайне недостаточных объемах. В 1921 г. семинария получила приход только из Виленско-Литовской епархии в размере 360 тысяч польских марок³. В 1922 г. пришла только одноразовая помощь от Гродненской епархии в размере 60 тысяч польских марок и ежемесячная выплата в 3 тысяч марок от Литовского епархиального собрания⁴. Материальная помощь, по всей видимости, не являлась строго регламентированной и зависела от местности и требований благочинного. Например, иногда настоятели отправляли взносы напрямую в семинарскую

¹ Там же. Л. 19, 30–31, 86–87, 121–122, 126.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 12 об., 15. В этом отношении нельзя согласиться с утверждением Г. А. Острога, что «адчувалася вострая нястача фінансаў (...) не кажучы ўжо аб матэрыяльнай дапамозе вучням». Острога, Г.А. Віленская духоўная семінарыя ў пачатку 20-х гг. XX ст.: новы этап у дзейнасці. С. 154.

³ Хроника // ЛЕВ. – 1921. – Октябрь. – № 3. – С. 2.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 25–26, 110.

кассу, иногда через благочинного или консисторию. Священники, присылающие средства в семинарию, называли их «подушным сбором», который направлялся на школьные принадлежности воспитанникам – выходцам из той местности. По другим данным, благочинные собирали средства из всех приходов. Размер оплаты устанавливался консисторией в зависимости от материального положения прихода и колебался в размерах 6–50 злотых за учебный год¹. В протоколах епархиальных собраний отображены жалобы духовенства на «абсолютное отсутствие свободных ресурсов в бюджете епархиальных средств», в силу чего не могло быть речи о существенной помощи Виленской семинарии².

Таким образом, в период ректорства В. В. Богдановича семинарию финансово больше поддерживало правительство, чем епархиальное духовенство. Ректор был недоволен такой сложившейся ситуацией и в августе 1922 г. постановил взимать с «иноепархиальных» учеников дополнительную плату за правоучение³.

После смены руководства семинарии в январе 1923 г. последовал указ от митрополита Георгия (Ярошевского) на основании ходатайства епископа Александра (Иноземцева) впредь взysкивать с уроженцев Пинской епархии плату только напрямую беднейшим воспитанникам из Пинской епархии, а не в общую семинарскую кассу⁴. В ответ правление ВДС тоже составило рапорт-жалобу митрополиту Георгию о том, что Гродненская епархия аналогично присылало взносы лишь в пользу беднейших воспитанников ее епархии. Однако даже в этом случае за 1923/1924 уч. г. лишь несколько церквей означенных епархий представили требуемые сборы, что составляло 50–60% от требуемой суммы малоимущим ученикам⁵. В Виленской епархии сложилась почти идентичная ситуация – епархиальное собрание выделило 3750 злотых для духовной семинарии, однако в итоге удалось собрать не более 50–60% по причине неуплаты многими приходами и некоторыми благочинными⁶.

В следующем 1924/1925 уч. г. епархиальные взносы остались нерегулярными. В частности, педагогический совет в 1924 г. снова отметил, что «до сего времени ассигнованные от Гродненской епархии на семинарию суммы поступили лишь от нескольких церквей»⁷.

Расходы учебного заведения в большей части шли на зарплату преподавателям, а также на отопление, разные коммунальные налоги и ремонт помещений. Часть расходов покрывала Виленская белорусская гимназия,

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 217; ЛЦГА. 220. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 1–270.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 21 об.

³ Там же. Л. 88–90.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 24 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 18.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 1 об.

которая пользовалась общими зданиями, например, по условиям договора отапливала учебные аудитории (дровами). Вечером, когда начинались занятия семинарии, тепло еще сохранялось, поэтому полученные бесплатно или за сниженную цену от польского правительства дрова использовались сотрудниками для отопления своих квартир¹.

До 1924–1925 гг. зарплаты преподавателей семинарии разительно отличались от таковых в других учебных заведениях. В апреле 1920 г. средняя зарплата учителей средних школ варьировалась в размере 700–1000 польских марок в месяц, семинарские педагоги получали 180–300 марок в месяц. Вместе с этим, примерно до сентября 1921 г., все лица, исполнявшие административные должности, отказались от дополнительного вознаграждения. В октябре 1920 г. средняя заработная плата учителей возросла до 2400 польских марок в месяц, руководство семинарии «ввиду ограниченности средств» для сотрудников решило платить половину от означенной средней зарплаты, т. е. 1200 польских марок². В январе 1921 г. оклады учителей возросли на 100–150%, семинария повысила вознаграждение до 800–1000 польских марок за недельный урок³. Как сообщала периодическая печать, по состоянию на февраль 1921 г. минимум заработной платы взрослого рабочего равнялся 1600 польских марок в день. Прожиточный минимум для рабочего с семьей из трех лиц составлял 1500 польских марок в день⁴. Посчитать точные доходы сотрудников семинарии является затруднительной задачей, так как информация в источниках представлена слишком фрагментарно, при этом курс марки был очень нестабильным и менялся каждый месяц. По приблизительным подсчетам можно утверждать, что на февраль 1921 г. сотрудники духовной школы получали суточный минимум только один-два раза в неделю, однако нужно учитывать, что многие одновременно работали в других местах по совместительству.

Вознаграждение с 800–1000 польских марок к лету 1921 г. возросло до 2500⁵. В сентябре, с открытием десяти классов и приглашением многих преподавателей, руководство приняло решение зарплату рассчитывать за каждый проведенный урок в размере 500 польских марок за один учебный час. Одновременно стали оплачиваться административные должности: ректор получал оклад в размере 12 почасовых уроков, инспектор – 10, секретарь – 8, библиотекарь – 4, экономайстер – 6, делопроизводитель – 4⁶.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 16–17.

² Там же. Л. 8, 14.

³ Там же. Л. 19, 110.

⁴ Минимум заработной платы; Прожиточный минимум // Виленское Утро. – 1922. – 13 февраля. – № 124. – С. 3.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 86.

⁶ Там же. Л. 29, 57.

Во второй половине 1923 г. постоянно падающий курс польской марки стал еще более нестабильным. Зарплаты преподавателей достигли размера в 100 тысяч польских марок за недельный урок.

В апреле 1924 г. Польский банк ввел новую валюту – злотый. Один злотый обменивался на 1,8 млн. польских марок. Также 5 млн. марок приравнивались к бывшему одному золотому российскому рублю¹.

Виленская духовная семинария на тот момент оказалась в крайне тяжелом материальном положении. В 1923/1924 уч. г. происходил вышеописанный конфликт с Виленской белорусской гимназией, немалая часть учеников не платили взносы и в итоге отчислялись из семинарии, на плечи духовной школы легла вынужденная обязанность нести большие расходы по отоплению классных помещений, так как белорусская гимназия отказалась это делать. Семинарский бюджет позволял платить учителям только очень низкие зарплаты, которые были до пяти раз меньше, чем в других учебных заведениях². На счету семинарской кассы практически никогда не было денег, так как поступающие средства тут же расходовались на самые необходимые нужды. Митрополит Дионисий (Валединский) писал в Министерство РИиНП, что «в настоящее время положение семинарии является необычайно тяжелым, что угрожает в недалеком будущем самому существованию духовной школы в Польше»³. Плата за правоучение воспитанников и дальше определялась как «единственный почти источник существования Семинарии»⁴, однако в учебном заведении большинство учащихся происходили из бедных сельских семей, проживающих в очень скромных условиях. Правление в определенной мере не имело другого выхода, как освободить от оплаты многих таких воспитанников, так как в противном случае им пришлось бы отчисляться ввиду совершенной неспособности оплатить учебу. В результате этого собранных денежных взносов за обучение не хватало даже для оплаты труда преподавателей⁵.

Перечисленные обстоятельства послужили мощным мотивирующим толчком принять условия Польского правительства и перейти на государственное финансирование, что и было сделано. В мае 1924 г. куратор ВУО заявил о готовности оплачивать четыре штатные должности в ВДС⁶. В конце сентября того же года после официального преобразования в правительственное учреждение школьные власти утвердили штат из 20 преподавателей, которые полностью содержались за счет государственного

¹ Краткая история Польши. С. 269.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 4–4 об.

³ Pawluczuk, U. A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej*. S. 279.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 9–9 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 81.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 32.

бюджета. Сотрудники приняли помощь с «живейшей благодарностью» и уведомили куратора о полной готовности руководствоваться педагогическими пожеланиями учебного округа¹. Следует признать, что такая позиция педагогов духовной школы вполне объяснима после вышеописанного опыта прежних лет, когда их труд крайне мало оплачивался и само положение учебного заведения было нестабильно.

Изначально педагоги получали по 5 злотых за проведенный урок, позднее оплата за один час определялась категорией учителя (*grupa uposażenia*) и в среднем составляла приблизительно 8–10 злотых за урок. Заработные платы преподавателей колебались от 90 (контрактники с малым количеством уроков) до 400 (администрация) злотых. Для сравнения: прожиточный минимум в Польской Республике составлял 150 злотых².

В 1924/1925 уч. г., после состоявшейся государственной аккредитации, бюджетные средства направлялись в основном на покрытие расходов на преподавательскую работу и помощь бедным воспитанникам. Все другие расходы, такие как содержание инспекторского надзора, коммунальные платежи по общежитию, содержание эконома, низших служащих, канцелярии, отопление и электрическое освещение учебных помещений, по одним источникам, остались на попечении только самой семинарии, по другим – коммунальные платежи, дрова, школьные принадлежности, новый инвентарь и даже пищевые продукты оплачивались за счет государства³. В целом ВДС начала получать действительно крупные суммы из государственного бюджета: в 1924 г. – всего 27845 злотых, в 1925 г. – 31218 злотых и впоследствии сохранилась тенденция получения семинарией около 30 тысяч злотых за год⁴.

Государственные средства помогли провести ремонт и обеспечить новым инвентарем библиотеку, учебные аудитории, лечебный кабинет, провести ремонт здания. Руководство закупило новый дорогой эпидиаскоп (проектор) с более чем 100 картинками с картами мира, рисунками животных; также пианино, множество приборов для физического кабинета. Кабинет природоведения также кардинально обновился после закупки различных моделей животных, образцов цветов, деревьев, зерновых культур, овощей и фруктов⁵. В 1932 г. с помощью государственных средств руководство открыло

¹ Там же. Л. 7 об.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 2; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 626; Микуленок, А. А. Положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920–1930-е гг. С. 54.

³ О пособиях от епархии Виленской Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 27 марта. – № 13. – С. 168; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 15 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 35; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 8; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 311. – Л. 4 об., 7, 9 об., 11 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 21, 43, 45, 106, 118.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 311. – Л. 1–5, 8 об., 9 об., 11 об.–16 об; Расходы на интернаты при богословских школах // Слово. – 1935. – 15 декабря. – № 50 (335). – С. 1; Кредиты на содержание православных интернатов // Слово. – 1934. – 11 ноября. – № 67 (278). – С. 5.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 324. – Л. 31, 43, 45, 67, 89, 94–96, 103, 106, 111, 118, 136–139, 147, 153, 156, 159, 172.

читальный зал (*światlica*), в котором учащиеся имели возможность читать литературу, знакомиться с новыми номерами периодических изданий, пользоваться историческими и географическими картами, в отведенные часы послушать радиоприемник¹.

Куратор ВУО требовал полного и подробного отчета об израсходовании государственных средств, поэтому семинария присылала квитанции о покупке каждого товара или услуги².

В свою очередь богословские классы ВДС в период 1925–1927 гг., несмотря на свой статус частных курсов, тоже получали регулярную финансовую помощь от Министерства РИиНП в размере 5 тысяч злотых в три месяца, после соответствующей просьбы ректора. По сообщению правления школы, этой суммы едва хватало на покрытие расходов по заработным платам персонала³. Также государство многократно присылало единовременные пособия для всех проживающих в общежитии семинарии⁴.

После начавшегося государственного финансирования епархиальные взносы не потеряли своей актуальности. В 1927 г. Священный Синод официально постановил, чтобы каждая из трех епархий, посылающая воспитанников на учебу в ВДС, отпускала денежные средства на содержание в интернате бедных воспитанников духовного звания. Также имеется заметка, что до сего времени (1927 г.) данные епархии уже регулярно присылали финансовую помощь⁵.

Сохранились сведения о том, что епархиальные взносы продолжались и в период 1930-х гг., однако в небольших размерах. В 1929 г. начался Мировой экономический кризис, вновь осложнивший финансовое положение Польской Республики. Чуткая к экономическим кризисам Виленско-Лидская епархия в 1934 г. на проходившем собрании духовенства озвучила ситуацию с тяжелым материальным положением в епархии, где в некоторых местах даже не хватало хлеба. В епархиальном управлении образовался долг в 26 тысяч злотых, погасить который представлялось чрезвычайно трудным. Ректор семинарии протоиерей Николай Тучемский, учитывая такое положение, отказался от субсидии со стороны епархии на нужды семинарии в ежегодные 1200 злотых⁶. Предположительно, Гродненская и Пинская епархии обязывались платить примерную вышеуказанную ежегодную сумму. В этом аспекте вторая духовная

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 11 об., 42 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 324. – Л. 1–251.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 138; ЛЦГА. Фонд 220. Оп. 1. – Д. 278. – Л. 89–90, 122, 125–128; Виленец. Полонизация Виленской духовной семинарии / Виленец // За Свободу! – 1925. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 4.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 62 об., 80 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 72, 77, 84–85 об., 128 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 173, 209.

⁵ О пособиях от епархии Виленской Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 27 марта. – № 13. – С. 168.

⁶ О. Ф. Виленское епархиальное собрание представителей духовенства и мирян / О. Ф. // Слово. – 1934. – 4 февраля. – № 10 (221). – С. 2.

семинария в Польской Республике, располагавшаяся в г. Кременец, демонстрировала совершенно другой пример, когда в силу достаточной поддержки местного украинского духовенства не просила никакой материальной поддержки у государства¹.

Таким образом, ВДС переживала крайне стесненное материальное положение, будучи средней частной школой, и значительно улучшила ситуацию после перехода на государственное содержание. Нет сомнения, что без помощи правительства пришлось бы закрыть учреждение еще на раннем этапе деятельности, ввиду того, что большинство учащихся не были способны внести полную сумму за обучение, а также в силу совершенно недостаточной финансовой помощи из трех епархий. Потребность в регулярных государственных дотациях послужила одной из ключевых предпосылок необходимости интегрировать семинарию в систему польского школьного образования.

3.7.3 Плата за обучение, стипендии

В отличие от положения в современных духовных школах Русской Православной Церкви, на протяжении всей Синодальной эпохи обучение было платным. Изначально «Духовный регламент» 1721 г. предусматривал обязательное обучение только для сыновей наиболее обеспеченных священников, но позже указ распространился на все духовное сословие, в результате чего в духовных школах появилась группа детей малоимущих священнослужителей. Впоследствии образовались две категории учащихся: казеннокоштные и своекоштные. Данные слова происходят от немецкого *kosten* – «стоять», от которого, в свою очередь, образовалось украинское и белорусское слово *кошт* – «стоимость, содержание»².

С открытием ЛДС в 1828 г. администрация постановила разделять воспитанников на три разряда: своекоштные, полукоштные и казеннокоштные. Доля своекоштных в учебном заведении состояла лишь в пределах 6–28% с тенденцией к увеличению к 1867 г. Например, в 1845 г. в семинарии содержались 150 бесплатных мест для учащихся, вдобавок к этой немалой цифре митрополит Иосиф Семашко учредил 15 казенных мест для бедных детей родителей не из духовного звания. После 1845 г. количество казенных вакансий стало уменьшаться и в 1878 г. насчитывало уже только 70 мест. Вследствие увеличения числа кандидатов, претендующих на бесплатное обучение, руководство осознало необходимость ужесточения правил,

¹ Мемориал Священного синода православной церкви в Польше на имя г. председателя совета министров Александра Скшинского, от 19 декабря 1925 года // Слово. – 1926. – 16 января. – № 12 (1743). – С. 3.

² Смолич, И. К. История Русской Церкви. С. 399.

регламентирующих данный отбор. Не осталось прежней практики устного заступничества, в основном применявшейся лишь митрополитом Иосифом, который мог единолично распределять учеников по разрядам, так как прекрасно знал духовенство Литовской епархии. Правление требовало документированное свидетельство от благочиния, свидетельствующее о действительной бедности воспитанника. В период действия устава 1884 г. Хозяйственное управление Святейшего Синода распорядилось о том, чтобы казенные ученики составляли не больше половины учащихся, в результате чего количество таких учащихся в ЛДС насчитывало примерно 70–85 человек¹.

В межвоенный период деятельности в ВДС не осталось отдельной категории казеннокоштных или полукоштных учащихся. По умолчанию все воспитанники были обязаны платить взносы за обучение, однако администрация могла освобождать полностью или частично от платы в порядке отдельных прошений, а не установлением отдельной категории казенных учеников. Исключение составляли первые два года деятельности учреждения (1919–1921), а также богословские классы в 1921/1922 уч. г. Кроме платы за учебу пользующиеся общежитием делали дополнительный взнос за проживание и содержание. После крушения Российской империи учебное заведение потеряло государственное финансирование, поэтому в новых государственно-политических условиях основным источником доходов семинарии являлась плата за обучение учащихся. В документах того периода взнос назывался платой за «правоучение»².

Изначальная плата за правоучение при поступлении в сентябре 1921 г. составляла 5 тысяч польских марок, желающие поселиться в общежитии еще доплачивали 2 тысячи польских марок или предоставляли пищевые продукты. В последнем случае на полгода требовалось: 50 фунтов (20 кг) ржаной муки, 10 фунтов (4,1 кг) ячменной крупы, 7 фунтов (2,9 кг) жиров – свиного и постного, 1 фунт (400 г) грибов, 2 пуда картошки (33 кг), также капусты, гороха, лука, брюквы, свеклы и прочих овощей по возможности³. На второе полугодие администрация увеличила плату в два раза – 10 тысяч польских марок, в свою очередь, взнос за проживание в общежитии увеличился с 2 до 4 тысяч марок или пищевые продукты⁴. Необходимо отметить, что даже вдвое повышенная плата была почти в три раза меньше, чем в других частных русских школах. Так, в местной прессе родитель одного из учащихся гимназии Виленского русского общества выражал недовольство, что на второе полугодие 1921/1922

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 67–69, 110, 227, 264, 384–385, 392, 408, 472.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 35 об.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 29.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 46–46 об., 60 об.; Объявление // ЛЕВ. – 1921. – Август. – № 1. – С. 4; Объявление // ЛЕВ. – 1921. – Декабрь. – № 4–5. – С. 6.

уч. г. налог за учебу поднялся с 24 до 29 тысяч польских марок¹, из чего видно, что администрация ВДС требовала значительно меньше денежных средств за учебу. Этот факт впоследствии подтвердил и ректор семинарии В. В. Богданович².

В новом 1922/1923 уч. г. правление духовной школы объявило об очередном увеличении платы за правоучение – 25 тысяч польских марок, также пищевые продукты для проживающих в общежитии или денежный аналог в 75 тысяч марок³. В связи с резким падением курса польской марки сумма, установленная на второе полугодие, достигла 75 тысяч и 100 тысяч соответственно для вольнослушателей, так как ввиду их слабых познаний преподавателям приходилось работать с ними сверх положенных часов. 120 тысяч польских марок отдельно платили ученики восьмого класса, так как их класс недавно открылся с небольшим количеством учащихся, соответственно оплата за преподавательский труд ложилась на плечи меньшего числа учащихся⁴. Тем не менее, как оказалось, семинарская касса преждевременно опустела, и по распоряжению ректора архимандрита Филиппа (Морозова) во втором полугодии потребовалось дополнительно по 65 тысяч польских марок от всех учащихся и по 100 тысяч отдельно от вольнослушателей и учеников восьмого класса⁵.

Кроме взносов за правоучение и проживание в общежитии, администрация начала требовать плату за сдачу экзаменов. Подобное нововведение появилось при ректоре архимандрите Филиппе с 1923 г. Плата за весенние экзамены в младших классах определялась в размере 20 тысяч польских марок, в августе 1923 г. за вступительные экзамены уже требовалось по 40 тысяч, для поступающих в богословские классы – 50 тысяч. Для пересдающих в осеннюю сессию экзамены была установлена плата в размере 50 тысяч польских марок и 100 тысяч для пересдачи трех и более предметов⁶.

Администрация при ректоре В. В. Богдановиче лояльно относилась к ученикам, своевременно не уплачивающим взносы. В период 1921–1922 гг. не значится ни одного случая отчисления из семинарии по причине неуплаты за учебу. Новая администрация при архимандрите Филиппе действовала более строго, по крайней мере, как того требовали возникающие финансовые проблемы семинарии. К 1922/1923 уч. г. встречаются первые сведения о возникших трудностях оплаты учебы большей частью учащихся. После

¹ Письмо в редакцию // Виленское Утро. – 1922. – 6 февраля. – № 117. – С. 4.

² Васілевіч, В. Віленская прываслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9.

³ От правления Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1922. – Июнь. – № 7. – С. 8; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 124 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 21 об.

⁵ Там же. Л. 35 об.

⁶ Там же. Л. 48 об., 72 об.–73, 80.

существенного повышения взноса с 25 до 75 тысяч марок в конце второго полугодия обнаружилось, что многие воспитанники имеют недоимки. Правление не разрешало проходить экзаменационную аттестацию и впоследствии переходить в другой класс или окончить школу вплоть до погашения образовавшегося долга¹. Также с февраля 1923 г. начались случаи отчисления из семинарии учеников, которые оказались не в состоянии оплатить учебу. Если к началу второго полугодия таких воспитанников значилось лишь два, то по окончании 1922/1923 уч. г. их насчитывалось уже 22. По окончании 1923/1924 уч. г. педагогический совет снова подчеркнул, что за многими учениками числятся недоимки, поэтому принято решение таких воспитанников 8–10 классов не допускать к экзаменам, а учеников 1–7 классов – считать или выбывшими из семинарии или оставленными на повторительный курс².

Следует отметить, что большинство учащихся находились в крайне тяжелых материальных условиях, поэтому каждый педагогический совет рассматривал множество прошений о полном или частичном освобождении от платы за правоучение. Показательно, что администрация относилась весьма благосклонно к таким прошениям. Если воспитанник прилежно учился (что было главным условием) и хорошо себя вел, его прошение удовлетворялось. Особо учитывалось бедное положение вдов, посылающих своих сыновей на учебу, а также учащихся-сирот³. Бедность заставляла искать самые неординарные способы уклониться от платы, например, один воспитанник просил возможности без посещения занятий (чтобы не платить за учебу) прибыть только на экзаменационную сессию и сдавать экзамены в обычном порядке, вместе со всеми остальными – ректор нанес удовлетворительную резолюцию⁴. В итоге, как заметило правление семинарии в декабре 1921 г., из 170–180 учащихся в семинарии 120–140 платили за учебу⁵.

К новому 1923/1924 уч. г. в связи с инфляцией польской марки, плата за правоучение достигала уже миллионных цифровых знаков: 2 млн. польских марок с полноправных воспитанников и 3 млн. с вольнослушателей. Для проживающих в общежитии еще требовались пищевые продукты или денежный аналог в размере 400 тысяч марок⁶. В ноябре 1923 г. из-за резкого падения курса государственной валюты администрация объявила о дополнительных сборах по 2 млн. с каждого учащегося, что следовало исполнить в течение 20 дней. Вместе с этим, после принятия таких

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 46–53; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 183.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 28, 46 об.–47, 56, 134; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 34–34 об.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 70.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 46 об.

⁶ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 72–72 об., 134; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 74, 94 об., 126 об.

непопулярных решений, администрация успокаивала воспитанников, что плата за правоучение в семинарии несколько раз меньше, чем в других средних учебных заведениях г. Вильно¹. Весной 1924 г. польская марка достигла максимальных значений своего падения. Правление семинарии при установлении платы за правоучение на второе полугодие решило опираться на другую валюту и определило требуемый взнос в размере 15 рублей золотом, сумму позволялось внести в три раза².

С 1924/1925 уч. г. ВДС уравнилась в правах с правительственными гимназиями, и, как сообщала периодическая печать, с этого момента обучение в ней стало бесплатным, требовался только 31 злотый в полугодие на школьные принадлежности³. Это же подтверждается и некоторыми архивными данными⁴. Однако в данном вопросе имеется явное противоречие, которому тяжело найти объяснение. В сентябре 1924 г. педагогический совет семинарии постановил объявить о следующих требуемых суммах за правоучение: 1–8 классы – 125 злотых в полугодие, для богословских классов – 150 злотых, для вольнослушателей – 175 злотых⁵. Сохранились также взносы за вступительные экзамены, которые составляли 10–20 злотых в зависимости от класса, в который поступает учащийся⁶. Противоречие в источниках встречается и относительно следующего учебного года: аналогичную информацию о бесплатном обучении печатала как варшавская, так и местная виленская печать⁷. В свою очередь, архивные данные свидетельствуют о том, что педагогический совет установил требуемый взнос в размере 75 злотых в полугодие и многократно обсуждал проблему освобождения части учащихся от платы⁸. Как упоминалось во второй главе работы, в 1926 г. директор Л. Белявский, оправдываясь перед епархиальным собранием, сообщил, что обучение в гимназических классах бесплатное, однако в ответ получил обвинение во лжи, так как это не могло согласоваться с фактом отчисления из семинарии воспитанников, не оплативших обучение. Можно предположить, что со стороны руководства школы прослеживается игра слов, аналогичная той, которая встречается в уставе духовных семинарий 1884 г., где на первых страницах говорится о том, что обучение в семинариях является бесплатным, однако, как потом следует из контекста, существуют взносы за «содержание», а

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 134.

² Там же. Л. 159 об.–160.

³ Церковная жизнь // Воскресное чтение. – 1924. – 12 октября. – № 34. – С. 537.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. – Л. 15 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 180 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 2.

⁶ Там же. Л. 62 об.

⁷ Ректор Семинарии епископ Антоний. Объявления / Ректор Семинарии епископ Антоний // Воскресное чтение. – 1925. – 26 июля. – № 30. – С. 480; Объявление // Виленское Утро. – 1925. – 11 июня. – № 1325. – С. 1.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 180; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 112 об.–113 об., 123–123 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 101.

не за «обучение» в семинарии¹. Тем не менее оставленные в документах заметки сотрудников духовной школы вполне однозначны – за полное содержание в общежитии семинарии полагался отдельный взнос в размере 30–36 злотых в месяц². Имея ввиду тот факт, что взносы за правоучение в гимназических классах собирались уже не в семинарскую кассу, а куратором ВУО, остается лишь предположить, что под бесплатным обучением источники понимают отсутствие оплаты в бюджет самой семинарии.

В любом случае уже с 1926/1927 уч. г. периодическая печать сообщила, что плата за обучение в ВДС составляет 55 злотых за полугодие и 60 злотых в месяц за содержание в интернате (помещение, отопление, освещение, прислуга, стол, стирка белья и баня)³, что соответствует архивным данным.

Согласно уставу государственных средних учебных заведений, воспитанники ежемесячно вносили по 30 золотых за «школьные принадлежности», а также 25 злотых так называемого «административного налога», также другие не столь значительные расходы, как, например, услуги канцелярии⁴. От взноса на школьные принадлежности могли освобождаться 10% учащихся, от административного налога – 25%. Ректор жаловался куратору ВУО, что означенные доли процентов для ВДС являются совершенно недостаточными в силу контингента учащихся и просил передать Министерству РИиНП просьбу о выделении большего числа освобождений⁵. Данная просьба в 1927/1928 уч. г. была удовлетворена, так как позже педагогический совет отметил, что 79 учеников освобождены от половины платы за школьные принадлежности и 51 ученик от всего административного налога, что составляло существенно большие, чем вышеуказанные, процентные доли⁶. При освобождении от школьных налогов куратор ВУО отдавал предпочтение детям из духовного сословия⁷.

С 1927/1928 уч. г. в связи преобразованием семинарии в девятиклассную профессиональную школу правила оплаты обучения в очередной раз подверглись корректировке и с незначительными изменениями остались такими же вплоть до 1939 г. Полная сумма за учебу составляла 100–110 злотых в полугодие. Согласно количеству учеников определялась полная сумма, положенная для уплаты в кассу кураториума ВУО. Например, при количестве 100 учащихся такая общая сумма будет 10000–11000 злотых. После

¹ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 3.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 180 об; ЛЦГА 220. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 59; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 27–27 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – 322. – Л. 189–190.

³ От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // Воскресное чтение. – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 325. – Л. 129.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 189–190.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 21 об.–22, 27–29.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 324. – Л. 29.

составления такой сметы автоматически освобождались от половины платы дети, чьи родители состояли на государственной службе. Количество таких учащихся насчитывалось около 1/5 части от общего числа. Однако правление могло отменить данную льготу тем учащимся, которые показывают неудовлетворительную учебу или поведение. Далее семинария имела право 10% воспитанников полностью освободить от взносов, обычно ими являлись учащиеся-сироты и дети беднейших родителей. Также руководство духовной школы пользовалось правом по своему усмотрению освободить учеников от оплаты в размере 20% от общей суммы. В данном случае это составит около 2000 злотых. Сумма распределялась по-разному, в зависимости от материального положения каждого воспитанника освобождались от оплаты в размере 30–100 злотых, в результате средняя сумма всех взносов от учащихся составляла 50–60 злотых за полугодие. Каждое полугодие в той или иной мере освобождалась от оплаты примерно половина учащихся. Родителям, претендующим на льготы, приходилось собирать пакет документов, доказывающих их уязвимое социальное положение, и составлять соответствующее прошение. Следует отметить, что после составления предварительной сметы куратором администрация каждое полугодие просила еще увеличить на 20% освобождение, что всегда находило положительный отклик «о дополнительной помощи»¹. При этом необходимо подчеркнуть, что ректор не просил о выделении дополнительных средств в семинарскую кассу за правоучение, но высылал просьбу об освобождении от платы, так как налоги напрямую платились в бюджет школьной власти.

Существовал также небольшой налог (около четырех злотых в месяц за услуги) в качестве медицинского страхования, который выплачивался определенной амбулатории. Примерно четверть учеников регулярно освобождалась от данного налога².

Кроме платы за обучение в ВДС, остался взнос за содержание проживающих в интернате. Объявления информировали, что все воспитанники пользуются услугами общежития бесплатно, однако желающие получить «полный стол» ежемесячно вносили 50–60 злотых. Данная сумма тоже частично покрывалась епархиальными и государственными средствами для малоимущих, успешно учащихся воспитанников³.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 6 об.–7 об., 8 об.–9, 12, 16, 17 об., 19–19 об., 28, 28–28 об., 30–30 об., 33 об.–34 об., 36 об., 46–46 об., 48, 52, 53 об., 64 об., 65, 67 об., 70 об., 71 об.–72; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 6 об.–8 об., 22–23, 40 об.–42 об., 46, 51 об.–53 об., 65 об.–66 об., 70–70 об., 74–75 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 4 об., 5–6, 11 об., 30–31, 35 об.–37; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 8 об.–11, 50 об., 82–84, 110–111 об., 128–128 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 2, 25 об.–26, 44 об., 65–65 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 36 об.–37, 61 об.–62 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 27; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 50.

³ От Виленской Духовной Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 31 июля. – № 31. – С. 361; К сведению родителей, желающих определить своих детей в число воспитанников Государственной Православной

В октябре 1927 г. педагогический совет констатировал, что несмотря на реформы семинарии и государственную поддержку, оплата школьных налогов для учеников остается острой проблемой. В результате данного обсуждения была учреждена особая комиссия из преподавателей, которая обследовала условия беднейших воспитанников и занималась поиском денежных средств. На следующем заседании прозвучало предложение выделять учащимся по 30 копеек в полугодие, впоследствии семинарский кружок «братская помощь» направит эти средства на экстренные случаи, также данное ученическое объединение было уполномочено выдавать специальные грамоты-свидетельства о срочной необходимости помогать определенному воспитаннику, которые направлялись епархиальным властям¹. Архивные данные зафиксировали весьма редкие и нерегулярные выплаты «братской помощи». Митрополит Дионисий со своей стороны возбудил ходатайство об увеличении полностью освобождаемых в семинарии учащихся с 10 до 20%, однако Министерство РИиНП отказало по причине дефицита государственного бюджета².

Тяжелую ношу административных налогов отчасти облегчали регулярно назначаемые стипендии. В дореволюционный период в ЛДС кроме казенных стипендий насчитывалось еще шесть частных: 1) имени архимандрита Афанасия (Плавского), 2) митрополита Иосифа Семашко, 3) митрополита Макария (Булгакова), 4) имени статского советника Афанасия Балицкого, 5) синодальная «Бородинская» стипендия, 6) появившаяся в начале XX в. стипендия протоиерея Иоанна Кронштадского. Можно пояснить, что еще при жизни спонсором духовной школы делался крупный денежный вклад в банк, и впоследствии даже после смерти покойного проценты от данной суммы продолжали выделяться в качестве стипендии³.

Следует отметить, что согласно правилам духовного устава 1884 г. деньги никогда не выдавались в руки спонсируемым воспитанникам⁴. «Стипендия» в понимании того периода является определенной дотируемой суммой, предназначенной на полное или частичное покрытие расходов за учебу, а не дополнительной выплатой наличных. Данная установка сохранилась и на весь межвоенный период.

В период до 1930-х гг. документы упоминают стипендии лишь очень фрагментарно, в качестве незначительных вспомогательных сумм из духовных

Духовной Семинарии в Вильне в 1928–29 учебном году // Воскресное Чтение. – 1928. – 11 марта. – № 11; Ogłoszenie // Воскресное Чтение. – 1930. – 10 августа. – № 32.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 53, 61 об.

² О плате за учение в духовных семинариях // Слово. – 1933. – 12 февраля. – № 13 (120). – С. 1.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 94, 120.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 83.

консистерий¹. Начиная с 1929/1930 уч. г., куратор ВУО, кроме обычного вышеприведенного освобождения, полагающегося по правилам государственных школ, выделял также стипендии в размере 700–1500 злотых. Помощь распределялась примерно на половину учащихся, ее размер в каждом случае варьировался от 7/8 части до целой стипендии. В данном случае целая стипендия означала один размер полной оплаты за учебу². Стипендии выдавались исключительно проживающим в интернате воспитанникам. В 1930-е гг., кроме государственного финансирования, со стороны епархиальных руководств также приходило финансирование стипендиями. Размеры данной помощи колебались в размерах примерно 300–1000 злотых за полугодие, с тенденцией к уменьшению в силу постепенной ликвидации учреждения. Деньги направлялись непосредственно для освобождения учащихся от школьных налогов³.

Следует подытожить, что в целом архивные данные, освещающие период 1930-х гг., отображают намного меньше случаев отчисления воспитанников за неуплату за правоучение, чем это было в период 1920-х гг.

Достоин внимания тот факт, что гимназии в Польской Республике были рассчитаны в основном на детей из зажиточных слоев населения⁴, однако руководство ВДС всегда устанавливало самые низкие в городе взносы за обучение, что позволяло в школе обучаться молодежи не только из городского населения, родители которых являлись мелкими чиновниками или торговцами. Большая часть учащихся состояла из детей бедных родителей из сельской местности.

Выводы

Образовательная деятельность Виленской духовной семинарии в первые годы после возрождения ее деятельности во многом опиралась на опыт дореволюционного устава 1884 г. российских духовных семинарий. Действовавшие пятый и шестой семинарские классы в период 1919–1921 гг. копировали довоенный учебный план с некоторыми исключениями по причине недостатка преподавательских кадров. В 1921 г., после открытия десяти классов и объединения начального и среднего духовного образования в одной монолитной школе, учебная программа также опиралась на устав бывших духовных училищ и семинарий. Однако были выявлены и некоторые различия:

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 39–43.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 8–8 об., 16 об., 28 об.–29, 34 об.–35 об., 44 об.–45, 65; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 5, 15, 19 об.–20, 35–36, 46 об.–47, 63 об., 67–67 об., 72 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 1, 10–11, 26–26 об., 34 об.–35.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 10 об., 14 об., 41, 49 об., 51, 58 об., 65 об., 73, 77, 79 об.–80 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219.

⁴ Краткая история Польши. С. 298.

усиленное внимание к новым иностранным языкам за счет уменьшения часов древних классических; появились новые дисциплины, до того не имевшие места в учебном плане Литовской духовной семинарии, как белорусский и польский языки, патрология и каноническое право. Со временем, в процессе реформ, учебный план приближался к образцу светских гуманитарных гимназий: значительно увеличилось количество часов, отводимых предметам полонovedения; богословские дисциплины постепенно сокращались и в 1927 г. достигли отметки 47 (103, включая древние языки и философию) недельных часов в сравнении с 95 (133) в начале XX в. Кроме уменьшения учебных часов реформа 1927 г. совершенно удалила из учебного плана такие предметы как патрология, каноническое право, пастырское богословие, немецкий и французский язык, психология и логика. С 1927 г. все общеобразовательные предметы стали читаться на польском языке, русские старые учебники заменялись новыми польскими, однако богословские предметы продолжали вестись на русском языке. Польские школьные власти не смогли до конца решить задачу обеспечения православными богословскими учебниками на государственном языке.

Аттестация воспитанников Виленской духовной семинарии состояла из текущих отметок в журнале, экзаменов, сочинений и проповедей. В период 1919–1925 гг. успехи учащихся отмечались по пятибалльной цифровой шкале (с 1 до 5). С 1925/1926 уч. г. семинария начала пользоваться польскоязычной учебной документацией, отметки перешли на четырехбалльную шкалу с использованием словесных выражений (от «неудовлетворительно» до «очень хорошо»).

В процессе интеграции ВДС в государственную систему образования постепенно главной целью аттестации становился государственный экзамен или так называемая матура для получения аттестата зрелости. Введение данного экзамена в семинарию сопровождалось опасениями руководства, в силу недостаточной подготовленности учащихся. В течение 1924–1927 гг. церковные и школьные власти вели переговоры и достигли компромиссных решений: экзаменационная комиссия состояла из тех же преподавателей семинарии, предметы для выпускного экзамена выбирались с учетом специфики духовной школы. Преподавательской корпорации и ученикам с трудом удалось адаптироваться к строгим регламентам и высокому уровню государственного экзамена зрелости. После 1925 г., когда коллектив семинарии еще привыкал к требованиям экзамена, результаты являлись чересчур низкими, позже в 1930-е гг. учащиеся показывали средние успехи и, за исключением 2–4 одноклассников, успешно проходили аттестацию.

Виленская духовная семинария в течение всего исследуемого периода испытывала большие трудности с проблемой неуспеваемости воспитанников. В

отчетных ведомостях фигурирует огромное количество годовых неудовлетворительных баллов, что для современной образовательной системы является, по меньшей мере, необычным. Процентная часть учеников, с неудовлетворительными баллами, колебалась примерно от 40 до 77% в 1920-е гг. Общий средний бал школы с 3,78 в 1921/1922 уч. г. постепенно падал до 3,02 в 1927/1928 уч. г. Это вызвало недовольство как государственных школьных властей так и церковного руководства. Администрация семинарии применяла различные меры для исправления данного отрицательного положения, но одновременно не пыталась искусственно поднять статистику путем ослабления строгости в оценке знаний. Преподавательский совет пояснял, что преднамеренное выставление более низких баллов взамен легкой раздачи высших служит важным педагогическим приемом – мотивирующим толчком для учащихся более серьезно отнестись к учебному процессу. В 1930-е гг. ситуация улучшилась, общий средний балл поднялся до 3,57 в 1939/1940 уч. г. Методика оценки знаний воспитанников осталась в значительной мере строгая – высший балл «очень хорошо» (или «5») составлял не больше 10% от общего числа, при этом большинство высших баллов поставлено по предметам «церковное пение» и «гимнастика». Анализ выпускных экзаменационных работ позволяет утверждать, о высоком образовательном уровне семинаристов. По свидетельству немногочисленных воспоминаний, уровень Виленской семинарии остался на высоком уровне по сравнению с другими духовными школами.

В связи с непростыми послевоенными условиями общественной жизни, ВДС на раннем этапе деятельности допускала различные исключения из правил: принимала поступающих без документов и в любое время учебного года, без надлежащей проверки знаний, дозволялся переход в следующий класс в середине учебного года, действовал мягкий возрастной ценз для опаздывающих «великовозрастных» учеников и другое. Впоследствии учебно-административные нормативы ужесточились и в особенности после государственной аккредитации, подобные случаи стали исключены. С другой стороны более строгие правила не помогли справиться с проблемой регулярного опаздывания и пропуска без уважительных причин занятий учащимися вплоть до конца исследуемого периода.

В процессе данного исследования также была сделана попытка охарактеризовать семинарскую библиотеку, добавив небольшой исторический экскурс ее формирования в дореволюционный период. Библиотека ВДС берет начало из Жировичской монастырской библиотеки, которая в 1828 г. перешла в ведение Литовской семинарии и постепенно пополнялась за счет упраздненных униатских, католических монастырей, частных пожертвований, новых закупок и другое. В начале XX ст. семинарская библиотека насчитывала 26 тысяч томов

или 13 тысяч наименований. Впоследствии фонд библиотеки начал сокращаться в связи с военным лихолетьем, политикой польских властей, направленных на возвращение интеллектуальной собственности, открытием ПБОВУ нуждавшегося в пополнении библиотеки высшего православного учебного заведения. По обнаруженной информации после Второй мировой войны в библиотеке всего насчитывалось 450 томов, что показывает почти полное ее упразднение за период межвоенный и двух мировых войн. Тем не менее, анализ документов из оставшегося архивного фонда библиотеки показывает, что ученический отдел библиотеки удовлетворял основным потребностям воспитанников.

Ученики пользовались дореволюционными учебниками и дополнительной литературой. После реформы 1925/1926 уч. г. постепенно русские учебники заменялись новыми польскими, однако учебники, относящиеся к богословским наукам, остались не тронутыми. Церковная власть Православной Церкви в Польше не справилась с задачей составления новых польских православных учебников, хотя данная проблема не только обсуждалась, но также была начата работа в этом направлении.

В административной части ВДС начала руководствоваться уставом польских государственных гимназий, однако это не создало серьезных противоречий в деятельности учреждения как семинарии.

В хозяйственной части ВДС после преобразования в государственную школу, начало по большей части содержаться из школьного бюджета местных властей. Это позволило значительно улучшить материальное состояние всего комплекса Свято-Троицкого монастыря, учебных заведений и создать богатый школьный инвентарь.

Государственное финансирование не помогло справиться с проблемой неплатежеспособностью большинства воспитанников, так как в то время не существовало бесплатных гимназий и обязательные взносы остались в силе. Тем не менее, установлено, что, благодаря дотациям, в период 1930-х гг. произошло намного меньше случаев отчисления воспитанников за неуплату за «правоучение», чем это было в период 1920-х гг. В целом государственные гимназии в Польской Республике были рассчитаны в основном на детей из зажиточных слоев населения, однако руководство ВДС всегда устанавливало самые низкие в городе взносы за обучение. По этой причине в семинарии всегда обучалась немалая часть воспитанников из детей бедных родителей из сельской местности.

Выявлено, что за весь период деятельности Виленской семинарии, епархиальные начальства Виленско-Лидской и других обслуживаемых епархий на Западной Беларуси, осуществляли очень нерегулярные и слишком маленькие денежные потоки. В работе делается гипотетическое утверждение,

согласно которому, правильная организация содержания ВДС из церковного бюджета, могла помочь избежать финансового краха, необходимости обращаться за помощью государства и в результате сохранить автономность учреждения в статусе частного учебного заведения.

ГЛАВА 4.

УЧАЩИЕСЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ: КОНТИНГЕНТ, ВНУТРЕННЯЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ, МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

4.1 Социально-сословный, национальный, территориальный, возрастной и количественный состав учащихся

В Синодальный период истории Русской Православной Церкви духовные школы принимали кандидатов на обучение практически исключительно из духовного сословия. В рамках проводившихся реформ духовного образования данное положение имело тенденцию к изменению, в результате чего впоследствии стал возможным прием воспитанников вне зависимости от сословия.

Литовская греко-униатская духовная семинария после своего открытия в 1828 г. в этом аспекте отличалась и всегда принимала лиц не только духовного звания, однако такие учащиеся не могли претендовать на казенное содержание. Например, в 1838 г. доля учащихся не из духовного звания составляла 35% от общего числа, но такие цифры были характерны лишь для раннего периода деятельности, позже появились более строгие ограничения. В 1845 г. обучались «в основном дети духовенства». В период 1867–1885 гг. количество «не духовных» в одном классе не могло превышать пяти¹. Согласно уставу 1884 г., количество иносословных детей в духовных школах было ограничено 10% от общего числа учащихся². В 1900 г. Учебный комитет при Святейшем Синоде повысил данный показатель до 23%. Вместе с этим таким воспитанникам не полагались казенные места, они не имели права первенства на вступительных экзаменах, епархиальному начальству полагалось внимательно следить за каждым случаем иносословного поступающего и принимать в семинарию, лишь убедившись во всесторонней положительной его характеристике³.

В связи с либерализацией общественной жизни в нач. XX в. количество учащихся не из духовного звания в духовных школах Виленско-Литовской епархии постоянно росло. В 1889 г. в ЛДС дети из духовных составляли абсолютное большинство – 95%. В 1912 г. в учебном заведении уже насчитывалось 50 воспитанников, не принадлежащих к этому сословию, что составляло четверть (25%) от всех учащихся⁴. В 1915 г. – 17% иносословных

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 68, 72, 227, 363.

² Бубнов П., диакон. Духовный и интеллектуальный облик российского семинариста в начале XX в. / диакон Павел Бубнов // Минская духовная семинария [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minds.by/news/141#.WvUIO4iFNJm>. – Дата доступа : 03.02.2018.

³ По вопросу об ограничении приёма в духовные семинарии и училища детей иносословных родителей // ЛЕВ. – 1900. – 27 августа. – № 35. – С. 316; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 18 об.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 76.

детей¹. В Жировичском и Виленском духовных училищах в 1911/1912 уч. г. количество учащихся детей «не из духовных» составляло соответственно 18% и 31%².

Священник Евстафий Баслык в своих воспоминаниях отмечал, что после возрождения деятельности ВДС в Польском государстве в нее «принимали всех желающих, независимо от их происхождения», и, как следствие, «контингент воспитанников <...> того времени был разношерстным»³. Немалая часть учеников не из духовного сословия принималась и в предыдущий период, поэтому слова священника Евстафия следует понимать так, что не осталось бывших количественных ограничений по сословиям. Следует также учесть, что само разделение населения по сословиям упразднилось в официальной документации. Сам священник Евстафий Баслык происходил из простой крестьянской семьи.

Согласно имеющимся данным, основу православного населения восточных воеводств Польской Республики в обозреваемый период составляло крестьянство – около 93%⁴. В свою очередь, это отразилось и на контингенте учащихся ВДС, который состоял из значительного количества выходцев из крестьянских семей. Обычно в городских гимназиях учились дети более зажиточных родителей-горожан, однако ВДС установила сравнительно малую плату за обучение, более того, всегда была возможность по причинам материальной трудности написать прошение о полном или частичном освобождении от денежных взносов. Данное обстоятельство очень привлекало любознательную молодежь из сельских местностей, несмотря даже на то, что некоторые из них были очень бедными. Многие из таких учащихся периодически отсутствовали на занятиях во время учебного года из-за занятости в полевых работах. Администрация семинарии входила в положение воспитанников и допускала такие случаи, после соответствующих прошений⁵.

В процессе исследования были выявлены две официальные ведомости, касающиеся социального контингента учащихся, составленные в 1924 и 1929 гг.⁶ Ведомость 1924 г. разделяет учащихся ВДС по роду деятельности родителей следующим образом: дети священно- и церковнослужителей – 35% (для сравнения в 1889 г. – 95%⁷), земледельцев – 24% (для сравнения в 1915 г. – 14%), других специальностей (перечисляются по убыванию): сотрудников

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 5.

² Примечательно, что в этом случае Виленское духовное училище нарушило указ Учебного Комитета, не позволяющий превышать данное число более чем на 23%. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 18, 32 об.

³ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 41, 42.

⁴ Лабынцев, Ю. А. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции / Ю. А. Лабынцев, А. А. Щавинская. – М.: Индрик, 1999. – С. 11.

⁵ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 79 об.–80.

⁶ ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 240. – Л. 2; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 3 об.

⁷ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 456.

почтово-телеграфной и железнодорожной службы, учителей, собственников недвижимости, специалистов с высшим образованием, государственных служащих, пенсионеров, работников фабрики, торговцев. Статистическая ведомость 1929 г. показывает следующие результаты: дети священников – 50%, дети чиновников – 26%, крестьян – 20%, ремесленников – 3%.

Не имея официальной ведомости, но на основании анализа многочисленных личных дел учащихся ВДС автор предполагает, что в период ранней деятельности возрожденной семинарии (1919–1923) дети из священнических семей составляли не более 30% от общего числа учащихся.

В личном составе учащихся ВДС всегда числились дети-сироты, которые не были редкостью после военных событий. Например, в 1929/1930 уч. г. таких учеников насчитывалось 12 из 162 общего количества. Руководство предоставляло им полностью бесплатное обучение, проживали сироты в специальном приюте Виленского Свято-Духова монастыря¹.

Священник Николай Извеков приводит сведения, согласно которым после открытия ЛДС в 1828 г. в ее стены принимались в том числе абитуриенты католического вероисповедания, также были случаи зачисления евреев, перешедших в Православие. Архиепископ Макарий (Булгаков) во время правления Виленско-Литовской епархией ходатайствовал перед Святейшим Синодом о приеме в ЛДС детей литовского и жмудского происхождения не православного вероисповедания, также подготовил денежные суммы для их казенного содержания и на оплату труда преподавателей литовского языка, однако данное ходатайство высшее руководство отклонило². ВДС в межвоенный период, несмотря на измененный статус обычной гуманитарной гимназии, принимала учащихся исключительно православного вероисповедания³.

В отношении вопроса национальности учащихся следует отметить, что восстановленная после Первой мировой войны Польшая Республика включала в свои пределы современные территории Литвы, западные регионы Беларуси и Украины, что определяло ее многонациональный характер. На долю национальных меньшинств, которые проживали преимущественно в восточных регионах страны («Восточные крессы»), приходилось около одной трети населения, численность которой составляла около 10 миллионов человек. Согласно данным всенародной государственной переписи 1931 г.,

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 4 об.–5; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 120.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 72, 228, 362–363.

³ Реорганизация Виленской духовной семинарии // Воскресное чтение. – 1924. – 26 октября. – № 36. – С. 568–569.

православные составляли около 12 % населения Польской Республики (3,8 миллиона)¹.

Вопрос национальной самоидентификации, поднятый в XIX в., стал острым и играл важную роль в общественно-государственной жизни XX в. В частности, в Польской Республике в исследуемый период газетные издания изобиловали регулярными материалами, посвященными проблемам национальных меньшинств в стране. Статьи такого формата печатались в самых разных газетах, не только общественно-политического, но и церковного направления, и отражали разнообразные настроения: от толерантных до фанатичных, призывающих к нетерпимости к национальным меньшинствам и их принудительной ассимиляции. Тем не менее, в среде простого, по большей части, неграмотного народа процесс национальной самоидентификации еще не завершился, а в отдельных случаях, как, например, на Полесье, даже и не начался. Население этого региона говорило, что они «тутейшие», их язык «тутейший». В связи с этим в официальной документации некоторое время использовалось определение «тутейшие», которых насчитывалось около 1 миллиона человек². Однако данное слово, отражающее народное самоопределение, толковалось неоднозначно: например, жители Виленского края, считали, что «тутейшие» – это коренные жители Виленщины³, преподаватель ВДС Леонид Савинский, родом с Витебщины, считал себя «тутейшим»;⁴ были и другие определения.

Усиленный общественный и политический интерес к распределению населения по национальному признаку не обошел стороной и ВДС. Первый запрос от школьных властей предоставить статистику национальной самоидентификации значителен в 1923 г. По результатам выяснилось, что из 292 учеников свою национальность как белорусскую определили 221 (76%), русскую – 68 (23%), малорусскую – 7 и польскую – 1. При этом, в предложенной анкете от куратора ВУО рядом с вопросом национального самоопределения следует также графа о родном материнском языке учащихся, что в свою очередь показывает следующие результаты: русский язык – 210 учеников (72%), белорусский – 69 (24%), смешанный⁵ – 11, малорусский – 1⁶. В последующие годы сохранилась похожая тенденция, однако по неизвестным причинам иногда статистика показывает резкие скачки. Так, в 1927/1928 уч. г.

¹ Лабынцев, Ю.А. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Впечатления еще о Вильне и ее обывателях // Виленское Утро. – 1922. – 1 февраля. – № 112. – С. 4. В статье приводятся интересные заметки о любимых блюдах, языковых отличиях на конкретных примерах «тутейшего» народа, в частности, говорится, что «язык «тутейших» не является ни польским, ни русским, ни белорусским.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 611.

⁵ Т. е. польский и русский – 2, русский и белорусский – 2, польский, русский и белорусский – 7.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 36.

из 32 учащихся, для которых белорусский язык являлся родным, в следующем учебном году общая численность выросла до 102 учащихся. В 1930–1932 гг. произошел резкий спад до 15 учеников с родным белорусским языком. В результате в 1932 г. из 152 учеников русский как родной язык указали 88% учащихся; белорусский – в два раза меньше, чем в 1923 г. – 10%¹. Разумеется, польские школьные власти такую статистику трактовали со своей точки зрения, именно как подтверждение высокой степени русификации ВДС, о чем упоминалось во второй главе настоящей работы. В остальной период 1930-х гг. процент учащихся, указывавших на русский язык как родной, постепенно уменьшался в пользу белорусского и польского языков. Статистика 1936/1937 уч. г. показала, что в домашних условиях на русском языке общаются 51% воспитанников, на белорусском – 39%, на польском – 8%. Данные о национальном самоопределении по неизвестным причинам не заполнялись в полном объеме (тем не менее, составленная по имеющимся данным таблица приведена в приложении «Г»).

Относительно территориального контингента учащихся следует заметить, что изначально целью деятельности ЛДС являлось обучение выходцев из разных епархий, в качестве средства предстоящей подготовки к соединению православных с униатами. Таким образом, в 1835 г. 159 воспитанников были родом из Литовской епархии, 59 – из Минской епархии, 28 – из Волынской, 4 – из других. После 1839 г. установилась практика принимать в Литовскую духовную школу только местных уроженцев из одноименной епархии, что подтвердилось особым указом в 1852 г. Кандидаты из других епархий могли поступать в ЛДС, однако в основном в качестве исключения². Крупная Виленско-Литовская епархия, которая до 1900 г. включала в себя территории современной Литвы, а также Брестской и Гродненской областей нынешней Республики Беларусь, всегда направляла на обучение достаточное количество юношей. Согласно гражданскому делению, Литовская семинария обслуживала Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии.

В 1900 г. территориальное происхождение учащихся ЛДС выглядело таким образом: Гродненская епархия – 125 воспитанников, Литовская – 65, Минская – 6, Могилевская – 2, Тверская – 2, Псковская – 1, Варшавская – 1, Болгарская – 3³.

В межвоенный период сохранилась подобная ситуация: основной поток учеников приходил из Виленско-Лидской и Гродненской епархий, а затем и из новообразованной Полесской епархии. Как сообщалось в материалах периодической печати, на состоявшемся в июле 1922 г. епархиальном съезде

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 304 об.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 67–68, 70–72, 228.

³ Количество учащихся в духовно-учебных заведениях Литовской епархии, с указанием из каких епархий они происходят // ЛЕВ. – 1900. – 21 мая. – № 21. – С. 191.

Гродненской епархии произошло принятие постановления о невозможности открытия собственной семинарии, вследствие чего предлагалось направлять кандидатов на обучение в ВДС¹. Следует отметить, что обсуждение возможности открытия духовной семинарии в г. Гродно началось еще в 1900 г., когда произошло образование самостоятельной Гродненской епархии посредством выделения ее из Виленско-Литовской епархии. Однако открытие Гродненской духовной семинарии не произошло ни в межвоенный период, ни в последующее время.

С 1920/1921 уч. г. в ВДС обучалась большая часть бывших воспитанников Минской духовной семинарии, вынужденно прекратившей свое существование. Одновременно поступали абитуриенты, обучавшиеся в советских школах в восточной части Беларуси, но покинувшие ее пределы².

В 1924/1925 уч. г. статистика учащихся гимназических классов по месту жительства являлась следующей: из г. Вильно – 26%, из Виленского повета – 8%, из местностей за пределами Виленского региона – 65%³. К 1929 г. относится статистическая ведомость, применяющая церковно-территориальное деление: из Виленской епархии – 114 воспитанников (из них 34 жили в самом городе), из Гродненской – 16, из Полесской – 13, из других – 10⁴. Значительное уменьшение поступающих из Гродненского и Полесского региона отчасти можно объяснить строгим контролем польского правительства за передвижением населения по территории республики: учащимся из других епархий (поветов) было необходимо получить разрешение на проживание в г. Вильно⁵.

Следует добавить, что по статистике дореволюционного времени в ЛДС всегда значились учащиеся из зарубежных государств. Особенно заметным являлось присутствие учащихся из Болгарии. В свою очередь, в документах архива ВДС не встречается информации о поступивших учениках из зарубежья. К данной категории не относятся беженцы из Советской России, которые активно пополняли ряды учащихся в 1919–1924 гг., но со временем нелегальные пересечения границы стали наказываться строгими мерами и подобный поток прекратился. Правлению семинарии приходилось неоднократно возбуждать ходатайства перед местными органами власти с просьбой предоставить учащимся-беженцам польское гражданство⁶.

Литовское государство полностью прекратило дипломатические отношения с Польшей и даже формально находилось в состоянии военного

¹ Епархиальный съезд в Гродно в 14–15 июля // ЛЕВ. – 1922. – сентябрь. – № 8–9. – С. 10–11.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1414. – Л. 2; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 21, 44.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 3.

⁴ ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 240. – Л. 2.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 107 об.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. – Л. 57–66.

конфликта после захвата в 1920 г. Вильно войсками генерала Л. Желиговского. В результате все передвижения населения через границу стали невозможными. Архиепископ Елевферий (Богоявленский), после освобождения из-под ареста возглавивший Литовскую епархию с кафедрой в г. Каунасе, организовал пастырские курсы, которые отчасти компенсировали невозможность обучения граждан литовского государства в ВДС¹.

Средний возраст учащихся в дореволюционный период последовательно соответствовал уровню обучения: дети 6–9 лет начинали ходить в начальные училища, в 10–13 лет поступали в духовные училища, в 14–17 лет – в семинарии, которые оканчивали в возрасте 20–23 лет². ВДС в межвоенное время, особенно в ранний период деятельности после присоединения классов бывшего духовного училища, существенно расширила возрастные границы учащихся. В основном, возраст поступавших в первый класс составлял 10–12 лет, иногда выходя за рамки нижней и верхней границ с 8 и до 15 лет. Возраст воспитанников в общеобразовательных классах обычно не превышал 20 лет. Богословские классы существенно отличались, поскольку допускали поступление вольнослушателей любого года рождения, в результате чего возраст обучающихся в этом отделе колебался от 16 до 48 лет. Средний возраст составлял около 25 лет³.

Вопрос о количестве учащихся в ранний период деятельности ВДС является достаточно проблематичным. Причины кроются в нескольких факторах: во-первых, практически нет информации о периоде 1919–1921 гг., во-вторых, институт вольнослушателей часто не учитывался или учитывался частично при приведении списка учащихся в документах, в-третьих, приводимые данные из разных источников часто очевидно противоречат друг другу, что еще больше усложняет задачу⁴.

Литовская духовная семинария с момента своего основания всегда насчитывала 150–200 воспитанников, иногда несколько превышая цифру в 200 человек⁵. Следует учесть, что такое количество учеников приходилось на шесть классов учебного заведения в отличие от десяти классов ВДС с 1921 г.

Первые сведения, касающиеся количества воспитанников ВДС, встречаются в протоколах педагогического собрания за 1919–1921 гг. Посредством суммирования фамилий можно выявить примерное количество

¹ Marcinkevičius, A. Lietuvos stačiatikių bažnyčia 1919–1939 m. / Andrius Marcinkevičius, Saulius Kaubrys. – Vilnius : Vaga, 2003. – P. 192–194.

² По уставу 1884 г. в первый класс семинарии не принимались абитуриенты, достигшие 18-летнего возраста. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 19.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 3 об.–4; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 6, 13–14.

⁴ В приложении «Г» приведены официальные данные, присланные куратору ВУО в 1939 г., где присутствует и статистика о количестве учащихся в ВДС, начиная с 1922 г., в приложении «И» приведены данные, собранные из учебной документации методом суммирования фамилий

⁵ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 67–69, 227, 363, 384–385, 456.

учащихся в 1919/1920 уч. г. – 11 человек. В следующем 1920/1921 уч. г. – примерно 23 учащихся. Протокол заседания, датируемый декабрем 1921 г., то есть уже после открытия десяти классов, первый раз приводит полный список фамилий обучающихся в учебном заведении – всего 190 человек¹. Уже через несколько месяцев количество возросло до 207 учащихся, поскольку поступающие продолжали приниматься и после нового года². Перед началом 1922/1923 уч. г. было подано еще 231 прошение о поступлении, что в итоге резко увеличило количество учащихся до более чем 400. Однако в семинарии наблюдалось явление, когда многие из подававших прошения в итоге так и не являлись к занятиям или не возвращались без объяснения причин после первой или второй трети учебного года³. Предположительно, по этой причине в источниках встречаются разные цифры, обозначающие количество учащихся не только в 1922/1923 уч. г., но и в другое время. Газета «Правослаўная Беларусь» сообщала, что осенью 1922 г. в семинарии насчитывалось около 350 воспитанников⁴, в рапортах воеводским властям указывается 400 учащихся⁵. В вышеупомянутой статистике, составленной в 1939 г., в графе 1922/1923 уч. г. значится лишь 292 ученика, что можно объяснить фактом наличия такого количества в конце учебного года, когда значительное число (около 100) не посещающих занятия воспитанников было отчислено. Последнюю цифру фактически подтверждает полный список фамилий учащихся в духовной школе в мае 1923 г., который насчитывает 287 учащихся⁶.

Перед следующим 1923/1924 уч. г. в семинарию было подано лишь 39 прошений о поступлении, в основном, в младшие классы⁷. Такая большая разница с прошлым годом (231 прошение) объясняется тем, что основная волна кандидатов, желавших получить духовное образование и опоздавших в связи с военными событиями, уже прошла. Тем не менее уже в конце сентября, по неизвестным подсчетам, ректор констатировал на педагогическом совете, что в школе учится около 400 воспитанников⁸. В течение 1923/1924 уч. г. опять случился массовый уход учащихся – выявлено около 99–129 фамилий воспитанников, которые значатся как не посещающие занятия и не явившиеся на переэкзаменовку⁹. Причину такого явления белорусские газеты видели в разразившемся конфликте между ВДС и Виленской белорусской гимназией, а

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 50–51.

² Там же. Л. 65–66.

³ Там же. Л. 49–50.

⁴ Васілевіч, В. Віленская праваслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 10.

⁵ ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 230. – Л. 10–10 об; ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 672. – Л. 59.

⁶ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 46–63.

⁷ Там же. Л. 83–84.

⁸ Там же. Л. 110 об.

⁹ По журналу педагогического совета 99, согласно учебной документации отраженной в приложении «И» – 129. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 116–126.

также в личности ректора архимандрита Филиппа (Морозова). В результате в конце учебного года насчитывалось 204 учащихся согласно приведенному списку всех воспитанников, назначенных в следующие классы, или 252 учащихся по статистике 1939 г.¹

В 1924/1925 уч. г. вместе с приездом из Кременецкой семинарии нового ректора епископа Антония (Марценко) состав ВДС на протяжении всего года пополняли воспитанники из Волынской духовной семинарии, всего насчитывается 18 таких случаев. Согласно статистике 1939 г., количество воспитанников на данный учебный год достигало 234, что полностью соответствует данным из учебных журналов.

Информация о количестве учащихся по дальнейшим учебным годам в разных источниках уже не носит явно противоречивого характера. Последний количественный подъем приходился на 1925/1926 уч. г., когда общее число учащихся возросло до 275 человек. В последующие годы цифра начала сокращаться, после реформы 1931/1932 уч. г. и постепенной ликвидации классов данный процесс значительно ускорился. В последнем 1939/1940 уч. г. в ВДС осталось 15 учащихся, из которых на занятиях присутствовали лишь 7 человек². В приложениях «И» и «К» приводится график, отображающий количество обучающихся воспитанников и учитывающий начало и конец учебного года, а также количество поступивших и отчисленных учеников. Графики составлены на основании дневников, которые противоречат вышеприведенным официальным цифрам в докладах школьным властям. Однако, по мнению автора, они наиболее объективно отображают информацию о реальном количестве лиц, участвующих в учебном процессе.

Что касается вопроса количества учеников по классам, следует отметить, что в начале XX ст. в ЛДС количество учащихся в одном классе колебалось от 13 до 46³. После возрождения семинарии в исследуемый период ситуация осталась почти аналогичной. В период наибольшего потока поступлений в духовную школу в некоторых классах количество учащихся немного превышало отметку в 50 человек. Устав 1884 г. предписал в случае превышения в одном классе количества учеников 50 учреждать параллельные классы⁴. По этой причине руководство размышляло, следует ли учредить таковые классы (например, первый «А» и первый «Б»)⁵. Однако по причине массового непосещения занятий и постепенного уменьшения количества прошений о поступлении вопрос скоро потерял актуальность.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 52–59; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 304 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 227.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 5; ЛЕВ. – 1914. – № 13. – С. 116–118.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 2, 63.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 55 об.

Большой наплыв поступающих в первые послеэвакуационные годы деятельности ВДС вызвал также проблему неравномерного распределения учащихся по классам. Основной поток приходился на младшие и старшие богословские классы, но, несмотря на огромное количество поступающих, в 1921 г. после открытия полной средней школы не удалось набрать учеников в седьмой класс¹. Впоследствии в 1921–1922 гг. в нем училось несколько человек, с которыми преподаватели по возможности проводили занятия во внеурочное время². В дальнейшем в 1922/1923 уч. г. после Рождественских каникул удалось набрать 10 человек и открыть класс с полноценным обучением³.

Необходимо отметить, что в процессе данного исследования было выявлено всего 955 человек, учившихся на протяжении межвоенного периода деятельности духовной школы, фамилии и имена которых находятся в разных документах семинарского архива. Полный список учащихся приводится в приложении «Ж». Весьма примечателен тот факт, что пройти полный семинарский курс и выпускные экзамены за весь исследуемый период смогли 252 выпускника, что составляет лишь 26% от общего числа учащихся. Как показывают архивные данные, самая частая причина отчисления – неявка на учебу после каникул⁴. Однако источники совершенно умалчивают причину и мотивацию такого огромного количества случаев невозвращения в духовную школу. После ознакомления с многочисленными личными делами учащихся ВДС вырисовывается картина трагического послевоенного материального положения большинства из них, вне зависимости, проживают родители в сельской местности или в городе. В результате чего можно лишь предположить, что такой катастрофически низкий для современной образовательной системы процент окончивших учебное заведение был обусловлен по большей части бедностью учащихся, не сумевших найти средства для оплаты образования и довести свое обучение до завершения. Другие возможные варианты, объясняющие такую статистику, выглядят не столь убедительно.

¹ Хроника // ЛЕВ. – 1921. – Октябрь. – № 3. – Л. 4.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 87; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 4.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 21 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 10 об.–12 об., 22 об., 38 об., 172; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 3 об., 5–5 об., 22–23 об., 27, 30 об., 34 об., 35 об.–40 об., 42, 50–50 об., 71, 85 об., 87–87 об., 95–98, 101 об., 108, 112–113, 116, 126, 129 об.–130; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 28 об.–31, 48 об., 54, 76, 79 об., 83; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1 об., 5, 8 об., 10 об., 14, 23, 26–27, 29 об., 34, 64 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 4 об., 9 об., 11, 18, 20 об., 28 об., 29, 37, 38 об.–42 об.

4.2 Материальные условия, внутренняя жизнь и общественная активность

С массовым открытием в XVIII в. духовных семинарий сразу появилась проблема материального обеспечения как преподавательского, так и студенческого состава. Изначально семинариям не полагались суммы из государственного бюджета, они содержались лишь за епархиальные средства. Историк И. К. Смолич приводит следующие примеры тяжелого материального положения учащихся: в Псковской духовной семинарии в конце XVIII в. дневной рацион состоял всего лишь из 3–4 фунтов (1,2–1,6 кг) ржаного хлеба. Воспитанникам с хорошими успехами в дни больших церковных праздников 3–4 раза в год выдавалось по 400 грамм мяса. В Киевской духовной академии ученикам разрешалось петь и просить милостыню у киевских обывателей, что помогало содержать себя зимой. Администрация, кроме общежития, больше ничего не предоставляла, поэтому пропитание, приобретение одежды и других надобностей всецело зависело от самих учащихся¹.

Священник Николай Извеков сообщает, что ЛДС в ранее время деятельности также сталкивалась с определенными трудностями. Воспитанники сами себе прислуживали в столовой, топили в комнатах печи и носили воду, некоторые спали в длинных сундуках в коридоре. Кроме этого многие чем-нибудь промышляли с целью заработка: состояли репетиторами младших детей, пели в архиерейском хоре, грамотные и обладающие красивым почерком подрабатывали в канцелярии письмоводителями. Семинаристы неоднократно устраивали шумные демонстрации против недобросовестного исполнения своих обязанностей экономами². Материальное положение в силу увеличивающегося государственного финансирования постепенно улучшалось. К началу XX в. после проведенного капитального ремонта в комнатах общежития жили по 5–10 человек. Пищевой рацион совершенно отличался от вышеописанного бедственного положения в XVIII в.: воспитанники питались три раза в день, во время завтрака полагался суп с мясом, на обед – первое и второе с мясом, ужин – суп с мясом. Всего меню семинарской кухни насчитывало 30 разновидностей блюд³.

Первая Мировая война и послевоенные годы повлекли разрушительные последствия для Виленского региона. Материальное положение возрожденной ВДС являлось крайне затруднительным: потеря имущества, лишение государственной опеки, появившийся острый дефицит финансов, нехватка мест в общежитии. Ситуацию особенно осложняла прогрессирующая инфляция

¹ Смолич, И. К. История Русской Православной Церкви. С. 400.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 113–114, 271, 397

³ Там же. С. 256, 472–473, 537–541.

польской марки. Белостокская газета «Prawasłauje» приводит воспоминания одного из бывших воспитанников: «В общежитии были две спальни максимум на 70 человек, но вмещалось 200 учившихся в семинарии, было очень тесно, спали на кроватях из досок, которые больше были похожи на деревянные скамейки. Питание было всегда без мяса»¹. Этим воспоминаниям созвучен и рассказ священника Евстафия Баслыка, изображающий очень скромный быт учащихся. Завтрак состоял только из кипятка, в который добавляли сахарин (сахар был дорогой), и черного хлеба. Во время обеда раздавали суп и кашу, на ужин – кипяток или кашу. Такое меню было всегда, без разнообразия. Более того, некоторые учащиеся не имели возможности заплатить за столовую, поэтому питались самостоятельно. Некоторые учащиеся приходили в столовую после общего обеда и с радостью доедали остатки².

Для многих воспитанников в бедное послевоенное время было затруднительным оплачивать установленные суммы за учебу, питание и проживание. В результате тот, кому не помогали родители, подрабатывали сами. Например, молодой Евстафий пилил дрова для семинарии и переписывал ноты для польских музыкальных клубов. Очень немногие могли себе позволить развлечения в городе³.

Архивные документы подтверждают вышеприведенные воспоминания. В частности, личные дела учащихся содержат многочисленные прошения, где нередко сквозь деловой стиль проявляются факты, освещающие жизненные трудности воспитанников, которые создают весьма удручающую картину послевоенного времени. Иногда в целях экономии два воспитанника платили одну плату за питание и впоследствии разделяли пищевую порцию на двоих⁴. Сохранились сведения, согласно которым некоторые ученики продавали личные вещи вплоть до собственного белья, чтобы любым способом заплатить за учебу⁵. Другие жили настолько бедно, что даже не имели нижнего белья⁶. Как отмечал воспитанник И. Реент, «такое положение вещей заставляло больше думать об источниках дохода, чем о самой учебе»⁷. Другой учащийся Р. Гарустович отказался от учебы, даже будучи освобожденным от денежной платы за обучение, поскольку, как он сам сообщал, «дальность расстояния и материальное положение не позволяет мне внести положенную норму продуктов»⁸. Встречались случаи ухода из семинарии сразу после поступления,

¹ Pawluczuk, U.A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej*. S. 279.

² Баслык, Е., священник. *Записки священника Евстафия*. С. 42, 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 159.

⁵ Там же. Л. 183.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 74.

⁷ Там же. Л. 170–170 об.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 128.

поскольку абитуриенты изначально рассчитывали на бесплатное обучение¹. Семинаристы часто просили правление выдать ученический билет частной школы в надежде получить скидку на проезд поездом, так как пользоваться общественным транспортом в то время представлялось очень затратным². Данные обстоятельства заставляли прибегать и к особым вариантам решения вопроса. Так, воспитанники Кременецкой духовной семинарии набирали долгов по оплате за обучение, а потом со следующего учебного года переводились в Виленскую семинарию. Данная ситуация создала прецедент для обращения к Предстоятелю Православной Церкви в Польше с просьбой предотвратить подобные случаи³.

Нередко встречались семейные ситуации, когда отец погиб во время войны и вся тяжесть материального обеспечения ложилась на плечи одной матери⁴. В более трагичных случаях дети во время войны теряли обоих родителей. Ректор протоиерей Николай Тучемский сообщал митрополиту Дионисию (Валединскому) о том, что в ВДС учится немало сирот из Виленской, Гродненской и Полесской епархий. По его словам, «они страшно голодают. Некоторые из них по целым дням не видят кусочка хлеба. Я не могу спокойно смотреть на несчастье голодных детей»⁵.

В других случаях несколько членов семьи тяжело работали, чтобы дать образование одному из них⁶. Характерный пример находится в личном деле воспитанника Владимира Нарко, будущего архиепископа Берлинского и Германского (РПЦЗ) Филофея. Отец Владимира работал псаломщиком и еще содержал двух обучающихся в гимназии дочерей, но в силу инфляции польской марки и нестабильной экономики пришлось прекратить учебу дочерей. В дальнейшем семья продавала вещи из дома, чтобы помочь одному Владимиру закончить учебу в семинарии⁷.

Усиленное стремление получить образование исходило из непростой ситуации на рабочем рынке. Как отмечала вдовствующая мать одного из семинаристов, «человеку с гимназиальным образованием очень трудно где-либо устроиться, а учить в университете не будет средств у меня»⁸.

Воспитанники, живущие в самом городе, также испытывали определенные трудности. Классные наставники, согласно своим обязанностям, посещали их квартиры и составляли для ректора доклады, где отмечены трудные условия проживания: в большинстве своем квартиры очень маленькие,

¹ Там же. Л. 133.

² Там же. Л. 191, 204–207.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 82, 84–86.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 177.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 223.

⁶ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 266.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 96–106.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 135.

в них еще проживают младшие братья и сестры, которые шумят и не дают сосредоточиться (учащимся задавалось немало домашних заданий). Обстановка грязная, стены закопченные, комнаты холодные и наполненные дымом, в квартирах нет места для самоподготовки, они располагаются в пяти и более километрах от семинарии. Сами учащиеся-горожане имели только бедную одежду, некоторым не хватало средств, чтобы купить учебники, поэтому они оставались по вечерам в аудиториях семинарии и поздно возвращались домой¹.

Священник Евстафий Баслык в своих воспоминаниях делал вывод о том, что, несмотря на все материальные лишения и трудности, воспитанники были жизнерадостные, всегда бодрые духом и не впадали в уныние. Глубокий след в развитии молодого поколения оставила общинная жизнь в интернате, когда все трудности и радости переносились вместе².

После перехода ВДС на государственное финансирование материальные условия обучения и проживания в общежитии постепенно улучшались: не было больше нужды предоставлять различные пищевые продукты и появилось бесплатное питание, также новая мебель, белье³. Школьные власти оформляли удостоверения, дававшие право учащимся на льготный проезд в общественном транспорте⁴. Как упоминалось в третьей главе работы, плата за обучение сохранилась, однако ректор докладывал куратору ВУО о «чрезвычайно тяжелых условиях жизни большинства родителей учеников» и в связи с этим получал для духовной школы существенные финансовые послабления⁵. Внешнее благоустройство учебных аудиторий и общежития также постепенно улучшалось.

В числе благоприятных в материальном плане изменений значится также появление краеведческих походов по культурно-историческим местам г. Вильно, а также выездных экскурсий культурно-познавательного характера в разные города Польской Республики. Такие поездки совершались регулярно во время каникул и оплачивались из бюджетных сумм, но вместе с этим план познавательных мероприятий регламентировался куратором ВУО⁶. Педагогические круги не скрывали, что целью таких экскурсий являлось возвращение патриотического чувства к Польскому государству. В 1929 г. после очередной поездки газета «Воскресное чтение» отметила: «Выставка [народного творчества в городе Познань] произвела на учеников сильное

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 120 об.–123.

² Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 40, 48.

³ Там же. С. 51.

⁴ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 18 декабря. – № 1515. – С. 3; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 38.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 65–70 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 324. – Л. 25.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 616; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 77, 133; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 13, 21 об.–22, 31, 75; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 16 об., 25 об., 79 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 94; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 212. – Л. 76 об.–77, 93 об.

впечатление своими огромными размерами, роскошью и богатством экспонатов, свидетельствующими о высоте духовной и материальной культуры Польского государства»¹.

Как отмечал священник Евстафий Баслык, в период его учебы (1921–1927) «очень немногие позволяли себе сходить в кино, реже – в театр. За шесть лет учебы в Вильно я ни разу не был в театре». Впоследствии стали совершаться регулярные визиты в театр или кинотеатр (около восьми раз в учебный год), расходы на которые покрывались². После посещения преподаватели проводили дискуссии с учащимися, обсуждая увиденные картины³. Одновременно избранные воспитанники обязывались участвовать в подготовке спектаклей общего школьного театра Виленского учебного округа⁴.

В силу малого количества источников мемуарного характера представляется крайне затруднительным представить полную картину внутренней жизни школы и обрисовать те настроения учащихся и учащихся, которые царили в семинарии в период интенсивных реформ в 1920-е гг. и стабилизации с одновременной ликвидацией в 1930-е гг. В результате этого приходится полностью доверять труду священника Евстафия Баслыка, поскольку на данный момент не существует аналогичных работ.

Следует привести несколько выявленных примеров, которые помогают лучше понять внутреннюю жизнь духовной школы. В частности, воспитанники старших классов не боялись открыто выражать свою позицию и даже смело протестовать, если с общим мнением учащихся было несогласно руководство семинарии. При этом обращения с открытым мнением направлялись не только в администрацию, но и в адрес высшей церковной власти – управляющего Виленской епархией и Предстоятеля Православной Церкви в Польше. Так, в декабре 1921 г. на созванном экстренном заседании педагогического совета недавно назначенный на должность инспектора игумен Филипп (Морозов) представил рапорт о поведении воспитанника восьмого класса Евгения Малевича. Инспектор неоднократно наблюдал, как Е. Малевич проникал в учительскую комнату и просматривал классные журналы. В результате педагогический совет решил уволить на период трех месяцев из семинарии нарушителя дисциплины. Воспитанники восьмого класса, узнав о таком решении, не отправились на обед, демонстративно находились в классе и так выразили протест относительно меры наказания их сокурсника. Более того, на следующий день Е. Малевич явился к ректору и объявил, что весь его класс

¹ Экскурсия учеников Виленской духовной семинарии на Познанскую выставку // Воскресное Чтение. – 1929. – 21 июля. – № 29. – С. 472.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 576; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 126; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 6 об., 12 об., 15 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 11 об., 27, 44 об., 54 об., 56, 69 об., 71, 77, 79 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 13.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 5 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 74.

собирается описать происшедшее в газетах, донести до Министерства РИиНП, и в защиту своей личности он не остановится даже перед тем, чтобы вынести этот инцидент на суд польского правительства. Ректор В. В. Богданович предложил ничего не предпринимать, чтобы это не отразилось на судьбе и положении семинарии, в то же время воспитанники восьмого класса, протестуя, перестали ходить на занятия. Через несколько дней секретарь А. Свитич, будучи также воспитанником данного класса, попытался в частной беседе с ректором смягчить наказание Е. Малевича и обещал договориться со своим классом, чтобы успокоить одноклассников. Ректор решил действовать более строго и заявил, что за такую линию поведения совет может вовсе закрыть восьмой класс. В итоге Е. Малевич перевелся в такой же класс Виленской белорусской гимназии и учащиеся вернулись на занятия. Администрация вынесла всему классу строгий выговор и предупреждение, что при повторении подобных инцидентов последуют безоговорочные отчисления. Примечательно, что после окончания курса среднего образования и выпускных экзаменов все воспитанники в июне отчислились из семинарии, этим действием явно угрожая руководству опасностью не набрать следующий курс первого богословского класса. Тем не менее, впоследствии, перед самым началом нового учебного года, все они поспешно восстановились¹.

Не следует враждебное отношение восьмого класса к ректору В. В. Богдановичу распространять на остальную часть учащихся. Вот что вспоминал А. О. Богданович, внук В. В. Богдановича: «К моему дедушке часто приходили студенты. Ребята в келье ректора подолгу разговаривали о своих проблемах, и мой дедушка всех выслушивал, помогал»². Священник Евстафий также вспоминает Вячеслава Васильевича с самой положительной стороны, как человека, сыгравшего исключительную роль в его мировоззренческом развитии³.

Другой показательный случай относится к истории эконома семинарии священника Александра Григорьева. В 1924 г. он написал письмо архиепископу Виленскому Феодосию (Феодосиеву), в котором в резко негативном и критическом свете представил руководство и весь педагогический совет семинарии. Узнав об этом, учащиеся незамедлительно отреагировали, составив письмо архиепископу от лица всех воспитанников, где все заявления священника Александра Григорьева в адрес руководства семинарии назывались клеветой. Более того, семинаристы дали нелестную характеристику самому эконому, объяснив, что он ведет себя с учащимися очень грубо, и привели в качестве примера случай избияния одного из воспитанников во время летних

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 48–50.

² Дорофеев, А. М. Вячеслав Васильевич Богданович как церковно-исторический деятель. С. 6.

³ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 42–43.

каникул. В результате священник Александр Григорьев подвергся увольнению из семинарии¹.

Уместно вспомнить также ситуацию, описанную во второй главе данной работы, когда после увольнения ректора архимандрита Филиппа (Морозова) в апреле 1924 г. воспитанники неоднократно писали обращения митрополиту Дионисию (Валединскому) и Министерству РИиНП с просьбой отменить данное распоряжение².

Случались и истории грубого характера: однажды насельники интерната остались недовольны качеством проведенного ремонта в общежитии. Накануне проверки семинарии ревизионной комиссией от дирекции публичных работ некоторые ученики сделали надписи на стенах семинарского здания с непристойными словами³.

Иногда смелость учащихся проявлялась и с положительной стороны. В 1924/1925 уч. г. ученики седьмого класса не смогли пройти полного, положенного по программе, курса русской литературы, поэтому весь класс просил, чтобы в будущем году руководство ввело дополнительные уроки русского языка⁴. При этом воспитанники, узнав, что в следующем классе остается преподавать Лев Белявский, «так крайне резко выражали свой протест, что пришлось для них назначить другого преподавателя Сченсновича»⁵.

Для итога следует отметить, что, согласно воспоминаниям священника Евстафия, семинарская жизнь не была похожа на «бурсу», описанную Помяловским. Отсутствовали «жесткие нравы и обычаи <...>, ведь был XX век с его гуманитарными веяниями»⁶. Однако не так много времени еще прошло с событий 1905–1914 гг., когда в духовных школах происходили бунты учащихся, носившие куда более серьезный и проблематичный характер. Может быть, вышеописанные ситуации следует рассматривать как последствия студенческого свободолюбия начала XX в.

По замечанию священника Евстафия, чтобы скрасить грусть, бедность и нужду, семинаристы старались заниматься развлечениями, забавами, создавали разные шуточные общества, но все это носило культурный характер⁷. К ним можно отнести неоднократно проводившиеся творческие мероприятия, которые пользовались популярностью и носили разнообразные названия: «литературно-вокальные вечера», «музыкально-литературные вечера», «духовные вечера», «ученические вечера» и так далее. Традиция организовывать общественные мероприятия культурного направления восходила еще к дореволюционной

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 15–17; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 40–42 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 33–34.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 550.

⁴ В предмет «Русский язык» входил курс русской литературы.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 550.

⁶ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 51.

⁷ Там же.

ЛДС, где они регулярно проходили и освещались в «Литовских епархиальных ведомостях»¹. Показательно, что этим игнорировалось одно из указаний духовного устава 1884 г., запрещающего в семинариях литературно-музыкальные вечера «как отвлекающие учеников от их прямых обязанностей»².

В период 1921–1925 гг. культурные мероприятия продолжались, но будучи развивающим творческим элементом жизни семинаристов, они имели и важный характер финансового подспорья, так как во время представления собирались денежные суммы, которые впоследствии покрывали оплату за обучение беднейших воспитанников. Объявления о предстоящих выступлениях семинаристов помещались в местных газетах. Среди посетителей значились, в том числе, и высокие гости: архиепископ Феодосий (Феодосиев), ректор Виленского университета, ректор римо-католической духовной семинарии, представители духовенства, местной правительственной власти, а также члены русских и белорусских обществ³.

Зрители щедро вознаграждали юные таланты. Так, в 1923 г. за творческие вечера было всего собрано почти 100 миллионов польских марок, в 1924 г. – более одного миллиарда⁴ (в данный период был пик инфляции польской марки). В программу вечеров включались пьесы, комедии и другие театральные выступления, музыкальная программа семинарского хора и оркестра, стихи отдельных декламаторов. Выступления проводились вместе с учащимися Виленской белорусской гимназии и воспитанницами белорусского приюта. В заключении программы исполнялись танцы под духовой оркестр вплоть до утра⁵. Как однажды передала периодическая печать, «публика очень тепло и радушно принимала молодых исполнителей, награждая аплодисментами и заставляя бисировать некоторые номера», а также «образцовый порядок, поддерживаемый все время самими учащимися, производили самое отрадное впечатление на присутствующих»⁶. Следует отметить, что вся программа данных вечеров основывалась на произведениях русских дореволюционных классических писателей и композиторов.

После приобретения ВДС статуса государственного учреждения сведения о вечерах «в пользу недостаточных учеников» больше не встречается. Когда

¹ Литературно-вокальный вечер в Литовской духовной семинарии 2 февраля 1896 года // ЛЕВ. – 1896. – № 5. (Неофициальный отдел) – С. 39; Музыкально-литературный вечер в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1897. – № 9. (Неофициальный отдел) – С. 80.

² Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 81.

³ Вечер в Виленской православной духовной семинарии // За Свободу. – 1924. – 12 марта. – № 69. – С. 3.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 44–44 об., 144–144 об., 161; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 14 об.–15.

⁵ Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 18 мая. – № 939. – С. 3; Виленец / Вечер в Виленской правосл. дух. Семинарии / Виленец // За Свободу! – 1924. – 22 мая. – № 138 (1188). – С. 3; Вечер в Виленской правосл. дух. Семинарии // За Свободу! – 1924. – 13 июня. – № 154 (1209). – С. 3; Виленец / Вечер в митрополитальной духовной семинарии в Вильне / Виленец // За Свободу! – 1925. – 21 февраля. – № 50 (1454). – С. 3.

⁶ Вечер в Виленской православной духовной семинарии // За Свободу. – 1924. – 12 марта. – № 69. – С. 3.

учреждение находилось под опекой школьных властей, частные инициативы пополнить семинарский бюджет не одобрялись. Вечера разного направления продолжались, однако не столь масштабные и носящие более внутрисеминарский характер: вечера колядок, литературно-культурные, танцевальные¹.

Коллектив семинарии всегда отмечал благодарственным молебном дни тезоименитства митрополита Дионисия (Валединского) и архиепископа Феодосия (Феодосиева), в последнем случае вся семинарская корпорация ходила в покои иерарха с целью общего поздравления².

В ВДС действовало несколько внутрисеминарских кружков. Традиция ученических объединений берет начало еще с XIX в., когда после реформ императора Александра II активизировалась общественная жизнь студентов. К началу XX в. студенческие организации приобрели в основном политический характер, они примкнули к революционному движению. В 1906 г. собравшийся Всероссийский конгресс духовных семинарий констатировал факт, что во многих духовных школах действуют тайные политические организации и кружки³. Следует отметить, что в ВДС кружки не носили разрушительного и деморализующего характера, они являлись исключительно общественно-культурными объединениями.

В документах есть лишь обрывочная информация о существовании кружков в 1920-е гг. Например, в 1923 г. состоялось открытие Белорусского культурно-просветительского кружка, целью которого виделось изучение истории белорусского народа и произведений литературы⁴. В 1926 г. по просьбе семинаристов администрация открыла литературно-художественный кружок, которому позволялось организовать литературные вечера⁵. К 1930-м гг. относится более подробная информация об учреждении и деятельности постоянно действующих ученических организаций, согласно правилам государственных гимназий.

Каждый кружок находился под опекой куратора – одного из преподавателя семинарии. К организационной работе привлекались все ученики, кроме девятого класса из-за подготовки к выпускным экзаменам⁶.

В первую очередь можно отметить культурно-просветительский кружок, который разделялся на следующие отделы: литературно-драматический,

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 13, 15 об., 17, 48 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 12; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 202. – 54 об.; День Ангела Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного архиепископа Феодосия // Слово. – 1935. – 3 марта. – № 9 (294). – С. 3.

³ Смолич, И. К. История Русской Православной Церкви. С. 470, 483.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 24–30.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 6 об.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 75 об.–76; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 3 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 2, 24 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 46, 101.

богословский, белорусоведческий, физический, историко-краеведческий. Отдел краеведения проводил экскурсии по Вильно, разрабатывал культурно-познавательные туры по городу, печатал о них в семинарской газете и выступал в других гимназиях с представлением своих программ краеведческого характера. Некоторые ученики отправлялись в город в качестве гидов для экскурсий, добровольно работали в Виленском этнографическом музее. Есть информация, что другие отделы подготавливали научно-популярные доклады¹.

Кружок «Светлица» иногда фигурировал как один из отделов культурно-просветительского кружка, иногда как отдельное объединение. Деятельность кружка состояла в издательстве семинарской газеты «Наш Голос»², организации дискуссионных вечеров, публичных лекций, концертов и чтений, раз в две недели проходили собрания, где озвучивались ученические рефераты, разделявшиеся на богословские и светские³. Показательно, что обсуждаемые темы ограничивались лишь реалиями церковной жизни в Польской Республике⁴. Ректор семинарии приглашал всех преподавателей не оставаться равнодушными и принимать участие в деятельности «Светлицы»⁵.

Кружок кассы взаимопомощи «Братская помощь» заведовал семинарской церковной лавкой, где по низкой цене продавались канцелярские предметы, а также в кассу кружка всеми учащимися производились обязательные денежные взносы, последнее обстоятельство объясняет «слабую заинтересованность» учеников деятельностью данного кружка⁶.

Существуют обрывочные упоминания и о других кружках, которые скорее всего носили недолговременный характер: кружок классических языков, кружок любителей церковнославянского языка, секция спортивной езды на лошадях, кружок морской и колониальной лиги⁷.

Характерная черта деятельности дореволюционной ЛДС – частые публичные лекции, которые подготавливались и докладывались преподавателями учебного заведения. Религиозно-нравственные или церковно-исторические чтения были открытого формата, поэтому, кроме учащихся, собиралось множество внешних слушателей из местных жителей. Доклады

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1 об., 57 об., 75 об.–76; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 33 об., 79 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 69.

² «Nasz Głos».

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1 об., 57 об., 75 об.–76.

⁴ Например: «Устроение Польской Православной Церкви и ее настоящая организация на данных статистики», «Развитие экономической жизни в Польше», «Главнейшие православные святые, находящиеся в Варшавской и Вильнской епархиях», «Село и город в экономическом развитии Польши», «Общественная и религиозная жизнь в приходах Польской Православной Церкви», «Сельскохозяйственная реформа в Польше и ее принципы». ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 63.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 8 об.–9.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 75 об.–76; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 31; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 61 об., 104; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 370.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 101; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1 об.

отличались высоким научным уровнем и благотворно влияли на собравшихся, что можно считать определенным видом миссионерства. Подобные выступления всегда отмечались в местной церковной печати¹.

Остается неизвестным, в какой степени ВДС в новых реалиях старалась продолжать данную традицию. Существуют лишь отрывочные свидетельства, которые относятся к периоду интенсивной полонизации учреждения, как, например, доклады преподавателей о значении польских культурных деятелей и т. п.² Иногда воспитанники в специально отведенные дни выступали в читальном зале с подготовленными рефератами³. По случаю празднования 1600-летия со дня Первого Вселенского собора состоялось торжественное празднование, во время которого читались публичные доклады преподавателей семинарии⁴. В воспитательных целях в рамках культурно-просветительского кружка действовали регулярные религиозные чтения с докладами преподавателей на нравственную тематику⁵. Также воспитанники иногда ходили слушать общественные лекции польских профессоров в Виленском университете⁶.

Преобразование в государственное учреждение и полная финансовая поддержка школьными польскими властями неизбежно внесли определенные перемены не только в образовательный процесс, но и во внутреннюю и общественную жизнь воспитанников семинарии. Куратор ВУО учебным заведениям национальных меньшинств ставил в качестве необходимого условия сотрудничество и активное участие всего личного состава в общественной жизни и культурном развитии польского государства. Куратор писал администрации ВДС, что в зоне ее ответственности находится забота о развитии патриотического духа семинаристов, дабы они могли видеть в Польше «матушку родину»⁷. Ректор протоиерей Николай Тучемский также обращал внимание всех педагогов, что семинария преследует цель не только умственного воспитания будущих священнослужителей, но в равной степени и возвращения лояльных граждан Польши, в этом аспекте духовная школа обязана иметь соответствующий авторитет⁸.

С 1925/1926 уч. г. семинарская корпорация начала видным образом отмечать государственные праздники: день независимости Польской

¹ Публичная лекция в духовной семинарии // ЛЕВ. – 1894. – № 6. – С. 42; Внецерковные чтения в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1892. – № 9. – С. 70–71.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 71 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 13; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 48 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – 11 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Д. 1. – Д. 169. – Л. 12, 13, 15 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 20.

⁴ В местной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 18 мая. – № 1301. – С. 3; В местной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 30 мая. – № 1313. – С. 3; Вести из Вильно // За Свободу! – 20 мая. – № 131 (1535). – С. 4.

⁵ ЛГИА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 13 об.

⁶ ЛГИА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 44.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 10 об.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 135 об.

Республики (11 ноября), день принятия Польской конституции (3 мая) и память неизвестного польского солдата (29 октября). Регулярно совершались литургии за покой души и панихиды по почившим президентам Польской Республики и других государственных чиновников, несмотря на то, что последние являлись членами Католической Церкви. По распоряжению митрополита Дионисия (Валединского) следовало в дни государственных праздников «учинить торжественное богослужение за процветание Польской Республики и ее Правительства». Рекомендовалось также приглашать местных представителей государственной власти. По окончании богослужения проводились торжественные собрания, где преподавателям поручалось выступать с докладами патриотического характера¹.

Коллектив семинарии с особым пафосом отмечал дни, связанные с именем маршала Иосифа Пилсудского. В день Ангела именинника служилась Божественная Литургия, которая на манер Католической Церкви называлась «служба в интенции маршала Пилсудского», также организовалась актовая часть с докладами, патриотическими песнями, театральными представлениями в исполнении семинаристов². В 1928 г. воспитанники замуrowали в стену семинарии памятную доску с портретом И. Пилсудского и надписью «в памятный день десятилетия возрождения Польши»³. После смерти национального героя Польской Республики корпорация семинарии продолжала служить литургии «за душу светлой памяти Маршала» и чтить память соответствующими мероприятиями⁴.

Нередко по распоряжению куратора ВУО устанавливались определенные дни чествования памяти польских писателей и других исторических личностей, занимающих видное место в польской национальной памяти. Так, в октябре 1924 г. учащиеся почтили память писателя Генрика Сенкевича: была совершена панихида, и на собрании прочтен доклад. В мае 1925 г. совершалось мероприятие в честь 15-летней годовщины со дня смерти польской писательницы Элизы Ожешко, преподаватель польского языка прочитал соответствующий доклад⁵. Таким же образом учащиеся почтили память Стефана Жеромского, Владислава Реймонта, короля Болеслава Храброго и других⁶.

¹ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 17 декабря. – № 1514. – С. 3; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 41, 53 об.–54, 71 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 4, 10 об., 16, 51, 71, 79; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 26 об., 51, 67; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 202. – Л. 28.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 85 об., 87; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 17 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 22; 38 об, 51; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 82 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 212. – Л. 68.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 104.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 20, 36.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 17, 70.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 86, 96–96 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1–2 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 202. – Л. 50.

Куратор ВУО старался приобщить учащихся ВДС к общественной жизни, носящей патриотический характер. Так, в 1924 г. семинаристам было позволено вступить в «лигу воздушной обороны государства»¹, которая занималась спортивной авиацией. Чтобы заинтересовать учеников вступать в подобные кружки, школьные власти предписывали «организовать пропаганду» через классных наставников и чтение соответствующих лекций². Учащиеся неоднократно посещали демонстрацию новых самолетов³.

Корпорация ВДС активно участвовала в мероприятиях, носивших прогосударственный характер. В частности, торжества в честь освобождения г. Вильно от власти Российской империи⁴, совершение Божественной литургии в знак благодарности о принятии в Польше новой конституции⁵, открытие памятников, посвященных польским национальным героям⁶, участие в городских торжествах, посвященных памяти Польского национального восстания 1863 г.⁷, тесное сотрудничество с военными частями Виленского гарнизона⁸, участие в различных выставках польских художников⁹. В 1927 г. с целью поднятия патриотического духа воспитанников педагогический совет решил изготовить штандартное знамя Виленской семинарии, которое использовалось во время городских торжеств. На одной стороне знамени был изображен государственный герб – белый орел с надписью «Państwowe Prawosławne Seminarjum Duchowne w Wilnie. 1927», на другой стороне на белом фоне изображался апостол Иоанн Богослов с надписью «Святый Апостоле и Евангелисте Иоанне Богослове, моли Бога о нас»¹⁰.

В 1925 г. Министерство РИиНП рекомендовало митрополиту Дионисию (Валединскому) исполнять в православных храмах гимн на польском языке «*Woże, coś Polskę*»¹¹. Глава Православной Церкви в Польше постановил: ввиду религиозно-национального содержания этого гимна разрешить его употребление в православных храмах после богослужения, и, в частности, в конце учебного года исполнять учащимися духовных школ¹². В 1938 г., когда в семинарии развивал свою деятельность епископ Матфей (Семашко), хор начал

¹ «Liga obrony powietrznej państwa Polskiego».

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 26; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 329; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 10; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 6; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 329.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 6.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 135 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 79.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 17 об.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 28.

⁷ Там же. Л. 50 об.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 5.

⁹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 202. – Л. 84.

¹⁰ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 61.

¹¹ «Боже, который Польшу в течение многих веков / Обрамлял блеском могущества и славы, / Который заслонял ее щитом своей заботы / От несчастий, которые ее угнетали / Пред твоим алтарем возносим молитву Благослови свободную Родину, Господи...».

¹² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 11. – Д. 93. – Л. 7; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 27.

исполнять богослужбное пение не только на церковнославянском, но и на польском языке¹.

Таким образом, статус государственного учреждения для ВДС принес немало внешне положительных изменений: улучшение материальных условий воспитанников, исправление дисциплины, более ответственное отношение учащихся к учебному процессу. С другой стороны, полонизация учреждения очевидным образом затронула формирующееся мировоззрение детей и подростков школьного возраста. Определенные итоги данного процесса можно проследить, проанализировав экзаменационные сочинения выпускников. В частности, во многих работах по белорусскому языку воспитанники оценивали Польское национальное восстание 1863 г. как «счастливое время» для всех белорусов, получивших надежду вместе с друзьями-поляками учредить в исключительно монархической и жесткой Европе демократическое государство. В работах многократно рассматривалась личность К. Калиновского с самой положительной стороны. Дореволюционный период правления Российской империей однозначно расценивался как время оккупации белорусского края. Есть и другие подобные тому примеры².

Священник Евстафий Баслык, близко соприкоснувшийся с духовенством, обученным в национальном польском духе, дает самые нелестные эпитеты для поздних поколений выпускников духовных школ: «Многие молодые люди, прошедшие эти «польские» православные школы, стали активными деятелями полонизации национальных меньшинств, рьяными проводниками идей польского католического государства, то есть ренегатами, хриstopродавцами»³.

Трудно полностью согласиться с утверждением современного исследователя В. Н. Черепицы, что «Виленская семинария была заражена антипольским духом и в целом имела пророссийский характер»⁴. Действительно, определенные стороны жизни и деятельности духовной школы показывали ее неотъемлемый пророссийский характер, однако это утверждение в полной мере можно применить лишь к раннему, дореформенному этапу учебного заведения. После реорганизации семинарии ее явное антипольское направление было невозможно уже по факту государственной аккредитации и начавшейся полонизации, тем более такое утверждение невозможно применить к периоду 1930-х гг.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 67 об.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 271.

³ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 51.

⁴ Черепица, В. Н. Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В. Н. Черепица. – Гродно : Гродненский государственный университет, 2003. – С. 110.

4.3 Здоровье и гигиена

Примечательной особенностью Синодального периода в истории русского православного духовного образования являлось наличие в учебных планах духовных семинарий дисциплин «Медицина» или «Гигиена». Помимо сообщения воспитанникам базовых сведений в данной области, набор учащихся в дореволюционную ЛДС всегда сопровождался тщательным медицинским осмотром поступающих. Часто из-за недостаточного соблюдения правил гигиены дети являлись носителями инфекционных болезней, что впоследствии приводило к тяжелым эпидемическим последствиям. О серьезности такого положения говорят такие примеры, как заболевание тифом значительной части учащихся, неоднократные случаи смерти от водянки и туберкулеза в XIX в.¹

Для организации контроля над состоянием здоровья учащихся в штатном расписании ВДС всегда значилась ставка доктора. Трудоустроенные семинарские врачи обычно совмещали свою должность с работой в других учебных заведениях, отведя для каждой определенное время приема². Беднейшим воспитанникам бесплатно отпускались лекарства. Также в исключительных случаях, когда требовалось госпитальное лечение, учащиеся принимались в амбулаторию детского приюта при Виленском филантропическом обществе или навещались доктором в своих домах³. С 1926 г. по решению воспитательного совета для больных учеников выделялась отдельная комната в общежитии⁴. С 1925 г. семинария составила контрактный договор с зубным врачом, который за минимальную плату лечил воспитанников⁵. Для снижения риска заболеваний семинаристы были обязаны один раз в неделю ходить в баню, в интернате всегда работала прачечная⁶.

В ведомостях по медицинским справкам чаще всего значится заболевание бронхитом в зимний период времени. Обычно учебные занятия прекращались во всех городских школах, когда температура опускалась до 25 градусов ниже нуля. Так как в то время термометр был редким достоянием, об этом сообщали вывешенные флаги на здании комиссариата Польского государства⁷.

Несмотря на усиленный контроль учебного учреждения, иногда воспитанники заболевали опасными для жизни болезнями, которые порой приводили к смерти. Так в 1925/1926 уч. г. врач обнаружил несколько случаев

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 73, 127, 272.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407 – Л. 58 об.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 71 об.–72.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 8.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 36; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 119; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 63–63 об.

⁶ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 88 об.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 604; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 558; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 591.

заболевания скарлатиной, что привело к смерти одного из воспитанников, в связи с чем пришлось временно прекратить учебный процесс¹. За межвоенный период деятельности духовной школы несколько учеников умерли от туберкулеза².

Вступление в ряды правительственных гимназий внесло небольшие коррективы и в область медицины. Семинарию стала регулярно посещать специальная государственная медицинская комиссия, которая проводила осмотр учеников на наличие болезней, также проверяла состояние зубной гигиены³. Во избежание неприятностей воспитательный совет в 1927 г. постановил перед началом занятий проводить проверку на чистоту ушей, рук, рубашки и т. п. Также было приказано всем ученикам, до четвертого класса включительно, стричь волосы под машинку (наголо)⁴. В том же 1927 г. куратор ВУО сформировал комиссию, состоявшую из нескольких преподавателей, под предводительством учителя физического воспитания и доктора семинарии для организации регулярных санитарных курсов и выступлений перед учащимися⁵. Часто тема докладов ограничивалась характеристикой отрицательного воздействия на организм алкоголя. Кроме этого, количество учебных часов предмета «Гимнастика» или «Телесные упражнения» на протяжении 1920-х и 1930-х гг. постоянно увеличивалось⁶.

По рекомендации школьных властей следовало использовать свободные минуты в учебном процессе для прогулки на свежем воздухе. С 1927 г. ВДС ежегодно принимала участие в межшкольных спортивных мероприятиях г. Вильно во главе с преподавателем гимнастики. В соревнованиях, проводимых в живописных лесных местах, участвовали в том числе и некоторые преподаватели⁷. Также в мае-июне администрация семинарии проводила около пяти прогулок по окрестностям города, во время которых учащиеся играли в различные спортивные игры⁸.

К 1930-м гг. доклады семинарского врача в основном свидетельствуют о хорошем медицинском состоянии учащихся⁹. По его же замечанию, здоровье и физическое развитие детей младших классов значительно лучше, чем

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 94–94 об., 97, 122.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 20, 55 об.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 591.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 14 об.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 10; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 11 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 55.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 202. – Л. 60; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 97; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 8.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 41, 98 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 28, 38 об., 40 об., 56 об., 79 об.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219.

⁹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 10 об., 38 об., 72; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219.

подростков старших классов, в раннем детстве переживших военные и послевоенные события¹.

4.4 Литургическая жизнь и духовное окормление учащихся

В период деятельности ЛДС в качестве униатского учебного заведения (1828–1839) при Жировичском монастыре ее воспитанники каждое утро присутствовали на короткой мессе, что заменяло утреннее молитвенное правило². Впоследствии регулярная богослужбная практика возобновилась при руководстве архиепископа Алексия (Лаврова-Платонова), возглавлявшего Литовскую епархию в 1885–1890 гг. Кроме этого воспитанники обязывались посещать воскресные и праздничные богослужения, петь или читать. В данные дни ученики полчаса до начала литургии собирались в общем зале и слушали объяснение дневного Евангелия, Апостола или историю праздника, после чего отправлялись в храм, где стояли рядами, по классам³.

После возрождения ВДС в 1919 г. богослужения в Свято-Троицком семинарском храме с обязательным присутствием учащихся совершались только в воскресные и праздничные дни (исключение составлял период Великого Поста)⁴. Некоторые воспитанники в это время отправлялись исполнять пономарское послушание в Виленском Свято-Духовом монастыре⁵. Со временем количество богослужений увеличилось. В 1923 г. инспекционный совет признал необходимым для воспитанников и вольнослушателей богословских классов как для будущих пастырей обязательное посещение ранних литургий в 7 часов утра по средам и пятницам⁶. В марте 1925 г. ввелась практика обязательного присутствия всех воспитанников на Литургии Преждеосвященных Даров по средам и пятницам во время Великого Поста. Правда, чинопоследование данного богослужения значительно сокращалось: начало следовало в 8 часов утра, а в 9 часов уже начинались занятия, которые при этом еще и сокращались в такие дни⁷.

Должность духовника появилась в семинарии в сентябре 1921 г.⁸ Данное послушание первоначально поручалось священнику Евгению Белавенцеву, однако уже в феврале 1924 г. он умер⁹. По распоряжению митрополита

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 35.

² Туберозов. Церковные вопросы / Туберозов // За Свободу! – 1926. – 10 июля. – № 155 (1886). – С. 2.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 241, 405, 464–465, 504.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 130.

⁵ Ильин А. Черевачицкие Котовичи – священники, деятели культуры и просто люди / А. Ильин // Гыстарычная Брама. Гісторыка-краязнаўчы часопісь. – 2017. – № 1 (28) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://brama.brestregion.com/nomer28/artic09.shtml>. – Дата доступа : 27.04.2018.

⁶ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 85 об.–86.

⁷ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 53 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. –Л. 123 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 33.

⁸ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 29.

⁹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 1.

Дионисия (Валединского) с марта 1925 г. обязанности духовника возлагались на иеромонаха Иоанна (Лавриненко)¹ – будущего архиепископа Полесского и Брестского. Однако последний часто по состоянию здоровья просил каникулы для отъезда в Волынскую епархию, а в 1927 г. поступил вольнослушателем на православный богословский факультет Варшавского университета и пребывал в г. Вильно лишь непродолжительно. В 1931 г. после назначения в Волынскую духовную консисторию иеромонах Иоанн окончательно покинул ВДС². Других сведений о духовниках семинарии выявлено не было.

Следует отметить и значительное смягчение церковных постов для учащейся молодежи. По докладу инспектора Иосифа Дзичковского, в 1919–1922 г. воспитанники говели лишь на первой седмице Великого Поста, после чего исповедовались и причащались. Администрация усмотрела в таком положении недостаток религиозной дисциплины и обязала учеников говеть также и на Страстной Неделе Великого Поста³. Так как в эту неделю большинство учащихся отпускалось на Пасхальные каникулы, то по возвращении следовало представить справку от местного священника о своевременном соблюдении поста⁴. С апреля 1923 г. вопросы о днях говения в духовных школах стал регулировать Священный Синод Православной Митрополии в Польше⁵. В 1920-е гг. остался вышеуказанный порядок, говение во время всех остальных церковных постов не было обязательным для учащихся духовных школ, что продолжало дореволюционную традицию⁶.

В 1930-х годах Священный Синод Православной Церкви в Польше установил практику общего недельного говения в период Великого Поста для всех учащихся православного вероисповедания правительственных гимназий. В частности, в г. Вильно в заранее установленную неделю все учащиеся городских гимназий православного вероисповедания на протяжении семи дней посещали Пречистенский собор, исповедовались и причащались. Кроме этого, законоучители средних школ в означенное время проводили беседы с молодежью⁷. В семинарских документах этого периода указывается, что перед Рождественскими и Пасхальными праздниками проходили «реколлеции»⁸

¹ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 26 марта. – № 1249. – С. 3.

² ЛГИА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 592; Архиепископ Иоанн (Лавриненко Виктор Филиппович) (1899–1985) // Религиозная деятельность Русского зарубежья [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zarubezhje.narod.ru/gi/i_026.htm. – Дата доступа : 25.01.2018.

³ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 28, 37 об.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 342.

⁵ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 39.

⁶ Согласно уставу 1884 г. семинаристы постятся лишь в первую и последнюю неделю Великого Поста, что соблюдалось в том числе в ЛДС. Священник Н. Извеков замечает, что в период ранней деятельности Литовской семинарии воспитанники также в общем порядке говели во время Рождественского поста. Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 80; Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 240, 278, 371, 413, 505.

⁷ Говение учащихся средне-учебных заведений в Вильне // Слово. – 1934. – 1 апреля. – № 26 (237). – С. 2.

⁸ Термин позаимствован из богослужебной традиции Католической Церкви.

продолжительностью от трех до пяти дней, во время которых семинаристы освобождались от учебы для говения и посещения богослужений¹.

В дни больших церковных праздников православные жители г. Вильно любили собираться на улице Остробрамской², где принимали участие в торжественных шествиях. Организация крестных ходов по улицам старого города с привлечением учащейся православной молодежи берет начало с деятельности митрополита Иосифа (Семашко), который после переноса ЛДС в Вильно по образцу Киевской епархии положил начало торжественным шествиям в противовес праздничным католическим церемониям³.

Архиепископ Тихон (Белавин) во время руководства Виленско-Литовской кафедрой (1913–1917) возобновил традицию крестного хода «на Иордань» – то есть освящения протекающей рядом с Виленским Пречистенским собором реки Вилейки⁴. В мероприятии участвовало около трех тысяч человек, и, как отмечала пресса, «кто хотя раз принимал в Вильне участие в Крещенском празднике, тот без сомнения назовет его Торжеством Православия»⁵. Семинаристы во время «шествия на Иордань» вместе с оркестром исполняли духовные песнопения, к ним примыкали учащиеся из русских гимназий⁶.

В Страстную Пятницу множество православных жителей г. Вильно собирались в семинарском Свято-Троицком монастыре, где архиепископ в сослужении всего городского духовенства совершал торжественную вечерню. При пении семинарским хором «Благообразный Иосиф» и перезвоне колоколов Свято-Духова и Свято-Троицкого монастырей совершался крестный ход в храм Свято-Духова монастыря⁷.

Семинарская корпорация как в дореволюционное, так и в межвоенное время особым образом отмечала день Святой Троицы – престольный праздник Свято-Троицкого храма и «храмовый праздник» духовной школы, а также «семинарский праздник» в день апостола Иоанна Богослова (9 сентября), покровителя духовной школы. Богослужения в означенные праздники возглавлялись архиепископом Виленским Феодосием (Феодосиевым), в сослужении местного приходского, семинарского и монашеского духовенства. После Божественной Литургии совершалась актовая часть, где

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 14, 17, 33, 53 об., 71; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 21 об., 71, 77; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. – Л. 45 об.

² «Островоротной» во время Российской империи. В современной Литве – улица «Аушрос варту» (улица «врат рассвета»).

³ Романчук Александр, протоиерей. Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности. С. 176–177.

⁴ Шлевис, Г.П. Православные святыни Вильнюса / Г. П. Шлевис. – Вильнюс : Свято-Духов монастырь, 2003. – С. 43.

⁵ Крещенское водосвятие в Вильне // Слово. – 1934. – 8 февраля. – № 11 (222). – С. 3.

⁶ Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 20 января. – № 1547. – С. 3.

⁷ Великая Пятница в Вильне // Слово. – 1934. – 6 мая. – № 36 (247). – С. 2; Местная хроника // Виленское утро. – 1922. – 14 апреля. – № 184. – С. 3.

принимали участие также представители общественности и гости семинарии¹. Аналогичным образом семинарская корпорация отмечала день выпуска и торжественное вручение аттестатов².

В данном разделе следует уделить внимание также семинарскому хору. Первоначально, после открытия ЛДС, ее ученический хор испытывал серьезные трудности. Как писал митрополит Иосиф (Семашко) обер-прокурору Н. А. Протасову, «семинаристов, поступавших первоначально из светских училищ, нужно было учить чтению по-славянски и едва их можно было наломать к пению, сколько-нибудь сноному»³. Священник Николай Извеков информирует, что после 1840-х гг. положение стало стремительно улучшаться⁴. В результате в конце XIX в. дореволюционные авторы замечали, что церковное пение в ЛДС было очень развито, этому предмету уделялось особое внимание, многие учащиеся обладали музыкальными навыками. Семинарский хор пользовался повсеместной известностью, его состав часто выступал во время крупных мероприятий, встречал высоких гостей и снискал всеобщее уважение⁵. Настоятели Виленских храмов писали прошения в правление ЛДС с просьбами о направлении певца или чтеца из семинаристов, что продолжалось и в межвоенный период⁶. Достоин удивления тот факт, что хор, состоящий исключительно из учащихся, исполнял такие сложные номера, как финал из оперы «Сон на Волге» А. С. Аренского, задравный хор из оперы А. С. Даргомыжского «Русалка», «Северная звезда» М. И. Глинки и другие⁷.

После возрождения духовной школы семинарский хор в определенной степени сохранил былую славу, учащиеся в воскресные и праздничные службы украшали богослужения своим пением. В будние дни в Свято-Троицком монастыре пели монахини Свято-Мариинского женского монастыря⁸. Воспитанники с певческими способностями ценились администрацией семинарии. По решению педагогического совета, учеников из хора,

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 422; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 68; Местная хроника // Виленское утро. – 1924. – 14 июня. – № 966. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 19 июня. – № 971. – С. 2; П. К. Семинарский праздник / П. К. // Слово. – 1935. – 27 октября. – № 43 (328). – С. 7; Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1896. – № 24. – С. 251–253.

² Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 18 июня. – № 970. – С. 3; Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 21 июня. – № 973. – С. 3; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 28.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 129.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 418, 420, 421; Котович Иоанн. Торжество пятидесятилетия воссоединения униатов с Православной Церковью / Иоанн Котович. – Вильна : Губернская Типография, 1889. – С. 19–22; Музыкальный вечер в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1892. – 1 марта. – № 9. – С. 70.

⁶ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 269; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 33, 151.

⁷ Музыкально-литературный вечер в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1898. – 8 марта. – № 10 (неофициальная часть). – С. 98.

⁸ ЭЛЬ-КА. Из жизни Виленской духовной семинарии / ЭЛЬ-КА // Воскресное Чтение. – 1929. – 8 декабря. – № 49.

обремененных частыми спевками, следовало поощрять путем выдачи им наград, подарков, денежной помощи и даже освобождения от платы за обучение¹. Кроме этого, за хорошее исполнение архиерейских служб певчие получали частные благодарности от высших иерархов².

Семинарскому хору в своих воспоминаниях много внимания уделяет священник Евстафий Баслык. В частности, он упоминает, что в период ректорства епископа Антония (Марценко) праздничные службы совершались с участием двух хоров – семинарского и монашеского женского, в результате – «хорошее пение, величественная архиерейская служба, молодой состав духовенства из семинаристов – все это, вместе взятое, привлекало в Троицкий монастырский храм много молящихся»³.

Впоследствии, по его же замечанию, сложившиеся обстоятельства – постоянно меняющиеся руководители и их неспособность должным образом управлять хором – способствовали ухудшению семинарского пения. Так, при Викторе Степановиче Беере (с 1925 г.) «слава семинарского хора совсем поблекла <...>, очень плохо и нестройно исполняли даже гласовое пение, не говоря уже о партесном»⁴. Несмотря на критику священника Евстафия, в 1929 г. В. С. Беер докладывал куратору ВУО, что он организовал семинарский хор таким образом, что удалось с большим успехом выступить на праздничных мероприятиях г. Вильно. Руководитель привлек в семинарский хор девушек с сильными голосами из гимназии имени Франциска Богушевича⁵. Скорее всего, образовался смешанный молодежный хор, предназначенный для праздничных выступлений.

В 1925 г. в семинарии также сформировался оркестр для совместного выступления с хором. В некотором смысле произошло его возрождение, так как еще в дореволюционное время воспитанники ЛДС славились не только своим хором, но и наличием оркестра. Стать руководителем выразил желание опытный капельмейстер Петр Антонович Кетлер⁶. Впоследствии как оркестр, так и хор, состоящие из учащихся, многократно выступали на самых различных мероприятиях на протяжении 1930-х гг.⁷ Местная периодическая печать всегда положительно оценивала выступление семинарского коллектива⁸, в силу чего можно утверждать, что несмотря на трудности в период 1925–1927 гг., указанные священником Евстафием, ученический хор смог дальше вполне

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 139.

² Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 19 июня. – № 1333. – С. 3.

³ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 56.

⁴ Там же. С. 64–65.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 556.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 141–143.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 56; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 70 об; О. Ф. Духовный вечер в Вильне / О. Ф. // Слово. – 1934. – 29 марта. – № 25 (236). – С. 2.

⁸ Вечер в Виленской православной духовной семинарии // За Свободу. – 1924. – 12 марта. – № 69. – С. 3.

успешно реализовать музыкальную деятельность. Обращает на себя внимание многочисленный состав семинарского хора, состоявший из 40–60 воспитанников¹.

Интеграция семинарии в систему среднего образования Польской Республики не повлияла существенным образом на ее богослужebную жизнь. Определенные трудности возникали только в связи с некоторыми церковными праздниками. Так, дни памяти апостола Иоанна Богослова и святителя Николая Чудотворца, которые всегда отмечались в дореволюционной ЛДС, куратором ВУО не признавались в качестве праздничных выходных дней. Педагогический совет решил ситуацию таким образом: опираясь на одно из положений циркуляра Министерства РИиНП, позволявшим в определенный день, когда будет признано, что ученики переутомлены, установить выходной день для организации игр и школьных прогулок на открытом воздухе, отнести эту возможность к означенным праздникам².

В остальном же, несмотря на такие процессы, как полонизация учреждения, упразднение богословских классов и статус обычной гуманитарной гимназии, ее воспитанники продолжали посещать богослужения каждую неделю, читать, петь и прислуживать в алтаре, совершались ежедневные утренние и вечерние молитвенные праивла. В 1925 г. после выделения общеобразовательного отдела семинарии и преобразования его в классы гимназии учащиеся обязывались дальше участвовать в богослужebной жизни семинарии. Все церковные двенадесyтые и великие праздники продолжали должным образом отмечаться в стенах духовной школы³. Богослужebная жизнь продолжала вестись на основе старого Юлианского календаря⁴, несмотря на определенные попытки высшего церковного руководства осуществить календарную реформу и перейти на использование Григорианского календаря, последний не прижился в силу откровенного нежелания верующих и большинства духовенства⁵. В связи с вышеперечисленным важно отметить, что ВДС сохранила характер духовного учебного заведения.

4.5 Организация воспитательной работы

Воспитательная работа в ВДС основывалась на базовых положениях уставов российских духовных школ Синодального периода. Однако в первые

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 15; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 25; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 60.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 63.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 12 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 365.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 74.

⁵ Новый стиль в православной церкви // Виленское Утро. – 1923. – 30 декабря. – № 800. – С. 3.

годы деятельности семинарии после ее возрождения инспекционная служба работала непривычным образом, допуская множество исключений. Изучение педагогических журналов за 1919–1922 гг. позволяет утверждать, что в духовной школе в определенной степени царил организационный и дисциплинарный хаос. Большинство учащихся принадлежали к разряду «вольнослушателей», жили на частных квартирах и приходили на лекции лишь вечером. В документах совершенно не значится количество проживавших в общежитии в период 1919–1921 гг., если такие и были, неизвестно, в какой степени они соблюдали привычный семинарский порядок. Должность самого инспектора значится уже со времени открытия школы, однако отсутствует информация о работе его дежурных помощников. Известно лишь то, что в 1921 г. после открытия десяти классов семинарии инспекторский надзор осуществляли лишь один-два дежурных помощника. Все это приводило к своеволию воспитанников, которые часто безнаказанно пропускали уроки и богослужения. Кроме этого в данный период политическая ситуация Виленского края оставалась очень нестабильной, некоторые учащиеся совмещали участие в боевых действиях за г. Вильно вместе с учебой в семинарии¹.

Постепенно ситуацию удалось улучшить, поскольку руководство приложило большие усилия для изменения ситуации к лучшему. К сентябрю 1923 г. относится первое запротоколированное инспекционное заседание. Его участники, уже получившие определенный опыт контроля над воспитанниками, составили список правил, обязательных для исполнения всеми учащимися, а также учредили дополнительную должность помощника инспектора «ввиду особо тяжелых условий, в которых приходится трудиться инспекции» – имеется в виду частое посещение учеников, проживающих на квартирах, расположенных по всему городу².

В принятом дисциплинарном уставе можно выделить основные пункты:

1. Все воспитанники и вольнослушатели семинарии обязаны присутствовать на богослужениях во все воскресные и праздничные дни, принимая участие в пении, чтении и прислуживая в алтаре; каждому классу и ученику по отдельности отводилось определенное место в храме.

2. Все классы распределяются между тремя помощниками инспектора, которые контролируют их не только в семинарии, но и на частных квартирах; прежние довоенные должности смотрителей и надзирателей упразднены.

3. Обязать воспитанников и вольнослушателей богословских классов жить в интернате при семинарии; проживание на частных квартирах может быть допущено по уважительным причинам, только в каждом отдельном

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 94–97.

² Там же. Л. 85.

случае, при этом проживающие вне общежития подчиняются всем требованиям семинарской дисциплины¹.

Следует отметить, что несмотря на требования инспекции, проживание воспитанников по частным квартирам осталось распространенным явлением весь межвоенный период. Еще в 1845 г. после переезда семинарии в г. Вильно последовал указ митрополита Иосифа (Семашко) о запрещении ученикам проживать вне стен семинарии, однако, несмотря на то, что в то время общежитие могло вместить более 200 проживающих, имеется информация, что небольшая часть учащихся жила в городе². То же самое относится и к контингенту воспитанников Виленского и Жировичского духовных училищ³. В межвоенный период, с одной стороны, администрация признавала необходимым поселить всех воспитанников в интернат, с другой – в силу уменьшения жилой площади могла принять в свои стены ненамного больше, чем 100 проживающих, и в некоторых случаях отказывала на просьбы о расселении⁴. По разным данным, в 1920-е гг. в общежитии проживало 28–62% учащихся⁵. В 1930-е гг. в связи с постепенным уменьшением количества учеников данный показатель к 1937 г. увеличился до 80%⁶. Согласно воспоминаниям священника Евстафия, проживающие в городе воспитанники держались обособленно от других ребят из интерната и виделись с ними только во время уроков⁷. Это выражалось также в том, что такие учащиеся часто пропускали богослужения, следить за их поведением инспекции представлялось намного труднее. С 1927 г. собственники квартир были обязаны писать специальное прошение о позволении поселить у себя воспитанника семинарии, преподавателям запрещалось принимать в свои квартиры учеников⁸. Куратор ВУО извещал Министерство РИиНП, что проживание вне общежития служит поводом к разным авантюрам семинаристов в городе. В связи с этим он считал, что семинария – это не духовно-образовательное

¹ Там же. Л. 96об.–97.

² Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 265, 463–464; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 17.

³ ЛГИА. Фонд. 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 14 об.–15, 36.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 53–56; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 3 об; От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // Воскресное чтение. – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509; Правление Митрополитальной Духовной Семинарии в Вильне // За Свободу! – 1925. – 12 июня – №152 (1558). – С. 1.

⁵ Pawluczuk, U.A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej*. S. 279; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 10–11; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 72, 118; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 10, 74; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 384; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 385; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 386; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 387; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 388; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 389.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 609.

⁷ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 48.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 5. – Л. 10.

учреждение, но «только укрытие для всех, которые ищут самой легкой, наименее интеллектуальной профессии – православного попа»¹.

Учебный день в семинарии начинался в 6.45 утра (только для живущих в общежитии), по звонку проводился подъем, и два дежурных помощника будили воспитанников. В 7.15 начиналась утренняя молитва, после нее – завтрак. Учебное время начиналось в 8–9 часов утра, и к этому времени приходили проживающие на квартирах. Перед занятиями и после них пелась молитва. Во время уроков в общежитии и на кухне оставалось по одному дежурному из числа воспитанников. На переменах помощники инспектора находились в коридорах и наблюдали за порядком. По окончании занятий один из них собирал классные журналы, а второй в 13.15 шел с учащимися на обед (живущие в квартирах отпускались по домам). Запрещалось ходить на прием пищи в другие частные столовые². В ВДС не соблюдалось предписание устава 1884 г., запрещающее воспитанникам после обеда посещать спальную комнату, что, согласно тексту редакции, «приучает их к сонливости и распущенности»³. В послеобеденное время каждый распоряжался своим досугом как хотел: чтением, играми, беседами, отдыхом. Например, ученики младших классов любили играть в футбол в монастырском дворе⁴.

Также проживавшие в общежитии после обеда имели возможность отлучаться в город без особого разрешения, после 17.00–17.30 оно уже требовалось. Инспекция запрещала посещение кино и театра без ее разрешения⁵. После 17.00 выходить в город разрешалось только по уважительной причине и с разрешения дежурного помощника. После 21.00 воспитанники уходили в город только с личного разрешения ректора⁶.

С 17.00 до 20.00 в общежитии проходили вечерние занятия (самоподготовка), которые контролировал один помощник инспектора, второй в это время посещал одну-две квартиры за вечер и проверял, занимается ли воспитанник домашней подготовкой. В 20.30 – ужин и вечерняя молитва. Отход ко сну в 22.00, но желающие могли продолжать читать в своих комнатах. В 23.00 один из помощников инспектора проверял спальные помещения⁷.

На протяжении XVIII в. воспитанники семинарий первые три года обучения не имели права покинуть учреждение даже во время каникул⁸. Позже в XIX в. правила несколько смягчились, появились каникулы, учащиеся во

¹ Pawluczuk, U.A. *Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej*. S. 279–280.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 18.

³ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 85.

⁴ ЭЛЬ-КА. Из жизни Виленской духовной семинарии / ЭЛЬ-КА // Воскресное Чтение. – 1929. – 8 декабря. – № 49.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 18.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 123; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 38.

⁷ Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия. С. 49, 51.

⁸ Смолич, И.К. История Русской Православной Церкви. С. 393.

время учебного процесса могли уехать домой по прошению, но только в самых крайних случаях¹. Как показывает документация, в ВДС также составлялись прошения с просьбами об отпуске домой во время учебного процесса², однако не встречается никаких ограничений по частоте или продолжительности таких отъездов.

На протяжении всего исследуемого периода в семинарии имела место проблема регулярного опоздания на первый урок воспитанников, проживавших в городе. В 1927 г. ректор протоиерей Николай Тучемский установил практику обязательных утренних молитв уже после завтрака, за 10 минут до начала занятий, на которые были обязаны явиться без исключения все учащиеся. Также, как выходец из Волынской духовной семинарии, руководитель духовной школы установил ее практику в ВДС – чтение молитв начиналось возгласом священника, после молитв читалось Евангельское зачало³. В том же году инспектор распорядился отслеживать каждый случай опаздывания и записать в отдельный журнал⁴.

Следует отметить, что в отличие от современного положения в духовных школах, в ВДС учащиеся не распределялись по послушаниям, которые исполняются в послеобеденное и другое время. Воспитанники во внеурочное время были иногда задействованы лишь в спевках семинарского хора, а также в 1922 г. по решению распорядительного собрания во избежание недоразумений на кухне назначался один дежурный представитель от учащихся, который открывал пищевой склад для сотрудников кухни и эконома⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что такие термины как «послушание», «келья», «трапеза» совершенно не применялись во внутренней жизни духовной школы. В свою очередь, в дореволюционный период назначения учащихся на различные виды работ могли состояться лишь в качестве наказания⁶.

Как отмечали члены педагогического совета, молодежь в семинарии в основном бедная, плохо одетая, без навыков культурного воспитания, но добросердечная и стремящаяся к науке. Школьные власти также регулярно делали замечания инспекции ВДС, что ее воспитанникам не хватает дисциплины, они отличаются плохими успехами в сравнении с другими школами, следует больше внимания обращать на внешний вид семинаристов, который весьма грязный. Два дежурных помощника инспектора явно не справлялись со своими задачами ввиду многочисленности учащихся. В результате общего согласия с 1924/1925 уч. г. руководство решило учредить

¹ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 149.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. – Л. 88.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 5. – Л. 14.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 123 об.

⁵ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 115.

⁶ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 244, 246.

институт классных воспитателей или наставников отчасти по примеру довоенной ЛДС. По информации отраженной в протоколах педагогического совета – классный наставник «должен стать как отец для своих детей, воспитывать, обучать их всему, что может пригодиться в жизни»¹.

Каждому классу назначался один воспитатель из числа преподавателей. В перечень их основных задач входили: контроль за посещаемостью уроков, учеба и поведение, общение с родителями или опекунами, обход воспитанников, проживающих на частных квартирах, обязательное присутствие рядом со своим классом во время богослужения и общественных мероприятий, представление своего класса в заседаниях воспитательного совета, контроль за чистотой и опрятностью учеников, организация бесед и лекций перед своим классом. Помощники инспектора стали заботиться лишь о живущих в интернате и вне учебного времени, также наблюдали за их присутствием в храме во время богослужений².

В следующем 1925/1926 уч. г., после разделения семинарии, должность классных наставников в богословских классах была упразднена. С 1 октября в данных классах также упразднилась должность инспектора, и воспитательная часть была на попечении двух надзирателей семинарии³. В свою очередь, в общеобразовательных классах остался прежний порядок, только инспекционный совет скорректировал свое название на «воспитательный совет»⁴. На первом же заседании данного совета директор гимназической части семинарии Лев Белявский указал, что отныне ученики должны соблюдать не только внутренние правила семинарии, но и «правила государственных средних школ Виленского школьного округа». Последовали следующие изменения и заметки:

1. Учреждена обязанность дежурного в классе, который следит за чистотой и порядком.
2. Назначены конкретные места за партами каждому воспитаннику и запрещены передвижения.
3. Опоздавший ученик допускался занять свое место только с позволения преподавателя, все случаи опоздания записывались в отдельный журнал.
4. В целях воспитания эстетического чувства постановлено украшать классы: вывесить карты и картины, связанные с преподаваемым предметом.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 67 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 117 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 16–16 об.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 22; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 11 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 1 об., 2 об., 8 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 3 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 14; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 12; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 1 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 9 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 2 об., 44 об., 66–67 об., 118–118 об., 120 об.–123, 132; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 372.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 100 об., 126 об; Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 10 октября. – № 1451. – С. 3.

⁴ Польск. «Rada wychowawcza».

5. Строго запрещалось бросать «бумажных голубей».
6. Во время перерыва ученикам следовало выйти из класса и проветрить его¹.

Члены воспитательного совета осознавали, что религиозно-нравственное воспитание, основанное лишь на мерах «полицейского характера», очень малодейственное, поэтому просило всех педагогов и особо тех, которые участвуют в инспекторской работе, подавать пример, чтобы учащиеся сами стремились подражать высококультурному поведению².

После реформы 1927/1928 уч. г. надзор над воспитанниками совершали инспектор и девять классных воспитателей, каждый соответственно над своим классом. Отдельных помощников инспектора, как и надзирателей, не осталось³. Данное положение осталось до конца исследуемого периода, разумеется, с уменьшением количества классных воспитателей в процессе ликвидации самих классов.

Разработанные планы воспитательной работы в 1930-е гг. обращали внимание не только на религиозно-нравственное, но и на гражданское воспитание: выработку у молодежи чувства единства с государственным организмом, достоинства быть гражданином Польской Республики и чувства долга перед государством. Вышеуказанное, по усмотрению плана, достигается посредством ознакомления с прошлым своей страны и народа и в отдельности с выдающимися ее деятелями, также через публичные лекции, экскурсии, кружки ученического самоуправления⁴.

Ректор протоиерей Николай Тучемский замечал педагогическому совету, что цель воспитания в ВДС – вырастить священника, который не только умеет совершать богослужение, требы и говорить проповеди, но который должен также быть активным в общественной жизни и своим религиозным примером воплощать миссионерскую деятельность. Средства воспитательного процесса определялись следующие: общение преподавателей с воспитанниками вне учебного времени, частое их посещение в общежитии во время самоподготовки, проведение родительских собраний, отметка в журналах психологического развития и особенностей каждого ученика, обсуждение методов и результатов инспекторской работы на воспитательном совете, который проходил не меньше четырех раз в год, присмотр за младшими классами хорошо зарекомендовавшими себя старшеклассниками⁵.

В 1932/1933 уч. г. при составлении воспитательного плана ВДС возник показательный спор между преподавателем Аполлоном Смержевским,

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 2–7.

² Там же. Л. 13 об.

³ Там же. Л. 13.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 3–4; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 4, 61 об.–62 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 127 об.

выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, представителем дореволюционной семинарской воспитательной системы, и Станиславом Антошуком, светским педагогом. А. Сморжевский утверждал, что необходимо учеников принуждать ходить на богослужения и общественные мероприятия, так как от «внешнего принуждения человек приходит к убеждению во внутренней необходимости». С. Антошук заметил, что воспитание послушания и смирения заключается в выработке у учащегося чувства обязанности как внутреннего императива. Воспитание характера не должно сводиться только к религиозному фундаменту, заключающемуся исключительно в указах инспектора. Это позволяет молодежи защититься от психологической подавленности в студенческих годах. В области воспитания более важное значение имеет личная библиотека ученика (то, что он читает) и его мировоззрение: «ученики очень интересуются вопросами общественно-политическими, и мы должны быть в курсе этих интересов молодежи, помогать ей разобраться во всем этом»¹. Данное утверждение созвучно перекликается с мнением митрополита Евлогия Георгиевского, объяснявшего всеобщий упадок нравственности у семинаристов в конце XIX в.: «Начальство преследовало семинаристов за усы <...>, но каковы были наши умственные и душевные запросы и как складывалась судьба каждого из нас, этим никто не интересовался <...> Из казенной учебы ничего возвышающего душу семинаристы не выносили. От учителей ожидать дружеской помощи было нечего <...> При таких условиях ни для кого семинария *alma matter* быть не могла. Кто выпускался – отрясал ее прах <...>, наши помощники инспектора – именно полиция, а не воспитатели»².

Поведение учащихся в духовных школах оценивалось соответствующей отметкой по пятибалльной системе от одного до пяти, иногда с приложением одного-двух минусов. К примеру, в дореволюционной ЛДС в 1911/1912 уч. г. баллом «5» были отмечены 44% учащихся, баллом «4» – 35%, «3» – 19%, «2» – три воспитанника. В 1914/1915 уч. г. с началом Первой мировой войны ученики продемонстрировали значительно улучшенную дисциплину: балл «5» – 87%, «4» – 12% и только один балл «3». Основными нарушениями были уклонения от служб, молитв и уроков, неблаговидное поведение во время службы, самовольные отлучки в город³. Также в качестве частых нарушений в данный период отмечается нетрезвость и табакокурение. С последней проблемой в семинарию приходили еще выпускники духовного училища в возрасте 11–13 лет⁴.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 38 об.–39.

² Смолич, И.К. История Русской Православной Церкви. С. 471.

³ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 32 об.; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 10.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 16 об., 24 об.–25, 43 об.–44, 68.

Основной контингент воспитанников ВДС 1919–1939 гг. также отмечался за поведение баллами «5» или «4». Отметки «3» за поведение ставились достаточно редко¹. Главными нареканиями в адрес получивших балл «3» были: хулиганские выходки в общежитии, игра в карты, дерзость в отношении к преподавателям, разлагающее влияние на товарищей, плохое отношение старших к младшим классам, не посещение и опаздывание на богослужения и занятия, распитие алкогольных напитков. Инспекция отмечала, что особо между учениками распространено курение табака².

Следует отметить, что в XIX в. в качестве наказания учеников духовных школ могли применяться весьма строгие меры: стояние у классной доски или в углу, биение плетью, лишение пищи или даже заключение в карцере³. Устав 1884 г. запретил телесные наказания для воспитанников духовных семинарий, однако некоторое время таковые еще распространялись на детей, учившихся в духовных училищах⁴.

В ВДС наказания для учащихся всех классов всегда носили административно-учебный характер: временное или перманентное исключение из духовной школы, перевод на разряд ниже, перевод в следующий класс лишь после экзаменов по всем предметам.

Также в документах семинарского архива встречаются и более оригинальные взыскания, например, воспитанник Константин Шашко женился еще до подачи соответствующего прошения в канцелярию. Положенное по уставу духовных семинарий увольнение из семинарии было заменено денежным штрафом⁵. В других отдельных случаях – вместо обычного наказания воспитанники обязывались выучить за ограниченный период определенное количество учебного материала и сдать его преподавателю.

В целом администрация относилась мягко и снисходительно к разным нарушениям учащихся, скорее всего, учитывая непростой подростковый возраст большинства воспитанников. Показательным примером служит история ученика Виталия Кучука. В марте 1923 г. педагогический совет отметил, что он имеет неудовлетворительный балл по восьми предметам, отмечен баллом «2» по поведению в связи с «разлагающим влиянием на товарищей», грубым объяснением с директором Виленской белорусской

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 60 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 10 об., 14, 22 об., 32 об., 38 об., 50 об., 55, 69 об., 72 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 21; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 9 об., 10, 45 об., 48 об.–49, 55 об., 59 об., 72, 78 об., 83.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 158–158 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 14 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 28; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 114–115; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 392. – Л. 1–44 об.; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 335. – Л. 8–47; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 18 об., 25 об., 32 об., 50 об., 52 об.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 345, 495, 524.

⁴ Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. С. 80; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 13.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 293.

гимназии, регулярными опозданиями к утренней молитве и систематическим непосещением уроков. В результате совет постановил в качестве наказания отправить Виталия на оставшуюся треть учебного года домой с правом держать экзамены в следующий класс¹.

Как на одном из заседаний заметил педагогический совет, ВДС уже не является школой дореволюционного типа, чтобы придумывать особые наказания, поэтому правление больше надеется на добровольное исправление учащихся². Классные наставники искали литературу о современных методиках воспитания в учебных заведениях³, это показывает, что они старались основывать свою работу не только на копировании дореволюционного образца.

За проявленное хорошее поведение и учебу воспитанники могли получить стипендию, которая предназначалась для оплаты за обучение⁴. В дореволюционное время ученики с лучшими показателями приглашались в правление, где им объявлялась признательность, их имена записывались в особый журнал. В качестве поощрения выдавались подарочные книги и похвальные листы и стипендии из частных фондов⁵.

В документации ВДС межвоенного периода встречается поощрение за хорошие успехи в науке лишь в качестве ходатайства правления семинарии перед архиереем о рукоположении в священный сан после бракосочетания еще до выпуска из семинарии⁶. Практика рукоположения учащихся регулярно применялась, так за 1925/1926 уч. г. было совершено пять диаконских и одна иерейская хиротония, в числе которых находились и вольнослушатели. В 1926/1927 уч. г. всего в личном составе учащихся насчитывалось два священника и пять диаконов⁷. После упразднения богословских классов, согласно новым правилам, рукополагаться могли только состоявшиеся выпускники семинарии.

В учебной документации имеется заметка о выработке преподавателем Иваном Теодоровичем статистической и психологической анкеты для воспитанников по указанию куратора ВУО. Польские школьные власти применяли современное для того времени педагогическое средство – составление психологического портрета учащихся по отдельности и в результате – учреждения в целом⁸. Результаты этих исследований обнаружить не удалось.

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 33–36.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 57 об.–59.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 69.

⁴ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 40 об.

⁵ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 209, 212, 393.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 303.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 52–52 об., 62.

⁸ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 27.

Как и в дореволюционное время, инспекция семинарии вела журнал «поведения учеников», где классным наставником или преподавателем во время урока отмечались проступки учащихся¹.

В воспитательных целях семинаристам и гимназистам всегда полагалось носить специальную единообразную одежду². В дореволюционной ЛДС одежда воспитанников была форменной, но не строго однотипной, для преподавателей также действовали определенные предписания. В 1870 г. правление приняло за образец униформу воспитанников Санкт-Петербургской семинарии³. В межвоенный период деятельности семинарии, начиная с 1923/1924 уч. г., воспитанники начали носить фуражки единого образца с целью «лучшего контроля в городе»⁴. Впоследствии педагогический совет неоднократно возвращался к вопросу униформы семинаристов, однако каждый раз констатируя факт, что большинство родителей слишком бедны, чтобы позволить купить униформу для детей⁵. Со своей стороны, куратор ВУО замечал, что данный вопрос стоит вне компетенции администрации семинарии и с 1927/1928 уч. г. установил для семинаристов униформу, аналогичную форме гимназистов польских государственных гимназий (темные пиджак и штаны и темно-гранатовая украшенная шапочка)⁶. Одновременно еще со времен устава 1884 г. семинаристам запрещалось носить бороду, усы, длинные волосы. Инспекция ВДС требовала соблюдать внешнюю опрятность⁷.

4.6 Выпускники семинарии

В данном разделе следует уделить внимание выпускникам Виленской духовной семинарии, их дальнейшим перспективам, деятельности и судьбе после выпуска. Как замечает священник Николай Извеков, в дореволюционное время большинство выпускников становились священниками в обслуживаемых семинарией епархиях, часто после выпускных экзаменов воспитанникам предлагалось место прихода со взятием в жены дочери священника. Не женившиеся трудоустраивались в духовной консистории, канцелярии, занимали псаломщицкие места в приходах или учительскую должность в сельских школах. На последнюю должность получали направление большинство учеников из второго и третьего разряда. Лучшие перворазрядники могли продолжить образование в духовных академиях. Однако число таких

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 375, 501; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 275.

² Смолич, И.К. История Русской Православной Церкви. С. 457–458, 468.

³ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 175, 270, 392.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 5. – Л. 10; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 37.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 6 об; По Польше // Слово. – 1937. – 25 апреля. – № 17 (402). – С. 5.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. – Л. 30, 42 об., 49, 61 об.

⁷ Там же. Л. 123 об.

вакансий было строго ограниченным – из 15–20 выпускников только один-два, реже три кандидата поступали в духовные академии. Еще митрополит Иосиф (Семашко) просил Московского митрополита Филарета (Дроздова) принимать больше выходцев из Северо-Западного края, однако получил отказ. Обычно после ЛДС поступали в Санкт-Петербургскую, реже в Киевскую духовную академию. Также выпускники семинарии поступали в светские университеты, к примеру, за пятилетний период 1872–1877 гг. насчитывается 22 таких случаев¹.

Первая мировая война внесла свои коррективы, так как большинство выпускников Литовской семинарии отправлялись на военную службу².

За межвоенный период ВДС обучала всего около 955 воспитанников, из которых школу вместе с богословскими классами полностью окончили 252 выпускника. С открытием православного богословского факультета при Варшавском университете ежегодно от Виленской семинарии туда поступали в среднем 6–7 студентов. Всего за исследуемый период на данные курсы высшего духовного образования поступило 102 выпускника ВДС, что составляет 40% от их общего числа³.

В результате Первой мировой войны число образованных православных священников в пределах Польской Республики сократилось до минимума. В силу этого положения ВДС играла одну из ключевых роль в восполнении контингента образованных пастырей на данной территории. Тем не менее, учитывая информацию, приведенную архиепископом Афанасием (Мартосом), что в трех епархиях – Виленской, Гродненской и Полесской, которые обслуживала ВДС, насчитывалось до 500 приходских церквей, во всех же пяти епархиях Православной Церкви в Польше насчитывалось более 2000 храмов⁴, следует признать, что даже с учетом второй имевшейся семинарии в Кременце 252 выпускника за 20-летний период для такого количества приходов было недостаточным.

С другой стороны, недостаток священнослужителей быстро восполнялся преимущественно выпускниками краткосрочных пастырских курсов, действовавших в каждой епархии. Таким образом, в 1924 г. когда семинарии в Польше обучили лишь несколько выпусков, количество священнослужителей по всей стране уже достигало около 2000⁵.

Следует отметить, что означенные курсы или, как передают источники, «производство испытаний на духовное звание при епархиальных консисториях» не являлись самовольным актом высшей церковной власти.

¹ Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии. С. 230, 233, 364–368, 456–457.

² ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 8.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 304 об.

⁴ Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. С. 264–265.

⁵ Ю. Р-ий. Будущее средней духовной школы в Польше / Ю. Р-ий // Воскресное чтение. – 1924. – 1 июня. – № 18. – С. 280.

Такое положение регулировалось «Временными правилами отношения правительства к Православной Церкви в Польше», где статья XI гласила: «Кандидаты в священство могут получить богословское образование в семинариях, которые признаны правительством. Обладание сертификатами только таких законных семинарий дает право на духовное служение в приходах. Однако до завершения организации богословского образования в семинариях отдельные кандидаты могут получить право стать пастырями после прохождения экзаменов, назначенных епархиальными архиереями, но только в присутствии делегата от Министерства религиозных исповеданий и народного просвещения»¹. Такое положение действовало до осени 1924 г., когда распоряжением Министерства XI статья «Временных правил» прекратила свое действие. Вместе с этим было постановлено, что для поступления в богословские классы семинарии требуется аттестат зрелости средней общеобразовательной государственной школы. Данный указ являлся контрмерой против прямого поступления в богословские классы семинарии, минуя общеобразовательный отдел при отсутствии соответствующего образовательного ценза, например, после окончания дореволюционного народного училища. Также успешное окончание богословских классов стало необходимым условием для рукоположения в священный сан в епархиях Виленской, Гродненской и Полесской². Примечательно, что Виленский архиерей продолжал рукополагать воспитанников, еще не окончивших семинарию, чем, строго говоря, нарушал означенный указ Министерства РИиНП, однако это длилось лишь до выпуска 1926/1927 уч. г., когда упразднились богословские классы.

Несмотря на конкретную регламентацию прав выпускников духовных школ, изложенных во «Временных правилах», встречались случаи, когда некоторые чиновники воеводских властей требовали вторичного экзамена перед рукоположением кандидатов в священство. Чем была вызвана такая необходимость, неизвестно, тем не менее Священный Синод представил ноту протеста Министерству РИиНП, в которой отметил, что не может согласиться с таким положением, которое противоречит «Временным правилам»³.

Выпускники, прошедшие полную общеобразовательную и богословскую программу, имели очевидные преимущества перед священнослужителями, не имевшими такого образования. Кроме общей богословской подготовленности ценность выпускников духовных школ также проявлялась в государственно-

¹ Mironowicz, E. Hierarchia i duchowieństwo w latach 1918-1939 / Eugeniusz Mironowicz // Kościół prawosławny w Polsce dawniej i dziś ; redakcja naukowa: Lucjan Adameczuk, Antoni Mironowicz. – Warszawa, 1993. – S. 85.

² Реорганизация Виленской духовной семинарии // Воскресное чтение. – 1924. – 26 октября. – № 36. – С. 568–569.

³ Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 11 мая. – № 15. – С. 232–233.

политических условиях того времени. Архиепископ Афанасий (Мартос) отмечал, что церковное делопроизводство, по требованию правительства, велось на польском языке, с чем не справлялись пожилые священники, обученные еще в дореволюционных российских школах¹. Для выпускников Виленской и Кременецкой семинарии не составляло труда вести диалог с правительственными инстанциями на государственном языке. Также в определенных случаях в школах требовалось вести уроки Закона Божия на польском языке, на что соглашался не каждый священник.

В целом, на данный момент остаются неизвестными такие статистические показатели, как процентное соотношение духовенства с наличием семинарского образования, полученного до 1918 г., и духовенства после 1919 г., а также количество священнослужителей без полного духовного образования. Исключение пока составляет магистерская диссертация иерея Максима Волка, посвященная образовательному цензу духовенства Полесской епархии, в которой приведены данные, что из 254 священников 132 имели законченное семинарское образование²

Виленская духовная семинария выпустила большое количество будущих священнослужителей, а также педагогов, деятелей культуры, высших иерархов, исповедников и мучеников, за веру Христову пострадавших. Эта многочисленная плеяда в значительной степени влияла на процессы церковной, общественно-политической и культурной жизни белорусского, литовского, польского, украинского и русского регионов. Показателен факт, что большинство преподавателей возрожденной Минской семинарии в Жировичах (1944–1964) являлись выпускниками Виленской семинарии и богословского факультета при Варшавском университете³.

Среди выпускников и обучавшихся в ВДС можно отметить следующих известных церковных иерархов, священнослужителей, представителей церковной науки и образования:

1. Архиепископ Берлинский и Германский (РПЦЗ) Филофей (Нарко).
2. Архиепископ Белостокский и Гданьский Никанор (Неслуховский).
3. Архиепископ Виленский и Литовский Викторин (Беляев).
4. Архиепископ Буенос-Айресский и Аргентинский (РПЦЗ) Афанасий (Мартос).

¹ Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. С. 266.

² Волк, М., иерей. Образовательный ценз клира Полесской епархии в межвоенный период : магистерская диссертация / иерей Максим Волк. – Мн.: Минская духовная академия, 2019. – С. 19–21.

³ Андрей (Василюк), иеромонах. История Минской духовной семинарии периода первого возрождения в послевоенные годы (1947–1964 гг.) в документах архива МинДС / иеромонах Андрей Василюк // Хронос. Церковно-исторический альманах ; гл. ред. А.В. Слесарев. – Мн.: Издательство Минской духовной академии, 2015. – № 2. – С. 102.

5. Виталий Боровой – протопресвитер, доктор богословия, наблюдатель со стороны Московского Патриархата на втором Ватиканском соборе, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии.

6. Александр Каллиникович Свитич. Секретарь и преподаватель ВДС. Известный публицист, печатавшийся в русскоязычных газетах Польской Республики. Автор книги «Православная Церковь в Польше и ее автокефалия», которая заложила фундамент историографии Православной Церкви в Польше межвоенного периода.

7. Дмитрий Петрович Огицкий. В 1930-х гг. вернулся в ВДС в качестве преподавателя, где в конце десятилетия остался фактически единственным лектором по богословским предметам. В 1947 г. преподаватель Жировичской семинарии. С 1966 г. преподаватель Московской духовной академии, заведующий аспирантурой. Автор конспекта по сравнительному богословию, который после редакции священника Максима Козлова до сих пор пользуется широкой популярностью в духовных школах РПЦ.

8. Серафим Железнякович – многолетний ректор Варшавской православной духовной семинарии.

9. Лев Владимирович Савицкий. После окончания семинарии 25 лет служил настоятелем кладбищенской Свято-Евфросиниевской церкви в г. Вильно. С 1949 г. настоятель Виленского Пречистенского собора. Автор книги «Православное кладбище города Вильно» и рукописи «Летопись церковной жизни Литовской епархии».

10. Александр Чернай – в течение 20 лет служил в разных храмах современной Литвы: в городах Рокишкис, Клайпеда, Мажейкяй, Векшняй, Утена. Во время Второй мировой войны эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где написал книгу «Жизненный путь русского священнослужителя», представляющую сборник исторически ценных воспоминаний¹.

11. Антоний Керкович – с 1930 г. несколько десятилетий являлся настоятелем Архангело-Михайловской церкви в г. Вильно. В 1950-х гг. работал секретарем епархиального управления Виленско-Литовской епархии².

12. Феодор Ракецкий. После выпуска из семинарии принял сан, будучи целибатом. Окончил ПБОВУ со степенью магистра богословия. После Второй мировой войны служил священником в разных городах современной Литвы: Рокишкис, Биржай, Клайпеда, Зарасай, Гегабраста. Арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей «за антисоветскую агитацию и пропаганду»³.

¹ Шлевис, Г. П. Православные храмы Литвы / Г. П. Шлевис. – Vilnius: SAVO, 2005. – С. 304, 334, 382, 387, 470, 522.

² Там же. С. 74.

³ Шлевис, Г. П. Православные храмы Литвы. С. 170, 306, 308, 460, 506, 524; Окончание учебного года в православных семинариях Польши // За Свободу! – 1926. – 13 июля. – № 157 (1888). – С. 3.

13. Николай Васильевич Давидович. В 1927–1939 гг. служил в Ярошевичской церкви Молодечненского уезда. В 1939 г. бежал в Литву, опасаясь репрессий со стороны НКВД, и служил в г.г. Рудамина и Тракай¹;

14. Иоанн Степанович Олехнович. По окончании ВДС в 1921 г. служил священником в нескольких приходах Минской и Гродненской областей. В 1943 г. вместе с супругой был зверски убит формированиями Армии Краёвой в д. Раковичи².

15. Виталий Михайлович Боровский. В 1940-е гг. служил в д. Лаша Гродненского района. Оказывал помощь партизанам. По доносу одной из жительниц деревни в ноябре 1943 г. подвергся аресту гестапо. После допросов священник, его жена и две дочери были расстреляны³.

16. Архимандрит Модест (Яцкевич), многолетний клирик приходов в г. Тракай Виленского района, известный деятель белорусской диаспоры⁴.

17. Николай Недвецкий – многолетний настоятель храма (до 1983 г.) всех святых, в земле Российской просиявших в г. Клайпеда⁵.

18. Александр Недвецкий – служил настоятелем в приходах г. Шяуляй, Вевис и Семелишкес в Литве. С 1956 г. входил в епархиальный совет Виленско-Литовской епархии⁶.

19. Вячеслав Петрович Тихончук. До Второй мировой войны исполнял обязанности благочинного Лидского округа. С 1957 г. возглавлял общину в г. Паневежис (Литва) в течение 26 лет⁷.

20. Александр Петрович Нестерович. Служил священником в Нарочанской церкви, позднее настоятель Константино-Михайловской церкви г. Вильнюса. В 1951 г. дал почитать книгу философа Н. А. Бердяева диакону, служившему при его приходе, который оказался тайным сотрудником КГБ. Священник Александр был обвинен в распространении антисоветской литературы и отбывал срок в исправительно-трудовом лагере до 1956 г. После возвращения стал духовником Виленско-Литовской епархии⁸.

21. Михаил Симеонович Кузменко. В 1941–1944 гг. секретарь митрополита Сергия (Воскресенского), секретарь правления монастыря Святого Духа в г. Вильнюсе, преподаватель Виленских богословских курсов. В 1944 г. переведен в Витебскую область, д. Порплище. В 1951 г. арестован за

¹ Шлевис, Г. П. Православные храмы Литвы. С. 128, 168.

² Горны, А. Сінодзік пяцярпелых за веру і Царкву Хрыстовую ў Гродзенскай епархіі (XX стагоддзе) / А. Горны. – Гродна : «ЮрСаПрынт», 2014. – С. 117.

³ Пальчевский, Г. Как погибла семья священника / Георгий Пальчевский // Гродненские епархиальные ведомости. – 2000. – № 9. – С. 17.

⁴ Шлевис, Г. П. Православные храмы Литвы. С. 126, 158.

⁵ Там же. С. 231, 301, 310.

⁶ Там же. С. 116, 176, 181, 282.

⁷ Там же. С. 444.

⁸ Laukaitytė, R. Stačiatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje. P. 117, 142; Шлевис, Г. П. Православные храмы Литвы. С. 33, 83, 86–87.

«антисоветскую контрреволюционную деятельность». В 1956 г. вернулся и служил в Борисоглебской церкви г. Могилева. Автор кандидатской диссертации «Могилевская епархия от ее основания до 1917 г.» и публикации по истории Могилевского Борисоглебского храма и об обстоятельствах смерти митрополита Сергия (Воскресенского)¹.

Десяток выпускников ВДС во время немецкой оккупации Беларуси, будучи приходскими священниками, проявили себя как активные борцы-подпольщики в качестве помощников белорусских партизан. Благодаря монографии Светланы Владимировны Силовой удалось выявить их фамилии². В труде отмечены также несколько священнослужителей, сотрудничавших с немецким режимом, которые также обучались в стенах ВДС.

На сегодняшний день остается актуальным вопрос о характере миссионерской деятельности духовенства из Западной Беларуси, трудившегося на территории Восточной Беларуси в период немецкой оккупации. Науке еще предстоит выяснить, как проявили себя выпускники польских государственных школ и полонизированных духовных семинарий на территории, которая за межвоенный период оказалась на совершенно другом пути развития при советском режиме.

Выводы

По собранным данным из документов семинарского архива и после проведенного анализа были получены следующие данные. Примерно 30-50% воспитанников происходили из духовного сословия, за исключением самый ранний этап деятельности школы, когда в семинарии обучались в основном вольнослушатели, взрослые лица имеющие образование народного учителя. Остальные крупные группы учащихся состоят из детей чиновников (государственных служащих) – около 20–30% и крестьян – примерно 20–25%. В коллективе учащихся всегда числилось сравнительно немалое количество сирот. ВДС в межвоенный период, несмотря на измененный статус обычной гуманитарной гимназии, принимала учащихся исключительно православного вероисповедания.

Процесс национального самоопределения на территории Восточных воеводств Польши полностью еще не завершился, тем не менее, статистика показывает, что большинство учащихся осознавали себя белорусами с родным

¹ Кузменко Михаил // Древо. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://drevo-info.ru/articles/16348.html>. – Дата доступа : 15.04.2018.

² Николай Новаш, Бекаревич Виктор, Кирик Борис, Леванчук Михаил, Пыск Никифор, Севбо Михаил, Скобей Николай, Калиновский Антон, Малашко Вячеслав, Мацкевич Борис, Кирик Павел, Хильтов Николай, Гондарович Анатолий, Боровский Виталий. Силова, С.В. Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в годы немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С.В. Силова. – Мн.: Белорусский Экзархат, 2005 – С. 43–70.

языком русским. В 1930-х гг. процент учащихся, указывающих на русский язык как родной, постепенно уменьшался в пользу белорусского и польского языков и в конце десятилетия составлял уже только половину от всех учащихся. Это доказывает, что обучение в семинарии влияло на развитие национальной самоидентификации белорусской молодежи, отодвигая их от осознания себя частью русского народа.

Большинство учащихся поступало с территории Виленско-Лидской епархии, значительно меньше – из Гродненской и Полесской. В документах архива ВДС не встречается информации о поступивших учениках из зарубежья.

Возраст поступающих в первый класс составлял 10–12 лет, иногда выходя за рамки нижней и верхней границ с 8 и до 15 лет. Возраст воспитанников в общеобразовательных классах обычно не превышал 20 лет. Богословские классы существенно отличались, так как принимали вольнослушателей теоретически любого года рождения, в результате чего возраст обучающихся в этом отделе колебался от 16 до 48 лет.

После открытия десяти классов семинария в пик своей популярности в 1922/1923 уч. г. насчитывала около 400 воспитанников. Впоследствии число учащихся постепенно сокращалось, данную тенденцию еще более ускорила постепенная ликвидация классов с 1931 г. В семинарии наблюдалось явление, когда многие из подававших прошения в итоге так и не являлись к занятиям или не возвращались без объяснения причин после окончания очередного семестра. Предположительно, по этой причине в источниках встречаются разные цифры, обозначающие количество учащихся. Всего в семинарском архиве удалось выявить 955 фамилий учащихся, однако в качестве выпускников значатся лишь 252 абитуриента.

В связи с послевоенной разрухой материальное положение большинства воспитанников Виленской духовной семинарии было очень неблагоприятным. Многим приходилось проживать в очень стесненных условиях и с чрезвычайно скудным питанием. Многочисленные прошения воспитанников часто рисуют печальную картину их бытовой жизни, когда приходилось больше думать о выживании, чем об учебном процессе. С другой стороны по воспоминаниям священника Евстафия Баслыка, даже при таких условиях, учащиеся не унывали и пребывали в хорошем, бодром настроении, все трудности и радости переносились вместе, что оставило глубокий след в развитии молодого поколения.

Семинария продолжила дореволюционную традицию и организовывала разные творческие вечера с театральными выступлениями воспитанников и музыкальной программой семинарского хора. Подобные вечера, согласно местной прессе, пользовались популярностью среди верующих г. Вильно.

После преобразования семинарии в статус правительственной гимназии внутренняя жизнь воспитанников несколько изменилась: значительно улучшились материальные условия, организовывались краеведческие походы по культурно-историческим местам г. Вильно, а также выездные экскурсии культурно-познавательного характера в разные города Польской Республики, регулярные визиты в театр или кинотеатр г. Вильно. Все мероприятия оплачивались из бюджета школьного округа. Вместе с этим педагогические круги не скрывали, что целью таких экскурсий является возвращение патриотического чувства к Польскому государству.

Следует отметить смелость учащихся, которые не боялись открыто выразить свою позицию, для этого было приведено несколько ярких примеров, когда воспитанники протестовали против руководства духовной школы и смогли добиться желаемых результатов. Однако интеграция в государственную систему образования исключила подобные случаи, так как куратор Виленского учебного округа действовал более строго, применяя средства административного порядка.

В семинарии действовало несколько ученических объединений – кружков. Они особо расширили свою деятельность в 1930-е гг. и носили культурно-познавательный характер, направленный на изучение истории Польского государства.

Преобразование в государственное учреждение и полная финансовая поддержка школьными польскими властями неизбежно внесли определенные перемены не только в образовательный процесс, но и во внутреннюю и общественную жизнь воспитанников семинарии. Куратор ВУО учебным заведениям национальных меньшинств ставил в качестве необходимого условия сотрудничество и активное участие всего личного состава в общественной жизни и культурном развитии польского государства. Куратор писал администрации ВДС, что в зоне ее ответственности находится забота о развитии патриотического духа семинаристов, дабы они могли видеть в Польше «матушку родину». С 1925/1926 уч. г. семинарская корпорация начала видным образом отмечать все государственные праздники, а также особые дни связанные с именем маршала Иосифа Пилсудского, дни чествования памяти польских писателей. Семинарский коллектив активно участвовал в городских мероприятиях, носящих прогосударственный характер, воспитанники приглашались к вступлению в патриотические общества. В результате новое поколение семинаристов в 1930-е гг. показало совершенно противоположное мировоззрение тому поколению, которое обучалось в духовной школе в дореволюционный период. В частности Польское национальное восстание 1863 г. оценивалось как положительное и счастливое время для всех белорусов,

дореволюционный период правления Российской империей однозначно расценивался как время оккупации Белорусского края и другие примеры.

Литургическая жизнь воспитанников семинарии была вполне удовлетворительна. Учащиеся постились с заметными послаблениями – один раз в году в Великом Посту. Также они были обязаны ходить каждую субботу и воскресенье в храм, участвовать в богослужении, каждый день в общежитии читались утренние и вечерние молитвы. Руководство заботилось о развитии семинарского ученического хора, который многократно выступал на различных городских мероприятиях. Важно отметить, что несмотря на все реформы, направленные на усиление характера светской гимназии, Виленская семинария сохранила свое лицо именно как «духовная школа» со всеми присущими ей атрибутами.

Воспитательная часть ВДС в основном отталкивалась от проработанных уставов российских духовных школ Синодального периода. Инспекторский надзор осуществляли дежурные помощники инспектора, число которых варьировалось в разные периоды.

Разработанные планы воспитательной работы в 1930-е гг. обращали внимание не только на религиозно-нравственное, но и на гражданское воспитание: выработку у молодежи чувства единства с государственным организмом, достоинства быть гражданином Польской Республики и чувства долга перед государством. Тем не менее, кардинальных различий в воспитательном плане не произошло, принципы воспитательной методики которые перекочевали из традиции дореволюционных духовных школ, остались в Виленской семинарии весь межвоенный период.

Обращают на себя внимание некоторые отличия от современного положения в духовных школах, а именно: у воспитанников не было послеобеденных послушаний, в целом, слово «послушание», «келья», «трапеза» не применялись в духовной школе.

Как и в дореволюционное время, инспекция семинарии вела журнал «поведения учеников», где классным наставником или преподавателем во время урока отмечались проступки учащихся. Большинство учащихся получали отметку «4» или «5» за поведение. Основные нарекания в нарушении дисциплины касались пропуска и опоздания на занятия или богослужения, между учениками было распространено курение табака. Наказания учеников не носили телесного характера, но только административного, как, например, увольнение из семинарии на несколько месяцев. В целом руководство Виленской духовной семинарии поступало достаточно лояльно как по отношению к провинившимся, так и не очень способным к науке ученикам. Крайняя мера наказания – исключение без права восстановления – применялась лишь в самых вопиющих случаях.

За межвоенный период ВДС обучала всего около 955 воспитанников, из которых школу вместе с богословскими классами полностью окончили 252 выпускника. С открытием православного богословского факультета при Варшавском университете ежегодно от Виленской семинарии туда поступали в среднем 6–7 студентов. Всего за исследуемый период на данные курсы высшего духовного образования поступило 102 выпускника ВДС, что составляет 40% от их общего числа. В результате Первой мировой войны число образованных православных священников в пределах Польской Республики сократилось до минимума. В силу этого положения ВДС играла одну из ключевых роль в восполнении контингента образованных пастырей на данной территории. Учебное заведение выпустила не только большое количество будущих приходских священнослужителей, но также педагогов, деятелей культуры, высших иерархов, исповедников и мучеников, за веру Христову пострадавших. Эта многочисленная плеяда в значительной степени влияла на процессы церковной, общественно-политической и культурной жизни белорусского, литовского, польского, украинского и русского регионов.

ГЛАВА 5. ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

5.1 Преподавательская корпорация в 1919–1923 гг.

Личный состав Литовской духовной семинарии к началу 1914/1915 уч. г. насчитывала всего 25 человек преподавательского и обслуживающего персонала, состоявшего на службе в семинарии. В данное число входили: администрация (ректор, инспектор, помощник инспектора), одиннадцать постоянных преподавателей, семь «особых» преподавателей необязательных предметов и четыре сотрудника прочих должностей (надзиратель, духовник, эконом, врач). В сохранившейся статистической ведомости¹ преподавательская корпорация семинарии определена в количестве 14 штатных единиц и включает в себя одиннадцать постоянных преподавателей и три представителя администрации². Остальные педагоги необязательных предметов, работавшие в качестве контрактных сотрудников, не входили в статистическое описание. Из числа преподавателей к монашескому чину принадлежал только ректор – архимандрит Лаврентий (Князев), к белому духовенству – только священник Павел Савицкий, остальные двенадцать – миряне. Абсолютное большинство преподавателей (13 человек) окончили духовные академии и имели степень кандидата богословия, что, впрочем, и требовалось духовным уставом для исполнения обязанностей семинарского педагога. Один преподаватель имел высшее светское университетское образование. Десять преподавателей совмещали работу в других школах г. Вильно: Пять из них – в духовно-учебных заведениях, другие пять – в учебных заведениях иных ведомств³.

Начавшаяся Первая мировая война и вынужденная эвакуация глубоко потрясли учреждение и произвели существенные перемены в преподавательской корпорации. Начиная со времени переезда семинарии в г. Витебск, потом в г. Рязань, в связи с прерванным учебным процессом, многие преподаватели уходили из семинарии сами или направлялись Учебным комитетом при Святейшим Синоде для педагогической деятельности в другие учебные заведения⁴. После окончательного закрытия дореволюционной ЛДС в 1918 г. все ее сотрудники разошлись каждый своей дорогой. Судьбы преподавателей, в своем большинстве так и не вернувшихся в возрожденную семинарию в Польском государстве, пока остаются неизвестными.

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454.

² Административные лица в качестве ректора и инспектора, по устоявшейся традиции, преподавали Священное Писание Ветхого и Нового Завета.

³ Там же.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 456.

Как уже было сказано во второй главе диссертации, небольшая часть вернувшихся преподавателей в Виленско-Литовскую епархию под руководством архиепископа Елевферия (Богоявленского) активно занялись работой над восстановлением церковной жизни и открыли два богословских класса ВДС. В период с ноября 1919 г. до сентября 1921 г., то есть в течение двух учебных лет, преподавательский состав насчитывал всего 4–5 человека: Вячеслав Васильевич Богданович, Владимир Климентович Недельский, Василий Предтечевский, священник Михаил Кушнев и архиепископ Елевферий (Богоявленский), однако последний, скорее всего, в силу своей занятости, оставил преподавание Священного Писания и перестал посещать педагогический совет. Правда, журналы распорядительного и педагогического советов он всегда читал и наносил резолюции с необходимыми замечаниями.

С 1 ноября 1920 г. по предложению ректора В. В. Богдановича произошло восстановление преподавания дидактики. Согласие работать учителем выразил преподаватель Виленской гимназии русского общества Богоявленский Григорий Дмитриевич – сын архиепископа Елевферия, который в отличие от отца избрал педагогический путь в своей жизни¹. Это были все изменения, относящиеся к периоду «пастырских курсов» ВДС 1919–1921 гг.

Следует отметить, что в период 1918–1920-х гг. на территорию Польской Республики, и, в частности, в г. Вильно массово возвращались реэвакуированные жители Северо-Западного края. К ним прибавились новые беженцы, покинувшие большевистскую Россию, которые в г. Вильно составили немалую часть населения и основали различные общества для организации жизни русских эмигрантов. Как отмечает профессор М.В. Шкаровский, «Российские эмигранты смогли воссоздать за рубежом многие институты и проявления жизни дореволюционной России. Но это не был слепок со старой России, появился новый мир, который теперь принято называть Русским зарубежьем»². Центры культурной и религиозной жизни, созданные усилиями эмиграции, дали возможность европейской общественности близко соприкоснуться с российским духовным наследием. Именно благодаря стараниям русского духовенства и интеллигенции из числа мирян церковная жизнь как в Европе, так, в частности, и в Польской Республике получила мощный духовный и интеллектуальный импульс. Духовенство из эмигрантов «было более образовано, активно, креативно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало

¹ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 15.

² Шкаровский, М.В. Влияние русской церковной эмиграции на славянские страны в 1920–1940-е гг. / М.В. Шкаровский // Славянский альманах. – 2013. – С. 229.

возрождению монашества, созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д.»¹.

Вышеописанные геополитические перемены послужили причиной тому, что в ВДС приходило все больше прошений с просьбами о поступлении в разные классы учебного заведения. Вместе с увеличившимся потоком поступающих возросло и количество потенциальных преподавателей из среды русской эмиграции. Такие обстоятельства позволили семинарскому правлению не бояться недостатка педагогических кадров, и 1 сентября 1921 г. было решено объединить структуры духовной семинарии и духовного училища в одно учреждение, при этом увеличить преподавательский состав с бывших 5 человек до 24².

Кроме преподавательской корпорации в семинарию были приняты и другие сотрудники из числа обслуживающего персонала – эконом, письмоводитель, библиотекарь, духовник, врач, дворники, прачка. Несколько позже – зубной врач, сотрудница по хозяйственной части общежития (*gospodyni internatu*) и вахтер (*odźwierny internatu*). Всего в документах было выявлено 34 фамилий сотрудников не из числа преподавательской корпорации, которые работали в семинарии в исследуемый период³.

Ректор при заключении договора с новыми преподавателями обещал рабочие места до времени возвращения из эвакуации бывших учителей ЛДС⁴, из чего следует что в сентябре 1921 г. надежда на возвращение бывших коллег еще не была потеряна. В связи с этим важно отметить, что кроме В. В. Богдановича и В. К. Недельского больше ни одной фамилии из числа бывших преподавателей так и не появилось в архивных документах Виленской духовной семинарии 1919–1939 гг.

Новая преподавательская корпорация, собранная ректором В. В. Богдановичем, проработала лишь один учебный год (1921–1922). Предположительно, именно по этой причине не удалось найти большинства личных дел сотрудников семинарии, трудившихся в указанном учебном году.

¹ Шкаровский, М.В. Миссия Русской церковной эмиграции в XX веке / М.В. Шкаровский // Санкт Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – 2001–2018. – Режим доступа: <http://spbda.ru/publications/professor-m-shkarovskiy-missiya-russkoy-cerkvnoy-emigracii-v-xx-veke>. – Дата доступа. – 04.05.2018.

² В документе отображается лишь решение основать духовную школу, состоящую из 10-ти классов. Количество преподавателей выявлены автором из контекста всего архивного дела. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 29.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 552; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 553; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 569; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 581; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 578; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 587; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 588; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 589; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 591; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 598; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 603; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 605; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 610; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 625; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380 – Л. 20; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 71 об.–72, 80, 87 об; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 13, 22, 30–31, 86–87; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 21–22; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 15–17, 42, 51, 131, 176–188, 269, 274–281, 333–336, 338–369.

⁴ ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 27–28.

Решением Священного Синода Православной Церкви в Польше с 31 августа 1921 г. ректором семинарии вместо В. В. Богдановича назначен игумен Филипп (Морозов) с возведением в сан архимандрита¹. Вячеслав Васильевич отказался повиноваться такому распоряжению Священного Синода и только после ареста архиепископа Елевферия (Богоявленского), потеряв опору, ушел из семинарской корпорации. В духовной школе возник серьезный кризис. Вместе с бывшим ректором, выразив несогласие с новым руководством семинарии, ушло и абсолютное большинство педагогов: В. Предтечевский, В. К. Недельский (остался только в качестве библиотекаря), Сергей Дмитриевич Иустинович, Анатолий Камчаткин, Е. К. Соколова, Дмитрий Богоявленский, Геннадий Богданович (родной брат ректора), Александр Лекант, Л. Т. Сосновская, М. И. Врублевский, протоиерей Александр Сосновский, Евгения Юзвюк, Д. Д. Бохан, Л. Т. Игнатова, Д. Д. Дмоховский, С. Н. Попов, Нина Сосновская – всего 17 человек.

Большинство наставников совмещали преподавание в семинарии с работой в Виленской белорусской гимназии, которая располагалась в том же здании. Также много сотрудников приходило из частной гимназии Виленского русского общества. Поскольку преподавание в ВДС не являлось единственным рабочим местом, предположительно, по этой причине ушедшие педагоги не боялись открыто выразить свой протест, написать прошения об увольнении и организовать свои «тайные собрания».

Разумеется, что после таких решительных мер со стороны преподавательской корпорации новый руководитель семинарии архимандрит Филипп оказался в тяжелой ситуации. В рапорте митрополиту Георгию (Ярошевскому) он жаловался, что после того, как по рекомендации В. В. Богдановича преподаватели начали массово увольняться, в семинарии остались только четыре человека из администрации: ректор, новый секретарь Александр Каллиникович Свитич, новый инспектор Иосиф Дзичковский и воспитатель Николай Шероцкий. Эта небольшая группа приложила все усилия для восстановления преподавательского штата, по возможности, сами проводили все занятия. В связи с этим по ходатайству ректора они получили особую благодарность от главы Православной Митрополии в Польше².

Новая преподавательская корпорация была сформирована очень оперативно, при этом часть протестовавших сотрудников решила вернуться назад и работать дальше. Новый состав в количестве 19 педагогов начал

¹ ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 1–2.

² ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 6–7; В рапорте архимандрита Филиппа епископу Луцкому Алексию (Громадскому) отмечено, что семинарию из состояния разрухи удалось вывести исключительно благодаря самоотверженной помощи священника Иосифа Дзичковского, который пользовался большой популярностью среди духовенства Виленщины и в критический момент епархиальной жизни положительно влиял на духовенство и воспитанников семинарии.

ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 567.

работать с 14 ноября 1922 г. и включал в себя: ректора архимандрита Филиппа (Морозова), инспектора И. Дзичковского, архимандрита Антония (Марценко), священника Владимира Жданова, И. Амбургера, В. Артемьева, Л. Белявского, М. Горецкого, В. Зенкевича, П. Ивашинцову, В. Новочадова, Л. Ольшевскую, А. Свитича, Н. Шероцкого, П. Южыка. Также в семинарию вернулись некоторые из протестовавших сотрудников, которые погорячились, приняв решение об увольнении: протоиерей Михаил Кушнев, Карл Карлович Клейбер, священник Василий Беляев. Несколько позже в семинарию возвратились и определенное время работали и другие педагоги, в свое время поддержавшие ректора В. В. Богдановича: иеромонах Варнава, Михаил Осипович Сивец, Иоанн Яковлевич Котович, Аполлон Сморжевский.

Несмотря на полное восстановление семинарской жизни и нормализацию учебного процесса, преподавательский состав еще не раз существенно менялся. Связано это в первую очередь с постепенной интеграцией духовной школы в систему среднего образования Польской Республики и проводимыми реформами, которые выдвигали новые и непростые требования для сотрудников.

В январе 1922 г. Министерством РИиНП были выпущены «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше», которые, в сущности, стали постоянными правилами (действовали до 1938 г.), определившими деятельность Православной Церкви в Польше. Государственный устав был опубликован в так называемом «Мониторе Польском», периодическом печатном издании, где публиковались правовые акты, принятые Советом министров¹. «Временные правила», кроме многих общих вопросов церковной жизни, в частности, прописывали условия работы педагогов духовных школ.

В первую очередь кандидаты в преподаватели были обязаны проходить процедуру утверждения в Министерстве РИиНП. До этого момента назначение преподавателей состояло фактически лишь в устном совещании и согласовании правления семинарии и местного архиерея. Преподаватели и воспитанники семинарии должны были иметь польское гражданство, а также быть безукоризненного поведения в отношении не только нравственном, но и политическом. Последний пункт выполнялся путем отправления семинарией характеристики преподавателя для польских школьных властей. Чаще всего доклад содержал трафаретный текст: «педагог проявил себя как добросовестный и усердный сотрудник»².

Вопрос польского гражданства преподавателей решался непросто. Главные требования и условия, которые ставились Министерством внутренних

¹ Русская Церковь и Польша // Виленское Утро. – 1922. – 10 февраля. – № 121. – С. 2.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 200.

дел, были: место рождения, место жительства родителей, постоянное проживание на территории Польской Республики до 1914 г., легально ли произошло возвращение из Советской России. Документы о гражданстве оформлялись в администрации Виленского воеводства или в окружной делегатуре (представительстве) правительства в г. Вильно. При отказе местного управления выдавать польское гражданство последней инстанцией для обращения служило Министерство внутренних дел¹. Разумеется, в самыми уязвимыми оказались преподаватели-беженцы, которые никогда не жили в Северо-Западном крае и бежали из России во время гражданской войны. Для решения этой проблемы правление семинарии неоднократно просило митрополитов Георгия (Ярошевского), и позже – Дионисия (Валединского) о ходатайстве и поручительстве перед польским правительством за определенных сотрудников. Тем не менее анализ личных дел семинарского персонала выявил лишь один случай отказа Виленским воеводством предоставить гражданство священнику Александру Григорьеву – эконому и преподавателю младших классов в 1923–1924 гг.²

5.2 Преподавательская корпорация под контролем куратора Виленского учебного округа (1924–1939 гг.)

С началом 1924/1925 уч. г., в связи с официальной государственной аккредитацией ВДС, ее административная жизнь попала под контроль новой инстанции польской школьной власти – это куратория (попечительство) Виленского учебного округа. Как показывает семинарский архив, с этого времени почти все делопроизводственные документы стали согласовываться с куратором ВУО. Данный государственный институт контролировал жизнь духовной школы в очень широком смысле и служил проводником между Министерством РИиНП и ВДС.

После перевода семинарии в статус правительственной школы все преподаватели соответственно стали государственными служащими и обязывались следовать установленным светским нормам. Вся юридическая база для служащих учителей средних школ была прописана в «Dziennik Ustaw», периодическом печатном издании такого же типа, как и «Monitor Polski». Куратор ВУО при рассылке распоряжений всегда ссылался на нормативные акты, утвержденные Министерством РИиНП и изданные в «Dziennik Ustaw», и таким образом регулировал деятельность ВДС как бы от лица самого Министерства.

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 567; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 244; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 626.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 71–99.

Начиная с 1924/1925 уч. г., куратор ВУО перевел большинство сотрудников семинарии из штатного положения в «контрактное». Составлялся контрактный договор на время лишь одного учебного года, который начинал действовать с сентября и заканчивался перед каждыми летними каникулами в июне. За июнь-август такие контрактные преподаватели не получали зарплату и были предоставлены сами себе. Отпускные выплаты на летнее время контрактным сотрудникам не полагались. Перед новым учебным годом куратор согласовывал свои действия с Министерством РИиНП и составлял новые договоры на должность «временного учителя». Такой непрочный статус «контрактного-временного» сотрудника из года в год был своеобразным испытанием для педагогов, так как по окончании действия очередного контракта куратор был в праве без особых пояснений и причин не составлять новый договор и таким образом уволить педагога. Чтобы получить постоянное штатное место, сотрудники семинарии должны были отработать определенное время, получить нужную квалификацию, польское гражданство и в целом хорошо себя зарекомендовать.

В официальном делопроизводстве работодателем считалась не ВДС, но куратор ВУО, который принимал на работу педагога и направлял его в нужное учебное заведение. Ректор семинарии был прописан лишь в качестве посредника между педагогами и куратором и в документах определялся как сотрудник, исполняющий обязанность в учреждении, принадлежащем куратории ВУО¹.

Куратор в контракте определял так называемую категорию заработной платы (*grupa prosażenia*): ее размер обозначался цифрами от 1 до 20. Контракт также определял величину оплаты за один преподавательский час (или один трудовой час в случае неквалифицированных служащих). Категории преподавателей ВДС колебались от седьмой до девятой². Седьмая категория – наивысшая зарплата, для лиц из администрации семинарии и преподавателей с признанной квалификацией, проработавших немалое время на уровне школьного образования³. Восьмая – средняя зарплата, которую получала основная часть преподавательской корпорации. Девятая – наименьшая зарплата, для неопытных практикантов и учителей без квалификации.

В целом финансовое положение и материальные условия преподавательской корпорации оставляли желать лучшего. Например, преподаватель Андрей Куц в рапорте ректору семинарии Николаю Тучемскому писал, что за сумму преподавательского оклада с трудом удастся прожить и

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 627. – Л. 24, 26; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 615.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 7–8.

³ Куратор в сообщении преподавателю Стефану Ивашкевичу в 1937 г. привел такую схему повышения категории: принятие на работу – 9 категория, через полгода рабочего стажа – 8 категория, через шесть лет – 7 категория, через девять лет – 6 категория. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 576.

можно купить только самые насущные вещи. Данный сотрудник по контракту получал 200 злотых в месяц¹. Большинство зарплат колебалось в пределах 90–250 злотых в месяц. Зарплаты лиц из администрации семинарии достигали 300–400 злотых².

С другой стороны, непростое финансовое положение компенсировалось несколькими обстоятельствами. Во-первых, сотрудники семинарии имели возможность получить бесплатную комнату в семинарском здании, чем многие пользовались³. В этом случае нужно было заплатить городскому правлению за электричество и отопление (дровами). В течение одного года за коммунальные услуги насчитывалась сумма около 140–200 злотых⁴. Во-вторых, многие преподаватели, по мере возможности, совмещали должности учителей в других гимназиях г. Вильно. Самые популярные в этом отношении гимназии следующие: частная гимназия Виленского русского общества, гимназия Л. И. Пospelовой, гимназия Юлия Словацкого, гимназия имени Иoaхима Лелевеля, гимназия имени короля Зыгмунта Августа, гимназия имени святого Казимира и др. В-третьих, часто сотрудники получали так называемые «экономические надбавки» (*ekonomiczny dodatek, zasiłek*). Такие пособия платились куратором ВУО после соответствующего прошения. В число таких выплат входили: пособие на супругу (если не работает в государственных учреждениях)⁵, пособие на детей (при рождении, также если обучаются в государственных гимназиях и требуется оплата за учебу)⁶. Для беднейших учителей, по просьбе правления семинарии, куратор выплачивал единовременные пособия или освобождал от коммунальных платежей⁷. Также преподавателями вносились небольшие взносы в кассу больных, и в случае заболевания его или члена его семьи была возможность получить бесплатную медицинскую помощь и обеспечение лекарствами⁸. Сотрудники могли оформить специальное удостоверение учителя, которое предоставляло право пользоваться скидками на проездные билеты железнодорожного транспорта, на билеты театральных выступлений и другое⁹.

Самым злободневным вопросом для всей преподавательской корпорации было получение квалификации, соответствующей нормативам образовательного ценза Польской Республики. Семинарским преподавателям

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 584.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 12.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 593.

⁴ Цена одного кубометра дров – 18 злотых, один киловатт-час электричества – около 1 злотого. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 627. – Л. 24, 26; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 561.

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 616; в случае развода, для бывшей супруги с детьми выплачивалось отдельное пособие. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 551.

⁶ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 581; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 558.

⁷ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 600.

⁸ Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej o ubezpieczeniu pracowników umysłowych z dnia 24 listopada 1927 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1927. – 24 listopada – № 106. – S. 1463.

⁹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 547.

требовалось получить квалификацию «учителя средних школ», что представляло собой долгую и трудную процедуру. Неподтвержденная квалификация явилась причиной многих увольнений в ВДС со стороны куратора. До 1927/1928 уч. г, означенное требование не касалось учителей богословских классов, которые имели статус «частных курсов». Однако после реформы и упразднения богословского отдела в 1928 г. Министерство РИиНП решило пересмотреть преподавательские кадры и запросила у куратора ВУО личные дела персонала ВДС, после чего данная проблема значительно обострилась¹.

По нормативным правилам Министерства образования, учителю без соответствующей квалификации позволялось работать до четырех-пяти лет. После окончания означенного срока он лишался возможности устроиться в любую государственную школу среднего образования. Польские школьные власти к вопросу квалификации отнеслись намного серьезнее, чем к вопросу о польском гражданстве. Для получения гражданства часто было достаточно ходатайства высшей церковной власти. Отсутствие квалификации не помогло даже родному брату ректора семинарии сохранить место преподавателя физкультуры после пятилетнего «испытательного» срока².

За небольшим исключением все преподаватели ВДС получили хорошее образование в высших школах Российской империи, в Варшавском университете, в Карловском университете г. Праги, во Львовском университете и др. Однако постановлением Министерства РИиНП все дипломы, полученные вне территории Польского царства, следовало санкционировать. К примеру, Викентий Гришкевич, выпускник кафедры славянской филологии Карловского университета в Праге, имел высокую докторскую степень, работал преподавателем белорусского языка в ВДС, но не успел за четырехлетний срок получить квалификацию, в результате в 1931 г. был уволен куратором³.

Список документов, требуемых министерством для этой процедуры, доходил до 16 наименований: автобиография, метрика о рождении, брачная метрика, метрики о рождении детей, свидетельство о наличии польского гражданства, свидетельство о прохождении военной службы в польской армии или в войсках других государств, декларации⁴, документы о месте проживания, вероисповедании, полученном образовании и др.⁵ Собрать весь требуемый комплект документов часто представлялось трудной задачей. Многими преподавателями, в связи с Первой мировой войной и дезорганизацией в

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 621. – Л. 29.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 595.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 563.

⁴ Декларация представляет собой маленький листочек бумаги, на котором по заготовленной форме нужно было написать несколько слов. Например: «подтверждаю, что я по национальности поляк и подпись».

⁵ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 594.

России после войны, безвозвратно были утеряны оригиналы документов об образовании и пройденной службе. Как пример можно привести ситуацию из личного дела преподавателя немецкого языка Карла Клейбера. В личном рапорте епископу Антонию (Марценко) он писал, что до войны был учителем немецкого языка в Виленском Мариинском высшем женском училище. В 1917 г. во время летних каникул поехал с семьей на Кавказ и «в силу тогдашних политических событий не мог больше вернуться в Москву, к месту служения, где и оставлены были все документы и послужной список»¹. Такая же ситуация с утерей документов прослеживается и во многих других личных делах персонала – оригиналы терялись в разных ведомствах во время войны, эвакуации и революционной разрухи. Устное подтверждение квалификации имело силу только во время ректорства В. В. Богдановича и архимандрита Филиппа (Морозова) (1919–1924).

Для решения данной проблемы сотрудники присылали копии документов вместо оригиналов, которые по требованию Министерства РИиНП должны были быть заверены печатью нотариуса². Для получения последнего приходилось доказывать факт окончания духовной академии или университета через старые печатные издания, как, например, «Труды Киевской духовной академии» (где указывались списки выпускников), также с помощью оставшихся архивных документов и обращением в Польские консульские учреждения в Советской России³. Анализ архивных документов позволяет утверждать, что этот процесс далеко не всегда заканчивался успешно.

Помимо сбора необходимых документов, Министерство РИиНП требовало еще нострификацию диплома, выданного в дореволюционное время. До завершения этой процедуры преподавателю не разрешалось использовать свое научное звание и степень в официальной документации. Этим процессом занималась государственная комиссия по учителям средних школ, находившаяся при университете Стефана Батория в Варшаве. Для признания квалификации педагога необходимо было сдать перед аттестационной комиссией экзамены: сначала письменную часть, а затем, в случае успешной сдачи, устную часть. Комиссия проводила аттестацию по предметам, которые кандидат намеревался преподавать, а также по истории, литературе и географии Польши. В результате успешного прохождения экзамена выдавался диплом, дающий право на преподавание в средних школах (или только в низших ее классах) определенных предметов⁴. Кроме этого квалифицированный педагог

¹ Виленское Мариинское женское училище к тому времени было эвакуировано в Москву, по этой причине К. Клейбер указывает о возвращении на службу в Москву, а не в Вильно. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 585.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 611.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. – Л. 160; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 585.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 576; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 612. – Л. 18, 39 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 568.

мог рассчитывать на повышение оклада. В некоторых случаях Министерство РИиНП предписывало совсем не платить за должность, если не было соответствующей квалификации. Например, многолетний ректор ВДС протоиерей Николай Тучемский стал получать оклад за исполнение обязанностей ректора только после того, как окончил курсы директоров средних школ, прошел аттестацию и тогда был вправе писать куратору ВУО и просить оплачивать исполнение обязанностей ректора¹.

После прохождения вышеописанной процедуры и признания статуса «постоянного учителя» школ среднего образования от педагога требовалась еще одна, весьма примечательная обязанность – принести присягу. Такая формальность проходила в присутствии двух-трех преподавателей из той же Виленской семинарии².

Анализ личных дел персонала ВДС выявил, что отсутствие квалификации было самой распространенной проблемой преподавателей. В документах часто описывается ситуация, когда даже хорошее высшее образование, полученное в Российских университетах, и блестящий послужной список не помогали педагогу осилить требования переквалификации в Польском университете. Можно предположить, что для преподавателей-беженцев из России основной преградой был языковой барьер, так как аттестация перед государственной комиссией проводилась на польском языке, поэтому успешная сдача предполагала хорошее владение государственным языком. Преподаватели, так и не получившие квалификации, могли работать в богословских классах до реформы 1927/1928 уч. г., также была возможность устроиться на работу учителем в частных (русских) гимназиях или предоставлять услуги репетитора.

Министерство РИиНП в стремлении улучшить качество образования в государственных школах кроме переаттестации преподавателей прибегала и к другим средствам. В частности, регулярно организовывались курсы повышения квалификации для учителей, также различные научно-практические конференции педагогов средних школ. На подобные мероприятия отправлялись и сотрудники ВДС³.

Каждый учебный год проходила визитация (инспекция) учебного заведения, осуществлявшаяся начальником отдела средних школ Виленского учебного округа. Создавалась комиссия, которая посещала уроки, проводила экспертизу и выносила свои заключения куратору ВУО. В результате таких

¹ То есть, должность руководителя учебного заведения. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 616.

² В переводе текст звучит примерно так: «Даю присягу Господу Богу, что в исполнении своих служебных обязанностей, особенно в области воспитания и образования вверенной мне молодежи, буду способствовать изо всех сил утверждению свободы, независимости и могущества Речи Посполиты, которой всегда буду верно служить. Буду полностью соблюдать все юридические предписания, исполнять обязанности своего положения усердно и добросовестно. Поручения моих начальников буду тщательно исполнять, а служебные тайны хранить. Да поможет мне Господь Бог». ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 558; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 602.

³ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 568; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 600; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2.

инспекций ВДС несколько раз получала указ от куратора уволить того или иного преподавателя после неудовлетворительной оценки проведенного им урока¹.

Куратор ВУО и администрация ВДС относились весьма строго к пропуску занятий преподавателями без уважительных причин. Заболев, сотрудник персонала должен был сообщить специальной запиской о невозможности прибыть на уроки. В дальнейшем требовалось подтвердить заболевание соответствующей справкой от врача. Несколько раз пропущенные без уважительной причины занятия могли послужить поводом для жалобы ректора куратору и для увольнения преподавателя².

К требованиям, предъявляемым к преподавательской корпорации, можно добавить и хорошее здоровье. Начиная с 1930-х гг., специальная медицинская комиссия регулярно проверяла весь персонал ВДС на отсутствие заболеваний, препятствующих исполнению обязанностей. Отчет после медицинской экспертизы отсылался куратору ВУО для дальнейших распоряжений, что в некоторых случаях приводило к увольнениям с занимаемой должности и переводом в эмеритуру (пенсионный возраст). Преподаватели не всегда были согласны с заключениями комиссии врачей и обжаловали их решения в медицинской комиссии № 2. Решение последней считалось окончательным и редко отличалось от заключения первой комиссии³.

Состояние здоровья проверялось не только у преподавателей, но также у неквалифицированных рабочих с целью предотвратить распространение инфекционных заболеваний⁴. В данном вопросе комиссия особенно внимательно следила за появлением носителя туберкулеза в стенах учебного заведения. К примеру, рабочему Каролу Русову после обнаружения таковой болезни пришлось безоговорочно и незамедлительно покинуть рабочее место повара, несмотря на его неоднократные прошения о совершенном отсутствии средств к проживанию⁵.

Вопрос пенсионного возраста также был сопряжен с определенными трудностями для большинства сотрудников ВДС. Следует отметить, что оплата эмеритальных взносов была самостоятельным и личным делом каждого

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 584.

² Характерный пример в этом отношении находится в личном деле преподавателя белорусского языка Яна Станкевича. Пропустив только два дня занятий, в защиту своего положения он оправдывался большой занятостью в общественных организациях. Вердикт куратора оказался однозначный – уволить. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 612.

³ В случае преподавателя Станислава Зацевского вторая медицинская комиссия оправдала его и аннулировала решения первой комиссии, тем самым позволив ему успешно продолжить исполнение преподавательских обязанностей. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 572.

⁴ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 581.

⁵ Правление семинарии нашло неуместным тот факт, что больной туберкулезом работает на кухне семинарии. В итоге администрация пожалела К. Русова и позволила ему остаться в качестве дежурного. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 609; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 605.

преподавателя¹. Проблема, особенно для пожилых учителей, состояла в том, что они прослужили большую часть жизни в учреждениях и ведомствах Российской империи, но в реалиях Польской Республики следовало юридически оформить такую выслугу лет. Ситуация была схожа с трудностями признания квалификации. Чтобы засчитать прошлые годы в общий рабочий стаж и в результате учесть их при пенсионных выплатах, приходилось собирать целый пакет документов, доказывающих пройденную службу. В связи с этим уместно вспомнить о возможной потере большинства из этих документов. Иногда при таких трудностях сотрудники старшего поколения пытались решить вопрос несколько своеобразно: собирали несколько свидетелей, которые перед государственными чиновниками давали устные показания о работе их знакомого в определенное время и в определенном месте. Разумеется, такая наивность пожилых людей не могла удовлетворить бюрократические запросы инстанции «Komisja Weryfikacyjna», которая занималась вопросами пенсионных выплат².

Выводы

Преподавательская корпорация восстановленной Виленской духовной семинарии в 1919 г. состояла лишь из пяти человек, которые успешно руководили богословскими классами на протяжении двух лет. Из бывшей Литовской духовной семинарии вернулись только два преподавателя, судьба остальных пока остается неизвестной. По мере увеличения числа беженцев из России, охваченной гражданской войной, многократно увеличилось не только прошения кандидатов на поступление, но и число потенциальных педагогов, способных вести уроки. Это позволило ректору В.В. Богдановичу при открытии десяти классов увеличить количество учителей до 24 человек. Такое количество преподавателей осталось до начала ликвидации учреждения в 1930-е гг.

До государственной аккредитации педагогический персонал семинарии работал в тяжелых финансовых условиях. Семинарский бюджет позволял платить учителям только очень низкие зарплаты, которые были до пяти раз меньше, чем в других учебных заведениях.

С началом 1924/1925 уч. г. постепенно все сотрудники семинарии переводились в разряд государственных служащих с получением государственного оклада. В результате они были полностью подчинены нормативным актам, обязательным для всех учителей государственных гимназий. Означенные изменения принесли новые проблемы для

¹ ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 551.

² ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 611.

преподавательской корпорации. Куратор Виленского учебного округа перевел почти всех сотрудников семинарии из штатного в «контрактное» положение и оставлял преподавателей внештатными до тех пор, пока не представлялись все необходимые документы, доказывающие наличие польского гражданства и признанной (санкционированной) учительской квалификации.

Вопрос польского гражданства преподавателей решался непросто. Главные требования и условия, которые ставились Министерством внутренних дел, были: место рождения, место жительства родителей, постоянное проживание на территории Польской Республики до 1914 г., легально ли произошло возвращение из Советской России. Однако анализ личных дел семинарского персонала выявил лишь один случай отказа Виленским воеводством предоставить гражданство.

Особенно много хлопот преподавателям доставила процедура подтверждения своей квалификации, полученной в большинстве случаев в российских университетах и духовных академиях. Сбор необходимых документов, которых насчитывалось до 16 наименований, занимал продолжительное время, вместе с этим куратор всегда мог без особой причины уволить учителя в конце учебного года, не составив нового договора. Для признания квалификации также требовалось пройти экзамен при государственной комиссии, где следовало показать хорошие навыки в польском языке и предметах полонистики. Не для всех преподавателей такие требования Министерства РИиНП оказались выполнимыми, поэтому в процессе работы было выявлено десять случаев увольнения по причине закончившегося испытательного периода работы без квалификации.

После утверждения штата, оплачиваемого школьными властями, финансовая ситуация преподавателей значительно улучшилась, появилась возможность прожить работая только в одной семинарии не совмещая ее с другими учебными учреждениями. Государство часто выделяло средства на дополнительные одноразовые выплаты, семинария могла предоставить квартиру в здании школы. Однако сохранились свидетельства, что учителям, получившим небольшое количество учебных часов, приходилось нелегко, что вынуждало их искать подработку.

В духовной школе каждый год проходила государственная аттестация посредством проведения открытого урока, иногда после подобных инспекций приходилось увольнять сотрудников. Данные требования повышали самодисциплину преподавателя и его ответственность перед учебно-методической частью семинарии. Строгие правила куратора Виленского учебного округа относились также и к пропуску занятий и состоянию здоровья педагогов. Пропустить даже один урок без уважительных причин считалось совершенно непозволительным. Также состояния здоровья сотрудника часто

проверялось медицинской комиссией, решение которой могло повлечь за собой увольнение.

Автором были проработаны все личные дела педагогической корпорации и составлены таблицы, отражающие статистику сотрудников, в приложении «Д». Выявленные результаты показали, что личный состав преподавателей за 21 год деятельности семинарии в Польской Республике поменялся более, чем четыре раза. Только 40% учителей работали в духовной школе больше, чем два года.

Собранный материал показывает, что ЛДС периода Российской империи всегда славилась блестяще образованным кругом своей преподавательской корпорации – примерами церковной интеллигенции высокого культурного и научного уровня. В период перед Первой мировой войной все преподаватели, за исключением одного, имели высшее академическое богословское образование, были мирянами и нечасто меняли свое рабочее место¹. Такие обстоятельства значительно способствовали научному росту каждого преподавателя, улучшению уровня преподавания, что в итоге отражалось на более качественном обучении будущих пастырей Православной Церкви, которые получали богословские знания от профессионалов.

Анализ архивных документов выявил, что в ВДС межвоенного периода половина преподавателей имела высшее светское образование (52%)², высшие духовные школы закончили 30%. Семь учителей значатся как получившие среднее семинарское образование и потом поступившие в университеты, что часто имело место на образовательном пути детей духовного сословия в начале XX ст.

Разумеется, такая статистика не может сравниться с дореволюционными показателями. С другой стороны, следует учесть несколько фактов:

1) ВДС в 1919–1939 гг. по своей структуре не была лишь сугубо духовной школой дореволюционного формата, состоящей из шести классов; с 1921/1922 уч. г. семинария фактически приобрела статус гуманитарной гимназии, обучающей с низших младших классов до полного среднего образования.

2) Образовательная система Польши требовала высокой компетенции учителей в узкой направленности – в одной или нескольких смежных дисциплинах. Выпускники российских дореволюционных школ были вынуждены преподавать и обладать одинаковой компетенцией во всех общеобразовательных и богословских предметах, что в целом снижало их подготовленность в конкретной области научного знания.

¹ Такое утверждение не касается должностей ректора и инспектора, которые были лишь «карьерным трамплином» для получения сана архиерея или иных высоких мест в церковном управлении.

² В статистике не учитываются те преподаватели, о которых нет данных.

3) Высокие требования к преподавателям и регулярные инспекции учебного округа, несмотря на всю строгость такого положения, без сомнения приносили и полезные плоды в отношении самодисциплины педагога и развития учебно-педагогической методики. В свою очередь, профессионализм каждого учителя в конечном итоге сказывается на качестве образовательного уровня выпускников и авторитете школы в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материалов по теме кандидатской диссертации позволяет прийти к следующим выводам:

1. Основанная в 1828 г. Литовская духовная семинария оказалась неотъемлемой частью развития духовного образования на территории современной Беларуси. Она стала одним из исторических центров возвращения униатов к Православной вере и тесно связана с именем митрополита Иосифа (Семашко). Учебное заведение являлось питомником для множества будущих священнослужителей, славилось профессиональными педагогами, высоким образовательным уровнем выпускников. Первая мировая война повлекла за собой серьезные негативные последствия для духовной семинарии: утеряно материальное благосостояние, библиотека, большинство преподавателей и учащихся. С другой стороны, усилиями архиепископа Литовского Тихона (Белавина) и инспектора семинарии В.В. Богдановича учреждение удалось не только эвакуировать, но и продолжить учебный процесс, вплоть до выпуска 1917/1918 уч. г.

Духовная семинария возродила свою деятельность 19 ноября 1919 г. в совершенно других государственно-политических условиях. В период нахождения в составе Российской империи школа занимала видное место как один из центров поддержки самодержавия в межконфессиональной Виленской губернии и определялась исключительно как русское учебное заведение, которое играло важную роль в политике русификации. В новых условиях, оказавшись в возрожденной Польской Республике, семинария потеряла былую поддержку государства и оказалась в ряду учреждений «национальных меньшинств». Для польских правительственных властей отношения с русскими школами можно определить как испытание толерантности в условиях потенциального исторического реванша.

В первые годы по возвращении из эвакуации (1919–1922) Виленская духовная семинария получила право на законную деятельность и свободно им пользовалась. Духовная школа объединила в себе структуры начального духовного образования бывших духовных училищ и дореволюционных духовных семинарий. Учебное заведение состояло из восьми общеобразовательных классов и двух специальных богословских. В первые годы деятельности ВДС привлекла большое количество желающих обучаться. Однако случившийся конфликт внутри самой Православной Церкви, между иерархами Елевферием (Богоявленским) и Георгием (Ярошевским) по вопросу церковного самоуправления, вызвал глубокий кризис духовной школы и значительно подпортил ее репутацию. Новый ректор семинарии архимандрит Филипп (Морозов) старался подчиняться Священному Синоду

самопровозглашенной автокефальной Православной Церкви в Польше. В период его ректорства к июню 1923 г. значится первое непосредственное стремление польских школьных властей напрямую повлиять на деятельность семинарии путем ее полонизации. С помощью Виленского епархиального собрания вопрос был решен достаточно дипломатично, так как кроме усиления цикла предметов полонизации, учебная программа почти не изменилась. Однако в начале 1923/1924 уч. г. разразился мощный конфликт с Виленской белорусской гимназией, что автоматически привело к враждебным отношениям семинарии и всего Белорусского национального комитета, деятели которого через периодические издания и неоднократные встречи с митрополитом Православной Церкви в Польше повели широкомасштабную информационную войну, дискредитирующую Виленскую семинарию. В результате ректор архимандрит Филипп был уволен, моральные силы педагогического персонала истощились, со стороны Министерства РИиНП последовало ультимативное заявление – реформа по условиям Министерства или ликвидация учреждения.

Новый ректор Виленской духовной семинарии епископ Антоний (Марценко) немедленно согласился на государственную аккредитацию духовной школы с ее постепенной полонизацией. С началом 1924/1925 уч. г. семинария перешла на содержание за счет государственного бюджета, что, с одной стороны, положительно сказалось на материальном положении ее преподавательской корпорации и условиях проживания воспитанников, с другой стороны, открыло путь Министерству для дальнейших действий в сторону полонизации, которые встречали минимальное сопротивление. В начале 1925/1926 уч. г. учреждение было разделено на две части: восемь общеобразовательных классов, которые приобрели статус правительственной гуманитарной гимназии со стремительным переходом на польский язык обучения, в свою очередь, два богословских класса стали «частными курсами». Для каждой структуры был назначен отдельный руководитель, секретарь, канцелярия, даже помещения и инвентарь. С началом 1927/1928 уч. г. семинария опять стала монолитным учреждением с одним руководителем, однако были упразднены богословские классы. Вся программа богословских предметов была почти в два раза сокращена и приходилась на один выпускной девятый класс.

С началом 1931/1932 уч. г. Виленская духовная семинария влилась в поток общей крупной образовательной реформы Польской Республики. Вместе с этим по согласованию высшей церковной власти с Министерством РИиНП было решено провести полную централизацию православного духовного образования, сосредоточив ее в столичном городе Варшаве. Согласно новой реформе Виленская семинария была обречена на постепенную ликвидацию путем упразднения с каждым годом одного класса. В итоге к 1939/1940 уч. г.

остался последний девятый класс с 15 учениками. Однако полностью закрыть учебное заведение было суждено не польским властям, но литовским, которые, восстановив контроль над Вильнюсом, запретили деятельность Виленской духовной семинарии с 1 января 1940 г.

2. Учебная, административная и хозяйственная деятельность ВДС в первые годы после возрождения во многом опиралась на опыт дореволюционного устава российских духовных семинарий. Впоследствии при получении государственной аккредитации учебное заведение полностью приняло нормативы государственных польских гимназий, что влекло за собой крупное реформирование всего учреждения: учебной, административной и хозяйственной частей.

Учебный процесс стал вестись на польском языке, кроме богословских предметов. Высшая церковная власть за межвоенный период не справилась с задачей издания православных учебников религиозных дисциплин на польском языке. Выявлены основные изменения в учебном плане – происходило постепенное сокращение часов для богословских предметов в пользу общеобразовательных дисциплин. Проведенный подсчет отметок позволил суммировать результаты – непрекращающиеся реформы во главе с процессом полонизации учреждения привели к крупному обвалу успешности воспитанников. Преподавательской корпорации и ученикам с трудом удалось адаптироваться к строгим регламентам и высокому уровню государственного экзамена зрелости. Тем не менее, анализ выпускных экзаменационных работ позволяет утверждать, о высоком образовательном уровне семинаристов.

В административной части ВДС начала руководствоваться уставом польских государственных гимназий, однако это не создало серьезных противоречий в деятельности учреждения как семинарии.

В хозяйственной части ВДС после преобразования в государственную школу, начало по большей части содержаться из школьного бюджета местных властей. Это позволило значительно улучшить материальное состояние всего комплекса Свято-Троицкого монастыря, учебных заведений и создать богатый школьный инвентарь.

Государственное финансирование не помогло справиться с проблемой неплатежеспособностью большинства воспитанников, так как в то время не существовало бесплатных гимназий и обязательные взносы остались в силе. Тем не менее, установлено, что, благодаря дотациям, в период 1930-х гг. произошло намного меньше случаев отчисления воспитанников за неуплату за «правоучение», чем это было в период 1920-х гг.

Выявлено, что за весь период деятельности Виленской семинарии, епархиальные начальства Виленско-Лидской и других обслуживаемых епархий на Западной Беларуси, осуществляли очень нерегулярные и слишком

маленькие денежные потоки. В работе делается гипотетическое утверждение, согласно которому, правильная организация содержания ВДС из церковного бюджета, могла помочь избежать финансового краха, необходимости обращаться за помощью государства и в результате сохранить автономность учреждения в статусе частного учебного заведения.

3. Анализ ведомостей, личных дел и множества других документов, позволил успешно сформировать характеристику учащегося контингента ВДС. Собраны и систематизированы социально-сословные, национальные, территориальные, возрастные и количественные данные. Состав учащихся примерно на половину разделялся на духовное и светское сословие. Основной поток воспитанников поступал из Виленско-Лидской епархии, регионов северной и центральной современной Республики Беларусь. Большинство учащихся определяли себя по национальности как белорусов с родным русским языком. Однако в 1930-х гг. процент учащихся, указывающих на русский язык как родной, постепенно уменьшался в пользу белорусского и польского языков, что доказывает о существенном влиянии школьного образования на развитие народной самоидентификации белорусской молодежи. Всего в процессе работы выявлено 955 фамилий учащихся, из которых полностью окончили обучение лишь 255 выпускников.

Становление ВДС государственным учебным заведением и регулярные пособия школьного бюджета позволили существенно улучшить тяжелые послевоенные материальные условия большинства учащихся. Национальные интересы польского правительства в деле воспитания школьной белорусской молодежи проявились двояко. С одной стороны корректируемый воспитательный план требовал все большей вовлеченности учащихся в общественно-культурной жизни польского характера, в стенах семинарии велась пропаганда патриотизма. В итоге это несомненно оставило неизгладимый отпечаток в выпускниках духовной школы. Новое поколение семинаристов в 1930-е гг. показало совершенно противоположное мировоззрение в отличие от тех, которые обучались в духовной школе в дореволюционный период. В исторической перспективе, предположительно, эта ситуация обернулась психологическим кризисом, так как воспитанным на основах патриотической любви к Польше выпускникам приходилось реализовать свою пастырскую деятельность уже в условиях прекратившей свое существование Второй Речи Посполитой – во время Второй мировой войны и послевоенного мира, в том числе оказаться диссидентами на территории Советского Союза. С другой стороны меняющаяся политическая ситуация вокруг учебного заведения фактически не повлияла на ее литургическую жизнь или на основные принципы внутренней жизни воспитанников. Можно утверждать, что ВДС, не смотря на обвинения ее современников, не

превратилась в обычную гимназию, но полностью сохранила принципы духовной школы.

4. В процессе работы были проанализированы все личные дела сотрудников семинарской корпорации. Установлено, что личный состав преподавателей за двадцать один год деятельности семинарии в Польской Республике (1919–1939) поменялся более чем четыре раза. Только 40% учителей работали в духовной школе больше, чем два года. Такая динамика сменяемости кадров была обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, интеграция ВДС в государственную систему образования Польши, автоматически перевело всех преподавателей в статус государственных служащих-учителей, подчиненным строгим регламентам Министерства образования. Часть из них не справилась с трудной задачей подтверждения своей квалификации, поскольку школьные власти требовали более профессиональной компетенции от педагога общеобразовательных предметов, чем это было предусмотрено учебными программами дореволюционных российских духовных школ. Во-вторых, изменившийся вектор и формат семинарии от пророссийского духовного учебного заведения к государственной польскоязычной гимназии, вынудили часть сотрудников по идеологическим причинам покинуть учреждение. В-третьих, в силу неудавшейся попытки создать из ВДС форпост противостояния автокефальному развитию Польской Православной Церкви, большая часть интеллигенции, сочувствующая прежнему режиму Царской России, отказалась работать в стенах духовной школы. В-четвертых, в юридическом отношении учителя ВДС постепенно переходили из области подчинения церковным структурам к государственным институтам. Последние не стеснялись производить частую перестановку кадров, предпочитая выбор учителей общеобразовательных предметов со светским университетским образованием.

Выявлено, что после государственной аккредитации семинарии преподаватели оказались в требовательных условиях работы: необходимость признания квалификации, регулярные проверки школьной инспекции, дополнительные требования к дисциплине и здоровью сотрудников. С другой стороны, такая ситуация повышала ответственность учителей перед учебно-методической частью семинарии, помогало им постоянно заботиться о повышении своей квалификации, заботиться о своем профессиональном росте. Проведенный анализ личных дел персонала показал, что выпускники высших духовных школ составляли только 30% от всех преподавателей, что не может сравниться с дореволюционными показателями. Однако Польская образовательная система не могла мириться с тем фактом, что выпускники дореволюционных духовных академий преподают все общеобразовательные предметы, не будучи профессиональными специалистами конкретной области

научного знания. В результате общеобразовательные предметы в семинарии стали преподавать светские педагоги из других гимназий, однако отсутствие за плечами образования в духовной академии не делало их некомпетентными в сфере своего предмета. Это позволяет утверждать, что интеграция ВДС в польскую систему образования в итоге образовало более профессиональный подход в деле преподавания дисциплин и в целом повысило уровень квалификации преподавательского состава.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованной литературы

1. Адамковіч, А. Э. Беларусы ў Літве: учора і сёння / А. Э. Адамковіч. – Вильнюс : Асацыяцыя «Кругвіја», 2010. – Кн. 1. – 200 с.
2. Адамковіч, А. Э. Беларусы ў Літве: учора і сёння / А. Э. Адамковіч. – Вильнюс : Асацыяцыя «Кругвіја», 2016. – Кн. 2: 3 Богам па-беларуску. – 359 с.
3. Андрей (Василюк), иеромонах. История Минской духовной семинарии периода первого возрождения в послевоенные годы (1947–1964 гг.) в документах архива МинДС / иеромонах Андрей Василюк // Хронос. Церковно-исторический альманах ; гл. ред. А.В. Слесарев. – Мн.: Издательство Минской духовной академии, 2015. – № 2. – С. 199 с.
4. Антоний (Мельников), архимандрит. Жировицкий монастырь в истории западных русских епархий : дисс. ... магистра богословия / архимандрит Антоний (Мельников). – Загорск : Московская духовная академия, 1964. – 476 с.
5. Арефьева, И, Шлевис Г. П. Приимите меня в свою любовь / Ирина Арефьева, Г. П. Шлевис. – Вильнюс : SAVO, 2008. – 414 с.
6. Арефьева, И. Богданович Вячеслав Васильевич / священник Феодор Кривонос, Ирина Арефьева / Православная Энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр РПЦ, 2002. – Т. V. – 725 с.
7. Арефьева, И. Сподвижники св. патриарха Тихона на Литовской земле / Ирина, Арефьева // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1999 г. – М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1999. – С. 287–295.
8. Архиепископ Иоанн (Лавриненко Виктор Филиппович) (1899–1985) // Религиозная деятельность Русского зарубежья [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zarubezhje.narod.ru/gi/i_026.htm. – Дата доступа : 25.01.2018.
9. Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / архиепископ Афанасий Мартос. – Мн.: Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990 – 300 с.
10. Баслык, Е., священник. Записки священника Евстафия / священник Евстафий Баслык ; под ред. священника Феодора Кривоноса. – Мн.: Лучи Софии, 2005. – 245 с.

11. Боголепов, Д. П. Руководство к толковому чтению Четвероевангелия и Книги деяний апостольских / Д. П. Боголепов. – Москва : А.Д. Ступин, 1910. – 481 с.
12. Болотов, В. В. Лекции по истории древней церкви / под ред. проф. А. Бриллиантова. – СПб : тип. М. Меркушева, 1907. – 234 с.
13. Бубнов, П., диакон. Духовный и интеллектуальный облик российского семинариста в начале XX в. / диакон Павел Бубнов // Минская духовная семинария [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minds.by/news/141#.WvUIO4iFNJm>. – Дата доступа : 03.02.2018.
14. Булгаков Макарий, митрополит. Руководство к изучению христианского православно-догматического богословия / митрополит Макарий Булгаков. – Москва : Синод. тип., 1913. – 368 с.
15. Волк, М., иерей. Образовательный ценз клира Полесской епархии в межвоенный период : магистерская диссертация / иерей Максим Волк. – Мн.: Минская духовная академия, 2019. – 96 с.
16. Гавриловский, В. М. Учительные книги Ветхого завета : (Книга Иова, Псалтирь, кн. Притчей Соломоновых, кн. Экклезиаст, кн. Песнь песней, кн. Премудрости Соломона и кн. Премудрости И. с. Сирахова) / В. М. Гавриловский. – Вольск, 1911. – 358 с.
17. Горны, А. Сінодзік пяцярпелых за веру і Царкву Хрыстовую ў Гродзенскай епархіі (XX стагоддзе) / А. Горны. – Гродна : «ЮрСаПрынт», 2014. – 147 с.
18. Горный, А. С. Белорусское национальное движение в православных учебных заведениях Польши в 1920-х годах / А. С. Горный // *Studia Białorutenistyczne*. – Vol. 10. – 2016. – С. 39–53.
19. Гумилевский Филарет, архиепископ. Историческое учение об отцах церкви : в 3 т. / архиепископ Филарет Гумилевский . – СПб : тип. II-го Отд-ния собств. е. и. вел. канцелярии, 1859. – Т. 2. – 384 с.
20. Дорофеев, А. М. Вячеслав Васильевич Богданович как церковно-исторический деятель (1878–1943?) : дипл. работа / А. М. Дорофеев. – Жировичи: МинДС, 2010. – 73 с.
21. Дроздов Филарет, митрополит. Пространный христианский катехизис, православной католической восточной греко-российской церкви, рассматриваемый и одобренный святейшим правительствующим синодом, изданный для преподавания в училищах по высочайшему его императорского величества повелению / митрополит Филарет Дроздов. – Москва : Синод. тип., 1829. – 133 с.
22. Епифанович, Л. П. Записки по обличительному богословию / Л. П. Епифанович. – Новочеркасск : Дон. тип., 1888. – 222 с.
23. Знаменский, П. В. Руководство к русской церковной истории / П. В. Знаменский. – Казань : Унив. тип., 1876. – 482 с.

24. Ивановский, Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических / Н. И. Ивановский. – Казань : Типо-литогр. Императорского ун-та, 1900. – Ч. 1: История раскола. – 274 с, Ч. 2–3: Обличение раскола. – 1901. – 245 с.
25. Извеков Николай, протоиерей. Несколько документов по вопросу открытия православной духовной академии в г. Вильне / протоиерей Николай Извеков. – М.: 2-я типография А.И. Снегиревой, в Сергиевом Посаде, 1893. – 23 с.
26. Извеков, Н., священник. История Литовской духовной семинарии / священник Николай Извеков. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1892. – 566 с.
27. Ильин А. Черевачицкие Котовичи – священники, деятели культуры и просто люди / А. Ильин // Гыстарычная Брама. Гісторыка-краязнаўчы часопісь. – 2017. – № 1 (28) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://brama.brestregion.com/nomer28/artic09.shtml>. – Дата доступа : 27.04.2018.
28. Калужанка, Л. Дзеля Царквы і Бацькаўшчыны: В.В. Багдановіч (1878–1941?) / Лідзія Калужанка // Беларускі Праваслаўны календар, 1997 г. – Мінск : Беларускае Праваслаўнае Брацтва Трех Віленскіх Мучанікаў, 1996. – С. 124–129.
29. Кесслер, Э. Э. Краткая грамматика латинского языка : руководство по латинскому языку для гимназий и прогимназий / Э. Э. Кесслер - Спб : Изд. К. Л. Риккера, 1902. – 180 с.
30. Козьмин, К. А. Грамматика церковно-славянского языка нового периода : Пособие для гор. училищ / Сост. К. Козьмин. – Москва : М.Д. Наумов, 1879. – 72 с.
31. Котович, И., протоиерей. Историческая записка о Литовской Духовной Семинарии. – Вильна, 1878. – 83 с.
32. Котович, И., Торжество пятидесятилетия воссоединения униатов с Православной Церковью / Иоанн Котович. – Вильна : Губернская Типография, 1889. – 355 с.
33. Коялович, М. О. Литовская церковная уния : в 2 т. / М.О. Коялович. – СПб : тип. Н. Тихменева, 1859. – Т. 1. – 316 с.
34. Коялович, М. О. Литовская церковная уния : в 2 т. / М.О. Коялович. – СПб : тип. Н. Тихменева, 1861. – Т. 2. – 443 с.
35. Краткая история Польши. – М.: Наука, 1993. – 528 с.
36. Краткая священная история Ветхого и Нового Завета / Сост. прот. церкви Мариин. дворца Д. Соколовым. – СПб : Салаевы, 1866. – 252 с.

37. Краткий курс церковного права православной греко-российской церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права, составленный профессором И. С. Бердниковым. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1888. – 294 с.
38. Кудрявцев-Платонов, В. И. Введение в философию : (Сост. примет. к прогр. преподавания философии в духов. семинариях) / В. И. Кудрявцев-Платонов. – Москва : тип. М.Г. Волчанинова, 1890. – 62 с.
39. Кузменко Михаил // Древо. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <https://drevo-info.ru/articles/16348.html>. – Дата доступа : 15.04.2018.
40. Кулажанка, Л. З вопыту асветніцкага служэння Праваслаўнай Царквы / Л. Кулажанка // Праваслаўе. – 1999. – №8. – С. 38–57.
41. Кулажанка, Л. Праваслаўная багаслоўская адукацыя ў міжваеннай Польшчы / Л. Кулажанка / Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2003. – № 20. – С. 203–208.
42. Лабынцев, Ю. А., Щавинская А. А. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции / Ю. А. Лабынцев, А. А. Щавинская. – М.: Индрик, 1999. – 312 с.
43. Лавров, А. П. Записки по предмету Закона Божия для III, IV и V классов мужских гимназий / А. П. Лавров. – Москва : Унив. тип., 1899. – 23 с.
44. Лебедев, П. Я. Краткое учение о богослужении православной церкви / П. Я. Лебедев. – Москва : Синод. тип., 1883. – 88 с.
45. М. М. Э. Лаврентий (Князев) / М. М. Э. // Православная энциклопедия. – М., 2015. – Т. XXXIX. – С. 591–594.
46. Малиновский Николай, протоиерей. Очерк православного догматического богословия : учебное пособие для V-го класса духовных семинарий / протоиерей Николай Малиновский. – Каменец-Подольск : Тип. С.П. Киржацкого, 1904. – 407 с.
47. Микуленок, А. А. Положение Русской Православной Церкви в Польше в 1920–1930-е годы / А. А. Микуленок // ASPECTUS. – 2016. – № 1. – С. 51–58.
48. Миропольский, С. И. Краткая грамматика церковно-славянского языка нового периода / С. И. Миропольский. – СПб : Синод. тип., 1886. – 119 с.
49. Наумов Кирилл, архимандрит. Пастырское богословие / архимандрит Кирилл Наумов. – СПб : Тип. Опекун. совета, 1853. – 341 с.
50. Невский Арсений, священник. Уроки пространного православно-христианского катехизиса : Пособие к изучению катехизиса / священник Арсений Невский. – Москва : бр. Башмаковы, 1913. – 160 с.

51. Нестеровский, Е. Г. Литургика, или наука о богослужении православной церкви / Е. Г. Нестеровский. – Москва : М. В. Клюкин, 1905. – 230 с.
52. Нечаев, П. И. Учебник по практическому руководству для пастырей : Полн. курс для духов семинарий / П. И. Нечаев. – СПб : типо-лит. Дома призрения малолет. бедных, 1884. – 359 с.
53. Николаев, К. Н. Восточный обряд / Николаев К. Н. – Париж : YMCA-PRESS, 1950. – 335 с.
54. Николин, И. П. Курс основного богословия или апологетики / И. П. Николин. – Сергиев Посад : М.С. Елов, 1914. – 262 с.
55. Никольский, К. Т. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви / К. Т. Никольский. – СПб : Гос. тип., 1888. – 800 с.
56. Острога, Г. А. Віленская духоўная семінарыя ў пачатку 20-х гг. ХХ ст.: новы этап у дзейнасці / Г. А. Острога // Миссия Церкви: история и современность : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1020-летию крещения Руси, Минск, 15–16 декабря 2008 г. / редкол. : В.Г. Башкиров [и др.] ; под общ. ред. епископа Бобруйского и Быховского Серафима. – Мн.: Издательский центр БГУ, 2009. – С. 153–155.
57. Остроумов, М. А. Обзор философских учений : Для духов. семинарий / М. А. Остроумов. – Москва : тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879. – Т. 1. – 220 с.
58. Перов, И. Ф. Руководство к обличительному богословию / И. Ф. Перов. – Рязань : тип. В. О. Тарасова, 1892. – 156 с.
59. Плотников, К. Н. История и обличение русского сектантства / К. Н. Плотников – СПб : тип. И. В. Леонтьева, 1913. – 236 с.
60. Покровский А. И. Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А. С. Павлова. – Москва. : Типо-литография В. Рихтер, 1897. – 146 с.
61. Покровский, А. И. Православно-христианское нравственное богословие / А. И. Покровский. – Самара : Губ. тип., 1900. – 366 с.
62. Предтечевский, Н. А. Литовская духовная семинария по учебной части за последние 25 лет / Н. А. Предтечевский // Литовские епархиальные ведомости. – 1903. – № 42. – С. 327–328; № 43. – С. 335–336; № 44. – С. 342–345; № 45. – С. 353–354; № 48. – С. 382–385.
63. Романчук Александр, протоиерей. Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – Москва-Минск : Общество любителей церковной истории, 2015. – 448 с.

64. Руководство к изучению законоположительных книг Священного Писания Ветхаго Завета : учебное пособие / Н. А. Бирюков. – СПб : Изд. И. Л. Тузова, 1912. – 272 с.
65. Руководство к основному богословию, составленное ректором Литовской духовной семинарии архимандритом Августином. – Вильна : тип. О. С. Блюмовича, 1876. – 367 с.
66. Руководство по обличению русского раскола, известного под именем старообрядчества : Применит. к программе духов. семинарий / Сост. преп. Олонецкой духовной семинарии К. Плотников. – Петрозаводск : Губ. тип., 1889. – 236 с.
67. Савицкий, Л., протоиерей. Летопись церковной жизни Литовской епархии / протоиерей Лев Савицкий. – Вильнюс, 1965. – 117 с. (машинопись)
68. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной Церкви как фактор развития культурной идентичности на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Н. В. Самосюк. – Мн., 2016. – 219 с.
69. Свирелин, А. И. Изъяснение богослужения с церковным уставом / А. И. Свирелин. – Москва : тип. Т. Рис, 1872. – 146 с.
70. Свитич, А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия / А. К. Свитич // Православная церковь на Украине и в Польше : материалы по истории Церкви. Книга 14 / под ред. протоиерея Валентина Чаплина [и др.] – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – 295 с.
71. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в годы немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Мн.: Белорусский Экзархат, 2005 – 70 с.
72. Смирнов, Е. И. История христианской церкви : Сост. применит. к программе для духов. семинарий учитель Ряз. Семинарии / Е. И. Смирнов. – Рязань : тип. В. П. Звукова, 1880. – 225 с.
73. Смирновский П. В. Приготовительный курс русской грамматики : Учебник для подготовительного класса при гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения и вообще для начинающих / П. В. Смирновский. – Москва : Панафидина, 1917. – 64 с.
74. Смолич И. К. История Русской Церкви / И. К. Смолич. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Книга 8. – Часть 1. – 798 с.
75. Смолодович Даниил, протоиерей. Литургика, или Наука о богослужении православной восточной кафелической церкви / протоиерей Даниил Смолодович. – Киев : Губ. тип., 1868. – 311 с.
76. Соколов, И. И. Лекции по истории греко-восточной церкви / И. И. Соколов. – СПб, 1904. – 354 с.

77. Солярский, П. Ф. Нравственное православное богословие / П. Ф. Солярский. – СПб : Тип. М. Стасюлевича, 1875. – 401 с.
78. Спасский, П. Н. Толкование на пророческие книги Ветхого завета, составленное на основании святоотеческих толкований, применительно к славянскому (и греческому 70-ти) тексту по программе для 4 класса духовных семинарий / П. Н. Спасский. – Новгород : паровая тип. А. С. Федорова, 1893. – 485 с.
79. Страхов, Н. Н. Очерк истории философии с древнейших времен философии до настоящего времени / Н. Н. Страхов. – Харьков : тип. Губ. правл., 1893. – 168 с.
80. Сухова, Н. Ю. Обсуждение проблем пастырской подготовки на Поместном Соборе 1917–1918 гг. / Н. Ю. Сухова // Духовные школы на рубеже эпох: уроки истории: Материалы научно-богословской конференции, Курск, 9 декабря 2017 г. – Курск : Курская православная духовная семинария, 2017. – С. 65–98.
81. Устав православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года с относящимся к ним постановлениями Святейшего Синода. – СПб : Синодальная Типография, 1888. – 205 с.
82. Фаворов Назарий, протоиерей. Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика / протоиерей Назарий Фаворов. – Киев : Унив. тип., 1858. – 259 с.
83. Фомин, А. Русские в истории и культуры Литвы / Андрей Фомин, Инесса Маковская. – Vilnius : Vaga, 2008. – 510 с.
84. Херасков Михаил, протоиерей. Обозрение исторических книг Ветхого завета / протоиерей Михаил Херасков – Владимир на Клязьме : Н. А. Парков, 1903. – 432 с.
85. Черепица, В. Н. Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В. Н. Черепица. – Гродно : Гродненский государственный университет, 2003. – 420 с.
86. Чистович, И. А. Очерк истории западно-русской церкви : в 2 т. / И. А. Чистович. – СПб : тип. Деп. уделов, 1882. – Т. 1. – 221 с.
87. Чистович, И. А. Очерк истории западно-русской церкви : в 2 т. / И. А. Чистович. – СПб : тип. Деп. уделов, 1884. – Т. 2. – 419 с.
88. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах / М. В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. – 400 с.
89. Шкаровский, М. В. Влияние русской церковной эмиграции на славянские страны в 1920–1940-е гг. / М. В. Шкаровский // Славянский альманах. – 2013. – С. 229.

90. Шкаровский, М. В. Миссия Русской церковной эмиграции в XX веке / М. В. Шкаровский // Санкт Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – 2001–2018. – Режим доступа: <http://spbda.ru/publications/professor-m-shkarovski-y-missiya-russkoj-cerkovnoy-emigracii-v-xx-veke>. – Дата доступа. – 04.05.2018.
91. Шлевис, Г. «Он сюда пришел сюда как странник...». Судьба митрополита Сергия (Воскресенского) / Герман Шлевис. – Вильнюс : Православная Церковь в Литве, 2017. – 271 с.
92. Шлевис, Г. П. Виленская и Литовская епархия / Г. П. Шлевис / Православная энциклопедия. – М.: 2004. – Т. VIII. – С. 467.
93. Шлевис, Г. П. Православные святые Вильнюса / Г. П. Шлевис. – Вильнюс : Свято-Духов монастырь, 2003. – С. 43.
94. Шлевис, Г. П. Православные храмы Литвы / Г. П. Шлевис. – Vilnius: SAVO, 2005. – 559 с.
95. Юзва, Александр. "Воскресное чтение" как источник по истории Православной Церкви во Второй Речи Посполитой в 20–30-е годы XX столетия : канд. работа / Александр Юзва. – Жировичи: МинДА, 2004. – 283 с.
96. Laukaitytė, R. Stačiatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje / Regina Laukaitytė. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas. – 2003. – 316 p.
97. Marcinkevičius, A. Lietuvos stačiatikių bažnyčia 1919–1939 m. / Andrius Marcinkevičius, Saulius Kaubrys. – Vilnius : Vaga, 2003. – 278 p.
98. Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce / Antoni Mironowicz. – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2006. – 917 s.
99. Mironowicz, E. Hierarchia i duchowieństwo w latach 1918-1939 / Eugeniusz Mironowicz // Kościół prawosławny w Polsce dawniej i dziś ; redakcja naukowa: Lucjan Adamczuk, Antoni Mironowicz. – Warszawa, 1993. – 181 s.
100. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939 / Mirosława Papierzyńska-Turek. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – 481 s.
101. Pawluczuk, U. A. Seminaria duchowne w Krzemieńcu i w Wilnie / U. A. Pawluczuk // Szkolnictwo prawosławne w Rzeczypospolitej / Zakład Historii Kultur Pogranicza Instytutu Socjologii Uniwersytetu w Białymstoku ; pod redakcją naukową Antoniego Mironowicza [i inne]. – Białystok, 2007. – 256 s.
102. Pawluczuk, U. A. Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej / U. A. Pawluczuk. – Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2007. – 356 s.
103. Staliūnas, D. Rusinimas: Lietuva ir Baltarusija po 1863 metų / Darius Staliūnas. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2009. – 539 p.

104. Tofiluk, J. Prawosławne szkolnictwo w okresie międzywojenny / Jerzy Tofiluk // *Elpis*. – 2006. – № 8/13/14. – S. 75–85.
105. Witwicki, Władysław. Zarys psychologii : podręcznik dla uczniów szkół średnich i seminarjów nauczycielskich / Władysław Witwicki. – Warszawa : Książnica-Atlas, 1931. – 191 s.
106. Sośnicki, Kazimierz. Zarys logiki dla klas wyższych szkół średnich ze szczególnem uwzględnieniem seminarjów nauczycielskich / Kazimierz Sośnicki. – Warszawa : Książnica Polska Tow. Nauczycieli Szkół Wyższych, 1923 – 96 s.
107. Titchener, Edward. Początki psychologii / Edward Titchener. – Warszawa : Wydaw. M. Arcta, 1920. – 267 s.
108. Lewicki, Tadeusz Marian. Tłumaczenie do Początków nauki języka łacińskiego / Tadeusz Marian Lewicki. – Warszawa : Wydawnictwo Pomoc Szkolna, 1926. – 31 s.
109. Wąsik, Wiktor. Tematy z języka łacińskiego na klasę VII i VIII : (teksty łacińskie do ćwiczeń piśmiennych) / Wiktor Wąsik. – Warszawa : Wydawnictwo M. Arcta, 1925. – 177 s.
110. Winkowski, Józef. Ćwiczenia greckie dla gimnazjów klasycznych / Józef Winkowski, Józef Taborski. – Warszawa : Książnica-Atlas, 1929. – 203 s.
111. Terlikowski, Franciszek. Życie publiczne, prywatne i umysłowe starożytnych Greków i Rzymian : do użytku młodzieży szkolnej / Franciszek Terlikowski. – Lwów : nakładem Towarzystwa Pedagogicznego, 1889. – 343 s.

Список использованных архивных источников

112. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. Журнал заседаний правления Литовской духовной семинарии. 1912 г.
113. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. Журнал заседаний педагогического совета Виленской семинарии. 1924–1926 гг.
114. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. Журналы заседаний Педагогического и Распорядительного Собраний Правления Виленской Духовной Семинарии за январь–август 1924 г.
115. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1382. Смета на содержание библиотеки семинарии и другое. 1923–1925 гг.
116. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1383. Об исключении из семинарии воспитанников Врублевского Андрея и Гончарова Григория. 1925 г.
117. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1384. Журнал заседания педагогического совета Метрополитальной семинарии в городе Вильно. 1926 г.
118. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1406. Классный журнал образцовой церковно-приходской школы при Литовской духовной семинарии. 1913 г.
119. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. Журнал заседаний педагогического совета. 1919–1922 гг.

120. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. Прошения разных лиц о приеме их в семинарию. 1919–1923 гг.
121. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1408. Личные дела воспитанников. 1921–1922 гг.
122. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1427. Контрольные работы воспитанников. 1926 г.
123. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 91. Журнал педагогического собрания Литовской духовной семинарии. 1914 г.
124. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 94. Журнал педагогического собрания Литовской духовной семинарии. 1916 г.
125. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 99. Журнал педагогического собрания Литовской духовной семинарии. 1918 год.
126. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. Со сведениями для составления отчетов по учебной и воспитательной частям по Виленскому и Жировицкому духовным училищам. 1912 г.
127. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 440. С указами и предложениями по вопросу об эвакуации семинарии и возобновлении учебных занятий. 1915 г.
128. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 446. О потере дел и приходо-расходных документов при перевозке по железной дороге казенным багажом. 1915 г.
129. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 445. Дело с бумагами к сведению и руководству. 1915 г.
130. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. Дело с разного рода статистическими сведениями. 1915 г.
131. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 456. С перепиской по вопросу о принятии воспитанников в другие семинарии, по случаю эвакуации Литовской духовной семинарии. 1915 г.
132. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 479. Дело с бумагами о командировках преподавателей в другие семинарии, по случаю прекращения ученических занятий по обстоятельствам военного времени. 1916 г.
133. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 490. С донесениями ректора архиепископу о состоянии семинарии. 1916 г.
134. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 490. О назначении ректора семинарии архимандрита Лаврентия викарием Нижегородской епархии, а смотрителя Осташковского духовного училища архимандрита Анатолия ректором Литовской духовной семинарии. 1917 г.
135. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 534. Смета Литовской семинарии об устройстве электрического освещения. 1918 г.
136. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. Журнал заседаний педагогического совета Виленской духовной семинарии. 1922–1924 гг.
137. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 11. – Д. 93. Указы Священного синода. 1929 г.

138. ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 55. Переписка с разными лицами по вопросу об утверждении членов Литовского епархиального совета, о расхищении имущества Виленского женского духовного училища и по другим вопросам. 1918 г.
139. ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 58. Переписка канцелярии архиепископа с Виленской православной духовной семинарии о денежной помощи для семинарии и о представлении отпусков. 1923 г.
140. ЛГИА. Фонд 607. – Оп. 1. – Д. 61. Доклады в Св. Синод Православной Митрополии в Польше (Личной канцелярии архиепископа Виленского и Лидского). 1923 г.
141. ЛГИА. Фонд 1004. – Оп. 1. – Д. 31. Протоколы заседаний Литовского епархиального училищного совета. 1919 г.
142. ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 54. Personalje i nominacje duchowieństwa parafjalnego kościoła prawosławnego.
143. ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 56. Sprawy Seminarjum duchowne kościoła prawosławnego. Rok 1927.
144. ЛЦГА. Фонд 51. – Оп. 4. – Д. 240. Sprawy Seminarjum duchowne kościoła prawosławnego. Rok 1929.
145. ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 230. Statystyka szkół białoruskich. Rok 1920.
146. ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 672. Programy białoruskiego gimnazjum w Wilnie. Rok 1922.
147. ЛЦГА. Фонд 172. – Оп. 1. – Д. 1952. Akta Seminarjum prawosławnego w Wilnie. Rok 1929.
148. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 3. Wykaz personelu, administracji i nauczycieli. Rok 1924.
149. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1 – Д. 5. Protokoły posiedzeń rady wychowawczy. Rok 1925.
150. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 6. Akta w spraw reorganizacji Seminarjum. Rok 1925.
151. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 7. Akta spraw pedagogicznych. Rok 1925.
152. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 16. Pomoc naukowe. Rok 1925.
153. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. Akta spraw o reorganizacji seminarjum i organizacji nauki. Rok 1926.
154. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. Akta w sprawie danych statystycznych. Rok 1926.
155. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 28. Akta spraw pedagogicznych. Rok 1926.
156. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 43. Korespondencja z metropolitą kościoła prawosławnego w sprawach opinii uczniów. Rok 1926.
157. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 116. Księga protokołów Rady Pedagogicznej Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie. 1931–1934.

158. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 169. Księga protokołów posiedzeń Rady Pedagogicznej Państwowego Prawosławnego Seminarium Duchownego w Wilnie za lata szkolne od 1934/35 do 1937/38 włącznie.
159. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 202. Kronika szkolna. 1936–1937.
160. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 212. Kronika szkolna. 1937–1938.
161. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 222. Kronika szkolna. 1938–1939.
162. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 219. Księga protokołów rady pedagogicznej. 1938–1939.
163. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 226. Dziennik korespondencji. 1939.
164. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 271. Prace egzaminacyjne za rok 1938.
165. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 272. Prace egzaminacyjne za rok 1939.
166. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 275. Dziennik inspektora seminarjum. 1910.
167. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 275. Akta spraw statystycznych. 1921–1922.
168. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 278. Sprawozdania z zasiłków na utrzymaniu personelu seminarjum i studjum teologicznego. Lata 1921–1922.
169. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 279. Akta spraw osobistych byłych nauczycieli seminarjum. Lata 1922–1923.
170. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 288. Sprawy osobiste alumnów seminarjum. 1923–1924.
171. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 290. Akta spraw reorganizacji seminarjum. 1923–1925.
172. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 291. Akta spraw rozmaitych. 1923–1927.
173. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 311. Księga przychodów i rozchodów sum, otrzymanych z Kuratorjum O.S.W. 1924–1925.
174. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 322. Akta spraw różnych. Lata 1925–1926.
175. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. – 1. – Д. 323. Księga protokołów Rady Pedagogicznej posiedzeń za rok szkolny 1925/26.
176. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. – 1. – Д. 324. Korespondencja z kuratorjum O.S.W w sprawie zasiłków. 1925–1926.
177. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. – 1. – Д. 325. Raporty skarbnika. 1925–1926.
178. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 328. Dziennik podawczy. Rok szkolny 1925/1926.
179. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 329. Kronika seminarjum. 1926–1927.
180. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 330. Podręczna książka dyrektorska. Lata 1926–1927.
181. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. Księga protokołów Rady Pedagogicznej za 1926/27 i 1927/28, 1928/29.
182. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 335. Księga wychowawców klasowych. 1926–1927.
183. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 346. Plany godzin szkolnych. 1926–1927.

184. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 392. Księga Karna. Lata 1928–1929.
185. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 1. Личное дело Константина Авдея.
186. ЛЦГА. Фонд R-238. – Оп. 2. – Д. 10. Переписка Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Литовской ССР по общим вопросам. 3 февраля 1945 г. –18 июня 1949 гг.
187. LMAVB RS. – Фонд 41. – Д. 41.
188. LMVBA RS. Фонд 41. – Д. 91.
189. LMVBA RS. Фонд 41 – Д. 101.
190. LMVBA RS. Фонд 41. – Д. 106.
191. Литовский особый архив. – Фонд 1771. – Оп. 9. – Д. 278. Доклады, письма ведомств, организаций Литовской ССР по вопросам печати, культуры, образования, вероисповедания. 1945 г.
192. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2597. – Д. 155. Журнал распорядительного собрания Витебской духовной семинарии. 1915 г.

Личные дела персонала

193. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 547. Akta sprawy nauczyciela Antoszuka Stanisława.
194. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 548. Дело о службе преподавателя семинарии Ивана Амбургера.
195. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 549. Akta sprawy nauczyciela Prawosławnego Seminarjum Duchownego klasów ogólnokształcących pana Abramowicza Zygmunta.
196. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 550. Дело о службе преподавателя семинарии Василия Артемьева.
197. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 551. Akta sprawy woźnego Państwowych Klas Gimnazjalnych Duchownego Seminarjum Prawosławnego w Wilnie Bancera Eliasza. Rok 1928.
198. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 552. Akta sprawy pani Marii Baryborowy gospodyni internatu.
199. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 553. Akta sprawy kucharki internatu Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pani Nadziei Baranowy. Rok 1938.
200. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 554. Akta sprawy nauczyciela seminarjum Bielińskiego Kazimiera. Rok 1932.
201. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 555. Akta sprawy pana Bielawskiego Leona, nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
202. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 556. Akta sprawy nauczyciela pana Bejera Wiktora. Lata 1924–1931.

203. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 557. Akta sprawy osobistej Władysława Byszka. Lata 1931–1932.
204. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 558. Akta sprawy nauczyciela seminarjum pana Buczycyka Władysława. Lata 1928–1932.
205. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 559. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie Bogolubowa Sergjusza. Rok 1934.
206. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 560. Akta sprawy nauczyciela pana Wierzyńskiego Józefa. Lata 1924–1930.
207. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 561. Akta sprawy wychowawcy internatu Seminarjum Metropolitalnego w Wilnie pana Harbuza Konstantego. Rok 1927.
208. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 562. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana Gawłowicza Stanisława.
209. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 563. Akta sprawy kontraktowego nauczyciela Seminarjum pana Hryszkiewicza Wincentego. Lata 1928–1931.
210. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 564. Akta sprawy nauczycielki Prawosławnego Seminarjum Duchownego klasów ogólnokształcących pani Hajkowiczowej Stefanji.
211. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 565. Akta sprawy pana Władysława Głuchowskiego nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
212. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 566. Akta sprawy nauczyciela i wychowawcy internatu Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana Wiaczesława Garkusza.
213. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 568. Akta sprawy nauczyciela Państwowych Klas Gimnazjalnych Seminarjum w Wilnie pana Jegiera Aleksandra. Rok 1926.
214. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 569. Akta sprawy gospodyni internatu Żołnierkiewiczowej Heleny.
215. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 570. Akta sprawy pana Edwarda Rzeszowskiego nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
216. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 571. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie Edmunda Zobczyńskiego. Lata 1929–1931.
217. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 572. Akta sprawy nauczyciela Seminarjum pana Stanisława Zaciewskiego. Rok 1933.
218. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 573. Akta sprawy pana Józefa Zaremby nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.

219. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 574. Akta sprawy nauczyciela Państwowych Klas Gimnazjalnych Duchownego Seminarjum Prawosławnego Metropolitalnego w Wilnie.
220. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 575. Akta sprawy Teodora Piaszewicza, nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
221. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 576. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana Stefana Iwaszkiewicza.
222. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 577. Дело о службе преподавателя семинарии Иванова Александра. 1923 г.
223. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 578. Akta sprawy pana Kiedrowa Michała.
224. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 579. Akta sprawy nauczyciela historii pana Krawca Lucjana. Lata 1930–1932.
225. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 580. Akta sprawy nauczyciela Seminarjum Korty Józefa. Rok 1932.
226. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 581. Akta sprawy woźnego Państwowych Klas Gimnazjalnych Duchownego Seminarjum Prawosławnego w Wilnie Kadziewicza Antoniego.
227. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 582. Akta sprawy nauczyciela pana Kaczanowskiego Sergjusza. Lata 1931–1932.
228. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 583. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie. Rok 1936.
229. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 584. Akta sprawy nauczyciela Państwowych Klas Gimnazjalnych Duchownego Seminarjum Prawosławnego Metropolitalnego w Wilnie pana Kuca Andrzeja. Rok 1926.
230. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 585. Дело о службе преподавателя семинарии Карла Клейбера.
231. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 586. Akta sprawy delegata Księdza metropolity do spraw Internatu Seminarjum Księdza Prot. M. Kuszniewa.
232. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 587. Akta sprawy pomywaczki internatu pani Kadziewiczowy Anni.
233. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 588. Akta sprawy gospodyni internatu pani Rimpsimji Kalinnikowowej. Rok 1927.
234. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 589. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana doktora Michała Kuczarowa.
235. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 590. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie Lawrowówny Julji. Lata 1927–1929.

236. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 591. Akta sprawy nauczyciela-doktora Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana Łęskiego Józefa. Rok 1927.
237. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 592. Дело о преподавателе семинарии игумена Иоанна (Лавриненко). 1925 г.
238. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 593. Akta sprawy Anatola Mojsiejewa intendenta internatu.
239. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 594. Akta sprawy nauczyciela Antoniego Narwojsza.
240. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 595. Akta sprawy nauczyciela pana Marcenki Anatoljusza. Lata 1924–1930.
241. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 596. Akta sprawy nauczyciela pana Matwijca Teodora. Rok 1931.
242. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 597. Akta sprawy Witalisa Maliszewskiego nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
243. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 598. Akta sprawy lekarza-dentystki pani Mackiewiczowej Heleny.
244. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 600. Akta sprawy nauczyciela pana Martysiewiczza Leonida.
245. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 601. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Seminarjum Duchownego w Wilnie Ostrowskiego Włodzimiera.
246. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 602. Akta sprawy nauczyciela Seminarjum Ogickiego Dymitra. Rok 1932.
247. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 603. Akta sprawy odźwiernego internatu pana Pirczenki Makarego.
248. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 604. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Seminarjum Duchownego klasów ogólnokształcących pani Pieniążkowej Janiny.
249. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 605. Akta sprawy kucharza internatu pana Rusowa Karola. Rok 1927.
250. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 606. Akta sprawy pani Janiny Rostkowskiej nauczycielki Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
251. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 607. Дело о службу преподавательницы семинарии Лидии Свитич.
252. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 609. Akta sprawy woźnego internatu pana Sarnackiego Daniela. Rok 1927.
253. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 610. Дело о службе помощника инспектора семинарии Александра Свитича.
254. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 611. Akta sprawy pana Sawińskiego Leonida nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.

255. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 612. Akta sprawy nauczyciela Państwowych Klas Gimnazjalnych Duchownego Seminarjum Prawosławnego w Wilnie Jana Stankiewicza. Lata 1927–1928.
256. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 613. Akta sprawy nauczyciela Seminarjum Księdza Sajkowicza Dymitra.
257. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 614. Akta sprawy nauczyciela pana Snieżyńskiego Aleksego.
258. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 615. Akta sprawy pana Apolonjusza Smarżewskiego, nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
259. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 616. Akta sprawy księdza Michała Tuczemskiego rektora seminarjum.
260. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 617. Akta sprawy nauczyciela Seminarjum pana Michała Telmasziewskiego.
261. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 618. Akta sprawy pana Jana Truchanowicza nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
262. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 619. Akta sprawy nauczyciela historii Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana Tomaszewicza Henryka.
263. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 621. Akta sprawy pana Jana Teodorowicza, nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
264. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 622. Akta sprawy nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie pana Eugenjusza Frołowa.
265. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 623. Akta sprawy pana Zygmunta Fiedorowicza nauczyciela Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
266. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 624. Akta sprawy nauczycielki pani Chrapkowy Józefy.
267. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 625. Sprawa pani Szemberzynie Nadziei gospodyni internatu Państwowego Prawosławnego Seminarjum Duchownego w Wilnie.
268. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 626. Akta sprawy nauczyciela pana Jużyка Pawła.
269. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 2. – Д. 627. Akta sprawy wychowawcy internatu pana Jużwjuka Mikołaja.

Журналы и дневники

270. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1378. Балловые ведомости и программы пройденного в восьмом общеобразовательном и I и II богословских классах Виленской духовной семинарии за 1923–1924 уч. г.

271. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1409. Ведомости об успеваемости воспитанников семинарии. 1920–1927 гг.
272. ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1413. Балловые ведомости за 1921–1922 уч. г.
273. ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1439. Katalog główny za rok 1930/1931.
274. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 20. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1924–1925.
275. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 21. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1924–1925.
276. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 22. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1924–1925.
277. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 23. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1924–1925.
278. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 24. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1924–1925.
279. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 25. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1924–1925.
280. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 49. Katalog okresowy. Klasa I. 1928–1929.
281. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 50. Katalog okresowy. Klasa II. 1928–1929.
282. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 51. Katalog okresowy. Klasa III. 1928–1929.
283. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 52. Katalog okresowy. Klasa IV. 1928–1929.
284. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 53. Katalog okresowy. Klasa V. 1928–1929.
285. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 54. Katalog okresowy. Klasa VI. 1928–1929.
286. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 55. Katalog okresowy. Klasa VII. 1928–1929.
287. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 56. Katalog okresowy. Klasa VIII. 1928–1929.
288. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 57. Katalog okresowy. Klasa IX. 1928–1929.
289. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 58. Katalog główny za 1929–1930 rok szkolny.
290. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 59. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1928–1929.
291. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 60. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1928–1929.
292. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 61. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1928–1929.
293. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 62. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1928–1929.
294. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 63. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1928–1929.
295. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 64. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1928–1929.
296. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 65. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1928–1929.
297. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 66. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII i IX. 1928–1929.
298. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 72. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1929–1930.
299. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 73. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1929–1930.
300. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 74. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1929–1930.
301. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 75. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1929–1930.
302. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 76. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1929–1930.
303. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 77. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1929–1930.
304. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 78. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1929–1930.
305. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 79. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1929–1930.
306. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 94. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1930–1931.
307. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 95. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1930–1931.

308. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 96. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1930–1931.
309. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 97. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1930–1931.
310. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 98. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1930–1931.
311. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 99. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1930–1931.
312. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 100. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1930–1931.
313. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 101. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1930–1931.
314. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 102. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1930–1931.
315. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 103. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1931–1932.
316. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 104. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1931–1932.
317. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 105. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1931–1932.
318. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 106. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1931–1932.
319. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 107. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1931–1932.
320. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 108. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1931–1932.
321. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 109. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1931–1932.
322. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 110. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1931–1932.
323. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 111. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1931–1932.
324. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 117. Katalog główny. 1931–1932.
325. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 134. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1932–1933.
326. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 135. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1932–1933.
327. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 136. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1932–1933.
328. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 137. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1932–1933.
329. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 138. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1932–1933.
330. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 139. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII i IX. 1932–1933.
331. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 142. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1933–1934.
332. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 143. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1933–1934.
333. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 144. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1933–1934.
334. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 145. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1933–1934.
335. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 146. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1933–1934.
336. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 147. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1933–1934.
337. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 148. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1933–1934.
338. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 149. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1933–1934.
339. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 150. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1933–1934.
340. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 162. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1934–1935.
341. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 163. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1934–1935.
342. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 164. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1934–1935.
343. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 165. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1934–1935.

344. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 166. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1934–1935.
345. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 167. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1934–1935.
346. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 175. Katalog główny. 1934–1935.
347. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 182. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1935–1936.
348. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 183. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1935–1936.
349. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 184. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1935–1936.
350. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 185. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1935–1936.
351. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 186. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1935–1936.
352. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 190. Katalog okresowy. Rok 1935.
353. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 191. Katalog główny. Lata 1935–1936.
354. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 195. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1936–1937.
355. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 196. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1936–1937.
356. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 197. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1936–1937.
357. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 200. Katalog okresowy. Lata 1936–1937.
358. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 201. Katalog główny. Lata 1936–1937.
359. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 205. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1937–1938.
360. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 206. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1937–1938.
361. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 207. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1937–1938.
362. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 210. Katalog okresowy. Lata 1937–1938.
363. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 211. Katalog główny. Lata 1937–1938.
364. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 217. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1938–1939.
365. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 221. Katalogi okresowe za lata 1938/1939 i 1939/1940.
366. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 221a. Katalogi główne, klasy 8, 9. Lata 1938–1939.
367. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 227. Katalog okresowy. Klasa IX. 1939–1940.
368. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 228. Katalog główny. Klasa IX. 1939–1940.
369. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 280. Dziennik klasowy. Klasa I. 1922–1923.
370. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 281. Dziennik klasowy. Klasa II. 1922–1923.
371. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 282. Dziennik klasowy. Klasa III. 1922–1923.
372. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 283. Dziennik klasowy. Klasa IV. 1922–1923.
373. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 284. Dziennik klasowy. Klasa V. 1922–1923.
374. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 285. Dziennik klasowy. Klasa VI. 1922–1923.
375. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 286. Dziennik klasowy. Klasa VII. 1922–1923.

376. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 287. Dziennik klasowy. Klasa VIII. 1922–1923.
377. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 292. Dziennik klasowy. Klasa I. 1923–1924.
378. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 293. Dziennik klasowy. Klasa II. 1923–1924.
379. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 294. Dziennik klasowy. Klasa III. 1923–1924.
380. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 295. Dziennik klasowy. Klasa IV. 1923–1924.
381. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 296. Dziennik klasowy. Klasa V. 1923–1924.
382. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 297. Dziennik klasowy. Klasa VI. 1923–1924.
383. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 298. Dziennik klasowy. Klasa VII. 1923–1924.
384. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 299. Dziennik klasowy. Klasa VIII. 1923–1924.
385. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 302. Dziennik klasowy. Klasa I. 1924–1925.
386. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 303. Dziennik klasowy. Klasa II. 1924–1925.
387. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 304. Dziennik klasowy. Klasa III. 1924–1925.
388. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 305. Dziennik klasowy. Klasa IV. 1924–1925.
389. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 306. Dziennik klasowy. Klasa V. 1924–1925.
390. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 307. Dziennik klasowy. Klasa VI. 1924–1925.
391. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 308. Dziennik klasowy. Klasa VII. 1924–1925.
392. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 309. Dziennik klasowy. Klasa VIII. 1924–1925.
393. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 312. Katalog główny. 1925–1926.
394. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 313. Katalog okresowy. 1925–1926.
395. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 314. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1925–1926.
396. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 315. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1925–1926.
397. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 316. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1925–1926.
398. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 317. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1925–1926.
399. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 318. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1925–1926.
400. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 319. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1925–1926.
401. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 320. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1925–1926.
402. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 321. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1925–1926.
403. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 331. Katalog główny. 1926–1927.
404. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 332. Katalog okresowy. 1926–1927.
405. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 337. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1926–1927.
406. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 338. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1926–1927.
407. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 339. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1926–1927.
408. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 340. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1926–1927.
409. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 341. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1926–1927.
410. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 342. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1926–1927.
411. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 343. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1926–1927.

412. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 344. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1926–1927.
413. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 345. Dziennik lekcyjny. Klasa IX. 1926–1927.
414. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 353. Katalog główny. 1927–1928.
415. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 354. Katalog okresowy. 1927–1928.
416. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 364. Dziennik lekcyjny. Klasa I. 1927–1928.
417. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 365. Dziennik lekcyjny. Klasa II. 1927–1928.
418. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 366. Dziennik lekcyjny. Klasa III. 1927–1928.
419. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 367. Dziennik lekcyjny. Klasa IV. 1927–1928.
420. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 368. Dziennik lekcyjny. Klasa V. 1927–1928.
421. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 369. Dziennik lekcyjny. Klasa VI. 1927–1928.
422. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 370. Dziennik lekcyjny. Klasa VII. 1927–1928.
423. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 371. Dziennik lekcyjny. Klasa VIII. 1927–1928.
424. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 382. Katalog główny. 1928–1929.
425. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa I. 1928–1929.
426. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa II. 1928–1929.
427. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa III. 1928–1929.
428. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa IV. 1928–1929.
429. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa V. 1928–1929.
430. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa VI. 1928–1929.
431. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa VII. 1928–1929.
432. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa VIII. 1928–1929.
433. ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 383. Katalog okresowy. Klasa IX. 1928–1929.

Список использованных статей периодической печати

434. «Вил. Утро». Письмо архим. Филиппа / «Вил. Утро» / За свободу! – 14 января. – № 12 (1416). – С. 2.
435. «Вил. Утро». Письмо архим. Филиппа / «Вил. Утро» // За свободу! – 1925. – 14 января. – № 12 (1416). – С. 2.
436. Бацька-беларус. Адкрытае пісьмо да Асьвячонага Сыноду Праваслаўнае царквы ў Польшчы / Бацька-беларус // Змаганьне. – 1924. – 24 студзеня. – № 8. – С. 2.
437. Белорусская гимназия без помещения // За свободу! – 1926. – 17 сентября. – № 215 (1946). – С. 3.
438. Богданович, В. В, Философов, Д. В. К вопросу о положении Православной Церкви в Польше (письмо в редакцию) / В. В. Богданович // За свободу. – 1923. – 5 декабря. – № 284. – С. 2.

439. Богданович, В. В. Письмо в редакцию / В. В. Богданович // Виленское Утро. – 1925. – 5 июня. – № 1319. – С. 4.
440. В Виленской духовной семинарии // Виленские епархиальные ведомости. – 1922. – 1 декабря – № 2. – С. 8.
441. В Виленской духовной семинарии // Виленские епархиальные ведомости. – 1922. – 1 декабря – № 2. – С. 8.
442. В Виленской Духовной Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 5 июня. – № 23. – С. 251.
443. В Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 23 октября. – № 245 (1976). – С. 3.
444. В Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 4 сентября. – № 203 (1934). – С. 3.
445. В Виленской духовной семинарии // Слово. – 1934. – 10 июня. – № 45 (256). – С. 1.
446. В клубах православных меньшинств // За Свободу! – 1924. – 4 апреля. – № 91 (1146). – С. 4.
447. В местной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 18 мая. – № 1301. – С. 3.
448. В местной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 30 мая. – № 1313. – С. 3.
449. В местной православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 27 мая. – № 1310. – С. 3.
450. В православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1926. – 24 апреля. – № 1638. – С. 3.
451. В православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 28 мая. – № 949. – С. 3.
452. В православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 4 января. – № 1168. – С. 3.
453. В православной духовной семинарии // Виленское Утро. 1924. – 23 мая. – № 944. – С. 3.
454. В православной духовной семинарии в Вильно // Слово. – 1935. – 23 июня. – № 25 (310). – С. 1.
455. В православной епархии // За свободу! – 1925. – 9 июля. – № 178 (1582). – С. 3.
456. В православной семинарии // Виленское утро. – 1924. – 13 октября. – №. 1086. – С. 3.
457. В сенатской комиссии просвещения // За Свободу! – 1924. – 10 мая. – № 121 (1176). – С. 3.
458. Варшава // За Свободу! – 1924. – 29 апреля. – № 112 (1167). – С. 3.
459. Варшава // За Свободу! – 1924. – 29 января. – № 27 (1082). – С. 4.

460. Васілевіч, В. Віленская прайаслаўная сэмінарыя / В. Васілевіч (В.В. Богдановіч) // Прайаслаўная Беларусь. – 1927. – 15 лістапада. – № 4. – С. 9–10.
461. Великая Пятница в Вильне // Слово. – 1934. – 6 мая. – № 36 (247). – С. 2
462. Вести из Вильно // За свободу! – 1925. – 25 июня. – № 165 (1569). – С. 4.
463. Вести из Вильно // За Свободу! – 20 мая. – № 131 (1535). – С. 4.
464. Вечер в Виленской правосл. дух. Семинарии // За Свободу! – 1924. – 13 июня. – № 154 (1209). – С. 3.
465. Вечер в Виленской православной духовной семинарии // За Свободу. – 1924. – 12 марта. – № 69. – С. 3.
466. Виленец / Вечер в Виленской правосл. дух. Семинарии / Виленец // За Свободу! – 1924. – 22 мая. – № 138 (1188). – С. 3.
467. Виленец / Вечер в митрополитальной духовной семинарии в Вильне / Виленец // За Свободу! – 1925. – 21 февраля. – № 50 (1454). – С. 3.
468. Виленец. К судьбе духовной школы в Вильне / Виленец // За свободу. – 1924. – 28 марта. – № 84 (1139). – С. 3.
469. Виленец. Полонизация Виленской духовной семинарии / Виленец // За Свободу! – 1925. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 4.
470. Виленская православная семинария // За свободу. – 1924. – 1 апреля. – № 88 (1143). – С. 2.
471. Виленская семинария // Воскресное чтение. – 1925. – 22 февраля. – № 8. – С. 123.
472. Виленская семинария // За Свободу! – 1925. – 7 февраля. – № 36 (1440). – С. 3.
473. Виленские письма // За Свободу. – 1924. – 27 мая. – № 138. – С. 3.
474. Виленский. Из белорусского церковного движения (Письмо из Вильны) / Виленец // Воскресное чтение. – 1932. – 21 февраля. – № 8. – С. 111.
475. Вильно // За Свободу! – 1926. – 17 августа. – № 187 (1918). – С. 4.
476. Высочайшие повеления // Церковные ведомости. – 1917. – № 6. – С. 33.
477. Внецерконные чтения в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ – 1892. – № 9. – С. 70–71.
478. Вокруг случая в православной семинарии // За свободу. – 1925. – 24 июня. – № 164 (1568). – С. 4.
479. Впечатления еще о Вильне и ее обывателях // Виленское Утро. – 1922. – 1 февраля. – № 112. – С. 4.
480. Временный статут Правительственной Православной Духовной Семинарии в Кременце // Воскресное чтение. – 1927. – 27 февраля. – № 9. – С. 131–132.
481. Вторая Сессия Св. Синода в 1928 году // Воскресное Чтение. – 1928. – 28 октября. – № 44. – С. 667.

482. Выпускной акт в Митрополитальной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 30 июня. – № 1344. – С. 3.
483. Высылка Недзельского // За Свободу. – 1924. – 10 февраля. – № 38. – С. 3.
484. Говение учащихся средне-учебных заведений в Вильне // Слово. – 1934. – 1 апреля. – № 26 (237). – С. 2.
485. Д. Ф. Православная церковь или политическая пропаганда?/ Д. Ф. // За Свободу! – 1924. – 5 января. – № 4 (1059). – С. 2.
486. Дело о доме № 9 по Остробрамской улице // Виленское Утро. – 1926. – 25 апреля. – № 1639. – С. 3.
487. Дело по дому № 9 по Остробрамской улице // Виленское Утро. – 1926. – 26 апреля. – № 1640. – С. 3.
488. День Ангела Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного архиепископа Феодосия // Слово. – 1935. – 3 марта. – № 9 (294). – С. 3.
489. Депутат Сейма В. Рогуля. Насильственное выселение Виленской семинарии / Депутат Сейма В. Рогуля // За Свободу! – 1925. – 27 октября. – № 274 (1678). – С. 4.
490. Директор департамента Исповеданий в Виленской духовной семинарии // Воскресное Чтение. – 1929. – 4 августа. – № 31. – С. 503.
491. Воскресное Чтение. – 1929. – 4 августа. – № 31. – С. 503.
492. Духовная семинария без ректора // За Свободу! – 1926. – 13 октября. – № 236 (1967). – С. 3.
493. Епархиальный съезд в Гродно в 14–15 июля // ЛЕВ. – 1922. – сентябрь. – № 8–9. – С. 10–11.
494. Еще о закрытии храма Свято-Троицкого монастыря // Слово. – 1938. – 2–9 января. – № 1–2 (434–435). – С. 2.
495. Журнал учебного комитета при Священном Синоде Православной Митрополии в Польше, от января 30 1924 г. за № 3 // Вестник Православной Митрополии в Польше. – 1924. – 11 мая. – № 12–15. – С. 4–8.
496. Из печати. Практическая программа // Воскресное чтение. – 1924. – 24 августа. – № 29. – С. 459–460.
497. Испытания на аттестат зрелости в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1934. – 22 июля. – № 51 (262). – С. 1.
498. К вопросу о языке преподавания богословских предметов в православных духовных семинариях // Слово. – 1932. – 18 августа. – № 40 (69). – С. 1.
499. К вопросу об организации духовной школы // Воскресное чтение. – 1926. – 30 мая. – № 22. – С. 345
500. К вопросу об увольнении ректора православной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 24 апреля. – № 915. – С. 4.

501. К делу архиепископа Елевферия // Виленское Утро. – 1922. – 4 декабря. – № 415. – С. 4;
502. К приезду митрополита Георгия // Виленское Утро. – 1922. – 4 декабря. – № 415. – С. 4; Митр. Георгий в Вильне // Виленское Утро. – 1922. – 7 декабря. – № 418. – С. 4.
503. К прискорбному случаю в православной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 17 июня. – № 1331. – С. 3.
504. К реформе Волынской Семинарии // Воскресное чтение. – 1926. – 7 ноября. – № 45. – С. 713–714.
505. К реформе духовного образования // Слово. – 1934. – 23 сентября. – № 60 (271). – С. 1.
506. К реформе духовного образования // Слово. – 1935. – 21 апреля. – № 16 (301). – С. 1.
507. К реформе Духовных семинарий // Воскресное чтение. – 1926. – 20 июня. – № 25. – С. 395.
508. К сведению родителей желающих определить своих детей в число воспитанников Государственной Православной Духовной Семинарии в Вильне в 1928–29 учебном году // Воскресное Чтение. – 1928. – 11 марта. – № 11.
509. К судьбе домов, находящихся в ведении православного духовенства // Виленское Утро. 1922. – 23 июля. – № 281. – С. 3.
510. К судьбе православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 22 марта. – № 883. – С. 3.
511. Количество православных в Виленщине // Виленское Утро. – 1922. – 17 июля. – № 275. – С. 4.
512. Количество учащихся в духовно-учебных заведениях Литовской епархии, с указанием из каких епархий они происходят // ЛЕВ. – 1900. – 21 мая. – № 21. – С. 191.
513. Кончина о. архимандрита Макария // Слово. – 1934. – 25 марта. – № 24 (235). – С. 1.
514. Краткие известия о пострадавшем духовенстве разных областей // Проза [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2016/09/22/1211>. – Дата доступа : 28.02.2018.
515. Кредиты на содержание православных интернатов // Слово. – 1934. – 11 ноября. – № 67 (278). – С. 5.
516. Крещенское водосвятие в Вильне // Слово. – 1934. – 8 февраля. – № 11 (222). – С. 3
517. Литературно-вокальный вечер в Литовской духовной семинарии 2 февраля 1896 года // ЛЕВ. – 1896. – № 5 (Неофициальный отдел). – С. 39.
518. ЛЕВ. – 1914. – № 13. – С. 116–118.

519. Литовское епархиальное собрание 22–27 июня // ЛЕВ. – 1921. – Сентябрь. – № 2. – С. 2.
520. М. Б. Письма из провинции / М. Б. // За Свободу! – 1926. – 6 января. – № 4 (1735). – С. 4.
521. Матуральные экзамены в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1933. – 14 мая. – № 38 (145). – С. 1.
522. Матуральные экзамены в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1933. – 25 июня. – № 50 (157). – С. 1
523. Мемориал Священного синода православной церкви в Польше на имя г. председателя совета министров Александра Скшинского, от 19 декабря 1925 года // За Свободу! – 1926. – 16 января. – № 12 (1743). – С. 3.
524. Местная хроника // Виленское утро. – 1922. – 14 апреля. – № 184. – С. 3.
525. Местная хроника // Виленское утро. – 1924. – 14 июня. – № 966. – С. 3
526. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 16 апреля. – № 908. – С. 3.
527. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 17 апреля. – № 909. – С. 3
528. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 18 апреля. – № 910. – С. 3
529. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 18 июня. – № 970. – С. 3.
530. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 18 мая. – № 939. – С. 3.
531. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 19 июня. – № 971. – С. 2
532. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 21 июня. – № 973. – С. 3.
533. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 23 апреля. – № 914. – С. 3.
534. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 25 апреля. – № 916. – С. 3
535. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 26 апреля. – № 917. – С. 3.
536. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 27 апреля. – № 918. – С. 4
537. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 5 апреля. – № 897. – С. 3.
538. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 6 мая. – № 927. – С. 2.
539. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 7 мая. – № 928. – С. 3.
540. Местная хроника // Виленское Утро. – 1924. – 9 мая. – № 930. – С. 3.
541. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 10 октября. – № 1451. – С. 3.
542. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 13 декабря. – № 1510. – С. 3.
543. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 13 ноября. – № 1480. – С. 3.
544. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 16 декабря. – № 1513. – С. 4.
545. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 16 июня. – № 1330. – С. 3.
546. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 17 декабря. – № 1514. – С. 3.
547. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 18 декабря. – № 1515. – С. 3
548. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 19 декабря. – № 1516. – С. 3.
549. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 19 июня. – № 1333. – С. 3.
550. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 20 января. – № 1547. – С. 3.
551. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 21 декабря. – № 1518. – С. 4.
552. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 23 июня. – № 1337. – С. 3.

553. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 26 марта. – № 1249. – С. 3.
554. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 29 мая. – № 1312. – С. 3.
555. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 31 августа. – № 1406. – С. 4.
556. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 4 июня. – № 1318. – С. 3.
557. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 8 июня. – № 1322. – С. 3.
558. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 9 июня. – № 1323. – С. 3.
559. Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 10 января. – № 1537. – С. 3.
560. Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 14 июня. – № 1628. – С. 2.
561. Местная хроника // Виленское Утро. – 1926. – 21 апреля. – № 1635. – С. 3.
562. Местная хроника // Виленское Утро. – 1922. – 1 марта. – № 140. – С. 3.
563. Местная хроника // Виленское Утро. – 1925. – 10 мая. – № 1293. – С. 2–3.
564. Минимум заработной платы; Прожиточный минимум // Виленское Утро. – 1922. – 13 февраля. – № 124. – С. 3.
565. Морозов Филипп, архимандрит. К судьбе Виленской православной духовной семинарии / архимандрит Филипп (Морозов) // Виленское Утро. – 1924. – 30 марта. – № 891. – С. 2–3.
566. Музыкально-литературный вечер в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1897. – № 9. (Неофициальный отдел) – С. 80.
567. Музыкально-литературный вечер в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1898. – 8 марта. – № 10 (неофициальная часть). – С. 98.
568. Музыкальный вечер в Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1892. – 1 марта. – № 9. – С. 70.
569. Наблюдатель. Епархиальный съезд в Вильне / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 15-16 мая. – № 110 (1841). – С. 4.
570. Наблюдатель. Епархиальный съезд духовенства в Вильне / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 23 сентября. – № 219 (1950). – С. 2.
571. Наблюдатель. Письма из Вильны / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 6 октября. – № 230 (1961). – С. 4.
572. Наблюдатель. Письмо из Вильны / Наблюдатель // За свободу! – 1926. – 21 августа. – № 191 (1922). – С. 4.
573. Наблюдатель. Православная жизнь на Виленщине / Наблюдатель // За Свободу! – 1926. – 29 апреля. – № 98 (1829). – С. 3.
574. Насилие над Виленской Духовной Семинарией // Воскресное чтение. – 1925. – 13 декабря – № 50. – С. 796–797.
575. Настоятель Виленского Свято-Троицкого монастыря // Воскресное чтение. – 1926. – 22 февраля. – № 8. – С. 123.
576. Настоятель Виленского Свято-Троицкого монастыря // За Свободу! – 7 февраля. – № 36 (1440). – С. 3.
577. Недоразумения на почве арендного договора // За Свободу! – 1926. – 16 июля. – № 160 (1891). – С. 4.

578. Недоразумения на почве арендного договора // За Свободу! – 1926. – 16 июля. – № 160 (1891). – С. 4.
579. Новая организация Виленской семинарии // Воскресное чтение. – 1925. – 13 декабря. – № 50 – С. 796.
580. Новая угроза Виленской духовной семинарии // За свободу! – 1926. – 3 ноября. – № 253 (1984). – С. 3.
581. Новая школьная реформа входит в жизнь // Слово – 1933. – 18 июня. – № 48 (155). – С. 4.
582. Новое назначение епископа Антония // Слово. – 1934. – 1 апреля. – № 26 (237). – С. 1.
583. Новый Министр Исповеданий и Народного Просвещения // Воскресное Чтение. – 1931. – 23 августа. – № 34. – С. 466.
584. Новый настоятель Виленского Св. Троицкого монастыря // Слово. – 1934. – 11 февраля. – № 12 (223). – С. 1.
585. Новый ректор // Виленское Утро. – 1922. – 13 сентября. – № 333. – С. 4.
586. Новый ректор Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 6 июля. – № 151 (1882). – С. 3.
587. Новый стиль в православной церкви // Виленское Утро. – 1923. – 30 декабря. – № 800. – С. 3.
588. О Виленской семинарии // За Свободу! – 1924. – 30 марта. – № 86 (1141). – С. 2.
589. О Виленском динамите // За Свободу! – 1925. – 13 октября. – № 262 (1666). – С. 4.
590. О плате за учение в духовных семинариях // Слово. – 1933. – 12 февраля. – № 13 (120). – С. 1.
591. О пособиях от епархии Виленской Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 27 марта. – № 13. – С. 168.
592. О преподавании в православных духовных семинариях церковно-славянского языка // Слово. – 1933. – 7 сентября. – № 71 (178). – С. 1.
593. О. Ф. Духовный вечер в Вильне / О. Ф. // Слово. – 1934. – 29 марта. – № 25 (236). – С. 2.
594. О. Ф. Виленское епархиальное собрание представителей духовенства и мирян / О. Ф. // Слово. – 1934. – 4 февраля. – № 10 (221). – С. 2.
595. Обнаружение взрывчатых веществ в Вильне // За Свободу! – 1925. – 9 октября. – № 259 (1663). – С. 4.
596. Объединение монастырей // Виленское Утро. – 1926. – 7 апреля. – №. 1621. – С. 3.
597. Объявление // Виленское Утро. – 1925. – 11 июня. – № 1325. – С. 3.
598. Объявление // Воскресное Чтение. – 1928. – 10 июня. – № 24.
599. Объявление // ЛЕВ. – 1921. – Август. – № 1. – С. 4.

600. Объявление // ЛЕВ. – 1921. – Декабрь. – № 4–5. – С. 6.
601. Окончание учебного года в православных семинариях Польши // За Свободу! – 1926. – 13 июля. – № 157 (1888). – С. 3.
602. Организация православного духовного образования в Польше // Слово. – 1933. – 23 апреля. – № 32 (139). – С. 8.
603. От Виленской Духовной Семинарии // Воскресное чтение. – 1927. – 31 июля. – № 31. – С. 361.
604. От правления Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1922. – Июнь. – № 5–6. – С. 2.
605. От Правления Литовской духовной Семинарии // ЛЕВ. – 1892. – № 32. – С. 262.
606. От правления Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1922. – Июнь. – № 7. – С. 8.
607. От Православной Митрополитальной Духовной Семинарии в г. Вильне // Воскресное чтение. – 1926. – 8 августа. – № 32. – С. 509.
608. Открытие Православного Богословского Факультета // Воскресное Чтение. – 1926. – 1 марта. – № 9. – С. 136.
609. Отъезд митрополита Дионисия // Виленское Утро. – 1925. – 10 июня. – № 1324. – С. 3.
610. П. К. Семинарский праздник / П. К. // Слово. – 1935. – 27 октября. – № 43 (328). – С. 7.
611. Пальчевский, Г. Как погибла семья священника / Георгий Пальчевский // Гродненские епархиальные ведомости. – 2000. – № 9. – С. 17.
612. Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Воскресное Чтение. – 1930. – 6 апреля. – № 14. – С. 224.
613. Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Слово. – 1933. – 6 апреля. – № 28 (135). – С. 1.
614. Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Слово. – 1934. – 29 марта – № 25 (236). – С. 1.
615. Пасхальные каникулы в духовных семинариях // Слово. – 1937. – 11 апреля. – № 15 (400). – С. 1.
616. Пасхальные каникулы в Православных Дух. Семинариях // Слово. – 1935. – 10 февраля. – № 6 (291). – С. 1.
617. Перемены в среде Высшей Иерархии // Слово. – 1934. – 8 марта. – № 19 (230). – С. 1.
618. Перемены в церковной области // За свободу! – 1925. – 29 июля. – № 98 (1602). – С. 2.
619. Перлов, С. Судьба духовной школы / С. Перлов // Наше время. – 1935. – 14 апреля. – № 88 (1411). – С. 2, 5.

620. Петербургский генеалогический портал [Электронный ресурс] / Выпускники Литовской духовной семинарии. – 2018. – Режим доступа : <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/litsem.html>. – Дата доступа : 28.02.2018.
621. Письма из Вильны // За Свободу! – 1924. – 7 мая. – № 119 (1174). – С. 2.
622. Письма из Вильны // За Свободу! – 1924. – 9 апреля. – № 96 (1151). – С. 2
623. Письма из провинции // За Свободу! – 1926. – 6 января. – № 4 (1735). – С. 3.
624. Письмо в редакцию // Виленское Утро. – 1922. – 6 февраля. – № 117. – С. 4.
625. По вопросу об ограничении приёма в духовные семинарии и училища детей иносословных родителей // ЛЕВ. – 1900. – 27 августа. – № 35. – С. 316
626. По поводу предполагаемого закрытия Кременецкой Семинарии // Воскресное Чтение. – 1925. – 23 августа. – № 34. – С. 540.
627. По поводу случая в семинарии // За свободу! – 1925. – 19 июня. – № 159 (1563). – С. 4.
628. По поводу судебного решения в Вильне // Воскресное чтение. – 1925. – 28 июня. – № 26. – С. 413–415.
629. По Польше // Слово. – 1937. – 25 апреля. – № 17 (402). – С. 5.
630. Положение вопроса о высшем духовном образовании в Польше // Воскресное чтение. – 1924. – 25 мая. – № 17. – С. 262–263.
631. Польша Школьная реформа в Польше // Слово – 1933. – 25 июня. – № 50 (157). – С. 4.
632. Помещение белорусской гимназии // Виленское Утро. – 1925. – 13 июня. – № 1327. – С. 4.
633. Посещение Владыкой Митрополитом духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 7 июня. – № 1321. – С. 3.
634. Посещение г. Министром Народного Просвещения графом И. Д. Деляновым Литовской Духовной семинарии и Виленского Троицкого храма // ЛЕВ. – 1891. – 3 ноября. – № 44 (часть неофициальная). – С. 360–361.
635. Посещение духовной семинарии архиепископом Феодосием // Виленское Утро. – 1924 – 19 июня. – № 971. – С. 2.
636. Посещение Митрополитом Дионисием нового министра Исповеданий // Воскресное чтение. – 1926. – 1 августа. – № 31. – С. 490.
637. Постановления Высшей Церковной Власти // Вестник Православной Митрополии в Польше. – 1923. – 15 марта. – № 5–6. – С. 4.
638. Постановления Высшей Церковной Власти // Вестник Православной Митрополии в Польше. – 1923. – 15 мая. – № 10. – С. 2.

639. Правление Митрополитальной Духовной Семинарии в Вильне // За Свободу! – 1925. – 12 июня – №152 (1558). – С. 1.
640. Православная Церковь в Польше // За свободу. – 1924. – 18 апреля. – № 105 (1160). – С. 3.
641. Православный. Судьбы Виленской православной духовной семинарии // За свободу! – 1925. – 8 октября. – № 258 (1662). – С. 4.
642. Пребывание Высокопреосвященного Митрополита Дионисия в Вильне // Воскресное чтение. – 1925. – 28 июня. – № 26. – С. 410–411.
643. Преувеличение // За свободу! – 1925. – 18 июня. – № 158 (1562). – С. 4.
644. Приезд нового ректора Виленской духовной семинарии // За Свободу! – 1926. – 25 августа. – № 194 (1925). – С. 3.
645. Приезд православного архиепископа // Виленское Утро. – 1923. – 16 мая. – № 575. – С. 4.
646. Присяга православных епископов // Виленское Утро. – 1924. – 14 апреля. – № 906. – С. 4.
647. Прибытие из России Архиепископа Феодосия // Церковные ведомости, издаваемые при Временном Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. – 1923. – № 7–8. – С. 9.
648. Против автокефалии // Виленское Утро. – 1925. – 24 сентября. – № 1430. – С. 1.
649. Публичная лекция в духовной семинарии // ЛЕВ. – 1894. – № 6. – С. 42.
650. Пэвэка. Виленский Свято-Троицкий монастырь / Пэвэка // Слово. – 1935. – 27 октября. – № 42 (327). – С. 4.
651. Разрядный список Воспитанников богословского класса Митрополитальной Духовной Семинарии в Вильне, окончивших курс наук в м. июне 1927 года // Воскресное чтение. – 1927. – 7 августа. – № 32. – С. 381.
652. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии после годичных испытаний за 1891/1892 уч. г. // ЛЕВ. – 1892. – № 29. – С. 240–241.
653. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных испытаний в июне месяце 1894 г. // ЛЕВ. – 1894. – № 27. – С. 235–236.
654. Расходы на интернаты при богословских школах // Слово. – 1935. – 15 декабря. – № 50 (335). – С. 1.
655. Реальные результаты работ Виленского епархиального съезда // За Свободу! – 1926. – 24 сентября. – № 220 (1951). – С. 4.
656. Ревиндикация в освещении статистики // Воскресное чтение. – 1932. – 19 июня. – № 25. – С. 362.

657. Результаты годичных испытанепархиальные ведомости. – 1894. – № 27. – С. 235–236.
658. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1900 года // ЛЕВ. – 1900. – № 27–28. – С. 251–252.
659. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1901 года // ЛЕВ. – 1901. – № 26–27. – С. 209–210.
660. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1902 г. // ЛЕВ. – 1902. – № 26–27. – С. 215–216.
661. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1903 г. // ЛЕВ. – 1903. – № 26–27. – С. 210–212.
662. Разрядный список воспитанников Литовской духовной семинарии, составленный после годичных экзаменов, происходивших в мае и июне месяцах 1904 г. // ЛЕВ. – 1904. – № 25–26. – С. 210–212.
663. Расходы на интернатий Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1895. – № 26. – С. 248–249.
664. Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1896. – № 24. – С. 251–253.
665. Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1897. – № 26. – С. 231–232.
666. Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1898. – № 27. – С. 244–245.
667. Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1899. – № 27. – С. 260–262.
668. Результаты годичных испытаний Литовской духовной семинарии // ЛЕВ. – 1896. – № 24. – С. 251–253.
669. Ректор Семинарии епископ Антоний. Объявления / Ректор Семинарии епископ Антоний // Воскресное чтение. – 1925. – 26 июля. – № 30. – С. 480.
670. Ректор Семинарии епископ Антоний. Расписание / Ректор Семинарии епископ Антоний / Воскресное чтение. – 1925. – 26 июля. – № 30. – С. 480.
671. Реорганизация Виленской духовной семинарии // Воскресное чтение. – 1924. – 26 октября. – № 36. – С. 568–569.
672. Реорганизация православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1926. – 1 июля. – № 1534. – С. 3.
673. Реформа духовной школы // Слово. – 1934. – 25 марта – № 24 (235). – С. 1.
674. Реформа на крессах // За Свободу! – 1924. – 21 мая. – № 132 (1187). – С. 2.

675. Реформа средней православной богословской школы // Слово. – 1935. – 21 апреля. – № 16 (301). – С. 1.
676. Речь лидера белорусов // За Свободу! – 1923. – 23 января. – № 18 (759). – С. 3.
677. Решения Синода в Вильне // За свободу! – 1925. – 10 июня. – № 150 (1554). – С. 2.
678. Рождественские каникулы в духовных семинариях // Воскресное Чтение. – 1929. – 29 декабря. – № 52. – С. 828.
679. Русская гуманитарная женская гимназия Л. Поспеловой в Вильне // Воскресное Чтение. – 1925. – 9 августа. – № 32. – С. 512.
680. Русская народная школа // Виленское Утро. – 1922. – 3 апреля. – № 173. – С. 3.
681. Русская Церковь и Польша // Виленское Утро. – 1922. – 10 февраля. – № 121. – С. 2.
682. Русский съезд в Варшаве // Слово. – 1931. – 12 июля. – № 5. – С. 4.
683. С 1938 года аттестатов зрелости не будет // Слово. – 1933. – 18 июня. – № 48 (155). – С. 4.
684. Свящ. В. Я. Нарвовский. Православный Богословский Отдел Варшавского университета / Свящ. В. Я. Нарвовский // Воскресное Чтение. – 1925. – 16 августа. – № 33. – С. 517.
685. Случай в Виленской Духовной Семинарии // Воскресное Чтение. – 1925. – 23 августа. – № 34. – С. 540.
686. Сопещение о реформе духовных семинарий // Воскресное чтение. – 1926. – 11 июля. – № 28. – С. 441.
687. Сопещение по вопросу о реформе духовных семинарий // Слово. – 1932. – 3 июля. – № 27 (56). – С. 1.
688. Сопещение по реформу духовной школы // За Свободу! – 1926. – 24 июня. – № 142 (1873). – С. 4.
689. Туберозов. О духовном образовании в Польше / Туберозов // За Свободу! – 1926. – 22 июня. – № 140 (1871). – С. 2.
690. Туберозов. Церковные вопросы / Туберозов // За Свободу! – 1926. – 10 июля. – № 155 (1886). – С. 2.
691. Увольнение архимандрита Филиппа // За Свободу! – 1924. – 25 апреля. – № 109 (1164). – С. 2.
692. Учебный год начнется 20 августа // Слово. – 1933. – 30 июля. – № 60 (167). – С. 4.
693. Философов, Д. Виленская семинария / Д. Философов // За Свободу! – 1926. – 12 марта. – № 58 (1789). – С. 2.
694. Храмовой праздник Митрополитальной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1925. – 6 июня. – № 1320. – С. 3.

695. Храмовый праздник в Виленской православной духовной семинарии // Виленское Утро. – 1924. – 19 июня. – № 971. – С. 2.
696. Хроника // Виленские епархиальные ведомости. – 1922. – 1 декабря. – № 2. – С. 1.
697. Хроника // Воскресное Чтение. – 1931. – 14 июня. – № 24. – С. 312.
698. Хроника // ЛЕВ. – 1921. – декабрь. – № 4–5. – С. 6.
699. Хроника // ЛЕВ. – 1921. – Октябрь. – № 3. – С. 4.
700. Хроника // ЛЕВ. – 1922. – 14 сентября. – № 8–9. – С. 7.
701. Хроника. Белорусские пожелания // Воскресное Чтение. – 1928. – 21 октября. – № 43. – С. 656–657.
702. Церковная жизнь // Воскресное чтение. – 1924. – 12 октября. – № 34. – С. 537.
703. Церковная жизнь // Воскресное чтение. – 1924. – 27 июля. – № 25. – С. 392.
704. Церковная жизнь // Воскресное чтение. – 1924. – 28 сентября. – № 33. – С. 521.
705. Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 6 апреля. – № 11. – С. 169.
706. Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 27 апреля. – № 14. – С. 224.
707. Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное чтение. – 1924. – 14 сентября. – № 31. – С. 491.
708. Церковная жизнь в Польской Республике и за границей // Воскресное Чтение. – 1924. – 11 мая. – № 15. – С. 232–233.
709. Церковная хроника // За Свободу! – 1926. – 29 июня. – № 146 (1877). – С. 4.
710. Церковное обозрение // Воскресное чтение. – 1936. – 17 мая. – № 20. – С. 315.
711. Церковное обозрение за 1925 год // Воскресное Чтение. – 1926. – 3 января. – № 1. – С. 10; Наши дела церковные // За Свободу! – 1926. – 13 января. – № 9 (1740). – С. 2.
712. Церковные известия // Слово. – 1933. – 10 сентября. – № 70 (179). – С. 1.
713. Четвертая Сессия Священного Синода Православной Церкви в Польше за 1925 г. // Воскресное чтение. – 1926. – 7 марта. – № 10. – С. 152–155.
714. Школа Филиппа Морозова // Виленское Утро. – 1925. – 30 августа. – № 1405. – С. 3.
715. Экзамены в Виленской духовной семинарии // Слово. – 1936. – 10 мая. – № 19 (356). – С. 5.
716. Экзамены в семинариях // Воскресное чтение. – 1926. – 20 июня. – № 25. – С. 395.
717. Экзамены на аттестат зрелости // Слово. – 1933. – 13 апреля. – № 30 (137). – С. 4.

718. Экскурсия учеников Виленской духовной семинарии на Познанскую выставку // Воскресное Чтение. – 1929. – 21 июля. – № 29. – С. 472.
719. ЭЛЬ-КА. Из жизни Виленской духовной семинарии / ЭЛЬ-КА // Воскресное Чтение. – 1929. – 8 декабря. – № 49.
720. Ю. р-ий. Будущее средней духовной школы в Польше / Ю. р-ий // Воскресное чтение. – 1924. – 1 июня. – № 18. – С. 280.
721. Ю. Р-ий. Будущее средней духовной школы в Польше / Ю. Р-ий // Воскресное чтение. – 1924. – 8 июня. – № 19. – С. 296–297.
722. Ю. Р-ий. Закон о школах национальных меньшинств и его осуществление / Ю. Р-ий // Воскресное чтение. – 1926. – 8 марта. – № 10. – С. 155.
723. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 18 listopada 1938 r. o stosunku Państwa do Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego // Dziennik Ustaw. – 1938. – № 88. – Poz. 597. – S. 1317–1326.
724. Ogłoszenia // Воскресное Чтение. – 1931. – 31 мая. – № 22.
725. Ogłoszenie // Воскресное Чтение. – 1930. – 10 августа. – № 32.
726. Ogłoszenie // Воскресное Чтение. – 1930. – 25 мая. – № 21.
727. Ogłoszenie // Воскресное чтение. – 1932. – 14–21 августа. – № 33–34. – С. 450.
728. Ogłoszenie // Слово. – 1932. – 25 мая. – № 41 (148). – С. 1.
729. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej o ubezpieczeniu pracowników umysłowych z dnia 24 listopada 1927 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1927. – 24 listopada – № 106. – S. 1463.
730. Vox. Государственные интересы Польши и отношение к православному духовенству / Vox // Воскресное чтение. – 1924. – 20 января. – № 1. – С. 10–11.
731. Vox. Новое вероотступничество / Vox // Воскресное чтение. – 1925. – 27 сентября. – № 39. – С. 618.
732. Tymczasowe przepisy o stosunku Rządu do Kościoła Prawosławnego w Polsce // Monitor Polski. – 1922. – 16 Lutego. – № 38. – S. 1–2.

Список публикаций соискателя

Статьи в журналах, включенных ВАК в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, и в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней

1–А. Гиндренас, А. В. Виленская духовная семинария при ректорстве епископа Анатолия (Марценко), сентябрь 1924 – декабрь 1925 гг. / А. В. Гиндренас // Труды Киевской духовной академии. – Киев : Киевская духовная академия и семинария, 2018. – № 29. – С. 278–290.

2–А. Гиндренас, А. В. Виленская духовная семинария при ректорстве протоиерея Николая Тучемского (1926–1939 гг.) / А. В. Гиндренас // Труды Киевской духовной академии. – Киев : Киевская духовная академия и семинария, 2019. – № 30. – С. 224–239.

3–А. Гиндренас, А. В. Специфика работы преподавателей духовных школ в межвоенной Польше на примере Виленской духовной семинарии / А. В. Гиндренас // Труды Киевской духовной академии. – Киев : Киевская духовная академия и семинария, 2019. – № 31. – С. 274–286.

4–А. Гиндренас, А. В. Виленская духовная семинария в период возглавления архимандритом Филиппом (Морозовым) (ноябрь 1922 – август 1924 гг.) / А. В. Гиндренас // Труды Минской духовной академии. № 17 / Гл. ред. архимандрит Сергей (Акимов). – Минск : Издательство Минской духовной академии, 2020. – С. 157–188.

5–А. Гиндренас, А. В. Литовская духовная семинария в период возглавления Вячеславом Васильевичем Богдановичем (октябрь 1919 – октябрь 1922 гг.) / А. В. Гиндренас // ΧΡΟΝΟΣ. Церковно-исторический альманах. – 2020. – № 7. – С. 69–87.

Материалы научных конференций

6–А. Гиндренас, А. В. Деятельность Виленской духовной семинарии в Польской Республике (1919–1939 гг.) / А. В. Гиндренас // I чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога: Материалы научно-практической конференции, Минск : Минская духовная академия, 17 мая 2017 года. – Минск : Издательство Минской духовной академии, 2018. – С. 139–151.

7–А. Гиндренас, А. В. Преподавательская корпорация Виленской духовной семинарии (1919–1939 гг.) / А. В. Гиндренас // II чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога: Материалы научно-практической конференции, Минск : Минская духовная академия, 10 мая 2018 года. – Минск. : Издательство Минской духовной академии, 2019. – С. 107–116.

8–А. Гиндренас, А. В. Литовская духовная семинария в период эвакуации (июль 1915 – 1918 гг.) / А. В. Гиндренас // III чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога : Материалы

научно-практической конференции, Минск : Минская духовная академия, 13 июня 2019 года. – (в печати).

9–А. Гиндренас, А. В. Учебный план Виленской духовной семинарии (1919–1939 гг.) / А. В. Гиндренас // Церковная наука в начале третьего тысячелетия : актуальные проблемы и перспективы развития : Материалы международной научной конференции, Минск : Минская духовная академия, 26 ноября 2019 года. – (в печати).

10–А. Гиндренас, А. В. История библиотеки Виленской духовной семинарии / А. В. Гиндренас // Православие в Беларуси XIX–XX вв. : Материалы международной научной конференции, Республика Беларусь, г. Минск, 1 ноября 2019 г. / Белорусская Православная Церковь, Национальная академия наук Беларуси, Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Институт истории НАН Беларуси, Минская духовная академия. – Минск : Издательство Минской духовной академии, 2020. – С. 234–235.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Открытое письмо ректора Виленской духовной семинарии архимандрита Филиппа (Морозова) в газете «Виленское Утро»¹

«К судьбе Виленской православной духовной семинарии»

В виду упорных слухов, проникших в общества, и даже в печать, о предстоящем будто бы закрытии местной православной духовной семинарии, взволновавших широкие круги православного населения, что я усматриваю из устных и письменных запросов, обращаемых ко мне, как ректору семинарии, от родителей учащихся, духовенства, местной интеллигенции, крестьян, самих учащихся и разных общественных групп – прошу дать мне в вашей газете возможность поделиться с интересующимися лицами моими предположениями по поводу вышеозначенных слухов, а также моими надеждами на будущность Виленской духовной семинарии.

Если не ошибаюсь, слухи о переводе или закрытия семинарии впервые появились в связи с предложением Делегатуры Правительства об освобождении здания Св. Троицкого монастыря к 20 апреля сего года. Но мне лично кажется, что нельзя ставить в очень прочную связь вопрос о здании семинарии с самым существованием семинарии: отнять семинарские здания еще не означает прекратить деятельность семинарии, как учебного заведения. Конечно, тогда семинария становится в страшное тяжелое положение, однако это вовсе не означает смерти ее. И я твердо верю в то, что если правительство отнимет для государственных нужд стены монастыря, то оно не пожелает нанести тут же второго удара для православного сознания, т. е. вслед за отнятием монастыря закрыть совсем семинарию в Вильне.

Теперь слухи о закрытии семинарии совсем усилились в связи с недавним приездом в Вильну секретаря Священного Синода – епископа гродненского Алексия, который в своих частных разговорах с местными духовными лицами говорил о предстоящем закрытии обеих семинарий и об открытии вместо старых семинарий одной новой, на государственном польском языке, в г. Холме, как о факте. Но я лично склонен думать, что это одно из предположений кого либо из представителей высшей церковной власти или учебного комитета при Священном Синоде о будущей организации духовных школ, которые могут быть внесены еще только на рассмотрение в ближайшую сессию Св. Синода. Во всяком случае, никакого официального решения по этому вопросу со стороны Св. Синода или правительства не последовало, и о каких либо подобных предположениях ничего неизвестно нашему

¹ Морозов Филипп, архимандрит. К судьбе Виленской православной духовной семинарии / архимандрит Филипп (Морозов) // Виленское Утро. – 1924. – 30 марта. – № 891. – С. 2–3.

Высокопреосвященнейшему архиепископу Феодосию, под непосредственным ведением которого находится Виленская семинария.

Для меня непонятно, далее в чьих собственно интересах закрыть нашу семинарию. В интересах правительства? Едва ли. Местная правительственная власть относится к семинарии очень благосклонно и это не раз дало поводы для нападок местным белорусским газетам как на власть, что она лучше относится к семинарии, чем к белорусской гимназии, так и на семинарию за то только, что последняя заслужила благосклонность местной власти.

У министерства исповеданий и народного просвещения семинария также на хорошем счету, что я, как бывший не раз у высших представителей министерства по делам семинарии, могу засвидетельствовать. Из двух православных семинарий в Польше – Виленская, по мнению министерства, стоит на первом месте, т. к. общеобразовательные предметы ее почти приближены до уровня классических правительственных гимназий; в богословских же классах семинарии введены предметы даже сверх семинарской программы, например: пастырское богословие, патрология и законоведение. Что же касается полоноведения, то оно проходит в семинарии по постановлению Виленского епархиального собрания, бывшего летом 1923 года, в достаточном объеме: именно в семинарии введены следующие предметы на государственном языке: польский язык, история литературы Польши, география и история Польши, наука о Польше. Между тем ни того, ни другого, ни третьего Кременецкой духовной семинарией до сего времени не сделано, и семинария там – прежнего довоенного российского типа.

Во всяком случае внимание правительства к Виленской семинарии было настолько ощутительным и стремление ее быть лояльной было настолько очевидным, что опять те же белорусские газеты не раз писали с одной стороны, что правительство при посредстве семинарии пытается ввести в Вильне «польское православие», а с другой, что и семинария «продалась» правительству, хотя, к слову сказать, в этом году семинария не просила у правительства ни одной марки.

Может быть влиятельные круги польского общества против существования в Вильне православной духовной семинарии? Нет, я бы и этого не сказал. Наоборот, видные представители польско-католического клерикального мира в Вильне относятся тепло к семинарии <...>.

Вот другое совсем, если сама высшая духовная власть Православной церкви в Польше решила изъять семинарию из Вильны. Это для меня совсем понятно. Ведь год шла жестокая травля семинарии со стороны белорусских газет, при чем руководителям семинарии давались самые нелестные эпитеты. Несколько раз направлялись делегации от белорусской гимназии к митрополиту Дионисию с просьбой отстранить от дела некоторых членов

администрации семинарии, как вносящих разложение в православную среду. Не так давно было выпущенное даже открытое письмо к Св. Синоду Православной митрополии в Польше (см. № 8 газеты «Змаганьне», от 24 января с.г.) содержащее напады против меня и моих ближайших помощников по работе. В этом письме мы несправедливо обвиняемся в прямом противлении митрополиту. Что же после этого удивляться, если положим, высшая церковная власть решила убрать семинарию из того города, где она заслужила такую ненависть со стороны части православного населения. Это совершенно естественно. Однако я и здесь смотрю снова не совсем пессимистически на будущее Виленской семинарии. Даже из такого положения есть прекрасный выход к сохранению семинарии в Вильне. Ведь семинария, как институция, не виновата в том, может быть, «ложном» направлении, которое придали ей руководители; достаточно для этого изъять этих вредных руководителей, «от них же первый есмь аз», и дать других, более мудрых, спокойных, которые не вносили бы разложения в православное общество.

Словом, если закрытие семинарии в Вильне, по только что указанным поводам, есть одно из предположений высшей церковной власти, то самый авторитетный голос в Св. Синоде, а также и перед правительством, конечно, будет иметь наш маститый иерарх Виленской церкви Высокопреосвященнейший Феодосий, который болеет вместе с нами нуждами семинарии, который «приискренне приобщился» всем радостям и печалям семинарии, и мы надеемся, что в его авторитете, его мудрости и молитвенности семинария и даже слабые ее руководители найдут и в дальнейшем отеческую заботливость и поддержку.

Поэтому мне снова верится, что высшая церковная власть, по всестороннем обсуждении вопроса о ВДС, никогда не решится на закрытие семинарии, этого единственного очага православной культуры для всего белорусского народа, проживающего в польском государстве. И я надеюсь, что даже если бы и угрожала какая-либо откуда-нибудь опасность семинарии, то и сам первоиерарх Православной Церкви в Польше владыка митрополит Дионисий восстанет на защиту семинарии в Вильне так же горячо и решительно, как он восстал на защиту православного собора в Луцке.

В заключение считаю долгом заметить, что едва ли полезно будет закрытие семинарии и для белорусского общества и его представителей: ведь в семинарии воспитываются дети белорусского народа, которые и понесут православную культуру своему народу.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Сравнительная таблица количества недельных учебных часов по всем предметам Виленской (Литовской) духовной семинарии за 1911–1939 уч. гг.¹

Предмет (до 1925 г.)	Количество учебных часов в неделю					
	1911–1917 гг.	1921–1923 гг.	1923–1925 гг.	1925–1927 гг.	1927–1928 гг.	1928–1939 гг.
Катехизис, церковный устав, Закон Божий и Священное Писание (дисциплины религии в младших классах)	32	31	34	27	24	26
Русский и церковно-славянский язык	33	28	30	20	16	12
Польский язык	-	14	30	30	40	34
Белорусский язык	-	16	16	17	16	20
Греческий язык	20	14	20	13	23	21
Латинский язык	20	14	20	18	27	26
Античная культура	-	-	-	4	7	5
Немецкий язык	8	20	20	19	-	-
Французский язык	8	20	20	19	-	-
Математика (арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия)	24	30	32	22	25	19
География (всеобщая и Польши)	8	8	8	8	13	8
История (всеобщая, естественная, гражданское, Восточной Европы)	11	18	24	20	24	19
Физика, космография и химия	10	7	10	10	8	7
Психология и логика	5	4	4	2	-	-
Философия (введение в философию)	4	4	4	3	7	7
Чистописание и рисование	4	6	7	6	10	8
Гимнастика	3	-	5	16	16	18
Ручная работа	-	-	-	-	6	6
Учение о современной Польше	-	-	3	3	3	21
Естествоведение (природоведение)	1	-	9	10	14	12
Гигиена (медицина)	-	-	2	2	1	1
Законоведение	-	-	2	-	-	-
Церковное пение	13	12	10	11	12	11
Дидактика и педагогика	6	2	3	3	-	-
Церковная история	11	9	11	13	7	7

¹ Таблица составлена по: ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1375. – Л. 60; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1407. – Л. 94–97; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 349. – Л. 26 об.–31 об.; ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 13, 17, 30, 69–76; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1380. – Л. 138, 145; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1381. – Л. 7–8; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 2. – Д. 454. – Л. 4; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 2, 9, 22, 26, 57–58; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 6, 10–14, 17, 29; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 1 – Л. 8, 26; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1413; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 8 об.–9; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 346; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 362; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 363; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 353; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 364; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 334. Л. 100–101; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 23–24 об.; Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 346.

Основное богословие	3	3	4	4	3	2
Догматическое богословие	6	6	6	6	3	3
Литургика (и церковная археология)	3	4	5	5	3	3
Гомилетика	4	4	5	5	2	2
Патрология	-	3	3	3	-	-
Каноническое право	-	4	4	4	-	-
Пастырское богословие (или практическое руководство для пастырей)	4	2	2	2	-	-
Сравнительное богословие	2	3	3	3	2	2
История расколов и сектантства	8	4	2	2	-	-
Нравственное богословие	3	2	2	2	3	2
Всего	254	292	360	332	315	302
Всего по богословским предметам	133 (52%)	119 (41%)	131 (36%)	124 (37%)	116 (37%)	112 (37%)

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Темы сочинений для воспитанников Виленской духовной семинарии в 1922–1924 гг.¹

5 класс	Белорусский язык: «Кто из белорусских авторов мой любимый автор и почему?»
	Св. Писание: «Моисей как освободитель своего народа»
	Русский язык: «Песнь о Вещем Олеге. Стихотворение Пушкина (разбор произведения)»
6 класс	Гражданская история: «Почему проповедь Лютера имела успех?»
	Русский язык: «Отражение личности царя Ивана Грозного в народных исторических песнях»
	Белорусский язык: «Гарас на Парнасе»
	Св. Писание: «Соломон в первой половине своего царствования (или во второй половине)»
7 класс	Русский язык: «Значение Ломоносова в истории русской литературы»
	Гражданская история: «Как сказались на быт и нравах древних славян принятие ими христианства»
	Психология: «Ощущение и представление, их взаимосвязь, разница и сходство»; «Эксперимент как источник психологических знаний»
8 класс	Философия: «Миросозерцание Платона и значение его для философии»
	Гражданская история: «Церковная история Петра Великого и ее значение»
1 богослов. класс	Основное богословие: «Всеобщность религии в роде человеческом», «Чудо и его значение для Откровения», «Образ Христа Спасителя по Евангелию», «Победа победившая мир (1 Иоанн 5, 4.)»
	Догматическое богословие: «Моисеево сказание о творении видимого мира»
	Церковная история: «Допускают ли христианские богословы II и III веков участие разума и науки в делах веры?»
2 богослов. класс	Нравственное богословие: «Взгляд Православной Церкви на «безразличные» в нравственном отношении действия», «Свидетельства Св. Писания о господстве зла в духовной человеческой природе после падения», «Земная жизнь Спасителя мира как образец человеческой нравственности», «Значение слова благодать в греко-римском мире и в Св. Писании Ветхого и Нового Завета».
	Каноническое право: «Как отразилась жизнь древней церкви в апостольских правилах?»
	Церковная история: «Какое влияние на культурное развитие русского народа оказало принятие им христианства?»

¹ Таблица составлена по: ЛГИА. Фонд 605. – Оп. 8. – Д. 1432. – Л. 16; ЛГИА. Фонд 572. – Оп. 1. – Д. 1378. Л. 215, 229.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Статистическая ведомость о воспитанниках Виленской духовной семинарии по количеству, родному языку и национальности (1922–1939 гг.)¹

Учебный год	Общее число	Родной язык					Количество выпускников	Выпускники по национальности					Количество выпускников, поступивших на православный богословский факультет Варшавского университета
		польский	белорусский	украинский	русский	«смешанный»		польская	белорусская	украинская	русская	другое	
1922/23	292	1	69	1	210	11	26	-	24	2	-	-	1
1923/24	252						24						6
1924/25	234	-	29	1	144	10	12						4
1925/26	275						19						4
1926/27	192	2	60	6	124	-	29						
1927/28	185	4	32	3	146	-	14						8
1928/29	164	-	102	5	57	-	8	-	5	1	2	-	4
1929/30	163	-	100	6	57	-	15	3	11	1	-	-	10
1930/31	154	-	56	2	96	-	18	-	10	1	7	-	13
1931/32	152	2	15	1	134	-	11	-	5	1	5	-	6
1932/33	142						15	-	7	1	7	-	13
1933/34	121	2	22	2	95	-	11	-	-	1	10	-	4
1934/35	101	2	23	-	76	-	16	-	12	-	4	-	10
1935/36	79	5	27	1	46	-	11	-	2	-	9	-	6
1936/37	64	5	25	1	33	-	12	2	7	-	3	-	8
1937/38	48						11	3	6	-	2	-	5
1938/39	34	-	12	1	21	-							

¹ Таблица составлена по: ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 304 об; ЛЦГА. Фонд 220. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 5–14.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Статистическая ведомость о педагогической корпорации Виленской духовной семинарии (1919–1939 гг.)¹

Образование	Количество
Среднее семинарское	6
Среднее специальное	10
Высшее светское	24
Среднее семинарское и высшее светское	7
Высшее духовное	16
Высшее светское и высшее духовное	4
Нет данных	41
Вероисповедание	
Православное	51
Католическое	18
Протестантское	2
Нет данных	37
Наличие сана	
Есть	14
Нет	77
Нет данных	17
Пол	
Мужской	96
Женский	12
Семейное положение	
Женат (замужем)	38
Холост (не замужем)	6
Вдовец (вдова)	2
Нет данных	62
Время работы в семинарии	
Меньше года	31
1-2 года	32
3-4 года	18
5-8 лет	16
Более 8 лет	9
Нет данных	2

¹ Таблицы составлены на основании данных из личных дел сотрудников Виленской духовной семинарии (см. раздел «Личные дела персонала» в библиографическом списке).

Причина увольнения	
Непризнанная квалификация	10
Решение инспекционной комиссии	4
Конфликт с руководством ¹	5
	16 (октябрь-ноябрь 1922 г.) ²
Нарушение дисциплины	6
Болезнь, пенсионный возраст, смерть	13
Другое ³	27
Нет данных	27

¹ Конфликт с администрацией семинарии или представителями высшей церковной власти в Польской Православной Церкви.

² Ушедшие преподаватели, которые протестовали против увольнения ректора В. В. Богдановича.

³ По собственному желанию, назначение куратором ВУО в другое учебное заведение (в том числе по случаю сокращения семинарии), ликвидация учреждения.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Поименный список преподавателей и сотрудников, работавших в Виленской духовной семинарии в межвоенный период (1919–1939 гг.)

1. Абрамович Зыгмунт (Зыгмунт-Антон, Зыгмунд) Иосифович – преподаватель белорусского языка (сентябрь 1925 – март 1926 гг.)
2. Амбургер Иоанн Густавович – преподаватель греческого языка (октябрь 1922 – август 1926 гг.)
3. Артемьев Василий Андреевич – преподаватель церковной истории (сентябрь 1922 – август 1926 гг.)
4. Антошук Станислав – преподаватель польского языка (1930–1934 гг.)
5. Беер (Бейер) Виктор Степанович – преподаватель церковного пения (октябрь 1924 – август 1931 гг.)
6. Белинский Казимир – преподаватель общей истории (1932–1933 гг.)
7. Белявский Лев Алексеевич – преподаватель русского языка, директор общеобразовательных классов (ноябрь 1922 – август 1933 гг.)
8. Баранова Надежда – повар (декабрь 1937 – 1939 гг.)
9. Барыбова Мария – помощница по хозяйственной части общежития (1930–1935 гг.)
10. Белавенцев Евгений, священник – духовник (1922–1923 гг.)
11. Беляев Василий, протоиерей – преподаватель катехизиса (август 1922 – июнь 1926 гг.)
12. Богданович Варвара Георгиевна – делопроизводитель (1921 – октябрь 1922 гг.)
13. Богданович Вячеслав Васильевич – ректор семинарии (ноябрь 1919 – октябрь 1922 гг.)
14. Богданович Геннадий Васильевич – преподаватель истории и географии (октябрь 1921 – октябрь 1922 гг.)
15. Боголюбов Сергей – преподаватель церковно-славянского языка (1934–1936 гг.)
16. Богоявленский Григорий Дмитриевич – преподаватель дидактики и русского языка (ноябрь 1920 – октябрь 1922 г.)
17. Богоявленский Елевферий, архиепископ – преподаватель Св. Писания (ноябрь 1919 – 1921 гг.)
18. Бохан Д. Д. – преподаватель польского языка (март – октябрь 1922 г.)
19. Буздижан Всеволод Александрович – преподаватель физики, химии и арифметики (май – сентябрь 1923 г.)
20. Бурчык Владислав – преподаватель польского языка (1930–1932 гг.)

21. Бышко Владислав – преподаватель гимнастики (ноябрь 1930 – сентябрь 1931 гг.)
22. Вальдман А. – преподаватель немецкого языка (1933–1936 гг.)
23. Вежинский Юзеф Михайлович – преподаватель польского языка (1923–1930 гг.)
24. Верниковский Александр Львович – преподаватель белорусского языка (октябрь 1923 – ноябрь 1924 гг.)
25. Врублевский Михаил Иванович – преподаватель греческого и латинского языков (июнь – октябрь 1922 г.)
26. Гавлович Станислав – преподаватель гимнастики (1936–1937 гг.)
27. Гайкович Стефания – преподаватель географии (1925–1927 гг.)
28. Гарбуз Константин Васильевич – воспитатель общежития (1926 – май 1931 гг.)
29. Гаркуш Вячеслав – преподаватель церковного пения (сентябрь 1935 – октябрь 1936 гг.)
30. Глуховский Владислав – преподаватель истории (ноябрь – декабрь 1934 г.)
31. Горецкий (Гарецкий) Максим – преподаватель белорусского языка (сентябрь 1921 – сентябрь 1923 гг.)
32. Григорьев Александр Константинович, священник – эконо́м семинарии (май 1923 – июнь 1924 гг.)
33. Гришкевич Викентий (Винцент) Антонович – преподаватель белорусского языка (март 1928 – август 1931 гг.)
34. Дадыкин Иван Иванович – преподаватель латинского языка (июнь – сентябрь 1924 г.)
35. Дедусев Савва, иеромонах – эконо́м семинарии (февраль – декабрь 1925 г.)
36. Дезновский Иосиф – преподаватель, предмет не выявлен (1922 – 1923 гг.)
37. Дзичковский Иосиф Евстафьевич, священник – инспектор семинарии, преподаватель Св. Писания (октябрь 1921 – августа 1933 гг.)
38. Дмоховский Д. Д. – преподаватель физики (1921 – ноябрь 1922 г.)
39. Долинский Иоанн – дворник (1922–1923 гг.)
40. Домской Станислав – повар (1922–1923 гг.)
41. Егерь Александр – преподаватель русского языка (сентябрь 1926 – августа 1935 гг.)
42. Жданов Владимир, священник – преподаватель церковно-славянского языка (ноябрь 1922 – июнь 1923 гг.)
43. Жешовский Эдвард – преподаватель, предмет не выявлен (1934 г.)
44. Жижневский Фома (Томаш) – «коридорный» рабочий (1922–1923 гг.)
45. Жолнеркевич Елена – сотрудница по хозяйственной части общежития (сентябрь – декабрь 1939 г.)
46. Заремба Иосиф – преподаватель истории (ноябрь – декабрь 1934 г.)

47. Зацевский Станислав – преподаватель гимнастики (1933 – ноябрь 1934 гг.)
48. Зенкевич Вацлав Игнатьевич – преподаватель польского языка (октябрь 1922 – сентябрь 1923 гг.)
49. Зобчынский Эдмунд – преподаватель, предмет не выявлен (1929–1931 гг.)
50. Зубов Николай Игнатьевич – преподаватель истории (февраль 1926 – ноябрь 1928 гг.)
51. Иванов Александр Алексеевич – преподаватель математики (сентябрь 1924 – 1926 гг.)
52. Ивашинцов Павел Александрович – преподаватель математики (1922 – май 1923 гг.)
53. Ивашкевич Стефан – преподаватель польского языка (1934–1939 гг.)
54. Игнатова Лидия – преподаватель, предмет не выявлен (октябрь 1921 – октябрь 1922 гг.)
55. Иеромонах Варнава – эконоом семинарии (март 1922 – март 1923 гг.)
56. Ильяшевич Николай – преподаватель белорусского языка (1926–1934 гг.)
57. Ильяшевич Феодор (Теодор) – преподаватель белорусского языка (1934–1937 гг.)
58. Кадзевич Анна – уборщица общежития (апрель 1927 – август 1939 гг.)
59. Кадзевич Антоний – разнорабочий (1922–1939 гг.)
60. Калининский Хрисанф Иосифович – письмоводитель (1922 – октябрь 1925 гг.)
61. Каллиникова Римисиния – сотрудница по хозяйственной части общежития (январь 1927 – 1930 гг.)
62. Каминский Константин – преподаватель церковного пения (сентябрь 1935 – сентябрь 1936 гг.)
63. Камчаткин Анатолий Николаевич – преподаватель русского и латинского языков (октябрь 1921 – октябрь 1922 гг.)
64. Качановский Сергей – преподаватель гимнастики (сентябрь 1931 – июль 1932 гг.)
65. Кедров Михаил – сторож (январь 1927 – апрель 1935 гг.)
66. Кетлер Петр Антонович – преподаватель музыки (февраль – июнь 1925 г.)
67. Клейбер Карл Карлович – преподаватель немецкого языка (октябрь 1921 – октябрь 1926 гг.)
68. Ковалевич Василий – преподаватель белорусского и русского языков (1935–1938 гг.)
69. Корта Иосиф – преподаватель гимнастики (1932–1937 гг.)
70. Котович Иоанн – преподаватель физики (октябрь 1921 – октябрь 1922 гг.)
71. Кравец Луциан – преподаватель истории (1930–1932, 1938–1939 гг.)
72. Красковский А. И. – врач семинарии (октябрь – ноябрь 1921 г.)
73. Красных Сергей Александрович – врач семинарии (сентябрь 1924 – 1925 гг.)
74. Кукушкина Анна Евграфовна – врач семинарии (март 1924 – 1925 гг.)

75. Куц Андрей Романович – преподаватель патрологии (октябрь 1924 – август 1928 гг.)
76. Кучаровский Михаил – врач семинарии (декабрь 1937 – 1939 гг.)
77. Кушнев Михаил, протоиерей – секретарь, преподаватель основного богословия (1919–1924 гг.)
78. Лавриненко Иоанн, игумен – духовник (февраль 1925 – 1926 гг.)
79. Лаврова Юлия – преподаватель французского языка (1927–1929 гг.)
80. Лекант Александр – преподаватель, предмет не выявлен (октябрь 1921 – октябрь 1922 гг.)
81. Ленский Юзеф – врач семинарии (сентябрь 1926 – август 1938 гг.)
82. Малаха Николай, диакон – экононом семинарии (сентябрь – ноябрь 1925 г.)
83. Малишевский (Малышевский) Виталий – преподаватель, предмет не выявлен (февраль – март 1934 г.)
84. Мартисевич (Мартысевич) Леонид Петрович – преподаватель математики (сентябрь 1924 – июнь 1928 гг.)
85. Марценко Анатолий Франциевич – преподаватель гимнастики (1924–1930 гг.)
86. Марценко Антоний, епископ – ректор семинарии (сентябрь 1924 – декабрь 1925 гг.)
87. Матвиец Теодор – преподаватель церковного пения (1931–1935 гг.)
88. Мацкевич Елена – контрактный зубной врач (1928 г.)
89. Миликонт Нарвойш Антоний – преподаватель истории (сентябрь 1924 – 1938)
90. Михалевич Александр – инспектор семинарии (1928 г.)
91. Моисеев Анатолий – преподаватель религии, дежурный общежития (1934–1939 гг.)
92. Мороз Ольга – уборщица (1922–1923 гг.)
93. Морозов Филипп, архимандрит – ректор семинарии (октябрь 1921 – август 1924 гг.)
94. Недельский Владимир Климентович – инспектор семинарии, преподаватель канонического права (ноябрь 1919 – октябрь 1922 гг.)
95. Новочадов Василий Алексеевич – преподаватель латинского языка (1922 – январь 1925 гг.)
96. Огицкий Дмитрий Петрович – преподаватель греческого языка (1932–1939 гг.)
97. Ольшевская Л. В. – преподаватель французского языка (1921–1923 гг.)
98. Островский Владимир – преподаватель музыки (1934–1936 гг.)
99. Пенёнжкова Янина – преподаватель географии (сентябрь 1925 – июнь 1929 гг.)
100. Пипченко Макарий – вахтер (1927 – февраль 1931 гг.)

101. Почтер Самуил Григорьевич – врач семинарии (декабрь 1921 – ноябрь 1923 гг.)
102. Предтечевский Василий – преподаватель церковной истории (ноябрь 1919 – октябрь 1922 гг.)
103. Руда Мария – повар (сентябрь – декабрь 1939 г.)
104. Русов Кароль – повар, дворник (1923–1937 гг.)
105. Савинский Леонид – преподаватель физики (1925–1936 гг.)
106. Савицкий И. В. – преподаватель белорусского языка (февраль – июнь 1923 г.)
107. Сайкович Дмитрий – преподаватель греческого языка (1929–1932 гг.)
108. Сарнацкая Мария – разнорабочая (1924–1937 гг.)
109. Сарнацкий Данель – разнорабочий (1924–1937 гг.)
110. Свитич Александр Каллиникович – секретарь, преподаватель церковного пения и белорусского языка (ноябрь 1922 – август 1926 гг.)
111. Свитич Лидия – преподаватель французского языка (ноябрь 1922 – март 1926 гг.)
112. Сивец Михаил Осипович – преподаватель математики (октябрь 1921 – ноябрь 1924 г.)
113. Смержевский Аполлон Иосифович – преподаватель истории (1924–1935 гг.)
114. Снежинский Алексей Григорьевич – преподаватель истории (1923–1929 гг.)
115. Соколова Е. К. – преподаватель белорусского языка (май – октябрь 1922 г.)
116. Сосновская Л. Т. – преподаватель французского языка (сентябрь – октябрь 1922 г.)
117. Сосновская Нина – преподаватель чистописания и рисования (сентябрь – октябрь 1922 г.)
118. Сосновский Александр, протоиерей – преподаватель, предмет не выявлен (сентябрь – октябрь 1922 г.)
119. Станкевич Ян – преподаватель белорусского языка (1927–1933 гг.)
120. Старикевич-Миронов Михаил, диакон – эконо́м семинарии (ноябрь 1924 – февраль 1925 гг.)
121. Сченснович Кондратий Фомич – преподаватель белорусского языка (сентябрь 1923 – июнь 1925 гг.)
122. Тельмашевский Михаил – преподаватель музыки (1929–1934 гг.)
123. Теодорович Иван Михайлович – преподаватель латинского языка (1925–1939 гг.)
124. Томашевич Генрих – преподаватель истории (ноябрь 1929 – июнь 1930 гг.)
125. Труханович Иоанн – преподаватель гимнастики (1938–1939 гг.)

126. Турковский Тадеуш – преподаватель предметов полоноведения (1924–1925 гг.)
127. Гучемский Николай, протоиерей – ректор семинарии (1926–1939 гг.)
128. Устинович Сергей Дмитриевич – преподаватель церковного пения (декабрь 1921 – октябрь 1922 гг.)
129. Федорович Зыгмунт – преподаватель, предмет не выявлен (март – апрель 1939 г.)
130. Флегонтов Евгений – делопроизводитель (1922 г.)
131. Фролов Евгений – преподаватель греческого языка (1935–1939 гг.)
132. Хорошкевич Евфимий Михайлович – преподаватель латинского языка (1923–1925 гг.)
133. Храпкива Юзефа – преподаватель польского языка (1923–1929 гг.)
134. Шашко Константин Александрович, диакон – экононом семинарии (август – ноябрь 1924 г.)
135. Шведов Иван – экононом семинарии (1919 – март 1922 гг.)
136. Швехлович К. – преподаватель польского языка (сентябрь 1923 – июнь 1924 гг.)
137. Швяллоуич Карл Юзефович – преподаватель предметов полоноведения (1923–1924 гг.)
138. Шембержина Надежда – экононом общежития (1935–1937 гг.)
139. Шероцкий Николай Кириллович – воспитатель общежития (1922–1927 гг.)
140. Штарк Михаил Федорович – преподаватель Закона Божия (1923–1924 гг.)
141. Южик (Юзык) Павел Фомич – преподаватель чистописания и рисования (1921–1929 гг.)
142. Юзвюк (Юзвьюк) Николай Порфирьевич – воспитатель общежития (1924–1939 гг.)
143. Юзвюк Евгения – преподаватель французского языка (октябрь 1921 – октябрь 1922 гг.)

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Поименный список воспитанников Виленской духовной семинарии в 1919–1939 гг.

1. Абрамович Петр Николаевич (1928–1930)
2. Авдей Александр (1933)
3. Авдей Константин Иосифович (1927–1937)
4. Авласевич Андрей Лукич (1926–1930)
5. Авласенко Анатолий Александрович (1922–1928)
6. Акимович Александр (1921)
7. Акоронко Мстислав Александрович (1924–1925)
8. Александровский Георгий Павлович (1921–1924)
9. Александровский Константин Григорьевич (1921–1930)
10. Алексеюк Борис Дмитриевич (1922–1928)
11. Алексюк-Филиппов Леонтий (1923)
12. Альбов Алексей Владимирович (1921–1928)
13. Альбов Сергей (1922)
14. Андрейчик Лев (1930–1932)
15. Андруцкий Вадим (1929–1931)
16. Андруцкий Симон (Симеон) (1929)
17. Анкирский Игорь Александрович (1926–1929)
18. Антипович Владимир Иванович (1922–1923)
19. Антонович Михаил (1922–1923)
20. Апанасевич Александр Васильевич (1922–1927)
21. Апанасевич Михаил (1922)
22. Арень Борис (1921–1923)
23. Арень Петр Вячеславович (1921–1926)
24. Арико Афанасий (1923)
25. Афанасьев Василий Иосифович (1921–1928)
26. Афанасьев Евгений Иосифович (1921–1930)
27. Базилевич (Базылевич) Игорь Иванович (1925–1933)
28. Базилевич Борис Иванович (1924–1931)
29. Балада Онуфрий (1922)
30. Балай Константин (1931–1939)
31. Балаш Максим (1923)
32. Балковский Алексей Дамианович (1923–1928)
33. Баранов Стефан (1922–1924)
34. Бартошевич Николай (1931–1937)
35. Баслык Евгений Кондратович (1924–1930)

36. Баслык Евстафий (1921–1927)
37. Баторевич Серафим Стефанович (1924–1926)
38. Башлаков Василий (1921–1922)
39. Бегун Иван Игнатьевич (1923)
40. Бегун Стефан (1923–1926)
41. Бедеевский Иван (1923–1924)
42. Бекаревич Виктор Васильевич (1927–1936)
43. Бекаревич Игорь Васильевич (1922–1925)
44. Беланович Антоний Петрович (1921–1926)
45. Белевич Николай Адамович (1922–1932)
46. Белецкий Феодор Феодорович (1924–1928)
47. Белобоков Иван (1921)
48. Белошицкий Николай (1925–1927)
49. Белявский Вадим Львович (1925–1927)
50. Белявский Лев Львович (1925–1934)
51. Беляев Анатолий Александрович (1921–1929)
52. Беляев Владимир Васильевич (1921–1924)
53. Беляев Николай Васильевич (1921–1928)
54. Беляев Сергей Васильевич (1921–1922)
55. Билев Авенир Аристархович (1925–1935)
56. Билев Анатолий (1921–1923)
57. Билев Геннадий Аристархович (1922–1932)
58. Благовещенский Александр (1929–1930)
59. Благовещенский Николай (1922)
60. Благовещенский Платон (1933)
61. Бобкевич Георгий (1931–1932)
62. Богаткевич Валентин (1929–1933)
63. Богаткевич Виталий Константинович (1921–1927)
64. Богаткевич Евгений Константинович (1921–1925)
65. Богаткевич Иван Константинович (1925–1932)
66. Богаткевич Николай Николаевич (1922–1931)
67. Богданович Борис (1921–1928)
68. Богданович Глеб (1922)
69. Богданович Николай (1921–1925)
70. Богданович Сергей (1921–1923)
71. Богушевский Сергей Борисович (1921–1923)
72. Божерянов Александр (1927)
73. Божерянов Михаил (1931)
74. Божко Иван (1921–1923)
75. Бойко Константин Потапович (1925–1932)

76. Бондарь Анатолий (1930–1935)
77. Бондарь Леонид Феодосьевич (1928–1935)
78. Бондарь Николай Максимович (1925–1926)
79. Борецкий Николай (1925–1926)
80. Борисовец Анатолий (1921)
81. Борковский Виталий Антонович (1925–1927)
82. Боровой Виталий Михайлович (1929–1936)
83. Боровский Виталий Михайлович (1923–1921)
84. Бохонко (Боханко) Василий (1922–1923)
85. Бразовский Зиновий Моисеевич (1928–1937)
86. Брилевич Николай (1931–1934)
87. Бровкин Иван (1924–1925)
88. Бродкевич Павел Сильвестрович (1925–1932)
89. Брояков Иван (1925–1926)
90. Брыных Николай Зиновьевич (1924)
91. Бубель Иван Яковлевич (1925–1926)
92. Бубень Вячеслав (1930–1939)
93. Бубень Михаил Антонович (1921–1931)
94. Бука Евграф Яковлевич (1921–1930)
95. Букато Виталий Адамович (1926–1931)
96. Букато Георгий Адамович (1928–1935)
97. Бурнович Петр (1922–1923)
98. Бурсак Георгий (1922)
99. Буцько Александр Михайлович (1924–1935)
100. Буцько Анатолий Михайлович (1924–1930)
101. Буцько Владимир (1923–1924)
102. Буцько Сергей Михайлович (1923–1928)
103. Былинский Сергей Львович (1925–1926)
104. Валуев Валентин (1922)
105. Василевский Владимир (1921)
106. Василевский Дмитрий Алексеевич (1925–1932)
107. Василевский Игорь (1921)
108. Василевский Николай Васильевич (1924–1926)
109. Василевский Петр Алексеевич (1921–1924)
110. Василенко Евгений (1921–1922)
111. Васильев Василий (1922)
112. Веренич Иван (1922)
113. Верещако Гавриил (1931–1935)
114. Вержболович Николай Константинович (1923)
115. Вериго Стефан (1921–1923)

116. Версоцкий Александр (1930–1939)
117. Вершицкий Александр (1921)
118. Вешторг (Вешторд) Никодим (1921–1924)
119. Вижевский Григорий Петрович (1925–1933)
120. Вижевский Иларию Арсеньевич (1923)
121. Вижевский Иулиан Петрович (1925–1936)
122. Винничук Александр (1922–1923)
123. Винцукевич Николай (1922–1923)
124. Вишняков Аркадий (1922–1923)
125. Владимиров Вячеслав (1922–1923)
126. Власенков Георгий (1922–1923)
127. Власик Алексей Васильевич (1924–1932)
128. Волковский Феодор Николаевич (1922–1927)
129. Воллосович Аркадий (1922–1923)
130. Волосевич Николай (1921–1923)
131. Волосович (Воллосович, Волосевич) Георгий Александрович (1922–1933)
132. Волосович Александр Александрович (1922–1928)
133. Волосович Дмитрий (1930–1939)
134. Волчко Иван (1922)
135. Волынцевич Сергей (1924–1926)
136. Воробей Арсений (Артемий) Викентьевич (1922–1929)
137. Воробей Михаил (1923–1935)
138. Врублевский Алексей (1921)
139. Врублевский Андрей Михайлович (1923–1926)
140. Врублевский Сергей (1921)
141. Выдрицкий Виталий Павлович (1922–1923)
142. Выдрицкий Леонид Павлович (1927–1936)
143. Гаврик Петр (1922–1923)
144. Гаврилов Владимир (1921–1927)
145. Гаркуш Александр Иванович (1919–1922)
146. Гаркуш Вячеслав Александрович (1922–1929)
147. Гаркуш Николай (1922)
148. Гарлукович Петр (1930)
149. Гарустович (Горустович) Владимир Иванович (1922–1924)
150. Гарустович Роман Михайлович (1923)
151. Гаскевич Григорий (1922–1925)
152. Гахович Георгий (1921–1922)
153. Гашкович Иосиф (1921)
154. Герасимов Дмитрий Дмитриевич (1925–1928)
155. Герасимович Петр Иулианович (1921–1924)

156. Германовский Борис Дмитриевич (1925)
157. Гинак Александр (1922–1923)
158. Гинак Николай (1922)
159. Гирилович Николай (1922–1932)
160. Гичан Владимир (1922)
161. Главинский Василий (1932–1936)
162. Гладков Дмитрий (1922)
163. Гладков Михаил (1923)
164. Глебов Виталий Глебович (1922–1923)
165. Глебов Серафим (1922–1923)
166. Гнатюк Петр (1929–1936)
167. Говорко Сергей (1922)
168. Говорский Леонид (1925–1935)
169. Гоголушко Александр Яковлевич (1922–1926)
170. Гоголушко Михаил Васильевич (1925–1936)
171. Гоголушко Серафим (1931–1938)
172. Голод Иван (1924)
173. Голосов Александр Сергеевич (1925–1934)
174. Голосов Владимир Сергеевич (1924–1931)
175. Голуб Виталий (1931–1932)
176. Голуб Иосиф Антонович (1922–1924)
177. Голуб Лев Михайлович (1924–1928)
178. Голуб Леонид Михайлович (1927–1928)
179. Голубович Владимир (1921)
180. Голубович Евгений Андреевич (1928–1929)
181. Гомон (Гоман) Николай Алексеевич (1923–1937)
182. Гондарович (Гандарович) Анатолий (1922–1924)
183. Гончарик Константин (1921–1923)
184. Гончаров Григорий Самсонович (1922–1926)
185. Гордейчик Прохор (Прокофий) (1923)
186. Горох Иосиф (1921)
187. Горошко Николай (1922)
188. Гофман Николай (1923–1925)
189. Граматович (Граматыч) Владимир Иванович (1921–1925)
190. Гречко Алексей (1922–1923)
191. Григорович Владимир (1923–1925)
192. Григоруц Петр Григорьевич (1923–1927)
193. Григорьев Георгий Михайлович (1924–1929)
194. Григорьев Евгений (1923)
195. Григорьев Михаил (1924)

196. Грингоф Сергей (1921)
197. Гринкевич Иосиф (1921–1923)
198. Гриц Евгений (1922)
199. Грицкевич Владимир (1929–1930)
200. Грицкевич Евгений Борисович (1928–1935)
201. Грицкевич Николай Борисович (1925–1932)
202. Гришкевич Владимир (1928–1931)
203. Грудницкий Евгений (1931–1939)
204. Губаревич (Губаревский) Иосиф Семенович (1922–1928)
205. Гуринович (Гурнович) Леонид (1922–1923)
206. Гуринович Борис Павлович (1924–1929)
207. Гуринович Николай Матвеевич (1921–1930)
208. Давидович Евгений Вячеславович (1928–1931)
209. Давидович Константин Вячеславович (1928–1937)
210. Давидович Николай Васильевич (1922–1927)
211. Даниленко Владимир (1923)
212. Данилов Георгий (1921)
213. Даргель Николай (1930)
214. Девятковский (Дзевятковский) Анатолий (1932–1938)
215. Дементюк Евгений (1925)
216. Демьянович Николай Антонович (1921–1931)
217. Демьяченко (Демьяченко) Николай (1922–1925)
218. Денис Михаил (1922)
219. Денисевич Григорий (1925)
220. Деркачев (Дергичев) Дмитрий (1921–1922)
221. Дехник Иван (1924)
222. Дешковский Иван (1923)
223. Дикович Аркадий Стефанович (1923)
224. Добровольский Борис Николаевич (1920–1921)
225. Долгов Григорий Иванович (1921)
226. Долгополенко Евгений (1924)
227. Долобей Александр (1928)
228. Дорошкевич Владимир Алексеевич (1928–1936)
229. Дорошкевич Дмитрий Петрович (1924–1927)
230. Дрозд Андрей (1921–1923)
231. Дрозд Виталий (1935–1939)
232. Дружиловский Леонид (1922)
233. Дружиловский Николай Евгеньевич (1922–1924)
234. Дубовик Владимир (1929–1935)
235. Дубовик Петр Стефанович (1922–1928)

236. Дума Вячеслав (1922)
237. Дылевский Иван (1922)
238. Евец Аркадий Иванович (1924–1930)
239. Евсович Григорий (1932–1937)
240. Ежиковский (Ержиковский) Борис (1929–1935)
241. Елец Николай Максимович (1924–1929)
242. Ефимчик Евгений Сильвестрович (1928–1937)
243. Ефимчик Симеон Сильвестрович (1925–1933)
244. Жадейко Владимир (1922)
245. Жарский Иван (1921–1927)
246. Ждан Василий (1935–1939)
247. Ждан Николай Адамович (1925–1932)
248. Жданов Георгий Константинович (1920–1923)
249. Жданович Николай (1921–1925)
250. Железников Петр (1925)
251. Железняк Игорь (1925–1926)
252. Железнякович Артемий Витальевич (1925–1929)
253. Железнякович Виталий (1921–1922)
254. Железнякович Николай (1922–1923)
255. Железнякович Павел (1922–1923)
256. Железнякович Серафим (1928–1935)
257. Железнякович Сергей (1928)
258. Желудко (Желудков) Василий Варфоломеевич (1925–1929)
259. Жемойдо Симеон (1930–1934)
260. Жилинский Николай (1927–1929)
261. Житко Николай (1930–1931)
262. Жук Владимир (1922–1926)
263. Жук Владимир Васильевич (1933–1939)
264. Жуков Николай Григорьевич (1921–1924)
265. Завадский (Завацкий) Георгий Александрович (1924–1928)
266. Завадский Владимир (1921)
267. Загорский Петр Иосифович (1928–1937)
268. Задерковский Алексей (1922–1925)
269. Заенчковский Тимофей (1924–1928)
270. Зайко Алексей Петрович (1923–1928)
271. Зайковский Сергей Антонович (1925–1928)
272. Заложнев Борис (1921–1923)
273. Залужнев Борис (1929–1934)
274. Занкович Михаил Михайлович (1921–1934)
275. Занкович Серафим Михайлович (1928–1938)

276. Занкович Феодор Михайлович (1921–1928)
277. Захаренок Семен Матвеевич (1922–1926)
278. Захаров Адам (1921–1922)
279. Захарченко (Захаренко) Семен (1921)
280. Зевалич Владимир Андреевич (1921–1926)
281. Зимовец Николай Андреевич (1922–1927)
282. Зубков Евгений Васильевич (1922–1929)
283. Зубович Максим (1932–1934)
284. Зуев Василий (1934–1935)
285. Зуев Василий Иванович (1921–1929)
286. Зуев Иван (1921)
287. Зыков Михаил (1925–1926)
288. Иванкевич Стефан Алексеевич (1921–1928)
289. Иванов Константин Николаевич (1928–1938)
290. Ивановский Алексей (1929–1930)
291. Ивашкевич Илларион (Иларий) (1921–1923)
292. Игнатович Иван Николаевич (1921–1924)
293. Игнатович Николай (1923–1924)
294. Ильяшевич Николай (1920)
295. Имшенник Владимир Иванович (1921–1927)
296. Иолюб (Иолов) Иван (1922–1926)
297. Кадлубовский Николай (1924)
298. Кадушкевич Борис (1928)
299. Кадушкевич Константин (1928–1931)
300. Казачек (Казачко) Виталий (1922–1925)
301. Калачик Георгий (1921–1923)
302. Калеников Михаил (1933–1939)
303. Калинин Иаков (1922)
304. Калинин Иван (1921–1922)
305. Калинин Серафим (1922)
306. Калиновский Александр (1934–1939)
307. Калининский Хрисанф (1925)
308. Каминский Константин (1925–1927)
309. Каминский Николай Александрович (1925–1937)
310. Карвовский Георгий (1924–1925)
311. Карпович Александр (1922–1923)
312. Касперский Владимир (1929–1937)
313. Касперский Леонид Антонович (1921–1929)
314. Катковский Иоанн (1929–1931)
315. Катковский Николай (1921–1923)

316. Кацалап Сергей (1924–1926)
317. Кацурский Владимир Артемович (1925–1927)
318. Кацурский Константин (1929–1934)
319. Качан Александр (1921–1923)
320. Квятковский Александр (1921–1925)
321. Керкович Антон (1922–1925)
322. Кийко Николай (1922–1924)
323. Кирик Борис (1921)
324. Кирик Владимир (1921–1923)
325. Кирик Павел Анатольевич (1927–1933)
326. Кирсанов Сергей (1921–1923)
327. Киселев Борис (1932–1935)
328. Кичатай Леонид (1924)
329. Кишко Сергей Николаевич (1927–1931)
330. Киюто Александр (1930–1936)
331. Клавенница (Клавеуц) Иван (1922–1923)
332. Климчук Константин (1925–1927)
333. Ковалевский (Ковалецкий) Владимир (1921–1923)
334. Ковалевский Виталий (1922–1927)
335. Ковалевский Леонид Антонович (1926–1928)
336. Коваленя (Коваленко) Михаил Климентович (1922–1925)
337. Ковель Георгий (1923)
338. Ковшик Владимир Яковлевич (1925–1926)
339. Ковшик Иосиф (1921–1923)
340. Ковшик Михаил (1922–1926)
341. Ковшик Николай Васильевич (1922–1928)
342. Кожуро Петр (1921–1923)
343. Козельский Георгий Васильевич (1925)
344. Козик Александр (1931–1939)
345. Колесник Николай Феодорович (1922–1923)
346. Комар Владимир (1921–1922)
347. Комар Константин (1921–1927)
348. Комар Феодор Николаевич (1921–1924)
349. Коновалов Василий (1922)
350. Коновалов Игорь (1931–1933)
351. Коновалов Олег (1931–1933)
352. Конон Павел (1922–1923)
353. Концевич Георгий Авдиевич (1925–1926)
354. Концевич Сергей Вацлавович (1926–1931)
355. Конюх Павел (1922)

356. Копосов Виталий Геннадьевич (1922–1927)
357. Кореник Иосиф (1921–1923)
358. Коренистов Алексей (1922–1923)
359. Корзун Анатолий Николаевич (1924–1936)
360. Коробенок (Коробенко, Карабенко) Вениамин (1921–1924)
361. Коробков Алексей Андреевич (1923–1930)
362. Коробков Дмитрий Андреевич (1923–1931)
363. Коробков Николай Андреевич (1921–1926)
364. Король Григорий (1922)
365. Корхов Николай (1922)
366. Коршун Григорий (1921–1923)
367. Костко (Костка) Алексей (1929–1933)
368. Костко Симеон (1932–1933)
369. Костюкевич (Косцюкевич) Виктор Васильевич (1924–1930)
370. Косяк Александр (1927)
371. Косяк Василий (1927)
372. Кот Феодор (1922–1923)
373. Котар Константин (1922)
374. Котов Павел (1922)
375. Котович Михаил Григорьевич (1925)
376. Котович Николай (1920–1926)
377. Красинский Николай (1921)
378. Красковский Серафим Викторович (1925–1935)
379. Кратюк Григорий (1921–1923)
380. Критковский Прохор (1921)
381. Критюк (Крицук) Матфей (1921–1923)
382. Круковский Виктор (1933–1939)
383. Кубаевский Всеволод Сергеевич (1923–1934)
384. Кубицкий Владимир (1931–1938)
385. Кузменко (Кузьменко) Михаил Семенович (1925–1935)
386. Кузмич (Кузьмич) Александр Николаевич (1922–1928)
387. Кузмич (Кузьмич) Евгений Симеонович (1923–1929)
388. Кузмич (Кузьмич) Николай (1921)
389. Кузмич Симеон (1924)
390. Кузмюк Петр (1931–1937)
391. Кукель Иосиф (1922–1923)
392. Кулежинский Григорий (1925)
393. Кулеша Василий Афанасьевич (1925–1926)
394. Кулик-Науменко Константин Стефанович (1923–1929)
395. Кульчинский Георгий (1925)

396. Кульчицкий Виталий (1930–1932)
397. Кульчицкий Леонтий (1930–1932)
398. Кунцевич Анатолий Даниилович (1926–1928)
399. Кунцевич Григорий (1934–1939)
400. Куняк (Кунях) Петр (1923–1925)
401. Курбыко Дамиан (1921)
402. Куриат Иван (1925)
403. Курчицкий Платон (1922)
404. Курьян Иван (1921–1923)
405. Кучиц Виктор Антонович (1923)
406. Кучук Виталий (1922–1924)
407. Кушнев Андрей (1919–1921)
408. Кушнер Иван Иустинович (1925–1929)
409. Лавров Борис Михайлович (1922–1923)
410. Лавров Николай Михайлович (1922–1923)
411. Лагуненко (Лагуненок) Никандр (1921–1925)
412. Лагуненко Александр (1921)
413. Лагуненко Николай (1921)
414. Ламеко Иван (1923–1925)
415. Лапицкий Николай Стефанович (1923–1929)
416. Ласкович Сергей (1922–1923)
417. Латышенко (Латышенок) Сергей (1922–1924)
418. Лебедев Дмитрий Иванович (1919–1921)
419. Лебедь Валентин Александрович (1923–1927)
420. Левицкий Борис (1921–1923)
421. Левицкий Владимир Ростиславович (1925–1933)
422. Левицкий Иван (1921)
423. Левицкий Михаил (1921–1923)
424. Левицкий Николай (1921–1922)
425. Левончук (Леванчук) Михаил (1923–1926)
426. Левчук Сергей (1922–1923)
427. Ленко Николай Кириллович (1927–1931)
428. Ленко Павел Кириллович (1924–1934)
429. Ленцевич (Лянцевич) Александр Филиппович (1922–1924)
430. Ленцевич Тимофей (1921–1926)
431. Леонов Виктор (1921–1922)
432. Лещинский Николай Якимович (1925–1931)
433. Лещук Яков (1924)
434. Либакский Евгений (1924)
435. Линкевич Василий Стефанович (1925–1926)

436. Линкевич Владимир (1924–1925)
437. Липский Иосиф Ильич (1919–1920)
438. Лисецкий Виктор (1921)
439. Литвиненко Трофим (1923)
440. Литвинович Виктор Николаевич (1925–1928)
441. Личко Александр (1922–1926)
442. Личко Арсений (1921–1923)
443. Лишик Вячеслав (1933–1939)
444. Лодыго Петр Александрович (1925–1928)
445. Лопатко Александр Максимович (1925–1927)
446. Лопухович Савватий Порфирьевич (1925–1926)
447. Лукашевич Алексей (1921)
448. Лукьянец Стефан (1922)
449. Лукьянов Алексей (1922)
450. Лукьянович Валентий (1926)
451. Люльковский Аркадий (1925)
452. Люльковский Григорий (1925)
453. Люткевич Василий Томашевич (1922–1929)
454. Люткевич Евгений Томашевич (1922–1929)
455. Люткевич Константин Фомич (1922–1928)
456. Маевский Константин Ипполитович (1923–1924)
457. Мазиков Алексей Петрович (1925–1926)
458. Макаревич Алексей Михайлович (1920)
459. Макаревич Всеволод Павлович (1922–1931)
460. Макаревич Николай Павлович (1922–1926)
461. Макаревич Ростислав Павлович (1925–1936)
462. Макей Григорий (1934–1939)
463. Максимюк Михаил (1922–1925)
464. Малафеев (Малофеев) Василий Георгиевич (1923–1926)
465. Малах Роман (1922)
466. Малаха (Малах) Николай (1921–1925)
467. Малашко Владимир Александрович (1923–1930)
468. Малашко Вячеслав (1931–1937)
469. Малашко Михаил (1922)
470. Малашко Николай Александрович (1922–1924)
471. Малашко Порфирий Георгиевич (1924)
472. Малевич Евгений (1921–1922)
473. Малентинович (Малентынович) Евгений Иванович (1923–1928)
474. Малеша Стефан (1924)
475. Малофеев (Малафеев) Дмитрий Георгиевич (1923–1928)

476. Малофеев (Малафеев) Леонид (1921–1925)
477. Малько Дамиан (1922–1923)
478. Малько Иван Михайлович (1921–1924)
479. Малько Илья (1921–1925)
480. Мальц Иван (1921)
481. Малюк Платон (1922)
482. Мамчиц Аггей Антонович (1924–1935)
483. Мамчиц Даниель (1929–1939)
484. Маркевич Николай (1929–1930)
485. Мартос Антон (1922–1925)
486. Мартус Мартин (1921)
487. Мартысевич Михаил Леонидович (1925–1934)
488. Марцинецкий Александр (1932–1939)
489. Марчук Георгий (1923–1925)
490. Марьянский (Марьянский) Михаил (1931–1938)
491. Матусевич Сергей (1921–1925)
492. Матысяк Евгений (1929)
493. Мацеральник Сергей (1930–1937)
494. Мацкевич Борис Тимофеевич (1922)
495. Мацкевич Михаил (1921)
496. Мацкевич Петр (1922)
497. Мацулевич (Мацюлевич) Владимир (1922–1925)
498. Мащенский Иосиф (1922–1923)
499. Маяйко Николай (1922–1925)
500. Мельник Феодор Харитонович (1924–1926)
501. Метелица Константин Игнатьевич (1921–1927)
502. Метюк (Матюк) Григорий Андреевич (1922–1924)
503. Мигай Михаил (1922–1926)
504. Микитчук Валерьян (1932–1934)
505. Миллюц Константин (1922)
506. Минервин Виталий (1925–1933)
507. Минкевич Евгений (1932–1939)
508. Минкус Томаш (1927–1929)
509. Миронович Антон (1922)
510. Миронович Евгений Антонович (1922–1924)
511. Миронович Иван (1924–1925)
512. Миронович Леонтий (1930–1933)
513. Мисевич Иван (1921)
514. Мисун Борис (1929–1939)
515. Мисюль Василий (1930–1939)

516. Митрофанов Антоний (1920–1921)
517. Митюкевич Александр (1922)
518. Михайлов Георгий (1929–1932)
519. Михайлов Никанор Иванович (1919–1921)
520. Михалевич Владимир Павлович (1927–1929)
521. Михалевич Петр Иванович (1922–1925)
522. Михаловский Николай Иванович (1922–1923)
523. Моисеев Анатолий Васильевич (1923–1925)
524. Моисеев Аркадий Васильевич (1923–1925)
525. Моисеев Геннадий Васильевич (1923–1925)
526. Моисеенко (Мойсеенок) Александр (1923)
527. Моисеенко (Мойсеенок) Георгий (1923)
528. Моисеенко Николай Николаевич (1926–1928)
529. Моложавый Борис (1921)
530. Монько Иван (1922)
531. Мороз Александр (1924)
532. Мороз Борис Михайлович (1924–1927)
533. Мороз Георгий (1930)
534. Мороз Иван (1921)
535. Мороз Феодор (1922–1923)
536. Москалевич Андрей (1923)
537. Мочарский Петр Альфонсович (1925–1928)
538. Мощинский (Мощенский) Иосиф (Осип) (1921–1928)
539. Муивид Николай (1925–1927)
540. Мурин Петр Матвеевич (1925)
541. Муркин Николай (1923)
542. Напорко Иосиф (Осип) (1922)
543. Нарко Владимир Евдокимович (1921–1924)
544. Нарко Иосиф (1929–1936)
545. Наронович Игорь (1932–1934)
546. Нарушевич Алексей (1922)
547. Нарушевич Антон Алексеевич (1922–1927)
548. Насекайло Евгений Исидорович (1922–1928)
549. Наумов Леонид (1922)
550. Наумов Николай Леонидович (1922–1927)
551. Неверовский Васян (1929–1936)
552. Неверовский Николай (1924)
553. Недвецкий Александр (1920–1922)
554. Недвецкий Николай (1920–1922)
555. Недельский Иван Евстафьевич (1919–1921)

556. Неклюдов Анатолий (1922–1925)
557. Неркович Антоний (1925)
558. Неслуховский Михаил (1930–1937)
559. Неслуховский Николай Адамович (1922–1931)
560. Нестерович Александр Петрович (1922–1929)
561. Нестерович Сергей (1925–1926)
562. Нечай Николай (1922)
563. Никитин Николай (1930–1935)
564. Никитчук Антоний Васильевич (1925–1927)
565. Никифоров Виктор (1931–1933)
566. Николаев Константин (1921)
567. Николаев Николай (1922)
568. Никулин Василий (1930–1939)
569. Никулин Владимир (1931–1939)
570. Ничипорук Георгий (1922)
571. Новаш Николай (1932)
572. Новицкий Аполлон (1925–1927)
573. Новицкий Сергей Васильевич (1921–1924)
574. Норонович Михаил Константинович (1921–1924)
575. Обида Николай Васильевич (1925–1929)
576. Огицкий Дмитрий Петрович (1922–1927)
577. Окульский Владимир (1922)
578. Окульский Иван (1922–1923)
579. Олехнович Всеволод Антонович (1924–1927)
580. Олехнович Вячеслав Антонович (1925–1933)
581. Олехнович Иван Степанович (1919–1921)
582. Олехнович Ростислав (1921–1925)
583. Онопюк Ипполит (1924)
584. Опацкий Михаил Александрович (1927–1928)
585. Орехво (Арехво, Орехов) Аркадий (1922–1923)
586. Орехво (Орехов) Василий (1922–1924)
587. Орехво (Орехов) Константин (1922–1924)
588. Осадчий-Осадченко Терентий Феодорович (1925)
589. Остальский Сергей (1924–1925)
590. Остапчук Алексей (1925)
591. Ошмянко (Осцянка) Иван (1931–1939)
592. Павлович Александр (1924–1925)
593. Павлович Феодор (1923)
594. Павлюкевич Лука Николаевич (1919–1921)
595. Павлюковский Александр (1924–1925)

596. Палазник Алексей (1930–1933)
597. Панько Александр Иванович (1922–1929)
598. Панько Анатолий Иванович (1923–1929)
599. Панько Евгений Платонович (1925–1932)
600. Пашкович Иосиф (1922–1923)
601. Перепечин Арьян Дмитриевич (1925–1928)
602. Перетягин Аркадий (1922–1923)
603. Петерев Николай (1926)
604. Петрашкевич Евгений Онуфриевич (1923–1930)
605. Петрашкевич Сергей (1922–1923)
606. Петров (Петровский) Алексей (1921–1923)
607. Петров Владимир (1921)
608. Петровский Владимир (1920–1922)
609. Пижицкий Владимир Антонович (1924–1926)
610. Пилиховский Борис Иванович (1923–1927)
611. Пинкевич Петр (1932–1933)
612. Пипченко Павел Макарович (1923–1928)
613. Плетнев Марк (1921–1926)
614. Подобед Георгий (1929–1938)
615. Подобед Николай (1929–1939)
616. Позняк (Поздняк) Алексей Филиппович (1923–1932)
617. Полуботко Георгий Ефимович (1924–1932)
618. Понагайбо (Поногайбо) Сергей Матвеевич (1926–1931)
619. Поногайбо Владимир (1933–1934)
620. Предтечевский Георгий Васильевич (1921)
621. Пронько Евгений (1922–1924)
622. Протас Андрей Иванович (1919–1921)
623. Прудников Александр (1924–1933)
624. Пугавко Александр (1922–1925)
625. Пугавко Вениамин Иулианович (1926–1927)
626. Пугач Борис (1934–1939)
627. Пугачев Всеволод (1933–1938)
628. Пугачев Вячеслав (1934–1935)
629. Пудловский Леонид Михайлович (1923)
630. Пучко Владимир (1925)
631. Пушкарский Виталий (1927)
632. Пушкарский Клавдий Тимофеевич (1921–1928)
633. Пыск Виктор (1922)
634. Пыск Никифор Митрофанович (1922–1931)
635. Рабчевский Георгий (1923)

636. Радзивиневич Анатолий (1929–1931)
637. Радзивиневич Владимир (1931–1933)
638. Радзивиневич Вячеслав (1929–1937)
639. Радзюк Михаил Александрович (1922–1929)
640. Ракецкий Феодор Евдокимович (1922–1923)
641. Рапцевич (Рабцевич) Архип (1921–1922)
642. Рауцкий Константин (1922–1924)
643. Реент Илья Феодорович (1921–1924)
644. Реент Феодор Фотиевич (1921–1926)
645. Решотко Борис (1930–1939)
646. Ржецкий Виктор (1921–1923)
647. Ржецкий Георгий (1921–1922)
648. Ржецкий Евгений (1921–1922)
649. Ровдо Анатолий (1930–1939)
650. Ровдо Виктор (1930–1939)
651. Рогач Серафим (1921–1924)
652. Родкевич Иван (1922–1924)
653. Рожанович Михаил (1921–1923)
654. Рожанович Петр (1921–1925)
655. Рождественский Ростислав (1931–1939)
656. Романюк Александр Игнатьевич (1924–1933)
657. Ромейко Павел Николаевич (1921–1926)
658. Ронэ Антон (1922–1926)
659. Ронэ Георгий Павлович (1925–1928)
660. Рудко (Рудько) Феодосий (1922)
661. Рулинский Дмитрий (1932–1939)
662. Рункевич Владимир Александрович (1922–1924)
663. Рунович Иван Викентьевич (1925–1933)
664. Русецкий Михаил (1922–1924)
665. Рутковский Андрей Михайлович (1924–1926)
666. Рыбников Дмитрий (1921–1922)
667. Рыбников Михаил (1921)
668. Рыжковский Иосиф Михайлович (1922–1926)
669. Савватий (Сергиевич), игумен (1923)
670. Савицкий Владимир (1920–1921)
671. Савицкий Георгий (1922)
672. Савицкий Лев Владимирович (1921–1923)
673. Савицкий Павел (1922–1923)
674. Савич Алексей Константинович (1923)
675. Савич Анатолий (1921–1923)

676. Савич Антон Викторович (1922–1927)
677. Савич Борис (1921–1923)
678. Савич Владимир Викторович (1922–1931)
679. Савчук Павел (1922–1923)
680. Садовский Василий (1922)
681. Сазанов Вячеслав Владимирович (1926–1936)
682. Сак (Сака) Борис Романович (1922–1932)
683. Сакович Анатолий Иванович (1931–1935)
684. Сакович Борис Иванович (1928–1936)
685. Сакович Василий Иустинович (1922–1924)
686. Сакович Михаил (1922–1924)
687. Самусенко (Самусенок) Иван Игнатъевич (1923–1933)
688. Сарнацкий Петр Даниилович (1924–1933)
689. Свентицкий Павел Николаевич (1925–1926)
690. Свидерский Петр (1921–1923)
691. Свитич Александр Каллиникович (1921–1922)
692. Святополк-Мирской Владимир (1921–1922)
693. Севбо Алексей (1922–1923)
694. Севбо Константин (1921–1922)
695. Севбо Михаил (1924–1925)
696. Севбо Феодосий (1922–1925)
697. Семашко Василий (1922–1923)
698. Семашко Георгий (1922–1923)
699. Сементовский Василий Петрович (1921–1930)
700. Сементовский Николай Петрович (1925–1926)
701. Сементовский Сергей (1921–1924)
702. Семенчук Алексей (1934–1939)
703. Сеницкий Георгий Леонидович (1925–1931)
704. Сенько Николай (1921–1923)
705. Сердюков Александр Иосифович (1924)
706. Серебренников Анатолий (1921)
707. Серебренников Аполлон (1922–1923)
708. Серебренников Арсений (1921)
709. Серебренников Сергей (1922–1923)
710. Серик Константин Теодулович (1925–1926)
711. Серяков Александр Яковлевич (1923)
712. Серяков Феодор (1923–1924)
713. Сибиковский Леонид (1924)
714. Сидорович Александр (1921–1925)
715. Сидорович Владимир Феодорович (1923–1929)

716. Сидорчук Борис (1929–1931)
717. Симонович Александр Яковлевич (1925–1928)
718. Синев Георгий Александрович (1926–1935)
719. Синеоков-Андриевский Борис Константинович (1923–1928)
720. Скачко Викентий (1921–1922)
721. Скворцов Александр (1921–1922)
722. Скипетров Игорь (1922)
723. Скипор Сергей (1925–1926)
724. Скобей (Скабей, Скобен) Николай Игнатъевич (1923–1931)
725. Скобей Анатолий Игнатъевич (1928–1937)
726. Скобей Владимир (1921–1923)
727. Скобей Георгий Антонович (1927–1930)
728. Скобей Мечислав (Вячеслав) (1921)
729. Скобей Николай (1921)
730. Скороход Николай (1934–1939)
731. Скурат Константин (1922–1923)
732. Скурко Василий Григорьевич (1922–1928)
733. Скурко Иван (1922)
734. Скурко Митрофан (1923)
735. Слиж Платон (1921–1927)
736. Смирнов Георгий (1932–1937)
737. Смирнов Михаил Николаевич (1921–1927)
738. Смоляк Арсений Михайлович (1923–1927)
739. Сморгонец Иван (1921–1923)
740. Снигур Сергей (1925)
741. Соболев Виталий Ельпидифорович (1921–1924)
742. Соболевский Иван (Ян) (1929–1938)
743. Соболевский Петр Иванович (1923–1933)
744. Сობоль Антон (1922–1923)
745. Соколов Борис Константинович (1921–1927)
746. Соколов Всеволод Романович (1925)
747. Соколов Георгий (1921–1925)
748. Соколов Леонид Константинович (1922–1928)
749. Соловей Григорий (1925)
750. Солтыс Дмитрий Трифонович (1924–1925)
751. Сончик Михаил (1922–1925)
752. Сороко (Сорока) Николай (1922–1923)
753. Сороко Петр Яковлевич (1926–1935)
754. Сосновский Александр (1921)
755. Сосновский Петр (1920)

756. Сотников Александр Александрович (1921–1927)
757. Сотников Глеб Александрович (1923–1928)
758. Сотников Иван Александрович (1921–1927)
759. Спасский Павел (1921–1922)
760. Ставинский Дмитрий Петрович (1925–1928)
761. Стадников Борис Константинович (1921–1924)
762. Стадников Леонид Константинович (1921–1929)
763. Станкевич Викентий Семенович (1922–1924)
764. Старикевич Михаил Миронович (1922–1924)
765. Степанюк (Стефанюк) Василий (1924)
766. Стерлингов Павел (1930)
767. Стодольников (Стодольник) Иван Борисович (1924–1925)
768. Стосуй Иван Михайлович (1922–1924)
769. Стотик Стефан Стефанович (1922–1928)
770. Стоцько Антоний Иосифович (1923–1931)
771. Страшинский Анатолий (1921)
772. Стреж Александр (1931–1935)
773. Стрелковский Аркадий (1922–1927)
774. Строк Иван (1925–1927)
775. Струговский Сергей (1922–1926)
776. Стуканов Борис Владиславович (1925–1930)
777. Суббаткевич Влад (1922)
778. Субботкевич Николай (1922)
779. Суботин Борис (1926–1931)
780. Суворов Владимир (1921)
781. Супранович Иван Тимофеевич (1926–1927)
782. Супранович Николай Матвеевич (1924–1927)
783. Супранович Сергей Тимофеевич (1924–1928)
784. Сурвилло Георгий Ермолаевич (1921–1922)
785. Сурвилло Сергей Ермолаевич (1922–1930)
786. Сурвилло Дмитрий Ермолаевич (1921–1926)
787. Сурвилло Евгений Ермолаевич (1922–1927)
788. Суткевич Василий (1926)
789. Сухий (Сухой, Сухов) Александр (1922–1923)
790. Сухов Константин (1922)
791. Таранович Вячеслав Феодосьевич (1921–1924)
792. Тарасевич Стефан (1922–1923)
793. Тарасов Иван Андреевич (1923)
794. Таубе Александр (1921)
795. Ташко Александр (1922)

796. Геодорович Николай Порфирьевич (1924–1926)
797. Герешко Александр (1922)
798. Тиминский Анатолий (1921–1925)
799. Тимкин Анатолий (1929–1937)
800. Тихонов Николай (1921–1922)
801. Тихончук Вячеслав (1921–1928)
802. Тихонюк-Осташевский Василий (1928–1931)
803. Томашевич Иван (1922)
804. Томашевский Валентин Владимирович (1924–1927)
805. Тромин Виталий (1922–1923)
806. Трофимов Николай Ефимович (1925–1936)
807. Трофимчик Александр (1922–1923)
808. Трофимчик Алексей (1924)
809. Тумель Сергей (1931–1939)
810. Тупик Петр (1929–1933)
811. Турко Иосиф (1921–1922)
812. Турцевич (Турчевич) Никандр Афанасьевич (1925–1927)
813. Турцевич Николай (1924–1927)
814. Тычино Ярослав (1931–1938)
815. Урбанович Сергей Емельянович (1922–1926)
816. Урбанович Феодосий (1924)
817. Ушкевич Александр Адамович (1923–1928)
818. Федос Леонид Макарович (1928–1931)
819. Федос Макарий (1921–1923)
820. Федосюк Александр (1919–1921)
821. Федюшин Виктор (1922)
822. Филиппович Дмитрий Константинович (1921–1929)
823. Филиппович Константин (1921)
824. Филиппович Михаил (1921)
825. Филоник Александр Константинович (1927–1928)
826. Флегонтов Николай Терентьевич (1924–1931)
827. Флячинский Феодосий Софрониевич (1924–1925)
828. Фурс Петр (1930)
829. Фусс Дмитрий (1922–1923)
830. Харевич Михаил (1931–1939)
831. Харевич Николай (1931)
832. Харкевич Константин (1923)
833. Хассо Феодор (1921–1923)
834. Хило Аркадий Фомич (1921–1926)
835. Хило Лев Феодосьевич (1925–1937)

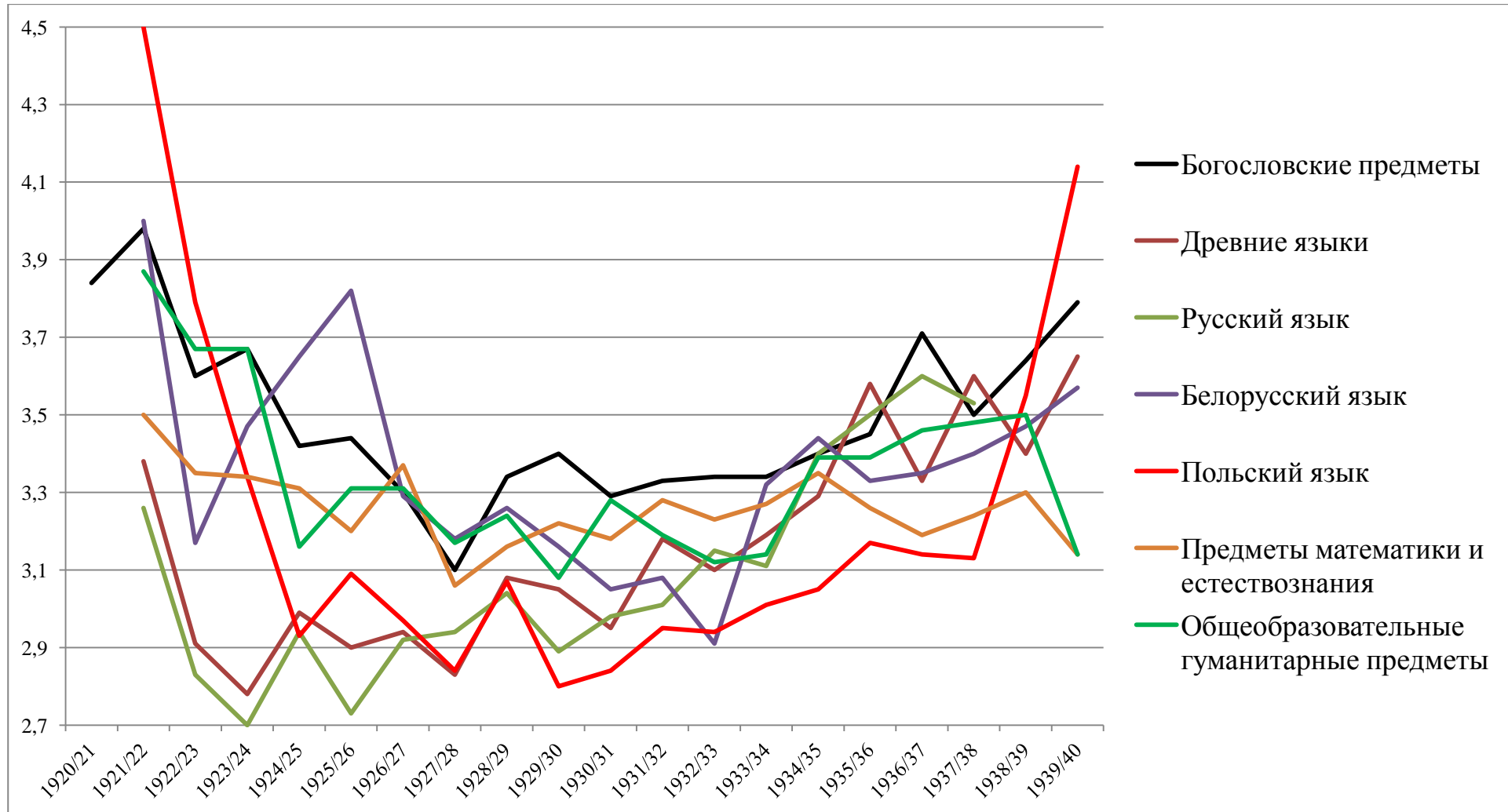
836. Хило Роман (1921–1923)
837. Хильтов Георгий (1922–1927)
838. Хильтов Николай Александрович (1921–1925)
839. Хильтов Серафим Александрович (1921–1927)
840. Хиткович Михаил (1921)
841. Хлебович Михаил (1921–1923)
842. Ходун Иоанн (1928)
843. Ходько (Ходзько, Хицко, Хидзько) Прохор (1921–1923)
844. Хомич Константин (1929–1935)
845. Хорошевич Матфей (1922–1923)
846. Хоруженко Евгений (1921)
847. Хорунжик Николай (1922)
848. Хохолко Дмитрий (1922)
849. Хруцкий Борис Сергеевич (1922–1926)
850. Хруцкий Виктор (1922–1925)
851. Хруцкий Сергей (1928)
852. Хрущев (Хрущов) Иван (1921–1924)
853. Хрущов Иоасаф (Иосиф) (1921)
854. Царук Иулиан (1924)
855. Царюк Георгий (1922–1923)
856. Царюк Петр (1922–1923)
857. Церпицкий Лев (1928–1937)
858. Цеслюк (Цешлак) Владимир Адамович (1924–1927)
859. Цильгонт Александр (1931–1932)
860. Цирук Михаил Иулианович (1927–1929)
861. Цитовицкий (Цитовец) Александр (1922)
862. Цитовицкий Павел (1922)
863. Цитович Александр Иванович (1927–1932)
864. Цитович Геннадий Иванович (1924–1931)
865. Чеблаков Михаил Николаевич (1928–1931)
866. Червинский Евгений (1931–1932)
867. Червяковский Дмитрий (1925–1928)
868. Черепович Александр Константинович (1925–1929)
869. Черетянко Василий (1924–1925)
870. Чернай Александр (1921–1922)
871. Чернявский Александр (1922)
872. Чернявский Анатолий (1921–1925)
873. Чернявский Илья (1922)
874. Черняковский Дмитрий (1925–1928)
875. Чечотко (Чечетко) Иосиф (1922)

876. Чешик Георгий (1921–1927)
877. Чижик Иван (1922–1923)
878. Чирский Виктор (1925)
879. Чичейко Иван (1922)
880. Чулков Борис Васильевич (1922–1923)
881. Чулков Василий (1922)
882. Чуприс Владимир (1929–1939)
883. Чурган Алексей (1921–1923)
884. Чурилин (Чурылин) Алексей (1921–1923)
885. Чуркин Николай Петрович (1922–1923)
886. Шавейко Леонтий (1922–1923)
887. Шадыро Лев Ксавьерович (1921–1926)
888. Шамко Николай (1921)
889. Шандрохо (Шандроха) Сергей (1922–1924)
890. Шарабайко Михаил Васильевич (1923–1926)
891. Шарафанович Виталий Софрониевич (1925–1931)
892. Шарафанович Леонид Софрониевич (1924–1929)
893. Шарковский Георгий (1921–1922)
894. Шах Михаил (1921–1923)
895. Шашко (Шешко) Иосиф (1921–1925)
896. Шашко Константин (1922–1924)
897. Шашко Николай Александрович (1922–1927)
898. Шведов Борис (1921–1923)
899. Шведов Виктор (1921–1923)
900. Шевченко (Шевченко) Стефан (Степан) (1922–1924)
901. Шевченко Владимир (1921)
902. Шевченко Евстафий (1922)
903. Шевченко Иосиф (1923)
904. Шевченко Логин (1922)
905. Шемиота-Полочанский Михаил Степанович (1922–1924)
906. Шершень Александр Симонович (1923–1927)
907. Шестакович Антон (1922–1923)
908. Шестиренко Борис Иванович (1922–1926)
909. Шестиренко Осип (1922)
910. Шестов Кирилл Александрович (1927–1928)
911. Шиллинг (Шилинга) Антоний (1922–1927)
912. Шиманчук Алексей Антонович (1927–1931)
913. Шингель Михаил (1924)
914. Ширченко-Чоповский Петр (1924)
915. Шифферс Анатолий (1927)

916. Шифферс Валерий Николаевич (1925–1928)
917. Шишко Борис (1922–1931)
918. Шишко Николай (1922)
919. Шишло Владимир (1921–1923)
920. Шмаро Василий Васильевич (1924–1928)
921. Шостак Афанасий (1922)
922. Шостак Владимир Владимирович (1924–1931)
923. Шпак Николай (1930–1933)
924. Шпак Сергей (1932–1939)
925. Штурич Евстафий Антонович (1924–1928)
926. Шукста Иван (1921–1923)
927. Шут Иван Ильич (1922–1926)
928. Эрдман Александр Михайлович (1925–1932)
929. Юзвюк Георгий (1931–1933)
930. Юневич Василий (1929–1932)
931. Юноцкевич Василий Николаевич (1922–1926)
932. Юноцкевич Григорий Николаевич (1924–1926)
933. Юшко Антон Михайлович (1923–1925)
934. Яблонский Александр Яковлевич (1926–1935)
935. Яблонский Алексей Яковлевич (1922–1931)
936. Яворский Александр (1928–1937)
937. Якимец Михаил Гавриилович (1925–1929)
938. Якимец Сергей Гавриилович (1923–1929)
939. Якимович Александр (1922–1924)
940. Яковлев Илларион (1923)
941. Якубовский Михаил (1922)
942. Якубовский Петр (1922)
943. Якубчик Василий Иванович (1925–1935)
944. Янель Борис (1931–1932)
945. Янушевич Виталий Александрович (1925–1926)
946. Яроцкий Георгий (1922)
947. Ярошенко (Ярошенок) Игнатий (1922–1924)
948. Ярошук Яков (1925–1927)
949. Ясинский Борис (1922–1928)
950. Ясинский Павел (1921–1925)
951. Ясинский Сергей (1921–1923)
952. Ясюль Петр (1922)
953. Яцкевич Иван (1921–1922)
954. Яцкевич Модест Иванович (1920–1921)
955. Ящинский Сергей (1925–1927)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Динамика успеваемости учащихся Виленской духовной семинарии в соответствии со средним баллом (1920–1939 гг.)*

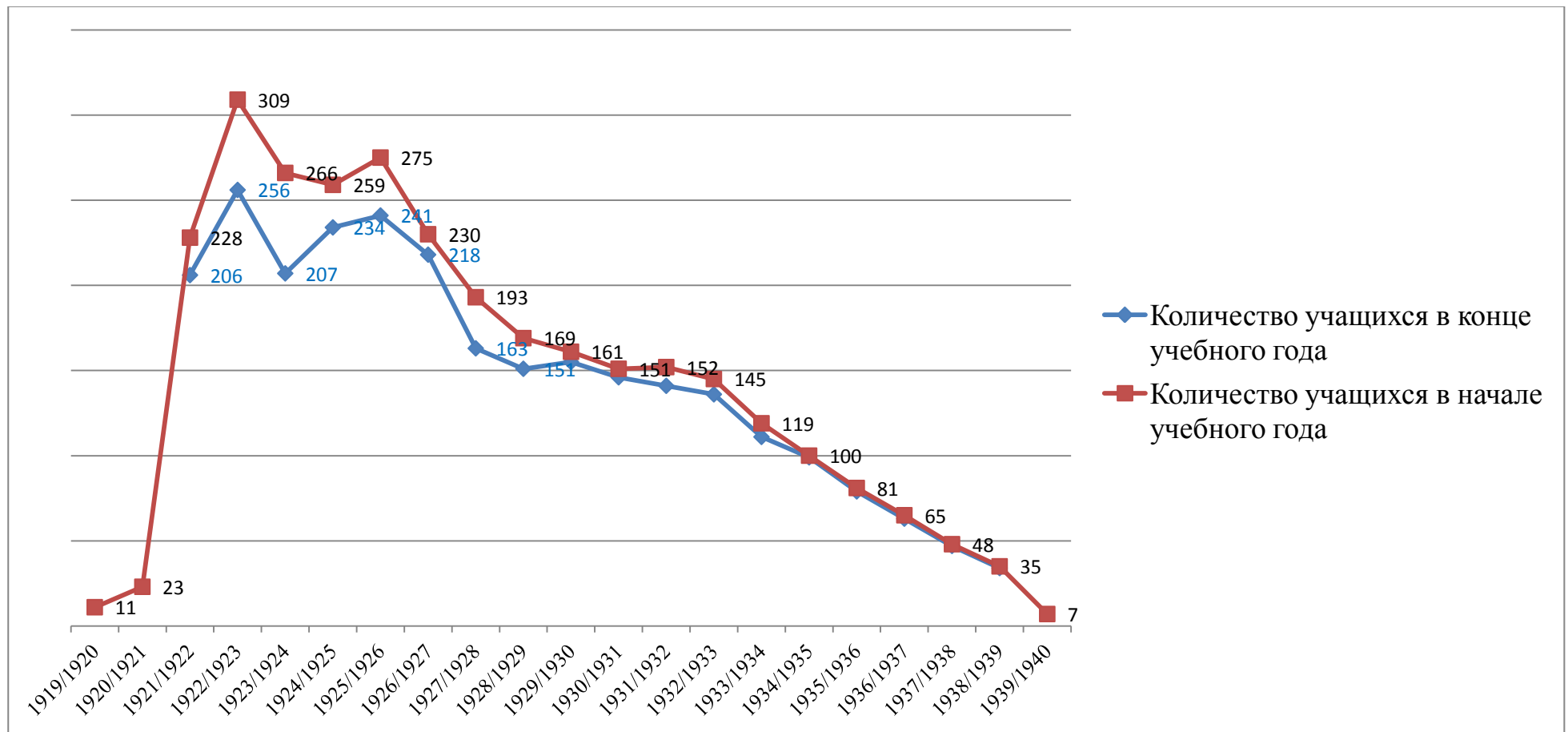

	1920 /21	1921 /22	1922 /23	1923 /24	1924 /25	1925 /26	1926 /27	1927 /28	1928 /29	1929 /30	1930 /31	1931 /32	1932 /33	1933 /34	1934 /35	1935 /36	1936 /37	1937 /38	1938 /39	1939 /40
Богословские предметы	3,84	3,98	3,6	3,67	3,42	3,44	3,3	3,1	3,34	3,4	3,29	3,33	3,34	3,34	3,4	3,45	3,71	3,5	3,64	3,79
Древние языки		3,38	2,91	2,78	2,99	2,9	2,94	2,83	3,08	3,05	2,95	3,18	3,1	3,19	3,29	3,58	3,33	3,6	3,4	3,65
Русский язык		3,26	2,83	2,7	2,94	2,73	2,92	2,94	3,04	2,89	2,98	3,01	3,15	3,11	3,4	3,5	3,6	3,53		
Белорусский язык		4	3,17	3,47	3,65	3,82	3,29	3,18	3,26	3,16	3,05	3,08	2,91	3,32	3,44	3,33	3,35	3,4	3,47	3,57
Польский язык		4,5	3,79	3,34	2,93	3,09	2,97	2,84	3,07	2,8	2,84	2,95	2,94	3,01	3,05	3,17	3,14	3,13	3,55	4,14
Предметы математики и естествозна ния		3,5	3,35	3,34	3,31	3,2	3,37	3,06	3,16	3,22	3,18	3,28	3,23	3,27	3,35	3,26	3,19	3,24	3,3	3,14
Общеобразо вательные гуманитарн ые предметы		3,87	3,67	3,67	3,16	3,31	3,31	3,17	3,24	3,08	3,28	3,19	3,12	3,14	3,39	3,39	3,46	3,48	3,5	3,14

* График и таблица составлены на основании данных из журналов и дневников (см. раздел «Журналы и дневники» в библиографическом списке).

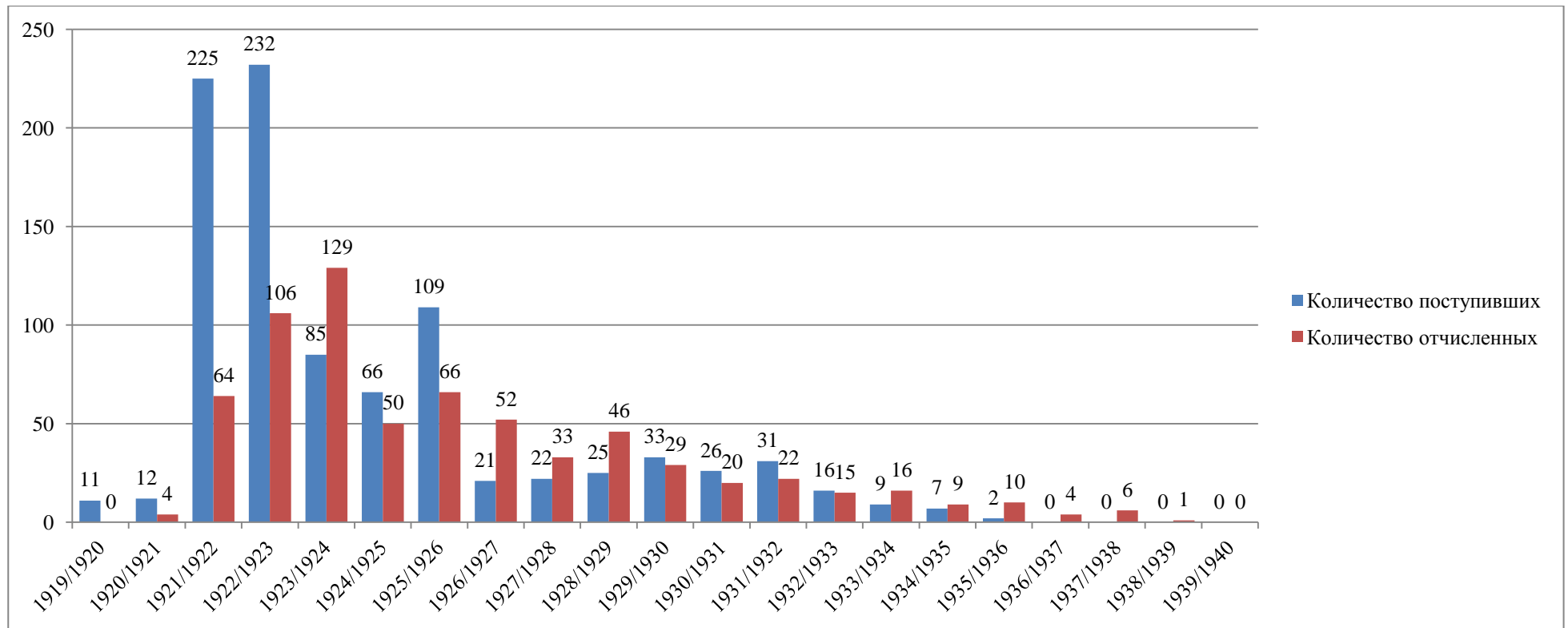
ПРИЛОЖЕНИЕ И

Динамика изменения количества учащихся Виленской духовной семинарии в 1919–1939 гг.*

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Динамика изменения количества поступавших и отчисленных из Виленской духовной семинарии (1919–1939 гг.)*

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

Количество пропущенных уроков и опозданий учащимися Виленской духовной семинарии (1923–1939 гг.)*

	1923/1924 уч. г.	1924/1925 уч. г.	1925/1926 уч. г.	1926/1927 уч. г.	1927/1928 уч. г.	1928/1929 уч. г.	1929/1930 уч. г.	1930/1931 уч. г.	1931/1932 уч. г.	1932/1933 уч. г.	1933/1934 уч. г.	1934/1935 уч. г.	1935/1936 уч. г.	1936/1937 уч. г.	1937/1938 уч. г.	1938/1939 уч. г.
Общее количество пропущенных уроков	24876	-	17941	17805	16426	12464	10968	12097	12262	16424	9221	5623	5023	4476	3146	1388
Количество пропущенных уроков в среднем на одного ученика	107	-	79	89	85	74	68	80	81	113	77	56	62	69	66	40
Количество опозданий	-	-	177	295	209	334	524	502	365	1041	535	418	606	353	161	225

* – графики и таблица из приложений «И», «К», «Л», составлены на основании данных из журналов и дневников (см. раздел «Журналы и дневники» в библиографическом списке).